

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Воспоминания о Сахарове

18

12

A blank ledger page with four columns and multiple rows of horizontal lines for writing. The columns are defined by vertical lines, and the rows are defined by horizontal lines. The page is yellowed and shows signs of age. A diagonal line is visible in the bottom left corner.

22

63.3(2)6

А65

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Воспоминания о Сахарове

«TERRA»

книжное обозрение

«TERRA»

Муниципальное отделение

Москва. 1990

63.3/2)63

ББК 84Р7
А65

Ответственный за выпуск Е.С.Аверин
Редактор-составитель Т.И.Иванова
Художник В.Ю.Марковский

В книгу вошли тексты первых Сахаровских чтений в г. Горьком, воспоминания людей, близко знавших Андрея Дмитриевича Сахарова, и другие, прежде не издававшиеся материалы.

ISBN 5-85255-024-8

© Издательский центр «ТЕРРА», 1991
© «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ», 1991

Вскоре после смерти Андрея Дмитриевича Сахарова через газету «Книжное обозрение» я обратилась ко всем, кто его знал: пишите воспоминания. Пишите сразу, пока все еще свежо, чтобы ничто не кануло в Лету. А мы — «Книжное обозрение» — будем публиковать их, соберем в книгу. Андрей Дмитриевич, Сахаров был великий человек. Воздействие его на всю нашу жизнь огромно. Наше общество до знакомства с Сахаровым и наше общество после знакомства с Сахаровым — два разных общества. Все, что написал, сказал, совершил Андрей Дмитриевич дорого, потому что и его труд, и его деятельность, и сама его жизнь теперь наше национальное достояние.

Читатели «Книжного обозрения» откликнулись на этот призыв с вдохновением: да, такая книга очень, очень нужна.

Воспоминания об Андрее Дмитриевиче Сахарове, опубликованные на страницах «Книжного обозрения», составляют значительную часть книги, которую вы держите сейчас в руках.

Одним из первых на призыв газеты откликнулся Борис Львович Альтшулер, близко знавший Андрея Дмитриевича Сахарова (из книги вам будет понятно, каковы были их отношения, в чем их суть). Борис Львович принес в редакцию ряд материалов, в частности, репортаж с митинга в г. Горьком, отчет с первых Сахаровских чтений. Это первый раздел книги. Здесь все еще очень болезненное, очень горячее: митинг и чтения были вскоре после похорон.

И надо благодарить Якова Иосифовича Альбера, Юрия Ивановича Беляева и Бориса Ефимовича Немцова не только за то, что они организовали митинг, открытие памятной доски и чтения. Но и за то, что мы можем прочесть, как все это происходило.

«Книжное обозрение» благодарит всех авторов, болельщиков и доброжелателей, всех участников создания этой книги. В том числе и издателей, работавших так быстро, как в государственных учреждениях не работают.

Добавлю: мне кажется, что эта книга — только начало. Может быть, первый том. Сколько еще будет книг в серии «Андрей Дмитриевич Сахаров в воспоминаниях современников», сейчас предсказать не возьмусь.

«Книжное обозрение» ждет писем, статей, воспоминаний.

Татьяна ИВАНОВА.

К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ КАТАСТРОФЫ (Вместо предисловия)

Трудность проблемы перестройки связана с ее нелинейностью.

*В.И. Арнольд.
«Теория катастроф»*

Помните историю о том, как в кузнице не было гвоздя и что из этой малости проистекло? Вот это и есть нелинейность: несоизмеримость причин и последствий. Жизнь нелинейна, история тем более. Илья Пригожин, удостоенный Нобелевской премии как раз за изучение систем, возникающих в условиях неравновесия и нелинейности (в условиях перестроек и катастроф, говоря языком современной математики), утверждает, что в нашем разупорядоченном «мире умеренной надежды» индивидуальные усилия каждого из нас не бессмысленны.

А нам, россиянам конца тысячелетия, исторический смысл усилий личности нагляден и без естественнонаучного обоснования.

Десятки и сотни авторов еще подведут итог этой великой жизни. Моя же забота совершенно иная: не итог жизни, а последствия катастрофы смерти. Потому что уход Сахарова — это тоже флуктуация в неравновесной системе, и влияние этой смерти на процесс перестройки непредсказуемо. Но можно все же попытаться очертить «огибающую» возможных последствий. Для этого важно осмыслить место Сахарова в раскладе политических сил. Но еще важнее, на мой взгляд, осмыслить некие качества сахаровской личности, ибо роль его определялась не только тем, «кто он был», но в огромной степени и тем, «кто он не был».

Когда совесть и честь интеллигента вывели его на защиту прав человека, это было продиктовано, мне кажется, настоящей физикой, которой он занимался всю жизнь. И на том же глубинном, скрытом от прямого наблюдения уровне.

Когда общество лишает человека естественных прав, разрушается фундаментальный уровень социума. Вещество человечества теряет все возможности выбора структуры и превращается в плазму субличного, безындивидуального. И только искусственные магнитные поля насилия и «морально-политического единства» удерживают эту недоличностную плазму в границах человеческого. А когда они ослабевают... но об этом читайте ежедневно в газетах. Такая вот социальная физика.

Так кем же не был Сахаров?

Он не был лидером партии, он вообще не был партионцем, природная непартийность была сущностной чертой его натуры (наблюдение Д.Гранина). Он не был «профессиональным революционером», борьба не была для него способом самоосуществления или существования. Диссидентство не несло ему ни имени, ни пути наверх (или вбок). Это был чистый труд совести. Самостояние человека.

Он не был и духовным вождем. Ни аятоллой, ни уж тем более мессией. Больше того: когда его узнала в лицо вся страна, когда вокруг него стала спланиваться политическая и духовная оппозиция, — он стал в этой среде фактором, как бы обеззараживающим ее от претензий на мессианство и аятоллизм. Боюсь, мы очень скоро почувствуем, что этого фактора больше нет.

Он не был, как бы понятнее сказать, центропупом — не считал, что мир вращается вокруг его творчества, его страданий, его гениальности, его призвания. Вот как он отозвался о своей работе, переведенной едва ли не на все языки мира: «...это компиляция либеральных, гуманистических и «наукоекратических» идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное («сырое») по форме...»

(Здесь уместно повиниться: в 69-м я был грешен помыслом против Андрея Дмитриевича. Интеллектуалистский эрудеж застил свет, и «неновизна» работы заслоняла мне ее нравственную ценность. Прошло немало лет, прежде чем я дорос до понимания сахаровского пути и креста.)

Но продолжим исчисление бесконечностей.

Сахаров, как стало ясно по его возвращении в общую жизнь, никогда не холил в себе комплекс Белого коня, на котором многие только и мыслят возвращаться. Ни белого коня, ни белого

фрака, ни белых одежд — просто возвратился, «пространством и временем полный». И не предъявлял никаких счетов. Это оттого, что он и не вел счета долгам за своей страной. Не числил себя в кредиторах. Не ждал времени предъявить счет с процентами, возврата морального кредита. Знал, видимо, что долги такого рода история отдает не тем, у кого берет.

Как большинство современников, я помню Сахарова по телевизору, помню мучительное косноязычие, рваное дыхание, муку негромкой речи в стране оглохших. Помню не воителя — столпника.

А иногда он был, как старое дитя в окружении здравомыслящих и занятых своими делами взрослых, которые могут и пожалеть ребенка, и жестоко наказать... Невыносимая картина, но мне нечем ее заменить. Святой и революция, столпник и политика несовместимы, а без святого что есть самое жизнь?

И вот его нет. «И все разрешено...»

Мы остались с другими людьми. Не только с теми, кому он противостоял, но и с теми, кому он предстоял. Среди которых много званых (нами к возвращению), да мало избранных к тому, чтобы между нас, человек, быть человеком. Каким был, при всей гениальности своей и святости, Андрей Дмитриевич Сахаров.

И в нелинейном мире умеренной надежды наша надежда стала гораздо умеренней.

Юрий КАШУК.

Сахаровские чтения в г. Горьком (первые в СССР) проходили 27—28 января 1990 года. Им предшествовал митинг по случаю открытия мемориальной доски на доме № 214, по проспекту Гагарина, где Андрей Дмитриевич жил с 1980 по 1986 год. Решение о проведении Недели памяти Сахарова в г. Горьком было принято на траурном митинге в девятый день после похорон.

В оргкомитет Сахаровских чтений вошли Яков Иосифович Альбер, Юрий Николаевич Беляев, Борис Ефимович Немцов (физики). Необходимо было изготовить мемориальную доску, организовать митинг, провести переговоры с участниками митинга и чтений (около сорока человек). В Горький должны были съехаться друзья и соратники Андрея Дмитриевича, народные депутаты, ученые, близко знавшие академика. Предстояло «вытребовать зал заседаний», организовать его техническое обслуживание в субботний и воскресный дни.

Оргкомитет действовал по принципу «делать все самим», на неформальном уровне, не обращаясь без крайней необходимости к городским властям. С ними сразу стало нелегко, как только они узнали о содержании мемориальной доски. Дело в том, что по согласованию с Еленой Георгиевной Боннэр решено было выбить такую надпись: «В этом доме с 1980 по 1986 год жил, находясь в ссылке, лауреат Нобелевской премии Мира Андрей Дмитриевич Сахаров». Партийные органы и городское управление культуры были против этой надписи, их не устраивало упоминание о том, что великий ученый и гражданин страны в советское время находился в Горьком в ссылке. (Такой будет надпись много-много лет!) Проводились бесконечные заседания, переговоры, совещания, оказывалось всяческое давление. Но оргкомитет настоял на своем.

Доску сделал кооператив «Стрелка» бесплатно, из черного мрамора, на высоком художественном уровне.

В конце концов состоялось все, что было намечено.

Вот как это было.

«В ЭТОМ ДОМЕ, НАХОДЯСЬ В ССЫЛКЕ...»

27 января 1990 года., г. Горький

Поднявшись на трибуну, председатель Горьковского горисполкома В.С.БОДЯКШИН говорит:

— Мы никогда не забудем тех, кто свою жизнь посвятил человечеству. Не может страна называться великой державой, если она не склоняет голову перед великим ученым, не могут горьковчане оставаться равнодушными к тем, для кого наступила трудная минута.

Сегодня представители общественности г. Горького, представители трудовых коллективов, гости собрались здесь для того, чтобы увековечить память великого ученого, крупного общественного деятеля, лауреата Нобелевской премии Мира академика Андрея Дмитриевича Сахарова, прожившего на проспекте Гагарина в доме № 214 почти семь лет своей жизни — после выселения его из Москвы.

Разрешите торжественный митинг, посвященный памяти Андрея Дмитриевича Сахарова объявить открытым и предоставить право открытия мемориальной доски в его память, в его честь прежде всего нашим гостям: народному депутату СССР Адамовичу, кандидату в народные депутаты РСФСР Ковалеву*, представителю горьковской науки академику Гапонову-Грехову и председателю Приокского райисполкома Макову.

Снимается белое полотно. На стене мраморная доска с надписью:

«В этом доме с 1980 по 1986 год жил, находясь в ссылке, лауреат Нобелевской премии Мира Андрей Дмитриевич Сахаров».

* На последовавших вскоре выборах С.А.Ковалев был избран народным депутатом РСФСР.

Цветы..

Ведущий митинг Б.НЕМЦОВ — старший научный сотрудник Горьковского научно-исследовательского радиофизического института, кандидат физико-математических наук (кандидат в народные депутаты РСФСР*):

— Нижегородцы! Все мы в большей или меньшей степени виноваты в том, что Андрей Дмитриевич так рано ушел от нас. Своими безразличием и трусостью, воспитанными за годы тоталитарного режима, мы способствовали тому, что лучшие сыны России были в ссылках и лагерях, а худшие их туда отсылали.

Я считаю, что сегодняшний день — первый шаг к покаянию. Первый шаг, который мы должны были сделать, чтобы заслужить прощение. Но не последний. Нам необходимо поднять голову и жить не по лжи. И тогда, может быть, тот ужас, который происходил здесь, в этом доме, больше не повторится. Есть те, чья вина безмерна. Они издевались над Андреем Дмитриевичем, следили за ним, обыскивали его квартиру, принудительно кормили его в больнице. Нам не следует уподобляться разъяренной толпе и кричать — распни. Но мы должны спокойно и твердо сказать им — уйдите в отставку, не гневите Бога. Они должны уйти, и уйдут.

Алесь АДАМОВИЧ, писатель, народный депутат СССР:

— Андрей Дмитриевич Сахаров, по биографии житель и Нижнего Новгорода, хотя это и печальная страница в его жизни. Он оттуда, из того времени, когда только отдельные люди решались в условиях несвободы, в условиях террора быть свободными людьми. Сахаров, Солженицын, Растропович... Таких личностей было не так уж мало. Им это дорого обошлось. Вы, горьковчане, свидетели, а теперь вот и этот дом, и эта доска будут свидетелями, как дорого им это обходилось. Но они выстояли. И показали,

* На последовавших вскоре выборах Б.Е.Немцов был избран народным депутатом РСФСР.

что может сделать один человек, только один, если он решится стоять до конца.

А.Д.Сахаров свой подвиг вершил недалеко от того места, где когда-то совершил и большой грех, создавая бомбу. Но век наш проклятый, даже святой человек должен участвовать в адской работе... И как бы издеваясь над ним, именно сюда его власти прислали.

Те самые власти, которые заставили его делать адскую работу. Они были в ярости. Ведь Сахаров участвовал в страшном деле. И вдруг понял, что отдал мощнейшее оружие в руки безответственных политиков, таких же безответственных, как и во всем мире. И еще одно он ясно понял: если теперь же не добиться того, чтобы общество — закрытое, рабское, тираническое общество — стало свободным, то правительство, владеющее страшным оружием, может погубить и свой народ, и человечество. И тогда он отдал всего себя, чтобы добиться свободы для нашего несвободного общества, чтобы наше закрытое общество стало открытым.

В точном соответствии со своим характером очень мягкого, интеллигентного, доброго человека он избрал удивительный путь, называвшийся безнадежным. В стране, где система власти убила почти 60 миллионов человек, если не больше, он стал защитником каждого из тех, на кого замахивались. Ярость и гнев властей можно понять. Ведь они привыкли убивать тысячами и миллионами. И вдруг кто-то хватает их за руку, когда они отдельного, одного человека лишают прав, сажают в тюрьму, над одним издеваются. Он избрал этот удивительный путь — защита каждого. И это был путь к тому самому правовому обществу, к которому мы все сейчас устремились.

В Москве прошли вечера, митинги в память Андрея Дмитриевича Сахарова. Люди пытались разобраться сами и объяснить всем, что же это была за личность, что за человек среди нас, кого же мы, несвободные, почти рабы, породили, и кто от нас ушел, так до конца и не понятый. Он пришел из несвободного времени. И в наше время, когда появились ростки свободы, он нас учил оставаться здоровыми, нормальными, уравновешенными людьми, не погубить эти драгоценные ростки, возвращенные и взлелеянные усилиями таких, как он.

Я вот был в Вашингтоне, видел площадь Сахарова, сейчас в Страсбурге Европейский парламент создал премию А.Д.Сахарова. Имя Сахарова становится знаком нашего времени во всем мире. Думаю, что и вы после открытия этой памятной доски дадите имя Сахарова вашей главной площади. Надеюсь, что вы нас опять позовете. Спасибо вам.

В.ЯДВОРЖЕЦКИЙ член правления Горьковской организации Союза театральных деятелей, председатель секции ветеранов сцены:

— Нижегородцы! Друзья!

Очень хочется думать, что сегодня здесь собрались именно друзья! Но это, к сожалению, не так... На траурном, торжественном собрании, посвященном памяти Андрея Дмитриевича Сахарова, присутствуют не только единомышленники. Что ж, неудивительно... Мы все слишком много лет подвергались идеологическому воздействию, которое перевернуло понятия Добра и Зла, Правды и Лжи. Подозрительность, недоверие, страх привели нас к взаимной враждебности. И сейчас очень трудно разобраться в жизни... Тревожное время... Нетерпимость.

Куда идти? Мудрец, Пророк — Андрей Дмитриевич видел дорогу, указывал путь к Добру и Правде. А кто к нему прислушался? Кто ему верил? Что я сейчас могу сказать об этом Великом Человеке? Какое право у меня? Где я был вчера? Где все мы были? Мы проходили мимо, мимо Его идей и мимо этого дома-сылки. Проходили отворачиваясь, стараясь не возбудить подозрение охраны. Мы спешили. Спешили выразить свою «верноподданническую лояльность», присоединиться к обвинениям, торопились бросить свой «камень»... И убили Его! Убили Совесть народа! Он за нас пошел на крест. За наше благо... За нашу жизнь! За узников совести, за афганцев, за спасение земли нашей измороженной, за Мир!

Господи! Да как могло сердце Его вместить все горе страны нашей многострадальной?! Вечная слава! Вечная память Ему, лучшему человеку нашего времени.

Мне 80 лет. Вся история революции, 15 лет ГУЛАГа... В 37-м году, на первых выборах в Верховный Совет мы говорили:

«Мы знаем людей и видим дела, и правду мы сердцем чуем. За сталинский путь, прямой как стрела, мы все, как один, голосуем!» Проголосовали...

И сегодня инерция «прямого пути» во всех нас еще крепка. Сахаров призывал преодолеть эту инерцию.

Что же теперь? Как нам дальше жить? Вот начинаются выборы в местные органы власти. Непременно надо выбрать самых честных, самых достойных людей... Друзья мои! Если только мы поймем по-настоящему, какое богатое, какое ценное наследие оставил нам Сахаров, ведь мы будем жить лучше. Ведь в его наследии духовность, чистота взаимоотношений, любовь друг к другу... Почему мы хватаем друг друга за горло вместо того, чтобы в глаза посмотреть, посмотреть в глаза, почувствовать правду и правде служить?..

С.А.КОВАЛЕВ, правозащитник:

— Каждый человек — вселенная. Прекрасный и бесконечно добрый мир, которым был Андрей Дмитриевич Сахаров, — погиб.

На этом доме — мемориальная доска. Я не был пока в квартире. Говорят, что она вполне благоустроенная. И все-таки не забудем: мы открыли мемориальную доску на камере. На благоустроенной камере. Здесь не было карцера, но было то, что называют беспределом. Был наглый цинизм, были издевательства. Ни встречи без контроля, ни шага без провожатых, ни одного непрочитанного письма. А сколько писем пропало! А сколько было нагло фальсифицировано!

Он был у дверей судебного зала, когда я имел высокую честь быть подсудимым. В тот день Сахаров должен был произнести Нобелевскую речь.

Он сидел с каждым из нас. Со всеми, с кем он дружил, и с теми, кого вовсе не знал. Он умер вместе с Анатолием Марченко, я это отлично знаю. Он чувствовал чужую боль, как собственную. Был у него такой высокий дар. Вот этот дар и еще дар беспристрастного, бесстрашного и бескорыстного поиска истины и были главным, что поставило его за грань чуда.

На каждой камере, на любом бараке в зоне могла бы быть мемориальная доска. Думаю, что на каждой из досок незримо, но явственно проступало бы имя Андрея Дмитриевича Сахарова.

За многие годы нашего знакомства я не слышал от него патетических слов. Было одно исключение, несколько раз я слышал и читал слово — «умоляю». Оно никогда не относилось к нему самому.

При знаменитом телефонном разговоре с Горбачевым было произнесено это слово: «Я вас умоляю, — сказал он, — освободить всех сидящих без вины».

Сахарову хотели вернуть правительственные награды. Но он отказался их принять. Он заявил: «Это акт реабилитации, я не могу его принять один». Такова была его позиция, такова была его последняя воля. Не забудем: есть еще те, кого называют политическими заключенными.

Все, что не успел доделать великий человек, ложится на наши плечи...

Ю.А.КАРАБЧИЕВСКИЙ, правозащитник, писатель:

— Мы все виноваты перед Андреем Дмитриевичем. Виноваты и жители Горького. Но, думается мне, не больше других. Его ведь могли сослать и в Пензу, и в Петропавловск-на-Камчатке. Вся наша страна — большая Зона, место общей ссылки и общих мучений.

Да, горьковчане не больше других виноваты перед Сахаровым, но и гордиться им тоже, я думаю, нечем.

Я хотел бы предостеречь от ложного чувства: вот какой у нас город знаменитый, здесь свой срок Андрей Дмитриевич отбывал. Быть местом ссылки — не великая честь...

Гордиться нечем, но есть, на что надеяться. Потому что сегодня перед вашим городом открывается в самом деле уникальная возможность: стать городом Сахарова. Нет, я имею в виду не новое название, упаси нас Бог от переименований, разве что обратно, в Нижний Новгород... Не надо, думаю, называть именем Сахарова ни площади, ни улицы, ни дома культуры. Беру на себя смелость утверждать, что Андрей Дмитриевич не одобрил бы это-

го. И не надо сооружать никаких памятников, тем более что все они у нас уродливы, хорошие-то мы так и не научились ставить... Но город Горький, Нижний Новгород, хранящий острую, покаянную память об академике Сахарове, может стать подлинным городом Сахарова — таковы могут быть его роль и место в жизни страны. Сегодня и вообще есть ощущение, что центры гражданской активности перемещаются из географических центров сюда, на периферию.

Роль вашего города может и должна стать уникальной.

Каждый может прийти к этому дому, поклониться святому месту и спросить себя, попытаться себе представить, что сказал бы сегодня Андрей Дмитриевич, как оценил бы он то или иное событие, в чем увидел бы главную беду и главную опасность.

Я сейчас задаюсь этим вопросом, и, думаю, вы со мной согласитесь, что главная сегодня опасность, объединяющая все другие опасности, — угроза фашизации страны. Угроза концентрации власти в руках ксенофобов, людей, ненавидящих все чужое, все непривычное и непохожее, не сводящееся к одной, заранее принятой схеме.

Нет сомнения: Андрей Дмитриевич выступил бы против этой главной опасности, подсказал бы нам необходимые поступки и верные слова. Но коль скоро нет его больше с нами, придется нам думать самим и самим действовать...Здесь, на митинге, чувствуя общую нашу вину перед Андреем Дмитриевичем, мы должны, мне кажется, с особой остротой ощутить свою вину и перед всеми другими, за кого не вступились, кого не защитили. Мы должны покаяться не только в том, что сделали дурного, но и в том, чего не сделали доброго, покаяться в собственной слепоте в прошлом и пассивности в будущем. Мы должны признать нашу общую вину и осознать личную вину каждого, потому что даже здесь, в этой толпе, могут быть обиженные и притесненные, которых только еще ожидает наше отчуждение и равнодушие. Пусть же наше покаяние будет направлено не только в прошлое, но и в будущее, пусть оно диктует нам наши слова и поступки — это будет лучший наш памятник Андрею Дмитриевичу.

И пусть отсюда, из Нижнего Новгорода, всегда исходит сахаровское мужество, сахаровская прямота и мудрость.

С этой надеждой, с этой особой возможностью, сегодня, вспоминая Андрея Дмитриевича, тоскуя по нему, я все-таки вас поздравляю!

Д.Г.ЮРАСОВ, студент, один из создателей «Мемориала»:

— Уважаемые нижегородцы! Хочу начать издалека. Когда я учился в школе, нас, как в школе и сейчас, сгоняли на политинформации и там по публикациям в газетах натаскивали на Сахарова. Нам объясняли, какой он плохой. Потом появилась книга «ЦРУ против СССР». Мы эту книгу должны были читать перед политинформацией, и мы по ней узнавали страшные подробности...

А потом я оказался на встрече с автором книги Н.Н.Яковлевым в библиотеке имени Некрасова. Дело было еще до перестройки. Я спросил Николая Николаевича: «За что Сахаров дал вам пощечину, когда вы приезжали в Горький?». Он что-то невразумительно ответил, типа того, что у них там в семье с Боннэр так поставлено...

Книга была выпущена несколько раз огромными тиражами, клевета распространялась по всему Союзу.

Вспоминаю трагическую обстановку на Съезде народных депутатов, вспоминаю разговор, который слышал в очереди в магазине: «Ну что это Сахарову так уж надо?» — такой обывательский разговор. «Что он так переживает, так лезет на трибуну, чего ему не хватает?».

То же самое раньше было с В.С.Высоцким: «Ну чего же он так надрывается, ну все же всем понятно!» Вот этот обыватель — он здесь, он никуда не делся, он сидит во многих из нас.

Вспоминаю Челябинск. В Челябинске я был вместе с Сахаровым и Старовойтовой по приглашению местной инициативной группы «Мемориал». Там обнаружилось огромное, просто колоссальное захоронение, буквально десятки тысяч людей, сброшенных в ямы при массовых расстрелах. А.Д.Сахаров там сказал замечательную фразу, что мы забываем, когда спорим, сколько миллионов погибло, о том, что важна и одна человеческая жизнь, ни за что ни про что загубленная...

Это митинг памяти Сахарова, значит, уместен разговор о «Мемориале». Ведь «Мемориал» до сих пор не зарегистрирован, как Всесоюзное общество он не существует. Правда, можно спросить: а партия зарегистрирована? а комсомол зарегистрирован? а профсоюзы зарегистрированы? Почему возникает этот вопрос?

А.Д.Сахаров ставил вопрос о регистрации на сессии Верховного Совета СССР. Предлагал зарегистрировать «Мемориал», не дожидаясь закона об общественных организациях, как общественное течение, наиболее поддерживаемое в стране, как течение, охватившее страну. В «Мемориале» сегодня многие десятки тысяч людей. У нас более 170 филиалов. И тем не менее регистрации не происходит.

На похоронах Андрея Дмитриевича у здания президиума Академии наук М.С.Горбачев говорит Елене Георгиевне Боннэр: «Елена Георгиевна, мы доску поставим на ФИАНе». Она отвечает: «Дайте команду зарегистрировать «Мемориал». «Хорошо», — пообещал М.С.Горбачев. Но и после этого «Мемориал» все-таки не был зарегистрирован как всесоюзная организация. Правда, команда поступила, и был зарегистрирован Московский «Мемориал». Не было бы и этого, если бы не смерть Сахарова, если бы не просьба Елены Георгиевны Боннэр.

Сейчас мы с вами, товарищи, в трудном положении. Предстоят выборы в местные Советы, и партийный аппарат делает все (я говорю по своему опыту), чтобы протащить своих людей. Апатия в народе сегодня очень сильна, и она понятна: кредит доверия народным депутатам не оправдывается. Выдвигались прекрасные программы. Но после первого, а особенно после второго Съезда народных депутатов стало ясно, что ничего не выходит.

Нам предоставляется еще один шанс — выборы в местные Советы. И я прошу вас выбирать демократически настроенных кандидатов, не поддаваться на уловки аппаратчиков, потому что, если мы эти выборы проиграем, лучше не будет — будет гораздо хуже. Мы должны создавать демократический корпус в местных Советах, чтобы те законы, которые не идут на союзном уровне, шли на местном уровне, подталкивали Верховный Совет Союза к кардинальным решениям.

Сахаров был одним из руководителей межрегиональной группы. Группа, как известно, подвергается беспрецедентной

травле. Практики общенациональных референдумов у нас нет, но рейтинг, проведенный газетой «Аргументы и факты», показал, что именно члены межрегиональной группы пользуются активной поддержкой. И первое место принадлежало Сахарову, за ним шли другие руководители межрегиональной группы.

Так что же происходит в стране? Межрегиональная группа находится в меньшинстве на Съезде, но она поддерживается большинством в народе...

Поддержите, поддержите демократически настроенных кандидатов, поддержите людей, которые идут не от аппарата, поддержите независимых. Только это, мне кажется, может стать гарантией перемен. И перемены должны начаться именно на местном уровне, ведь именно на местном уровне идет сопротивление, не дающее развернуться перестройке...

А.Е.ШАБАД, доктор физико-математических наук, кандидат в народные депутаты РСФСР*, ФИАН:

— Дорогие горьковчане, позвольте мне вас поздравить... Да, я говорю именно о поздравлении. Потому что мы в Москве с затаенным дыханием следили, как вы боретесь за то, что сегодня стало фактом, — за открытие этой мемориальной доски. Не просто доски, а такой, на которой ясно написано: Андрей Дмитриевич здесь, в Горьком, был не в творческой командировке, не в отпуске, не в санатории. Здесь он был в ссылке. Ваша борьба увенчалась успехом.

Некоторые говорили, что дело, может быть, не только в том, что сопротивляется бюрократия... Может быть, сами горьковчане против, может быть, им обидно, если будет выставлено напоказ, что их город — один из крупнейших центров российского интеллекта — был местом ссылки, и теперь каждый горожанин должен чувствовать себя ссыльным?! Я благодарю вас за то, что вы переступили через незаслуженную вами обиду. Это мужество.

* В настоящее время — народный депутат РСФСР.

Ю.А.МАРЧЕНКОВ, секретарь горкома КПСС:

— Уважаемые товарищи! Сложное и тяжелое время переживает наша страна. В обществе идет очищение. Оттого, что мы с вами разучились нормально говорить друг с другом, мы потеряли чувство товарищества и дружбы.

Тяжело идет перестройка, тем более что уходят из жизни такие люди, как Андрей Дмитриевич Сахаров. Он был величайшим ученым, очень много сделал для науки, и надо прямо сказать: очень своевременно понял, что мир должен быть освобожден от оружия массового уничтожения. Борьба, которую он начал, не получила поддержки. Мало того, что она не получила поддержки, она вызвала осуждение. Таких людей исключали из активной общественной жизни... А потом двести научно-исследовательских институтов выдвинули Андрея Дмитриевича народным депутатом...

Мы наблюдали работу двух Съездов, когда Андрей Дмитриевич, проявляя гуманность, человечность, переживая за нашу родину, боролся за очищение. Непросто дело делалось... Я вам скажу, товарищи, он был очень мягким, душевным человеком, но человеком твердой души, твердой направленности, и мы все должны учиться именно у таких людей. Тут, товарищи, говорили — гордиться или не гордиться будет город Горький тем, что Андрей Дмитриевич у нас находился...

Я думаю, он уже вошел в историю нашего города. Нам надо учиться, как он нас учил. Нам надо идти не на конфронтацию, а на объединение для решения всех вопросов для нашего Советского Союза и всего мира.

Вопрос участника митинга:

— *Пожалуйста, скажите, что лично вы сделали для того, чтобы Андрею Дмитриевичу было легче и свободнее в нашей казарме?*

Ответ:

— Я думаю, мне сложно сказать, что сделал я лично... Я работал тогда на заводе «Красное Сормово».

Б.Х.КОВАЛЬ, лесовод, друг Сахаровых:

— Здравствуйте! Меня зовут Бэла Хасановна Коваль. Я — москвичка. В Горьком была трижды, не считая сегодняшнего приезда по случаю открытия мемориальной доски и первых в Союзе Сахаровских чтений. Приезжала навестить Андрея Дмитриевича и Елену Георгиевну. Естественно, по собственному желанию, из дружеских побуждений, не испрашивая на то разрешения ни у московских, ни у горьковских властей, потому что это было бы противоестественно. Каждая поездка памятна по-своему.

Первая, в июне восьмидесятого года, совпала с командировкой по институтским делам. Днем я работала, а по вечерам ходила к дому 214. Я знала, что Андрей Дмитриевич один, что Елена Георгиевна должна приехать из Москвы на машине. Заглянув в подъезд, я лишний раз убедилась в том, что отлично знала: беспрепятственно пройти невозможно. Я благоразумно решила не беспокоить А.Д. раньше времени, не устраивать бессмысленных словесных баталий с бессменным часовым у дверей квартиры. Дождалась, когда Е.Г. подъехала к дому на машине и стала разгружаться. И тут мне чрезвычайно повезло. Милиционер вышел из подъезда и встал чуть в стороне за моей спиной. Е.Г., придя за второй партией привезенных вещей и не видя милиционера, вдруг крикнула: «Белка, беги, милиционера нет!» И я, конечно, помчалась в квартиру: оттуда уже не выгонят.

Я не только повидала А.Д. и Е.Г., но и заночевала у них. Мне показали все хозяйство. Мы так и ходили втроем по квартире. В одной комнате мне запомнился большой, в рамке, рисунок, изображавший могучее дерево с корнями, стволом и густой кроной. Это было древо жизни — родословная Сахаровых.

Были разговоры на кухне, почти как в Москве. Квартира приличная, непривычно большая, чистая. Е.Г. успела вложить в нее душу. Она любила говорить: где мы — там и наш дом. Они были здесь, значит, это был их дом. Летом восьмидесятого года еще не было краж и обысков, не было вмонтированных киноустановок. Внешне все выглядело прилично. Если, конечно, не замечать милиционера под дверью, а за балконным окном — опорного пункта милиции. То есть более удобной позиции для круглосуточной слежки просто не придумать...

Утром следующего дня А.Д., не слушая моих протестов, проводил меня до остановки и посадил в автобус. Я уехала в тот раз благополучно, без видимых последствий, счастливая и довольная.

Второй раз я приехала в Горький в ноябре 1981 года, когда Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна проводили первую голодовку, требуя визы для выезда Лизы Алексеевой. Эту поездку тоже считаю удачной. Подходя к дому, я издали увидела А.Д. и Е.Г., тепло одетых, на балконе. Так они «гуляли» в период голодовки. Это было для меня большое везение. Я подошла к балкону...

Однако наше общение продолжалось не более трех минут. А.Д. и Е.Г. заставили меня уйти, они боялись за меня.

Очень неохотно, еще не понимая их страхов, я поплелась к автобусу, села, купила билет... И как-то сразу, боковым зрением, почувствовала неладное. Автобус обогнала машина, подающая сигналы водителю. Стало ясно, что это за мной. Автобус, не доезжая остановки, затормозил, вошли два молодца, третий, оказывается, уже стоял за моей спиной. Меня попросили выйти. В таком составе мы отправились в опорный пункт милиции. А.Д. и Е.Г. все еще оставались на балконе. Я крикнула им только потому, что мне приказано было молчать. Но они и так все видели.

Мое сердце разрывалось: в данный момент я была причиной их страданий. Сама-то я совершенно успокоилась, не было страха. Они, друзья, были со мной, совсем рядышком, за стенкой...

Дальше был семичасовой допрос, сначала в опорном пункте, потом в отделении милиции. Допрашивал капитан Снежницкий. Припомнил мне первую поездку. Доверительно убеждал меня, что Сахаровы перед голодовкой запаслись продуктами, что он сам видел, как Е.Г. таскала тяжелые сумки. Это было такое откровенное хамство клеветой, что не приходилось сомневаться, с кем имеешь дело. От личного досмотра и милицейского карцера, которыми мне все время угрожали, меня спас листок бумаги, затесавшийся в сумочку, которую я тщательно выворачивала перед поездкой в Горький. Это был черновик письма на имя известного западного политического деятеля, к которому обращалась с мольбой о помощи мать одного политзэка, отбывающего свой срок в пермских лагерях. Криминал с точки зрения ГБ. Они успокои-

лись, что хоть что-то нашли. И порешили передать мое дело в Москву. Не было личного обыска, и благодаря этому удалось вывезти в Москву письмо, которое Елена Георгиевна передала мне с балкона.

Меня посадили в машину, та же тройка, угрожая оторвать мне руки-ноги, если я еще раз приеду в Горький, отвезла в аэропорт, купила билет и посадила в самолет. Дома был уже отключен телефон. Районный УВД выделил мне куратора. На работе администрация института начала широкую, разнообразнейшую и длительную, до 1987 года, кампанию по выживанию меня из стен института, вплоть до запрета на профессию. Все вместе взятое настолько характерно для ГБ, для любого административного аппарата, всегда бездумно послушного ГБ, что, конечно, банально и рассказывать неинтересно.

Еще раз я приехала в Горький в середине мая 1984 года, когда стало известно о возбуждении уголовного дела против Елены Георгиевны и голодовке Андрея Дмитриевича за выезд на лечение Е.Г. Это было очень страшное время. И поездка была страшной, потому что безрезультатной. Не сказав ничего своим домашним (боялась подслушивающего телефона), я вышла из дома рано утром и поехала в Горький на перекладных. До дома 214 добралась, когда уже стемнело. Прямо перед балконом стоял загораживающий его большой фургон, а под вторым окном стоял милиционер, значит, нельзя было даже приблизиться. Темнота в окнах и незашторенные занавески говорили об отсутствии хозяев. Но мне чудился какой-то огонек внутри, как будто горит настольная или ночная лампа. Правда, я не была уверена, что мне не кажется.

Вернулась на остановку, снова приблизилась к дому, и опять не смогла понять... Тогда я перестала всматриваться и попыталась переключиться на интуицию. Безрезультатно. В такой жуткой атмосфере она не срабатывала.

В кружениях вокруг этого дома я физически, всеми фибрами, ощущала ужас тоталитарного режима, сгустившегося вокруг меня в виде удивительно холодного для середины мая и темного вечера, заставлявшего дрожать, чувствовать себя униженной и раздавленной как червяк. Было отвратительно вдвойне еще от того, что накануне в центральной «Правде» мне попала статья Геса Холла, лидера компартии США, который всю поливал на

весь мир своего президента, правительство и порядки в стране. И лезли мне в голову до смешного простые мысли: почему ему можно даже это, а мне нельзя просто узнать о судьбе дорогих людей. Мне же ничего не надо, мне только узнать, что случилось, почему пустые окна...

Наверное, надо было кричать, прорываться к двери. Но я, вся окутанная страхом, так и не посмела... Уехала с первым утренним поездом, позвонив за десять минут до отхода по одному горьковскому телефону. Но и там ничего не знали о судьбе Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны. С этого времени, с мая 84-го, началась полнейшая их изоляция от внешнего мира, настоящая горьковская черная дыра...

Между горбачевскими звонками — телефонным в Горький 15 декабря 1986 года и председательским за спиной Андрея Дмитриевича, в последний раз стоящего на трибуне второго Съезда народных депутатов СССР, — прошло ровно три года. За это время, я абсолютно уверена, проснулось сознание и человеческое достоинство у очень многих моих сограждан. Я благодарна горьковчанам за этот митинг, за остающуюся в городе память об Андрее Дмитриевиче Сахарове.

Юрий ФЕДОРОВ, поэт:

— На этом месте стояли деревья, которые посадил Андрей Дмитриевич, их вытоптали. Но вытоптать его память невозможно. Его имя в переводе с греческого означает победитель или мужественный. Он победил. Пользуясь вашим благосклонным вниманием, хочу прочесть коротенькие стихотворения, посвященные его памяти.

ГУМАНИСТЫ

Замела секретная пороша
Бугорки нenumerованных могил.
Имена, растоптанные в прошлом,
Милосердно циркуляр восстановил.
Ах, с каким размахом проявляем
Деликатность и покладистость во всем!

Без вины сначала расстреляем,
Чтоб уверенно помиловать потом.

ХРИСТОС И АНТИХРИСТ

Время в душу стучится
И душой — не криви!
Как могло так случиться —
Взорван Спас-на-Крови
И чумная зараза
Ослепила людей?
Мой беспомощный разум
Бьется в клетке идей
И не видит просветов
В узаконенной лжи —
Пыль железных декретов
На руинах лежит,
Как к магниту, прилипла —
Даже шквалом не сдуть
Всероссийского лиха
Большевистскую суть.
И лишь в сердце притихшем
Есть ответ на вопрос:
Чем чернее антихрист —
Тем светлее Христос!

ЗАВТРА

Торжествует однозначность примитива,
Но в любом начале — свой конец.
Сфокусирован потенциал тротила
В глубине униженных сердец.

И совсем неважно, справа или слева
Фюреры идейных диктатур, —
В будущее вкручен детонатор гнева,
И дымит, шипя, бикфордов шнур.

В.Ф.БИЛЮБА, доцент Горьковского политехнического института, кандидат физико-математических наук, народный депутат горсовета:

— Нижегородская земля была матерью и мачехой для Андрея Дмитриевича. Матерью потому, что здесь его великий научный талант расцвел, мачехой потому, что здесь была его ссылка.

Зачем нам так нужен сейчас Сахаров, зачем мы здесь проводили митинги — в день похорон, на девятый день, на сороковой?.. Говоря «нам», я имею в виду клуб избирателей г. Горького «Гражданская инициатива», городское объединение кандидатов в депутаты «Кандидаты за демократию». Хочу ответить сам на этот вопрос, но вначале поставлю еще другой.

Где, объясните мне, отечества отцы, которых мы должны принять за образцы? — говорил поэт. Не те ли, что разорили крестьянские хозяйства, разорили крестьянские семьи, расстреляли потом лучших людей из интеллигенции, из военных, а затем погрязли во лжи, в коррупции?.. Не с них ли брать пример?

Светлый облик Андрея Дмитриевича для всех нас, для наших детей стал достойным примером, воспитующим честность, смелость, принципиальность и отвагу. К сожалению, не вернуть те 60 миллионов, а я слышал о 100 миллионах погибших. У нас выбили интеллект и генетически ослабили наш народ, и поэтому нам нужно сейчас подумать о том, чтобы не быть люмпен-пролетариями, которые думают только о работе, хлебе и зрелищах. Нужно вспомнить о том, что мы еще граждане и несем ответственность за свой город, за Нижний Новгород, за свой район, улицу. Несем ответственность за то, чтобы в нашей стране наши выборы наконец-то изменили ситуацию и в нашем городе.

Поэтому я хочу вспомнить о том, что Андрей Дмитриевич был великим гражданином. И я не согласен с тем, что не нужен памятник Андрею Дмитриевичу. Да, он был человеком тактичным, что нужно учитывать. В этом доме, когда здесь сидел милиционер, Андрей Дмитриевич всегда при встрече говорил «здравствуйте», а тот ему не отвечал. Это не красит нашу милицию, хотя я понимаю ее ответственные и важные задачи.

...Я хочу напомнить о том, что должен быть установлен день памяти Андрея Дмитриевича Сахарова. Мы приняли это ре-

шение на сороковины. День памяти Андрея Дмитриевича Сахарова должен быть, он все равно будет, рано или поздно, вы понимаете это. У американцев есть день памяти защитника негров Мартина Лютера Кинга. У нас должен быть день памяти нашего правозащитника Андрея Дмитриевича Сахарова — 21 мая каждого года.

Поэтому я предлагаю всем проголосовать, чтобы у нас был этот праздник. Кто за, прошу голосовать. Кто против?.. Воздержался?.. Нет! Спасибо.

Ю.Г.МАЛЬКОВ:

— Когда был жив Андрей Дмитриевич Сахаров, дух его нравственный и явный повелевал духом и нравственностью перестройки. Он вдохновлял отчаявшихся, выводил на свет заплутавших, был рядом со всеми. И поэтому он был легко любим и легко ненавидим. Казалось, такой же, как все мы, смертные. Только его кончина, как бывает всегда с великими, очертила эту громадную личность поистине в астрономических масштабах.

Жизнь достойная. Да, Андрей Дмитриевич прожил достойную жизнь. Сегодня мы отдаем дань памяти великому человеку, великому ученому, борцу за справедливость, борцу за права народа.

Нужно в Горьком создать общественный комитет по правам человека и продолжить дело Андрея Дмитриевича Сахарова.

Еще вопрос к тем, кто повинен в травле величайшего человека современности. Выставили многих из них, более четырехсот человек, кандидатами в народные депутаты. Чтобы смыть пятно позора, они должны сейчас же отказаться от выдвижения кандидатами в народные депутаты.

Голоса: — Правильно!

Б.Л.АЛЬТШУЛЕР, кандидат физико-математических наук, ФИАН:

— Здравствуйте! Я хочу рассказать о том, чего большинство, видимо, не знает. Знаете ли вы, например, что Андрей Дмит-

риевич Сахаров связан с Нижним Новгородом своими корнями? Его прадед, Николай Иванович Сахаров, был протоиереем в Арзамасе, в селе Выездное. Там родился дед Андрея Дмитриевича, Иван Николаевич, который потом уехал в Москву. В середине семидесятых годов прошлого века семья, в которой было десять детей, переехала в Нижний Новгород. Здесь Николай Иванович служил. За несколько лет перед смертью, в 1911 году, нижегородское духовенство выбрало его духовником.

Он был очень уважаемым человеком.

Вот что пишет о прадеде Андрея Дмитриевича его дочь, двоюродная бабушка Сахарова, Надежда Николаевна Райковская, всю жизнь прожившая в Нижнем Новгороде: «Он был и оставался до конца дней своих очень добродушным и скромным человеком. В его молитвеннике, который он всегда носил с собой везде в кармане, была надпись на первой странице — никого не оскорбляй, что значило, не делай никому скорби, горя». Таков был и Андрей Дмитриевич Сахаров.

Теперь давайте перенесемся через сто лет, в 1984 год. Сахаров в больнице. Вот как он об этом пишет. Один абзац из письма президенту Академии наук академику Александрову о событиях мая 1984 года: «Способы принудительного кормления менялись, отыскивался самый трудный для меня способ, чтобы заставить меня отступить. 11—15 мая применялось внутривенное вливание питательной смеси. Меня валили на кровать и привязывали руки и ноги. В момент введения в вену иглы санитары прижимали мне плечи. 11 мая (в первый день) кто-то из работников больницы сел мне на ноги. 11 мая до введения питательной смеси мне ввели в вену какое-то вещество малым шприцем. Я потерял сознание. Когда я пришел в себя, санитары уже отошли от кровати к стене, их фигуры показались мне странно искаженными, изломанными, как на экране телевизора при сильных помехах. Как я потом узнал, эта зрительная иллюзия характерна для спазма мозговых сосудов или инсульта».

После этого он был на грани смерти. Тогда же О.А.Обухов, врач Горьковской областной больницы им. Семашко сказал ему примерно такую фразу: «Умереть мы вам не дадим, но беспомощным инвалидом вы останетесь».

Андрей Дмитриевич никогда не рассказывал об этом со злостью, никогда не говорил с раздражением. Просто говорил, как о факте. Злости и раздражения в нем вообще никогда не было. Даже в отношении таких людей. Но назвать все своими именами надо.

Летом 1983 года журнал «Смена» опубликовал чудовищные, клеветнические статьи про Андрея Дмитриевича, а главное, про его жену Елену Георгиевну Боннэр. Обращаю ваше внимание: в первом номере журнала «Смена» за этот год есть покаяние, опровержение всей прежней клеветы.

Тогда же, в 1983-м, я много общался с Еленой Георгиевной, много слышал ее рассказов обо всех ужасах коллективной травли. Но она никогда, говоря о людях, которые на них кричали, бросались на них, грозя, чуть ли не били, никогда не выказывала раздражения и тем более злости. Всегда лишь сожаление, лишь ясное понимание того, кто и зачем раздувает страсти, делает из людей зверей. В этом Елена Георгиевна и Андрей Дмитриевич были очень похожи.

Маленький эпизод, показывающий, в какой они были изоляции. 1983 год, Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна едут в машине по Горькому. Голосует человек, на руках у него ребенок со сломанной рукой. Они, конечно, останавливают машину, сажают человека в машину. Только отъехали, их останавливают сопровождающие агенты, открывают дверь машины, вытягивают мужчину и ребенка. Кричит мужчина, кричит ребенок... Вот такая сцена. В конце концов закричала чуть ли не истерично Елена Георгиевна: «Что вы, звери что ли, садитесь к нам в машину, поехали в больницу». И сел агент в машину, и приехали в больницу, и ребенка довезли.

Разрешите мне в заключение зачитать те несколько слов, которые Елена Георгиевна вчера по телефону мне продиктовала и просила огласить здесь, на митинге. Итак, текст Елены Георгиевны Боннэр:

«Я благодарю горьковчан за сегодняшнее теплое отношение к Сахарову и его памяти. Пусть меня простят, но я не могу благодарить за те 7 лет, что мы жили в этом городе. Я бы просила Горьковский горисполком, с помощью общественности города отдать ту квартиру, в которой мы жили, Майоровой Надежде Федоровне, которая живет в однокомнатной квартире

№ 7 на втором этаже того же дома и в одиночку воспитывает трех маленьких внуков-сирот.

Слов в память Сахарова мы сейчас говорим много. Давайте усилиями города и его общественности сделаем одно доброе дело. Это было бы лучшим памятником Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Е.Г.Боннэр, 26 января».

Б.Е.НЕМЦОВ:

— Думаю, что мы от имени участников митинга должны отправить телеграмму вдове Андрея Дмитриевича Сахарова, Елене Георгиевне Боннэр. Вот такую:

«Дорогая Елена Георгиевна. Сегодня мы скорбим вместе с Вами. То, что Андрей Дмитриевич и Вы пережили в нашем городе, это часть того ужаса, того абсурда, который переживала вся страна. Простите нас».

Участники митинга, посвященного открытию мемориальной доски на доме № 214, пр. Гагарина, кто за то, чтобы отправить такую телеграмму, прошу поднять руки. Единогласно... Спасибо!

Товарищи! У нас есть запись выступления Андрея Дмитриевича Сахарова...

Голос А.Д.Сахарова (отрывок из выступления 27 мая 1989 г. на I Съезде):

«...В течение последнего года в нашей стране был принят ряд законов и указов, которые вызывают большую озабоченность общественности. Мы не вполне знаем механизм выработки этих законов и вообще того, как шла законотворческая деятельность в нашей стране. Многие юристы даже писали, что они не знают, на каком этапе, в каких местах формулируется окончательный вид законов. Но законы, о которых идет речь, действительно вызвали очень большую озабоченность общественности. Это закон о митингах и демонстрациях и о полномочиях специальных войск, который

был принят в прошлом году, в октябре. И, по моему мнению, эти законы представляют собой шаг назад в демократизации нашей страны и шаг назад по сравнению с теми международными обязательствами, которые приняло наше государство. Они отражают страх перед волей народа, страх перед свободной демократической активностью народа, и в них был заложен тот взрывчатый материал, который проявился в Минске, в Звартноце, в поселке Ленина в Крыму, в Красноярске, в Куропатах и во многих других местах. И апогеем всего этого были трагические события в Тбилиси, о которых мы говорим».

САХАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Отчет)

*27 января 1990 года,
Горьковский государственный университет.
Председательствуют Ю.И.Беляев и Я.И.Альбер*

НАД ЗЛОМ И ДОБРОМ

А.В.Гапонов-Грехов, академик

Открытие здесь, в Горьком, Сахаровских чтений связано для меня — и, возможно, для многих из нас — с противоречивыми чувствами.

Здесь и стыд за ту роль, которую сыграл наш город в жизни великого человека, и за то, как эта роль была сыграна. Здесь и вина за отчуждение и отстранение, которым в течение многих мучительных лет подвергался Андрей Дмитриевич. Здесь и безмерное удивление и восхищение всей его жизнью, такой полной творчества, успехов, борьбы и в то же время такой ясной, чистой и до конца отданной человечеству. Здесь, конечно, и невольное сопоставление с печальной судьбой многих русских талантов, не признаваемых и гонимых в своем странном Отечестве в свое смутное, тревожное время.

Фактически я мало знал Андрея Дмитриевича. Наверное, не более десяти разговоров за два десятка лет. Но каждый разговор оставил память о таких чертах великой личности, которые — только потом это осознаешь — совершенно нетривиальны.

Первый серьезный разговор показал терпимость и благожелательность Андрея Дмитриевича при самой строгой принципиальности. Это было, вероятно, в 1972 году, когда Сахаров подготовил два письма-обращения в правительство. Одно — с просьбой об амнистии политическим заключенным, а другое — об отмене смертной казни. Когда мы встретились, он попросил меня подписать эти обращения. Я подписал просьбу об амнистии и не подписал обращение об отмене смертной казни. Сейчас я бы, на-

верное, подписал оба, потому что мои взгляды изменились. А тогда отмена смертной казни казалась мне преждевременной. Андрей Дмитриевич не стал меня агитировать и переубеждать, а отнесся к моему мнению с уважением и терпимостью, которые я по достоинству оценил гораздо позже.

Я убежден, что он, как человек, не вписывается в обычные человеческие рамки.

Все люди — я говорю, конечно, о людях сильных, талантливых — обычно целиком проявляются либо в творчестве (искусстве, науке), либо в практической работе (технике, строительстве, хозяйственной деятельности), либо в организационной и общественной жизни, политике. Может быть, это не вполне удачные определения, может, точнее и правильнее сказать короче, что все люди либо творцы, либо строители, либо борцы. И практически никогда эти разные по своей сути качества не совмещаются в одном человеке: одни делают революции, другие строят, а третьи творят, сидя, как иногда говорят, «в башне из слоновой кости». Мало кому — даже из самых великих — удавалось добиться равных или даже сопоставимых успехов хотя бы в двух из этих трех видов человеческой активности, самореализации этих разных типов интеллектуально-психического генотипа человека, потому что они фактически противоречат друг другу.

Абсолютная исключительность Андрея Дмитриевича Сахарова — в его равновеликости во всех трех ипостасях: и как ученого, и как инженера, и как общественного деятеля. И невозможно сказать, в чем он более велик и в каком качестве он глубже вошел в историю человечества.

Его значимость настолько превышает возможности одного человека, что невольно возникает аналогия с Пушкиным — по Синявскому: он стоял НАД добром и злом — со свойственной ему бескомпромиссностью, но и с бесконечным терпением и благожелательностью.

Безвременная смерть Андрея Дмитриевича показала, что он совсем не был бесстрастным, а очень близко к сердцу принимал судьбу и нашего народа, и судьбу всего человечества, и судьбу каждого отдельного человека.

Но ведь, наверное, и не в этом дело... Мы, знавшие Андрея Дмитриевича, жившие рядом с ним, будем всегда помнить: в трудное для нашего народа время — время торжества посредственно-

сти, время конформизма и застоя — он дал нам эталон Человека, сочетающего абсолютную честность, высочайший интеллект и полное бесстрашие.

Вот качества, обеспечивающие абсолютную духовную свободу.

Не знаю, как сложатся первые Сахаровские чтения. Насколько я понимаю, никакого предварительного плана не было, да, наверное, и быть не должно. Пусть все, кто приехал и пришел почтить память Андрея Дмитриевича Сахарова, выступят и расскажут о его делах, взглядах и, конечно, о нем самом.

ЗАВТРА БУДЕТ БОЙ

С.А.Ковалев

Теперь уже никто не узнает, во сколько Андрей Дмитриевич умер. Он пошел отдохнуть, с тем чтобы в 11 часов снова начать работать. Его последние слова были: «Завтра будет бой». Он постоянно работал, работал невероятно много. И всегда был в центре самых острых событий и того, что было самым важным в то время.

Вот поэтому мое выступление будет состоять из следующего. Я позволю себе предложить вашему вниманию два коротких текста, совсем недавно прямо относившихся к самому главному из всего происходившего в стране. И кратко прокомментировать оба. Об остальном я постараюсь сказать, отвечая на вопросы.

Вот первый из этих текстов. Обращение:

«Мы переживаем поистине трагические часы, под угрозой уже не перестройка, а все наше существование. В такой момент стократно возрастает ответственность за каждое действие и каждое слово и людей, находящихся у власти, и тех, кто занимает позиции критики и оспаривания. Уже поздно взвешивать, кто виновен больше, надо принимать решение, от которого зависит судьба не только нынешних поколений, но и наших потомков.

Откроем глаза на размеры бедствия. То, что происходит сегодня в Закавказье, способно стать, если уже не стало, началом самораспада советской Евразии и мучительного, насильственного

процесса, который пагубно отзовется на всей суровой ситуации. Нежелание понять это — преступно.

В один узел сплелись сейчас тяга к суверенности и политическая апатия, жизненные интересы миллионов людей и корыстные замыслы государственных преступников. Попытаться одним ударом разрубить этот узел — значит, пролить еще и еще крови. Надо найти иной выход.

Нижеподписавшиеся призывают — немедленно созвать чрезвычайную сессию Верховного Совета СССР, которая должна взять под свой контроль происходящее, начиная от мер по надежной охране жизни людей и включая поиски компромиссов, со всеми национальными движениями.

Безотлагательно приступить к выработке нового союзного устройства, отвечающего принципу независимости стран и народов, входящих в СССР.

Создать в кратчайшие сроки коалицию общественных движений и организаций с целью участия в действиях Верховного Совета СССР по преодолению нынешних междоусобиц.

Руководствуясь международными обязательствами СССР и духом Хельсинки, обратиться за содействием к ООН, не исключая замены советских войск в Азербайджане и Армении миротворческими силами ООН.

Придать международный статус проблеме Нагорного Карабаха.

Обеспечить полную и своевременную информацию граждан СССР о всех общественно значимых событиях и о действии властей.

25 января 1990 года.

Михаил Гефтер, Лариса Богораз, Виктория Чаликова, Сергей Ковалев, Владимир Максименко, Арсений Рогинский, Валерий Песигин, Лев Пономарев, Владимир Евсенко».

По поводу того, что я прочитал, хочу добавить следующее. Уже в который раз страна оказывается в странной ситуации. То в одном, то в другом месте вводится чрезвычайное положение. Быть может, оправданно вводится. Но заметьте, никто не знает, кто его объявил, на сколько и какие полномочия имеет исполнительная власть в это время.

Верховный Совет еще в октябре принял постановление — создать, наконец-то, законодательство о чрезвычайном положе-

нии. Срок был установлен жестко — 1 ноября 1989 года. Официального законопроекта нет до сих пор*. К 1 ноября 1989 года был подготовлен всего один законопроект. Его подготовила проектная группа по правам человека, созданная Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Этот законопроект не рассматривался. Он канул в Верховном Совете, где был распространен нами среди части народных депутатов и как будто бы получил высокие оценки. И опять мы в прежней ситуации. Чрезвычайное положение есть, закона о чрезвычайном положении нет.

А между тем это очень важно, потому что закон, согласно международным нормам, должен предусматривать жесткий законодательный контроль. Потому мы призываем к непрерывной внеочередной сессии высшего законодательного органа на время чрезвычайного положения, который контролировал бы действия исполнительной власти.

Еще одно существенное замечание. Поручение Верховного Совета, касающееся законодательства о чрезвычайном положении, адресовалось прежде всего Совету Министров. Именно он должен стать автором предусмотренного Верховным Советом законопроекта. Вот опять странная ситуация — исполнительная власть, которая получает повышенные полномочия при такой острой ситуации, должна приготовить закон сама для себя.

Вы представляете, каким удобным для этой власти станет такой закон.

Второй документ — Декларация движения гражданского действия.

«Кризис, поразивший нашу общественную систему, принимает все более опасный характер. Множатся очаги напряженности в экономике, социальной сфере, межнациональных отношений, уже проявивших себя вспышками насилия и кровопролития.

Минувший год не был бесплодным, но, воздавая должное первым шагам по пути демократизации и усилиям законодательных властей, успехам нашей внешней политики, высоко оценивая встречный поток стремительных фундаментальных преобразований в странах Восточной Европы, мы обязаны спросить себя, по-

* Закон Союза Советских Социалистических Республик «О правовом режиме чрезвычайного положения» был принят 3 апреля 1990 года и введен в действие с 9 апреля 1990 года.

чему мы теперь начинаем от них отставать? Почему мы оказались не готовыми к испытаниям, которые обрушил на нас год минувший и которыми, несомненно, еще в большей степени чреват наступивший год?

Ответ очевиден с беспощадной ясностью. Обнаружилась неспособность руководящих политических структур осуществить коренные преобразования и остановить сползание страны в пропасть. Усилия народных депутатов СССР, бурно растущих общественных движений, неформальных организаций парализуются по сути неизменным механизмом принятия и реализации политических решений и ретроградными отношениями собственности. Происходит объединение сил, отвергающих основные общечеловеческие ценности. Складывается блок неосталинистов с черной сотней, коррумпированной бюрократией, с наглеющим преступным миром.

Мы считаем вполне оправданными, идущими из глубины народа требования социальной справедливости и порядка. На этих чаяниях, однако, играют силы, стремящиеся к возврату диктатуры и равенству в нищете.

Нас особенно тревожит судьба России; от имени русского народа, от имени России пытаются говорить люди своекорыстные, нечистоплотные, стремящиеся отгородить будущее страны от испытанных путей мировой цивилизации, посеять рознь между русским и другими народами.

Эти люди отказываются признать, что Россия может стать действительно суверенной и процветающей, лишь идя навстречу стремлениям всех народов СССР к национальному возрождению и в сотрудничестве с ними. Прорыв России в лучшее будущее реален: как состоялось послевоенное германо-японское чудо, как повторяют его сейчас страны Азии и Латинской Америки, так может совершиться и российское экономическое чудо.

Вместе с тем все меньше времени остается, чтобы прекратить развитие событий по китайскому или румынскому образцу. Никто не знает, когда оно будет исчерпано. Поэтому сейчас необходимо сплочение всех демократических сил, готовых организовать свои действия в едином общегражданском движении. Граждане должны сами отвечать за свое будущее, сами создавать его.

Подписавшие эти декларации, провозглашают создание движения — «Гражданское действие». Мы призываем к участию в движении всех противников тоталитаризма — граждан, общественные союзы, народные фронты, клубы и объединения избирателей, рабочие и стачечные комитеты, партии.

Солидарные в борьбе за цивилизованное гражданское общество, мы способны сообща предотвратить роковой, реакционный поворот в судьбах народов, обеспечить мирный выход страны из кризиса и нормальную, достойную жизнь для всех.

«Гражданское действие» добивается в качестве первоочередных шагов:

1. Заключение нового союзного договора, предусматривающего свободное объединение суверенных государств и народов.

2. Пресечения любой, и прежде всего государственной монополии на средства производства, перехода к современной рыночной экономике, основанной на социально различных формах собственности и действенной системе социальной защиты.

3. Передачи земли в наследственное владение или собственность тем, кто хочет на ней работать.

4. Отделения КПСС и партийной идеологии от государства и экономики, создания многопартийной системы и уравнивания КПСС с другими политическими организациями.

5. Обеспечения многообразия форм духовной и общественной жизни.

6. Демократических реформ армии.

7. Ликвидации тайной полиции. КГБ и МВД — под строгий контроль общества.

«Гражданское действие» вдохновляется идеями нашего соотечественника, великого гражданина мира Андрея Дмитриевича Сахарова. Граждане и организации, входящие в «Гражданское действие», вырабатывают и проводят в жизнь гражданские инициативы, направленные на реализацию целей движения, совместно участвуют в выборах органов власти, деятельно поддерживают сторонников радикальных реформ. Организуют гражданские противодействия реакционным акциям и решениям путем сбора подписей, проведения митингов, шествий и демонстраций и в крайнем случае путем организации забастовок, кампаний гражданского неповиновения и других, ненасильственных мер.

Входящие в «Гражданское действие» организации сохраняют свою независимость и автономию, движения направляются координирующими центрами, формируемыми из представителей входящих в него граждан и организаций. Программы развития движения и его организационные структуры будут уточнены на учредительной конференции.

Граждане, группы и объединения граждан, включайтесь в движение «Гражданское действие!»

Сбор подписей под этим документом продолжается. В моем экземпляре подписи народных депутатов Афанасьева и Белозерцева, Ларисы Богораз, Дзарасова, народного депутата Кириллова, моя, Б.Ш.Окуджавы, Селюнина, народного депутата Сулакшина, Щедрина и отца Глеба Якунина.

Связь между этими обращениями, по-моему, очевидна. В одном из них говорится о коалиции общественных движений и организаций, которые должны участвовать в действиях законодательной власти по преодолению нынешнего Закавказского кризиса. Может быть, такая организация, как «Гражданское действие», и могла бы оказаться такой коалицией. Я повторяю, что документы эти открыты для подписания и присоединения в любой форме.

Нынешняя ситуация такова, что рассчитывать исключительно на верховные законодательные органы страны не приходится. Это очень хорошо понимал Андрей Дмитриевич в последние дни своей жизни. Не случайно последним его гражданским поступком был призыв к предупредительной забастовке, которая должна была заставить Съезд народных депутатов рассмотреть те острые вопросы, которые надлежало решать, чего впоследствии так и не произошло.

Мне кажется, что наш долг — продолжать это начинание Андрея Дмитриевича Сахарова.

Вопрос из зала:

— *Кто из людей конкретно выступает от имени России против национально-культурного возрождения других народов?*

С.Ковалев:

— Вряд ли я могу перечислить фамилии, но сошлюсь на такие известные организации, как «Память», Объединенный Фронт Трудящихся. Слова ими часто произносятся хорошие. «Память», например, против антисемитизма, не против евреев, а

только против сионизма. Но в чем это выражается? Я могу сказать, что самодеятельная московская Тушинская газета прямо призывает к погромам и даже назначает их время. Вот на сегодня назначен очередной погром. Другое дело, что эти погромы, слава Богу, до сих пор не состоялись. Но даты периодически назначают. И вряд ли это случайно.

Вряд ли случайны и рассуждения крупного математика И.Р.Шафаревича относительно малого народа, виноватого в драматической истории России, и большого народа, который оказался жертвой этого малого народа. Нельзя себе представить, чтобы такие рассуждения публиковались ради возрождения еврейской национальной культуры. По-моему, это дурно прикрытый антисемитизм. Если есть иные мнения, я готов вступить в дискуссию.

Вопрос:

— *Можно ли предвидеть, что будет со страной? Похоже, что демократы большинство в Верховном Совете РСФСР взять не смогут. Ваши прогнозы на 1990 год и ваше участие?*

С.Ковалев:

— Ответ на первый вопрос. Я тоже пессимист и сильно сомневаюсь в том, что Верховный Совет РСФСР окажется существенно отличным от Верховного Совета Союза. Но я рад буду ошибиться...

Коротко отвечу на второй вопрос, а потом еще два слова о прогнозах.

Прямой толчок для вступления в эту избирательную кампанию были для меня слова Андрея Дмитриевича, сказанные 11 декабря, за 3 дня до смерти. Вот они: «Надо решаться».

Я думаю, что сам он оценивал свое участие в Съезде народных депутатов не как безрезультатное. Станкевич очень хорошо рассказывал об одном эпизоде.

Собралась будущая межрегиональная депутатская группа (тогда она еще не была сформирована). Парламентарии стали предлагать разнообразные тактические ходы. Андрей Дмитриевич дремал, это с ним часто бывало. И депутаты, остро дискутировавшие о том, как надо голосовать в том или ином случае, какое решение следует отстаивать до последнего, а при каких условиях нужно отступить, кому и когда выступать с компромиссными предложениями, — депутаты думали, что он устал, что они его замучили и он ничего не слышит.

Вдруг Андрей Дмитриевич взял слово. И оказалось, что он все слышал. Он сказал: «Я ничего не понимаю в тактике. Наверное, вы все правы и, вероятно, парламентский опыт других стран учит разумным маневрам. Но держаться ваших рекомендаций мне трудно. Я не могу делать то, что я как следует не понимаю. Поэтому я буду действовать просто. Нам предоставлена трибуна, может быть, первый и последний раз, нельзя ею не воспользоваться».

Так он и вел себя на Съезде. Он понимал, что за ним стоит. Сахаров говорил от имени погибших в лагерях и проводших там многие годы. И еще — от имени самой идеи Права, Справедливости, Человечности, наконец, от имени здравого смысла. Он знал, что его судьба и положение позволяют ему это и обязывают считать свой мандат выходящим за пределы Съезда. Об этом он прямо сказал однажды Горбачеву.

Теперь касательно моих прогнозов о Съезде народных депутатов РСФСР. Мне кажется, будет примерно то же, что и на Всесоюзном съезде. Повторяю: рад был бы ошибиться.

Вообще-то говоря, я сторонник настоящей культурной парламентской работы. Работы неторопливой, с подробными обсуждениями законопроектов, со многими слушаниями и поправками законопроектов, опубликованных заранее.

Увы, у нас на это нет времени. Сейчас Съезд народных депутатов занимается вовсе не парламентской работой. Вполне вероятно, что этот Съезд просто потерпит фиаско. Возможно, если бы в стране развивались параллельные общественные структуры, к которым я и призываю, могла бы создаться ситуация, аналогичная польской... Польский «круглый стол», когда реальная власть вынуждена была сесть за стол переговоров с оппозицией, был вовсе не парламентским действием. Такая оппозиция — мирная, содержательная, терпеливая, но очень решительная — должна формироваться. Это способ избежать краха, хаоса и крови. Этот способ Андрей Дмитриевич называл эволюционным.

Есть еще вопрос вот такого сорта: «Где товарищ правозащитник работает, кроме речей и подписей приносит ли какую-нибудь пользу народу, именно народу, труженику?» И подпись — Салпанова.

Я отвечаю:

До недавнего времени, до 5 января, правозащитник не работал в государственном учреждении, но вообще работал очень много. Например, я участвовал в создании законопроекта, по-моему, очень актуального, о чрезвычайном положении, о котором коротко сказал.

Почему я не работал в учреждении, могу объяснить. До 1987 года я был сторожем в Калининe, потому что не имел права жить в Москве с женой и дочерью и даже посещать их без специального разрешения милиции. А поводов для такого разрешения, как мне объяснили в милиции, для меня существовало только три: тяжелая болезнь или смерть близкого родственника, регистрация брака или рождение ребенка.

Болезни и смерти — Бог миловал — не было; я уже женат и не могу зарегистрировать брак, а родить ребенка, когда я в Калининe, а жена в Москве, тоже не очень просто, да и возраст не тот.

С 1 июня 1988 года я должен был начать работать, наконец, не сторожем, а научным сотрудником в академическом институте в Москве. Но 30 мая 1988 года Москву посетил Рейган. В числе других и я был приглашен на прием к Рейгану, и, представьте себе, приглашения не отклонил. Мне предложили выступить на этом приеме — я опять не отказался.

Так вот, 31 мая, на следующий день, мне было отказано в работе, и приказ о моем зачислении был аннулирован.

Есть еще две записки. Если хотите, я на них отвечу.

В первой из них не содержится вопроса — это просьба считать автора участником «Гражданского действия» и предложение помощи. Спасибо. Далее: «В чем трудность налаживания контактов между общественными организациями Армении, Азербайджана? Противодействия среднего партийного звена или противодействия со стороны самих общественных организаций? Какие успехи есть в этом направлении?»

Боюсь, что достаточно точно на этот вопрос не отвечу. Думаю, положение сложное. Почти наверняка есть даже не противодействия партаппарата — противодействовать можно чему-то начинающемуся, — а провокационные действия со стороны партаппарата, разжигающего конфликт.

Мне известна попытка налаживания контактов между Народным Фронтом Азербайджана и АОД (Армянским Общенациональным Движением).

Была попытка со стороны народных депутатов, весьма уважаемых, наладить такие встречи и диалог. Она кончилась ничем, поскольку Азербайджанский Народный Фронт ясно заявил, что любые контакты могут быть начаты только при одном предварительном условии — отказе от требования Нагорным Карабахом самостоятельности и присоединения к Армении. Понятно, что эти условия не могут быть приняты.

Думаю, что Азербайджанский Народный Фронт не очень монолитен. Мне кажется, что среди азербайджанской интеллигенции, например, есть огромное чувство страха. Галина Старовойтова однажды сказала: «Мне известны пятеро азербайджанских интеллигентов (фамилии их не буду называть), которые считают, что Карабах имеет право на национальную самостоятельность». Фамилии называть нельзя — этим все сказано...

Есть еще вопрос, на который я сейчас не могу ответить: «Кому в стране принадлежит власть? Политбюро, Верховному Совету или народу? Верхам или низам?»

Наверное, реальная власть принадлежит середине, такова моя гипотеза. Низам она пока точно не принадлежит, и, по-моему, верха теряют контроль над ситуацией. А середина, то, что называют партийными функционерами, аппаратом, по-моему, еще контролирует положение. Это видно всюду.

В ПОУЧЕНИЕ

М.Л.Левин, доктор физико-математических наук

Мое выступление в самом начале чтений оправдано лишь тем, что я единственный среди сидящих в зале, кто знал Андрея Дмитриевича с самой юности. Общих, подходящих для научных чтений выступлений сегодня, как я понял из слов председательствующего, не предполагается, а будут выступления, похожие на воспоминания. Вот я и хотел бы начать с молодых лет Сахарова.

И еще. За все семь лет пребывания Андрея Дмитриевича в Горьком среди присутствующих я единственный физик, который

был у него не по казенной надобности, не в командировке, не по поручению института, а сам по себе.

Я выступаю еще и потому, что это просьба вдовы Андрея Дмитриевича, Елены Георгиевны, — рассказать о горьковских годах их жизни. Как она сказала, «в поучение». Не знаю, какое здесь выйдет поучение, но, может быть, и правда какая-то польза получится.

Великие люди не так часто рождаются на свет. Пример, который может быть извлечен из событий десятилетней давности, вряд ли понадобится ныне живущим. Когда умер Маяковский, случились какие-то накладки на похоронах, и милиционер успокоил писателей: не волнуйтесь, в следующий раз будет все в порядке. Он не знал, что великие поэты рождаются и умирают не так часто.

Я сейчас начну с молодых лет Андрея Дмитриевича, но сразу хочу предупредить: есть опасность некоего мифотворчества, оно уже началось при жизни Андрея Дмитриевича, продолжается после смерти, и мне бы не хотелось в этом принимать участие. Хотя, сами понимаете, создать миф о юном гении, который сразу был понят как гений всеми окружающими, очень легко. Можно удариться в другую крайность, что он был «дуб двоечный», а потом вдруг стал замечательным ученым.

Андрей Дмитриевич не был ни «дубом», ни самым блестящим студентом на нашем курсе. Правда, необычайную силу его и преподаватели, и студенты поняли очень скоро. А вот его самого, пожалуй, не понимали. Просто не понимали, потому что способ рассуждений, его логические ступени всегда были гораздо крупнее, чем ступени обычных людей. И только позднее, когда я взрослым человеком читал о замечательных математиках Галуа и Раманужане, которых тоже не понимали современники, я как-то соразмерил их немножко с Андреем Дмитриевичем. Приведу такой пример. Когда он рассуждал, то по отношению к нам (а у нас был сильный курс) он находился примерно в таком положении, как мы с вами по отношению к типичному философу, привыкшему рассуждать по закону формальной логики.

Скажем, для нас фраза «Петр смертен» кажется очевидной, а для философа она нуждается в ступеньках: Петр — человек, все люди смертны, следовательно, Петр смертен.

Многое, что для окружающих нуждалось в ступеньках, для Сахарова было очевидно.

Я бы не хотел возникновения еще одного малого мифа: я не был близким другом Андрея Дмитриевича. У меня такое ощущение, что в молодые и в средние годы у него близких друзей и не было. Были товарищи по работе, в последние годы были товарищи по борьбе. А вот по-настоящему близкого друга я знаю только одного — это его жена.

Я был для него старым университетским товарищем. Это жесткое определение принадлежит ему самому, и оно было сказано уполномоченному Госбезопасности, с которым мы столкнулись во время нашей первой встречи на улицах города Горького.

Старый университетский товарищ — это на самом деле немало. Старые университетские товарищи, особенно если они потом не работали вместе, не толпились в каком-то деловом вареве или академических кулуарных или не кулуарных отношениях, остаются любимыми товарищами: ведь каждый любит свою молодость, каждый любит свою юность, и университетские друзья несут печать этой любви.

Не хочу сравнивать нас с лицеистами прошлого века, но что-то похожее есть. Думаю, именно это объясняет ту радость, которую мне посчастливилось ему доставить. Сам я был очень счастлив. Потому, что здесь, в Горьком, четырежды мы с ним пересеклись, и с этим связано какое-то олицетворение возвращенной молодости.

Вернусь к тому, с чего начал. Андрей действительно был трудно понимаем, и это у него оставалось очень долго. Мог ли он научиться излагать свои мысли так, чтобы они были понятны окружающим? Видимо, да. Но это к нему не пришло. Результаты, окончательные выводы, у него были всегда правильными, задачи он решал правильно, ответы на физические вопросы давал правильные. А понять его было трудно. Так все три университетских года. А когда я с ним встретился после довольно большого перерыва (мы с ним учились три года до войны, а потом встретились по-настоящему после XX съезда), я вдруг заметил, что он очень ясно излагает свои мысли. Он мне объяснил: да, научился, потому что пришлось иметь дело с большими начальниками с генеральскими погонами и вообще надо было говорить так, чтобы они де-

ляли то, что нужно. Пришлось научиться говорить на языке, понятном окружающим.

И сейчас в газетах иногда пишут, что он был косноязычным. Это неверно, это не косноязычие. Это поиск самых ясных слов: самому-то ему ведь ясно все сразу, заранее.

Когда я познакомился с его первой женой, Клавдией Алексеевной, она мне сказала, шутя или не шутя, с какой-то гордостью, что вот они встретились во время войны и что она единственная, может быть, в Советском Союзе женщина, которая получила объяснение и предложение руки и сердца в письменном виде. Он написал. Не от застенчивости, а потому что боялся, что скажет непонятно, девушка не поймет, о чем идет речь.

Теперь о Горьком. Для меня это по-настоящему больная, какая-то незаживающая рана. Когда десять лет назад стало известно, что он оказался в Горьком, все, конечно, были огорчены и возмущены. Но для меня было некоторое облегчение в той мысли, что он оказался именно в Горьком, потому что я очень люблю этот город. Я провел в нем шесть лет своей жизни и поначалу тоже в непростых условиях.

Я приехал в Горький с правом преподавания в университете и с правом проживания на Бору, и время было лихое и крутое, и однако в Горьком мне было очень хорошо. Было чувство воли после Бутырки и шараги. Появились друзья и ученики. И, не считая внешних огорчений, от жизни в Горьком остались светлые впечатления. И я думал: раз в Горьком столько замечательных физиков, столько настоящих людей, Сахарову будет хорошо.

Не знаю, как это случилось, и не мне вам пытаться это объяснять, но в день высылки Сахарова, 22 января 1980 года, по удивительному совпадению в вечерней газете, в «Горьковском рабочем», появилась заметка, посвященная какому-то полукруглому юбилею Короленко — 95 лет начала нижегородской ссылки. Не думаю, что это было нарочно, иначе редактору не сносить бы головы. Но вот такое удивительное совпадение... Нормальная заметка: просто о том, как в 1885 году после долгой Якутской ссылки Короленко был переведен в ссылку сюда и как было все хорошо в Нижнем Новгороде.

Королёнко оказался в Нижнем Новгороде, и сразу вокруг него стала группироваться передовая тамошняя интеллигенция. В Нижнем Новгороде не было ни университета, ни политехническо-

го, ни академических институтов. Были гимназии, духовная семинария. Были чиновники прогрессивные, были врачи, адвокаты. И сразу вокруг Короленко образовалось такое интеллектуальное ядро. М.Горький именно в Нижнем Новгороде получил благословение от Короленко. Его слова приведены в заметке: можно, мол, говорить об эпохе Короленко в Нижнем.

Но Сахаровской эпохи в Горьком не было. Были горьковские годы в жизни Сахарова. И только.

Я тогда подсознательно надеялся, что через сто лет произойдет что-то аналогичное... Горьковская интеллигенция, ну и прежде всего физики... Ведь редкая, уникальная возможность — иметь в своей среде такого замечательного ученого. И-теоретика, и несравненного специалиста по прикладной физике. Я пребывал в такой надежде некоторое время, пока не выяснилось, что она бесплодна.

Это одно из самых горьких моих воспоминаний и переживаний. Потому что, понимаете, когда какое-то столичное академическое быдло, которое думает только о деньгах и поездках за границу, о власти и директорском кресле, подписывает все эти гнусные бумаги и письма, это все очень противно, но меня лично по-настоящему не задевает.

Забегу немного вперед. Во время первой сахаровской голодовки наблюдалось очень большое волнение в коридорах президиума Академии наук. Разные бродили там люди. Но доминирующий тон среди тех, кто там роился, был такой: если Андрей Дмитриевич помрет, то нам за границей никто не подаст руки и нам там делать нечего. Вот что их волновало!

А здесь ведь все не так. Здесь-то настоящие люди, которых я люблю и уважаю. Может быть, сегодня будут выступать и горьковские физики, они откроют свой секрет во имя гласности, свободы и плюрализма. Что же, в конце концов, их заставило принять условия, установленные начальством? Мне непонятно. Я понимаю, что с коллективом жить — по-волчьи выть, что нужно делать свое дело и, так сказать, жалует царь, да не жалует псарь... и приходится христарадничать. Но, может быть, стоило попробовать. Тем более я не уверен, что были какие-то запреты, распоряжения на бумаге. Похоже, рассчитывали на понятливость?..

У меня появилась большая надежда и в середине горьковского периода жизни Андрея Дмитриевича, когда на весь свет было объявлено президентом Академии наук о том, как гуманно поступило наше правительство, отправив Андрея Дмитриевича в Горький, где замечательные условия для работы, где очень много академических институтов и тамошние ученые академического ранга отнюдь не стремятся покинуть Горький.

Это было интервью журналу «Ньюс уик», то самое знаменитое интервью, в котором президент заявил, что у Андрея Дмитриевича серьезный психический сдвиг. Оно на совести Александра. Утверждение президента Академии наук о райских условиях в Горьком неоднократно повторялось профессионально выездными учеными, когда их за границей спрашивали, что у вас там с Сахаровым.

На этом фоне, конечно, следовало попробовать: давайте приглашать Андрея Дмитриевича на свои конференции. Давайте приглашать его на совещания, пусть он принимает участие, давайте ходить к нему советоваться по науке. Надо было не улавливать с полуслова волю начальства, а с мудрой швейковской тупостью повторять и повторять опубликованное в печати утверждение президента.

Ничего такого, к сожалению, не произошло. Это меня мучает до сих пор. А тогда мне было просто тяжело — и за Сахарова, и потому, что я в Москве имел репутацию горькофила. Все знали, что я работал в Горьком, знали, как я люблю этот город, и с меня спрашивали, что же у тебя там делается. А я ответить не мог.

Сегодня я был на открытии памятной доски и внимательно слушал все выступления. Боюсь, создалась в каком-то смысле неправильная картина, оправдывающая непонятное поведение горьковчан. Андрей Дмитриевич, мол, был здесь в такой глухой осаде, что никак нам было к нему не прорваться. Что мы могли сделать? Хоть захватывай в горьковском гарнизоне танк и при на нем в Щербинки.

На самом деле, мне кажется, глухая облава шла на московских диссидентов. Вот их действительно старались не допускать и не допускали к Андрею Дмитриевичу, им было трудно прорваться.

Когда они отправлялись к Андрею Дмитриевичу в Горький, об их намерениях знали в Москве. Трудно удержаться и не сказать хотя бы двум самым близким друзьям: а вот я поеду к Анд-

рею Дмитриевичу. Даже я знал, хотя и не являюсь профессиональным диссидентом, о том, что такой-то едет и такой-то едет. А я первые три раза был по предварительному уговору, но заранее об этом никому не говорил.

Первый раз, правда, совершил ошибку. Не сообразил, что могу подвести моих хозяев. Я встретился с Андреем Дмитриевичем в конце конференции. Это произошло через два месяца после его высылки сюда. И потом устроителям конференции, по их словам, был «втык» и предупреждение, что, если это еще раз повторится, не то москвичей не будут пускать, не то конференции вообще прикроют. После этого я никогда не приезжал сюда, чтобы повидать Андрея Дмитриевича, за казенный счет, а приезжал на свои во время отпуска и никого не подводил, и перед Горьким моя совесть чиста.

Так вот, максимум, что грозило большинству тех, кто посещал Андрея Дмитриевича или пытался его посетить, по-моему, была отправка в Москву. И даже иногда бесплатно. Вряд ли такая мера пресечения могла угрожать жителям Горького.

Со мной было проще. Убедившись, что я не представитель, не эмиссар той или иной группы, а действительно старый университетский товарищ Андрея Дмитриевича, меня никуда не отправили, и я уехал сам. А потом ни на улицах, ни в Зеленом городе мне с ним никто общаться не мешал. Правда, фото- и киноплёнку расходовали не жалея. Мне кажется, и этот поздний урок имела в виду Елена Георгиевна, когда просила меня выступить в Горьком.

Я расскажу напоследок про удивительное пересечение двух разнесенных во времени и пространстве событий, о котором я не успел спросить Сахарова.

Последний раз я разговаривал с Андреем Дмитриевичем 8 декабря, за шесть дней до его смерти. Грустный был день. Похороны замечательной женщины, адвоката Софьи Васильевны Каллистратовой, которая участвовала в процессах шестидесятих годов, и одновременно это была третья годовщина смерти Анатолия Марченко. Гражданская панихида проходила в коллегии адвокатов на Пушкинской, а отпевание в Обыденском переулке, около метро Кропоткинская. Мы вместе ехали туда на машине и проезжали через район нашей общей юности.

В те давние времена нас дополнительно сближало то, что мы жили в одном районе и иногда после факультативных курсов

или семинаров вместе шли от Моховой до Никитских ворот, разговаривая на разные темы. И теперь, в машине, возникли студенческие воспоминания об этих местах, о том, что было в наше время. Речь, в частности, зашла о 110-й школе. И тут Андрей сказал, что начинается мифотворчество. Он в 110-й московской школе учился не очень долго и толком мало кого знал и помнил. Но уже какие-то старые ученики этой школы рассказывали, какой гениальный ученик был Андрей Сахаров, и как все преподаватели на него молились, и как все девочки им восхищались, и как все мальчики ему завидовали.

Так что он меня вроде предупредил, чтобы я не занимался мифотворчеством, и я, по-моему, от этого удержался.

До войны нас в университете очень серьезно учили астрономии. Сейчас ее на физфаке совсем не преподают, а у нас читали курс, велись семинарские занятия, и мы отрабатывали практику в институте Штернберга, и вел ее у нас замечательный наблюдатель (потом он уехал в Пулково), Митрофан Степанович Зверев. А работа на телескопе зависит от погоды.

Сидели мы в обсерватории довольно долго, ждали, когда небо станет ясным, и как-то одна из наших девочек пожаловалась, что никак не может запомнить порядок спектральных классов Дрэпера по температуре. Они идут в таком порядке — О, В, А, F, G, K, M, N. Запомнить трудно, а экзаменаторы требуют. Зверев сказал, что есть ключевые фразы, мнемонические слова, тогда этим очень увлекались. У нас даже по истории партии были ключевые слова. Вот у англичан есть очень хорошая фраза для того, чтобы запомнить эти спектральные классы: O Be A Fine Girl Kiss Me Now. А когда Зверев учился в университете в начале двадцатых годов, у них была еще лучше фраза, правда, не очень осмысленная, но зато в ней одно слово содержит подряд три нужные буквы: О Боже, АФГанистан! Куда Мы Несемся?

И вот вечером 8 декабря, возвращаясь домой, я вдруг вспомнил эту ключевую фразу, получившую сорок лет спустя безнадежно ясный смысл, тесно связанный с высылкой Андрея Дмитриевича в Горький...

Реплика с места:

— Я горьковский диссидент. Я один из первых, если не первый, был у Сахарова в первый же день его ссылки. Был в квар-

тире № 3. И тут же КГБ его и меня взяло за горло. Я Сергей Пономарев.

М.Л.Левин:

— Да я ведь не претендую ни на какие приоритеты, я говорил то, что я знаю... Я с большим уважением и состраданием отношусь к фиановским группам, которые сюда ездили, потому что это очень много значило для Андрея Дмитриевича. И во многом — об этом уже писали — было оскорбление человеческого достоинства, но они шли на него. Они должны были проходить какие-то инструктажи, в чем-то отчитываться, брать на себя какие-то обязательства. Тяжело им было, но иначе их бы не пускали к Андрею Дмитриевичу.

Вопрос:

— Уважаемый Михаил Львович! По поводу книги «застойных времен» Яковлева — «ЦРУ против СССР». Первое — ваше отношение к автору. Второе — достоверность фактов... Ведь там написано, что Елена Георгиевна избивала Андрея Дмитриевича... Третье — что сейчас с автором? Каково его самочувствие в моральном аспекте?

М.Л.Левин:

— Какого ответа вы ждете?.. Могу сказать только одно, раз вы спросили. Вот я знал первую жену Андрея Дмитриевича и очень хорошо знаю Елену Георгиевну. До последних его дней, ясно это было видно и в Горьком, да везде и всегда, — просто наружу вылезала юношеская влюбленность. Он гордился всем в своей жене. Например, Андрей Дмитриевич очень хорошо знал стихи. Но он всегда подчеркивал: я-то что, а вот как Люся знает... Ну, я пироги печь не могу, а вот как Люся печет пироги! Все его приводило в восторг. По Стендалю, когда что-то делает любимый человек, тебе это кажется верхом совершенства. По теории Стендаля, со временем это проходит, но у Сахарова осталось до последних дней.

Теперь о Николае Николаевиче Яковлеве. Могу вас порадовать: только что в Москве я видел двухтомник его избранных сочинений. Правда, не очень расхватывают... Сочинения про ЦРУ там нет. Яковлев ведь вообще по профессии американист. Что в двухтомнике — не знаю, я не заглядывал, мне как-то противно было брать в руки эти книги. Но раз они вышли, значит, он процветает. Он профессионал американист, учитель Людмилы Алек-

сеевны Гвишиани (Косыгиной). Может быть, с этим как-то связано его продвижение... Если говорить честно, его книги по американской истории нового времени, которые я читал когда-то, даже интересны. Потому что в такого рода сочинениях интересно не то, что думает автор, и что ему велено, и какая ныне тенденция, установка. Интересна степень насыщенности книги фактическими материалами. А Яковлев ведь занимался советско-американскими отношениями начала двадцатых годов, и Людмила Гвишиани этим занимается. У обоих доступ в архивы, к документам, которые другим исследователям были недоступны.

Как я к нему отношусь? А как я могу относиться?! Как там у Пушкина: «Плюгавый выползок из гузна Дефонтена!»

Я ТОЖЕ БЫЛ ЗДЕСЬ В ССЫЛКЕ

Ю.А.Карабчиевский

Я почти не был знаком с Андреем Дмитриевичем, едва обменялся с ним несколькими словами. Тем не менее я позволю себе небольшие воспоминания. Пусть то, что я скажу, не прозвучит кощунственно. Но вышло так, что я тоже оказался в ссылке, тоже в Горьком, в том же году, только на более короткий срок.

Известно, что история повторяется, что один раз она происходит как драма, а второй раз — как фарс. В моем случае, по видимому, это и был такой повтор.

Конечно, сегодня, в этом зале, где присутствуют подлинные герои страны, отмотавшие в награду полные срока, такие люди, как Сергей Ковалев, Михаил Левин, Татьяна Великанова, — смешно вспоминать о каких-то своих тогдашних тяготах. Но именно потому, что это смешно, я и вспоминаю.

В 1980 году проходила, как известно, Олимпиада в Москве. А я в это время (и еще недавно, до прошлого года) работал на заводе рабочим по ремонту научных приборов. И намечалась у меня командировка в Горький, вот сюда, в этот самый университет, то ли на хим-, то ли на физфакультет, точно не помню. Есть такой венгерский прибор «дерифатограф», служит для термического анализа веществ, может быть, кто-то из присутствующих знает... Но это сейчас не имеет значения, а важно то, что на время Олим-

пиады все командировки были запрещены, мне же не только не запретили, но очень настойчиво рекомендовали. У меня к тому времени уже набралось довольно много публикаций на Западе, то есть все мои публикации были только на Западе и в самых по тем временам одиозных изданиях. Успел я побывать и на строгой беседе в ГБ, в одной из их тайных явочных точек, разбросанных во множестве по всей Москве и, должно быть, по всей стране... И вот, видимо, это ведомство, заботливо, пристально и ежедневно следившее за моей литературной работой, решило, что лучше бы мне этот месяц в Москве отсутствовать.

Ездили мы всегда по двое, и попался мне в напарники хороший человек, очень чистый, простой и искренний парень, ни о чем, разумеется, не подозревавший.

План поездок был обычно такой: командировка выписывается на три недели, всю работу мы в ударном порядке выполняем за пять или шесть дней, подписываем командировочные удостоверения и тихо, без шума уезжаем домой. Две недели остаются потом у каждого на разные человеческие занятия: покопаться на даче, погулять с ребенком или, как, допустим, в моем случае, — посидеть за машинкой...

Вот живем мы в общежитии университета, работаем ударно и с огоньком, проходит пять положенных дней, работа окончена, заказчик доволен, а удостоверения нам не подписывают и печати не ставят. Первый случай за всю практику! Тот самый заказчик, «хозяин» прибора, говорит: «Такая странная вещь, на столе у секретарши лежит под стеклом записочка: москвичам командировку не закрывать!» А откуда записочка, секретарша говорить отказалась.

Ну, мне-то понятно, откуда, а напарнику — нет. Он теряется в догадках, а я не объясняю. И не оттого, что его опасаюсь, а просто — зачем нагружать парня? Живем...

К счастью, напарник мой оказался меломаном и не только не бедствовал, но кейфовал, поскольку выяснилось, что здесь, в Горьком, музыкальная жизнь очень насыщена. Настолько насыщена и сконцентрирована, что в одном театре умещается все: и балет, и опера, и оперетта. Просмотрели мы с ним чуть не весь репертуар, прослушали оперы и балеты — балеты тоже, вот именно, слушали, поскольку было это довольно шумное зрелище, топотали ноги, скрипели доски, и казалось, сцена вот-вот прова-

лится... Но самое сильное впечатление произвела на меня оперетта. На «Веселой вдове» меня чуть не вывели из зала, потому что я хохотал, как безумный, и всякий раз не там, где следует. В опереттах всегда, известное дело, князя да графья. Так вот, одного из двух графьев играл окающий волжанин, а другого — еврей с одесским выговором. Они вели оживленный диалог, и в какой-то момент я просто не выдержал, сполз со стула и сел на пол, благо был впереди просвет между рядами... Вот это как-то разнообразило нашу ссылку.

О Сахарове в Горьком тогда говорили как бы вскользь, не выказывая, по возможности, своего отношения. Но номер дома на проспекте Гагарина был уже всем известен. Я не был знаком с Андреем Дмитриевичем, и желание как-то присоединиться, принять участие вылилось у меня в простую прогулку. Я отважно доехал на троллейбусе до дома 214, обошел вокруг, поглазел на окна, снова сел в троллейбус и вернулся обратно, сюда, к университету. То есть проделал в точности тот же путь, что и сегодня, когда ездил на митинг, только теперь это был не троллейбус, а гостевой, почетный автобус...

Мы тогда все-таки уехали раньше, зазевалась наша секретарша, задумалась, забыла про секретную свою записку. Тут я и подсунул ей наши бумажки.

А в Москве рассказал это все приятелю, с которым мы и теперь живем в соседних домах. Он здесь, в зале, и будет сейчас выступать. Это ученик и ближайший друг Андрея Дмитриевича — Борис Альтшулер. И пусть никто на меня не обидится, но думаю — самый близкий из всех присутствующих. Все годы ссылки Андрея Дмитриевича он аккуратно и регулярно посылал ему всю необходимую литературу, писал письма-отчеты — был, что называется, правой рукой и остался таковым после возвращения Сахарова и до самых последних дней и часов его жизни. Это человек замечательный во всех отношениях, может быть, именно от Андрея Дмитриевича воспринявший многие прекрасные качества: конструктивный ум, спокойное мужество и готовность помочь любому и каждому. Он физик-теоретик, кандидат наук, работает в ФИАНе. Но это он сейчас работает в ФИАНе, а раньше пять лет работал дворником. Работал, не скрывая от начальства ученой степени, и его участок был лучшим в ДЭЗ. Он был официально оформлен дворником, а дети ему помогали. А у меня все было на-

оборот: мой младший сын был оформлен дворником, а я ему помогал. И поскольку жили мы рядом и рядом работали, и Боря Альтшулер был опытней нас, то и давал нам всякие полезные советы и дарил орудия производства: скребки, движки, лопаты и метлы. Он это все называл «аппаратурой». Ему работа очень нравилась, рано утром они с сыном сгребали снег, потом дома пили чай, а затем он ехал в библиотеку заниматься физикой. В промежутке он заходил ко мне, делился опытом и новостями, говорил радостно: «Ну что за работа! За такое удовольствие еще и деньги платят!»

А потом к нему пришли с обыском — разумеется, в связи с Андреем Дмитриевичем. Как-то вышло так, что старший сын успел выбежать, забежал к нам, сообщил, я пошел к Альтшулерам. Тогда полагалось ходить на обыски, это многие знают. Гэбэшники всякого гостя впускали — и не выпускали до конца обыска, чтоб не раззванивал. Но, как правило, раззванивал уже кто-то другой, сообщал знакомым и журналистам, а ты для того и шел, чтоб остаться с хозяином: все-таки какая-то моральная поддержка... Я наспех позвонил, кому мог, чтоб звонили дальше, и пошел. Некоторый опыт у меня уже был. У входа в квартиру, на пол-этажа выше, как бы незаметно для посетителя, дежурили двое в черных костюмах. Сразу спустились, заслонили отход назад. Я назад, собственно, и не собирался. В прихожей встретили, проводили в комнату. Следователь осмотрел документы, сказал: «Ага, вот и Карабчиевский пожаловал!»... Обыск был довольно долгий, думаю, часов восемь, не меньше, мы сидели на кухне, пили чай, там в комнатах ползали эти черные тараканы, копались в рукописях и книгах, мы же как-то особенно весело шутили, смеялись... Но я-то смеялся у него на обыске, а он — у себя. Большая разница!

Я рассказываю это все лишь затем, чтобы как-то передать, да и самому почувствовать атмосферу того еще недавнего времени. Почувствовать — и, быть может, сравнить с теперешним. Странно, возникает такое ощущение, что тогда было не так уж и страшно, сейчас — страшнее. Опасность тогда исходила из одного источника, мы всегда знали, откуда ее ждать. Сейчас она разлита в пространстве, и это порождает особый страх — страх неопределенности, страх неожиданности, то есть ожидания чего угодно. Вот, к примеру, Баку...

Я думаю, будь среди нас сегодня Андрей Дмитриевич, он бы нашел единственно верные, единственно точные и нужные слова, чтоб сказать о том, что происходит сейчас в Закавказье. Но его нет, и надо пытаться найти такие слова самим.

Я думаю, прежде всего мы должны признать, что у нас не бывает локальных конфликтов и что понятие нацменьшинства может быть в некоторой ситуации приложимо к любой национальной группе. Вот сегодня, здесь, в этом зале, присутствует немолодая женщина-армянка, чудом вырвавшаяся из Баку. Она могла бы рассказать о таких ужасах, после которых невозможно спать, невозможно есть, невозможно жить... Но она не станет ничего публично рассказывать, и не надо ее просить об этом, потому что в Баку остались заложниками ее родственники, не армяне — азербайджанцы и русские. Не дай Бог даже представить, что им грозит...

У нас сейчас в ходу выражение «межнациональный конфликт». Я думаю, что межнациональный конфликт — это как раз не самое страшное, самое страшное называется совсем иначе. Человек устроен таким удивительным образом, что ему не безразлично, как умереть: погибнуть в бою с оружием в руках или быть изнасилованным и растерзанным озверелой толпой.

Но наше руководство и наша печать действуют так, чтоб в конце концов все свелось к этой уравнительной формуле. Делается это очень просто. Надо подождать, пока все изнасилованные будут изнасилованы, распяты — распяты и пока, наконец, иссякнет терпение и начнется сопротивление со стороны пострадавших. Вот тогда и наступит время миротворческой деятельности, наказания виновных и подсчета жертв. Выяснится, что и там, и там имеются убитые, и значит, налицо не геноцид, не погром, не чудовищное зверство одних над другими, а то, что требуется для мудрых государственных выводов: «межнациональный конфликт» или даже еще лучше — «события»...

Мы должны понимать, что на самом деле это все не так и что есть, безусловно, какая-то сила, направляющая всю цепь подобных «событий». И, конечно, жаль погибающих и погибших армян, точно так же жаль погибающих азербайджанцев. Но знаете, если хорошо подумать, то азербайджанцев все-таки больше жаль. И не только потому, что многие из них действительно вели себя замечательно, укрывали, успокаивали, помогали уехать. Жаль

азербайджанцев потому, что гибель людей народ в конце концов пережить может, но зато народ не может пережить национальный позор. Говорю я это еще и к тому, что сейчас опасность такого позора стоит перед Россией: опасность геноцида нацменьшинств, вытеснения или даже уничтожения инородцев. Думаю, Россия, перенесшая тяжелейшие бедствия, этого позора перенести не сможет. За него она может расплатиться всей своей культурой — если не гибелью ее, то глубоким, черным провалом...

Но, конечно, не пугаться надо этой опасности, а бороться с ней спокойно и уверенно, так, как если бы Андрей Дмитриевич был и сегодня здесь, с нами.

ПОСЛАНЕЦ ДАЛЕКОГО ВРЕМЕНИ

*Д.А.Киржниц, доктор физико-математических наук,
профессор, член-корреспондент АН СССР, ФИАН*

Путь Сахарова к правозащите трудно понять, отвлекаясь от его научной деятельности. Дать представление о ней аудитории, где, как я понимаю, физики не составляют большинства, — нелегкая задача. Поэтому мне придется пойти на упрощение и огрубление сахаровских идей, выделяя специальные вещи, так сказать, мелким шрифтом.

В основу этого выступления положена биография А.Д., и каждому этапу его жизни соответствуют высказанные им в этот период идеи. Но прежде стоит произнести несколько общих слов об уникальности облика Сахарова-ученого. В нем удивительным образом сплелись два полярно противоположных типа физика-теоретика — ученого-инженера, решающего глобальные научно-технические проблемы современности, и «высоколобого» теоретика, занимающегося наиболее фундаментальными вопросами естествознания. И то и другое он делал с поразительным успехом.

Начать придется с 1945 года, с конца войны. Инженер оборонного завода Сахаров получает возможность вернуться в Москву и заниматься наукой. Он становится аспирантом Игоря Евгеньевича Тамма, нашего общего учителя, в Физическом институте АН СССР (ФИАНе). Тем самым научная школа Мандельш-

тама-Тамма пополняется еще одним членом. Будущим биографам Сахарова станут яснее факторы, оказавшие влияние на формирование его личности, столь восхищающей современников. Нет сомнения, что в их число войдет и воздействие со стороны научной школы, которая воспитала Сахарова-ученого, с ее особыми научными, нравственными и гражданскими принципами. Во всяком случае, его трудно представить себе воспитанником других наших школ теоретической физики.

Первый период научной деятельности Сахарова охватывает 1945—1950 годы, когда он был аспирантом, а затем сотрудником И.Е.Тамма в ФИАНе. Именно тогда им были высказаны первые блистательные идеи, касающиеся мирного (и немирного) использования энергии, выделяющейся при реакции слияния ядер водорода. Эта реакция служит источником энергии звезд, и в частности нашего Солнца. Для возникновения такой реакции необходимо сблизить ядра до достаточно малых расстояний, преодолев их взаимное отталкивание.

В звездах такое сближение осуществляется благодаря высокой температуре звездного вещества (десятки миллионов градусов). Этот же принцип используется в водородной бомбе, где к разогреву водорода ведет взрыв обычной (урановой) атомной бомбы. Оказывается, однако, что без дополнительного сжатия водорода такой разогрев осуществиться не успевает. Сахарову принадлежит замечательно простая и эффективная идея, каким образом добиться подобного сжатия (эта идея именуется в народе «сахаризацией»). Нужно просто окружить водород слоем небогатенного урана, электроны которого освобождаются при нагревании и своим давлением и производят дополнительное поджатие водорода.

В 1947 году была открыта новая частица — пион, при распаде которой возникает частица мюон, отличающаяся от электрона только в 200 раз большей массой. Вскоре после этого открытия А.Д. высказал принципиально новую идею, обещающую возможность протекания контролируемой реакции синтеза в «холодном» водороде, которая может быть использована как «мирный» источник энергии. Суть идеи состоит в том, что, двигаясь в веществе, мюон стягивает, благодаря своей большой массе, каждую пару ядер водорода, встречающуюся на его пути. Идея такого «мюонного катализа» прошла сложный путь со своими взлетами и падени-

ями, но сегодня есть все основания для оптимистической оценки перспектив этого направления энергетики будущего, разработкой которого занимается множество научных коллективов разных стран мира.

Заложив основы физики термоядерного оружия, Сахаров уезжает из Москвы и становится сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института экспериментальной физики — в просторечии «объекта». Здесь протекает второй период его научной деятельности, охватывающий 1950—1969 годы. Основное направление его работы в этот период связано с совершенствованием оружия. Ничего по существу этой работы я сказать не могу. Во всяком случае, о том, что А.Д. не даром ел свой хлеб, говорят три звезды Героя, премии и избрание тридцатидвухлетнего молодого ученого действительным членом Академии наук СССР.

В связи с этим я не могу удержаться от личных воспоминаний о давно минувшем времени, когда А.Д. невольно сыграл для меня роль доброго ангела. В 1953—1954 годах, когда я был инженером 92-го завода здесь, в Горьком, И.Е.Тамм затратил много усилий, чтобы перевести меня в ФИАН. Хотя он и добился положительного решения на высоком уровне, начальство меня не отпускало, и такое состояние могло длиться долго. И вот однажды я услышал от своего Главного конструктора примерно следующее: «Знаешь, я решил тебя не задерживать. Черт вас, физиков, разберет! Тут мне на днях рассказали про физика Сахарова, он тоже работал на оборонном заводе, а потом таких дел наворотил, что в тридцать лет стал академиком. Ты, конечно, не Сахаров, но все же...»

Возвращаясь к деятельности А.Д. «объектового» периода, я отмечу ряд его идей, выходящих за рамки закрытой тематики и составивших истоки направлений, которые бурно развиваются и сегодня. Сюда относится, прежде всего, идея магнитного удержания плазмы в установках по контролируемому термоядерному синтезу, предложенная А.Д. в 1951 году и разрабатывавшаяся им в сотрудничестве с И.Е.Таммом. Речь идет о применении сильного магнитного поля для предотвращения попадания нагретой до сотен миллионов градусов водородной плазмы (это, как уже говорилось, необходимо для сближения ядер водорода) на стенки установки, предназначенной для мирного использования термо-

ядерной энергии. Сегодняшние установки типа «Токомак», обещающие успех уже в ближайшее десятилетие, представляют собой реализацию этой идеи А.Д. Сюда же примыкает высказанная им десятилетием позже идея о лазерном обжати водородной плазмы, также получившая сегодня бурное развитие. Важные технические применения связаны и с идеей взрывамагнитного генератора, предложенной А.Д. в 1952 году: намагниченное вещество, сильно сжатое взрывом, становится источником сверхсильного магнитного поля рекордной величины (свыше 25 миллионов гаусс).

В этот же период А.Д., как и некоторые другие его коллеги, занимается для души фундаментальными проблемами физики и науки о космосе. Несколько его работ этого периода лежали у истоков новой области науки, космомикрофизики, получившей бурное развитие в последующие годы (деятельность советских ученых в этой области А.Д. возглавил в последний год своей жизни). Космомикрофизика изучает явления на стыке физики микромира (масштабы до 10^{-33} см) и физики космоса (масштабы до 10^{28} см): свойства «малого» и «большого» оказались сплетенными теснейшим образом (недаром символом космомикрофизики служит древнее изображение «Урбороса» — змеи, кусающей свой хвост). Эта область науки представляет собой один из самых отвлеченных, самых глубинных разделов естествознания, прямо примыкающий к философии.

К космомикрофизике относится наиболее знаменитая, пожалуй, идея А.Д., объясняющая явление «зарядовой асимметрии Вселенной». Этим термином называют тот факт, что в окружающем нас мире преобладает вещество (электроны, протоны) и почти нет антивещества (позитронов, антипротонов). Между тем законы природы абсолютно симметричны относительно замены вещества на антивещество, и потому естественного объяснения этого факта пришлось ждать очень долго. А.Д. дал такое объяснение, по тому времени абсолютно дерзкое (и вызвавшее у нас, как я хорошо помню, полное недоумение и недоверие). Пояснение этой идеи требует существенно большего времени, чем я располагаю, и мне придется ограничиться словами о том, что А.Д. выдвинул предположение о неустойчивости, распаде протона, хотя и весьма медленном, которое и позволило ему объяснить зарядовую асимметрию. Это предположение было абсолютно несовместимо с нашими представлениями о микромире конца шестидесятых годов,

когда была высказана идея А.Д., и казалось неприемлемым даже психологически — очень хотелось, чтобы в нашем зыбком и быстро меняющемся мире хоть что-то было стабильно. Однако прошло каких-то десять—пятнадцать лет, и наука пришла к выводу о неизбежности распада протона, и сегодня теория Сахарова, соответствующим образом усовершенствованная, общепризнана, а экспериментаторы многих стран ищут продукты распада протона.

Другая идея А.Д., которую я считаю самой замечательной и глубокой из его идей, относится к пониманию природы сил тяготения. Я опять-таки не имею возможности говорить о существе дела и ограничусь приведением некоторой аналогии. Когда я начинал свою работу на заводе, со мной сыграли традиционную шутку. Известно, что, когда на корабле появляется салага, его посылают делать что-нибудь бессмысленное или невыполнимое — например, драить якорную цепь. Так вот меня послали разнять две притертые плитки Иогансона (это идеально отшлифованные стальные пластинки, используемые для разметки) и отнести одну в одно, другую в другое место. Но разнять эти плитки практически невозможно — настолько сильно притяжение между ними (физикам будет понятно, если я упомяну о силах Казимира). По идее А.Д. силы той же природы действуют и между тяжелыми телами — например, между Землей и Солнцем, и в понимании природы тяготения он, как я твердо считаю, сделал следующий шаг после Эйнштейна.

Завершая разговор об «объектовском» периоде жизни А.Д., важно подчеркнуть, что именно тогда в нем произошла эволюция от простого ученого до правозащитника. Нужно сказать, что многие люди, кому пришлось заниматься ядерной тематикой, задавали себе проклятый вопрос: что скажут потомки, поблагодарят за нашу работу или проклянут? Конечно, А.Д. тоже задавал себе этот вопрос, отвечая на него, как и многие, что он работает на ядерный паритет, который и служит условием мирного сосуществования. Уж так получилось, что после Резерфорда немецкая ядерная физика занимала передовые позиции, немцы первыми открыли реакцию деления урана, у немцев в руках были крупнейшие в Европе месторождения урана в Чехословакии. Поэтому угроза, что именно немцы сделают атомную бомбу, была вполне реальна. Эмигранты из Германии и Италии расшевелили сонную Америку, и американцы первыми стали обладателями бомбы. Со-

ветскому Союзу пришлось догонять, но, создав урановую бомбу, он не мог остановиться — в США уже велись работы по еще более мощной водородной бомбе.

Однако внеся решающий вклад в создание советского термоядерного оружия, А.Д. не смог успокоиться. Он ясно осознал (и этому, вероятно, способствовало его участие в испытаниях мощной бомбы, кончившихся трагически по тупости военного начальства), что ядерная война будет абсолютно губительной для человечества и потому одного только ядерного паритета недостаточно для выживания. Он понял, что международная безопасность возможна только при условии международного доверия, которое предполагает соблюдение прав человека и полную открытость общества. Есть все основания думать, что сказанное и предопределило активность последующей деятельности А.Д. как гуманиста и общественного деятеля.

В 1968 г. он излагает свои взгляды в знаменитом «меморандуме Сахарова», носящем название «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Этот труд кому-то показался несовместимым с той деятельностью, которую А.Д. вел во ВНИИЭФ, и в 1969 году он был лишен своих допусков и вернулся старшим научным сотрудником в ФИАН. Так начался третий период научной деятельности Сахарова, длившийся с 1969 по 1980 год.

Вернувшись в ФИАН, А.Д. продолжает заниматься космо-микрофизикой. Общаясь с другими специалистами в этой области, он, имея на своем счету выдающиеся идеи, о которых говорилось выше, мог бы держать себя как мэтр. Однако этого не только не было, но более того, у А.Д. ощущалась некоторая неуверенность и уж во всяком случае априорная уважительность к людям, которые систематически занимались тем, что он сам был вынужден делать урывками. Помню, например, семинар с докладом А.Д., после которого выступил некий молодой самоуверенный теоретик, критиковавший А.Д. в том духе, что какое-то утверждение можно было обосновать строже, что нечто сделал еще раньше Швингер. От такой критики чаще всего просто отмахиваются, но А.Д. засел после семинара со своим оппонентом и долго с ним разговаривал. Вероятно, А.Д. почувствовал в нем специалиста, а такие вещи, как тон и характер критики, были для А.Д. несущественными.

И вот наступил несчастный январь 1980 года. И А.Д. привезли сюда, в Горький, в бессудную ссылку, которая длилась семь лет. ФИАН добился того, что А.Д. по-прежнему оставался сотрудником института с правом принимать у себя раз в полтора-два месяца своих коллег для информации о научных новостях и для совместных дискуссий по работам, которые А.Д. делал в Горьком. Три раза довелось ездить к А.Д. и мне. Я ограничусь рассказом об одном смешном эпизоде, связанном с этими поездками, который характеризует отношение А.Д. к работе. Мы приехали вместе с молодым сотрудником (значительно уступающим А.Д. в росте и объеме) и засели за работу. Потом А.Д. сказал, что ему холодно, ушел в переднюю и вернулся одетый в куртку. Мне вроде бы показалось, что куртка сидит на нем как-то странно, но мы просидели за работой добрых несколько часов. А потом, когда мы собрались уходить, мой спутник говорит: «А.Д., верните мне мою куртку». Когда А.Д. работал, физические неудобства отходили для него на задний план, он их просто не замечал.

Последние три года жизни, после своего второго возвращения в ФИАН, А.Д. очень много занимался, как вы все знаете, общественной деятельностью. Однако и в этот период он находил время для науки. Для него была характерна способность быстро откликаться на события, держа руку на пульсе времени. Так, на черномыльскую катастрофу он откликнулся проектом подземной атомной электростанции, считая, что дополнительные расходы на ее строительство окупятся не только безопасностью в аварийной ситуации, но и необходимостью демонтажа и захоронения обычной наземной АЭС по истечении ее ресурса — порядка 30—40 лет. Откликом на спитакское землетрясение в Армении стала разработка А.Д. его более ранней идеи о предупреждении землетрясений с помощью глубинного подземного атомного взрыва. Речь идет о взрыве в опасном с точки зрения землетрясений районе, способном привести к измельчению породы и снятию тех напряжений, накопление которых могло бы привести к землетрясению.

Завершая свое выступление, хочу рассказать о своем первом знакомстве с А.Д., которое произошло в начале 1955 года. За недостатком места я тогда сидел в кабинете Тамма. И вот однажды прибежал Игорь Евгеньевич (он не ходил, как все, а именно бежал) и радостно сообщил, что сегодня появится А.Д. Затем открылась дверь, и в сопровождении охранника — «тени» — поя-

вился высокий, еще молодой человек с лицом молодого Достоевского. Это сходство мне кажется не случайным. Впоследствии я не один раз ловил себя на мысли, что А.Д. — посланец из того далекого времени, когда русская интеллигенция была умом, честью и совестью эпохи в подлинном значении этих слов.

Я не уверен, что мне удалось оправдать в глазах неспециалистов те эпитеты «выдающийся», «крупнейший», которые совершенно заслуженно присваиваются ученому Сахарову, но я все же надеюсь, что дал возможность почувствовать масштаб его фигуры.*

ОСНОВА ВСЕЛЕННОЙ МОЖЕТ РАСПАДАТЬСЯ

Д.С.Чернавский, доктор физико-математических наук, ФИАН

Я тоже хотел бы поделиться воспоминаниями о том, какой Сахаров был ученый, какой он был человек и как он жил в вашем городе...

Начав заниматься наукой еще в эвакуации, А.Д., как и всякий молодой человек, хотел одарить мир новой теорией мироздания.

Почему же он, гуманист, ученый, взялся за создание водородной бомбы? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно чувствовать ситуацию тех лет. Я расскажу, как сам ее чувствовал. Я был студентом МИФИ. Была «холодная война». В Америке уже создали атомную бомбу, в Союзе ее не было. Была довольно накаленная атмосфера. В газетах — сообщения, типичные для того времени: «Сенатор такой-то, выступая в сенате, предложил окропить Россию атомными бомбами, дабы искоренить коммунизма». Я не был ни партийным, ни комсомольцем даже, как и А.Д. Но первая часть выступления сенатора мне сильно не нравилась. И я помню, что сам готов был сделать все, чтобы не окропили. Ну а более серьезно, вот что понимали люди тогда: необходимо равновесие сил. Вот А.Д. и занялся водородной бомбой. В 1949 году у нас бы-

* В публикации моего выступления в газете «Ленинская смена», № 23 от 1 февраля 1990 г. редакцией допущены неточности.

ла взорвана атомная бомба, в этом Сахаров участия не принимал. Началась гонка за создание водородной бомбы.

В Америке пошли по тривиальному пути и, действительно, создали водородное устройство. Оно было очень громоздким: дом такой, несколько метров в высоту, ширину, нечто нетранспортабельное, своеобразный монстр. Его построили на одном из островов атоллы Энвиток, взорвали. Действительно, сила взрыва была большой. Атоллы не стало. Но стало ясно, что это не оружие, это не бомба.

У нас работы пошли по другому пути, найдено было нетривиальное решение. И благодаря этому нетривиальному решению было создано устройство столь же мощное — то есть в тысячу раз более мощное, чем атомная бомба, — но транспортабельное, компактное, сравнительно нетяжелое. Короче, была создана водородная бомба. А результат таков: Советский Союз получил абсолютное военное преимущество на сравнительно короткий срок. Как этим воспользоваться — это другая тема.

Ну, а теперь: в чем здесь проявился талант, или гений, Сахарова? Вот в чем: чтобы такое создать, нужно было объединение в одном лице таланта физика, химика, инженера. Нужна была способность принимать нетривиальные решения и способность видеть проблему в целом. Всем обладал Сахаров и все вложил в свое первое изобретение.

Другой пример. Он касается уже космологии или, точнее, теории мироздания. Ею Сахаров начал заниматься еще на объекте, а полностью отдался ей, вернувшись в ФИАН в 1969 году, после опубликования своего знаменитого манифеста.

Я расскажу, как представлялось мироздание (или теория вселенной) в шестидесятые годы и как теперь. Раньше многим казалось, что вселенная одна. Вопрос в том, какая она. Какова картина мира сейчас? Совсем другая: вселенных много. Свойства их зависят от того, какие в них элементарные частицы. Свойства элементарных частиц и законов развития вселенной очень тесно связаны. Выяснилось, что вселенные рождаются, развиваются, умирают. Тут очень много общего с эволюцией жизни, что меня как биофизика особенно трогает. Такая живая картина вселенной существенно отличается от прежней.

Надеюсь, что передал вам ощущение этого многообразия и в то же время единства во всем многообразии. В создание, а точ-

нее в понимание, в осмысление этой картины Сахаров внес очень большой вклад. В частности, наиболее яркий его вклад таков: основа нашей вселенной — протон — может распадаться.

Сперва это было встречено, мягко выражаясь, скептически. Но потом, через много лет, к этому же пришли другим путем. И результат был объявлен результатом века. А эксперимент, который должен был это подтвердить или опровергнуть, — экспериментом века. Эксперимент тяжелый, трудный, он идет сейчас. В чем здесь проявился гений Сахарова? В способности видеть не каждую отдельную часть, а единую гармонию, мир в целом, в универсальности и гармонии всего мира.

Таким был Сахаров-ученый. А какой он был человек? На мой взгляд, самая его важная черта — доброта. Доброта грандиозная, априорная, ко всем, даже, может быть, к своим врагам. Он не мог видеть человеческих страданий. Он всегда хотел помочь человеку. По этому поводу лучше я расскажу случай, которому сам был свидетель. В 1976 году А.Д. и Е.Г. отдыхали в Сухуми. Случилось так, что и мы с дочкой попали в Сухуми, там встретились, более или менее случайно, и проводили время вместе. Вот пошли купаться в Эшеры. Эшеры — это длинный пляж, с одной стороны — густой лес, с другой — море. Сахаров уже был под гласным надзором. И, естественно, за нами увязались молодые люди из органов. Было очень занятно... У нас возникла идея: пойти в лес и поискать очки А.Д., которые он потерял в лесу ровно год назад. Пошли мы по пляжу. А.Д. приблизительно указал место. Свернули в лес, и произошло чудо — очки были найдены!

А когда мы вышли из леса, то увидели такую картину: молодые люди в ужасе, в смятении, они не знают, что делать, ведь они упустили. Сахаров сказал (и это важно): «Надо их успокоить, ведь они страдают. Пойдите и скажите им, что мы очки искали». Кто-то из нас пошел, объяснил им, они успокоились. И я увидел на лице А.Д. выражение, которое передать трудно. Это выражение бывает у очень добрых людей, когда им удастся сделать доброе дело. Вот такой был Сахаров человек...

Вместе с тем он был непримирим к принципиальным убийцам, к идеологическим палачам. Как-то, тоже при мне, зашла речь о Бэла Куне. Это герой гражданской войны, который в Севастополе утопил шесть тысяч пленных офицеров. А.Д. произнес только одно слово: «Палач!». Но при этом в его глазах был совер-

шенно стальной блеск. Доброта у него сочеталась с высокой принципиальностью.

Ну и, наконец, как протекала жизнь в Горьком. Изоляция всегда тягостна — это естественно. Но мне кажется, что А.Д. переживал саму изоляцию сравнительно спокойно, во всяком случае, с достоинством. Дело в том, что у него был свой внутренний, очень богатый мир, отнять который было невозможно. Оскорбляло и унижало само отсутствие свободы, а также некоторые эпизоды и акции со стороны опять же людей из органов. Ему разрешено было видеться с сотрудниками ФИАНа и с детьми. Но это было оговорено условиями. Во-первых, мы, сотрудники ФИАНа, ездили к нему по двое, получив разрешение, примерно раз в два месяца. И с условием не говорить на политические темы. Для нас, как и для всех русских интеллигентов, это было тяжелое условие, ибо для интеллигента российского общаться без обсуждения политики — это смерти подобно. Но тем не менее это выполнялось. Как это происходило? Мы приезжали утром. А.Д. и Е.Г. встречали нас, кормили завтраком, после этого мы все вместе мыли посуду; и начиналась наука, очень интенсивная наука. А.Д. хотел знать все, и сам при этом очень интенсивно работал. Он быстро схватывал — даже то, что к нему, казалось бы, непосредственно не относится. Про биофизику он всегда просил рассказать подробно и очень быстро и тонко схватывал. После обеда А.Д. немного отдыхал — точнее, спал недолго. А потом предлагал: «Давайте отдохнем немножко. Вот у меня несколько интересных задач. Я их придумал. Давайте их порешаем». Я вам доложу: то, что для А.Д. было интеллектуальным отдыхом — решение задач, для обычного физика — тяжелейший труд, потому что задачи были остроумные, трудные, требующие нетривиального подхода. Ну, а после такого интеллектуального отдыха — еще наука, опять наука, вплоть до возвращения.

Когда А.Д. и Е.Г. были одни, их жизнь скрашивалась прогулками. А.Д. любил ездить на машине (по ограниченному маршруту, что тоже, конечно, было неприятно). И, конечно (это рассказывали А.Д. и Е.Г.), счастье было — музыка. Когда удавалось попасть в филармонию, — было счастье. Когда не удавалось (а потом уже и было запрещено), то ждали с нетерпением лекций по телевидению, лекций-концертов, и каждая лекция-концерт была тоже счастьем.

В заключение выскажу несколько парадоксальную, может быть, мысль. Мне кажется — это суждение целиком на моей совести, — что несмотря на оскорбления, унижения, голодовки, трудности, которые он перенес здесь, А.Д. полюбил ваш город. Полюбил его культуру, его дух. Мне так кажется... Благодарю вас за внимание.

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО — КОНВЕРГЕНЦИЯ

А.М.Адамович, народный депутат СССР

Да, вот и я был свидетелем, и мне показалось, что Андрей Дмитриевич о Горьком, о своем горьковском периоде вспоминал с какой-то доброй, хотя и печальной улыбкой. Мы с Владимиром Синельниковым интервью брали у Андрея Дмитриевича, это было полтора года назад. (Материал не публиковался долго.) Андрей Дмитриевич был в каком-то особом настроении, я бы сказал, благодушном, домашнем. Сегодня здесь показали мне на телевидении материал: рассказ милиционера Дроздова, который сидел в коридоре у Андрея Дмитриевича. (Очень интересный и неоднозначный, как у нас сейчас говорят, человек, судя по его рассказу.) Я сразу вспомнил, как об этом Андрей Дмитриевич рассказывал: сидел у него и другой милиционер, каждое утро Сахаров с ним здоровался, а тот ему каждое утро не отвечал. Здравовался вечером — в ответ ни слова. И вдруг стал отвечать. И это был знак — «свыше». Вскоре раздался звонок, из Москвы...

Еще рассказывал, как они ехали с Еленой Георгиевной и очень плохо стало с какой-то женщиной на улице, беременной, они остановили машину и хотели ее подвезти: о, как бросились охранники к их машине. Они всегда оказывались рядом, эти люди в штатском, им сразу стало ясно, что это попытка передать что-то или что-то получить...

Рассказ Андрея Дмитриевича был почти веселый. Не потому, что ему тогда было очень весело, нет. Думаю, все дело в том, что вспоминал победитель, человек, которого ломали, да, ломали, но не сломали. Унижали — но не унизили. Пытались раздавить — но не смогли.

У меня были знакомые — бывшие узники немецко-фашистских лагерей, они очень неохотно рассказывали про то, как все там было. Я знал, что они не любят встречаться друг с другом: не хочется видеть тех, кто помнит, в какое животное состояние тебя загоняли и, может быть, загнали. С Сахаровым у наших «капо» не вышло.

Кстати, был у нас с Андреем Дмитриевичем разговор относительно бомбы. Я как неисправимый пацифист начал пытаться Андрея Дмитриевича, есть ли у него «синдром Оппенгеймера». И он мне сказал — нет. Я три раза заходил с разных сторон, он все время меня отшвыривал — нет. Но может быть, когда-нибудь будет? Он даже и этой надежды не оставил.

И тем не менее теперь я абсолютно уверен, что так оно и было, как рассказал Давид Абрамович, что именно бомба сделала его правозащитником, когда понял, какое он страшное оружие отдал в руки политиканов, неподконтрольных народу. Оно само по себе безумно опасно, это оружие. Но в несвободном обществе особенно. И это, конечно, сделало его правозащитником.

Но поразила меня одна его фраза, совершенно невероятная по силе и жутковатости: «А вы знаете, как хорошо пахнет, какой свежий воздух после атомного взрыва? Озоном пахнет...» Видимо, только Достоевский такой образ мог бы извлечь из своей фантазии. Физик же его просто констатирует, как факт, как реальность. Вот тогда мне стало понятно, что пацифизм гуманитария и пацифизм физика — это вещи очень разные, и тут мы не всегда способны друг друга понять.

Но что я понял хорошо из того разговора, так это сердцевину его взглядов — идею конвергенции. Он об этом говорил с особым чувством, и ясно было, что эта идея ему особенно дорога.

А между тем сахаровская конвергенция пугала наше начальство, и наших философов, и обществоведов больше, чем любая вражеская бомба или НАТО. Конвергенция — этого слова жутко боялись, его до сих пор у нас обходят стороной, ищут ему замену и сегодня, хотя именно конвергенция положена в основу нашей перестройки.

И не только нашей. Почему западные страны, те, которым мы завидуем сегодня, Швеция или ФРГ, почему они сегодня процветают и почему мы в такой яме? А именно потому, что они приняли конвергенцию давно, хотя, казалось бы, ничего общего с

нами не хотели иметь, с нашим социализмом, с нашим тоталитаризмом. Это их никогда не прельщало. Но социалистическую идею как идею социальной защищенности трудящихся они воплотили куда полнее, чем страны «реального социализма».

Мне финский капиталист сказал: «Знаете, я Маркса лучше изучил, чем ваши политэкономы и философы». Оно так и есть. Вот они эту конвергенцию, то есть соединение рыночной экономики с социальными гарантиями, с социальной защитой человека, социальной справедливостью, давно приняли и давно ее развили. Они именно по этому пути пришли к тем успехам, которые заставили Айтматова сказать на Съезде, что вот в Швеции социализм построен, хотя они про это и не кричат.

Принять и развить идею и практику конвергенции для нас означало бы, в частности, принять частную собственность. Но мы ее по-прежнему боимся, даже слово это произнести — просто ужас охватывает какого-нибудь экономиста. На Съезде народных депутатов Рыжков посчитал нужным от него откреститься — какая уж тут конвергенция! Слова боимся по-прежнему. Но мы перестанем бояться. И это будет не тот наш социализм, который нам только в страшном сне будет сниться. И это будет не классический капитализм. Это будет та самая конвергенция, которую предсказал нам Сахаров.

Интересно: иногда мы встречаемся на Западе с людьми, которые из своего благополучного далека уговаривают нас не расставаться с социализмом, а продолжать эксперимент. Им от этого прямая польза. Не кто иной, как Маркс, помог им выйти из кризиса двадцатых годов. Рузвельт не случайно имел репутацию «почти красного». У них и поныне много иллюзий о нашей жизни — от незнания.

Помню, встретился я с менеджерами в Западной Германии, рассказал им о том, что мы хотим завести у себя рынок. Они слушали, слушали, а потом встает один и говорит: зря вы это делаете. Да, у нас (т.е. у них) все есть, товары, продукты, но «нравственность у нас низка». А вот у вас все по-братски, все справедливо, у вас нравственность и духовность выше. Пришлось огорчить их: знаете, у нас сама экономика замешана на лжи, у нас не может быть директора, прораба, мастера, рабочего, который бы мог до конца честно работать и зарабатывать. В самой

структуре экономики заложена «выводилка», показуха, ложь. О какой нравственности можно говорить!

В Нью-Йорке пошли что-то купить, разговаривали по-русски. Продавец откликнулся: «А, так вы русские!» Бросил свою тележку и к нам: «Что у вас там делается?» Так сердито спрашивает, так требовательно. «А что у нас делается?» — «Да у вас в магазинах ничего не стало». Ну, говорим, не стало. «Стыдно нам, русским, здесь за вас там». И вдруг прозвучал голос, такой знакомый, родной: «Вот при Сталине было все. И порядок был». — «А чего же ты сбежал?» — «Нет, вы там не вздумайте отказываться от социализма!» Чего же ты побежал, оставил нас одних строить дальше?

Вот и этому, издали, хочется, чтобы мы не слишком приближались к тому капитализму, к которому он прямо сбежал.

В Финляндии, в посольстве, довелось мне выступать, перед нашими и не нашими, в Центре дружбы. Слушают финские старушки, ничего не понимают, что он там говорит и что у них там (т.е. у советских) происходит, но вдруг поднимается западный немец, понимающий по-русски, и гневно говорит: «Вы вот такими делами, которые Горбачев начал у вас, подрываете наши позиции в ФРГ, наше строительство социализма в ФРГ». Я тут тоже разозлился: «Все! Мы этот спектакль играли для всего мира, мы со сцены уходим, теперь залезайте вы на сцену и давайте, играйте, с нас достаточно!»

Все это к тому, что с нашим, с таким социализмом нам расставаться придется, как бы это ни было трудно. Потому что приходится расставаться с предрассудками, с бездельем, с плохой работой, с обеспеченной полунищетою, которой мы развращены, как это ни удивительно. Но думаю, что идея конвергенции, которую Сахаров сформулировал, наконец овладеет нашим обществом. История ждет, что мы осуществим эту идею и построим, наконец, нормальную жизнь.

Вопрос:

— *Видели ли вы когда-нибудь живым вашего коллегу по перу Н.Н.Яковлева, если да, то есть ли у него лицо?*

А.М.Адамович:

— Не заметил. Я его не знаю, а знаю других двух Яковлевых — очень хороших людей. Но я слышал от самого Андрея Дмитриевича, что он ему оплеуху дал. С каким же удовольствием

этот интеллигент, этот человек, который совершенно не способен на грубое слово, рассказал, как он съездил Яковлева по физиономии. Было просто радостно слушать и видеть. Это, по-моему, он считает своим главным подвигом в жизни, мужским.

Вопрос:

— *Кто, по вашему мнению, содержит компартию у нас?*

А.М.Адамович:

— Вы содержите, что за тайна?

Вопрос:

— *Может быть вторая партия у нас?*

А.М.Адамович:

— А как ее прокормить, вторую-то партию? Не прокормим...

Вопрос:

— *Судя по всему, вы считаете М.С.Горбачева миролюбом, не способным стукнуть кулаком по столу. Как это соотносится с его диктаторским поведением на Съезде? Он перебивал выступающих, он не прекратил травли большинством Сахарова. Он не производит впечатления миролюбивого человека.*

А.М.Адамович:

— Ну, смотря чем измерять миролюбие. Я вам могу прямо сказать, я звонил человеку, близкому к М.С.Горбачеву, и спрашивал, почему он опять так с ним разговаривает... Специально звонил. Тот засмеялся и сказал: ну что вы хотите, он же живой человек. Живой человек, который очень рассердился на Андрея Дмитриевича за призыв к забастовке. Горбачев воспринял дело так, что в ситуации, когда все на острие, мы подложили еще и такую мину. Он живой человек, у него есть реакция, есть определенная школа, комсомольская, партийная... И — что же вы? Судить надо по поступкам.

На днях подошли ко мне молодые ребята. Понимаете, говорят, мы всегда уважали Горбачева, но почему он в Прибалтике сказал, что свобода — не самое главное. Больше мы не можем к нему по-прежнему относиться.

Ну скажите, какая разница, что он там сказал? Он ведь политик. Важно, что он туда поехал на машине или на самолете, а не на танках. Он не пустил туда танки, вот что главное. Можно говорить о человеческих недостатках. Но то, что он один из лидеров, который не хочет крови, я убежден. И очень огорчен, что

войска введены в Баку, причем, не по решению Верховного Совета. Не хотелось, чтобы он был повязан этими событиями...

Вопрос:

— *Ваш прогноз на 1990 год, в частности, ситуация в Закавказье, судьба Горбачева?*

А.М.Адамович:

— Вы принимаете меня за Вангу, за ту болгарскую женщину, которая все это могла бы вам объяснить за небольшую мзду...

ОН ПОМОГАЛ ВЫЖИТЬ

В.И.Бахмин, правозащитник

Мне пришлось со студенческой скамьи принимать участие в правозащитном движении, то есть в какой-то степени быть соратником А.Д.Сахарова. Мне приходилось много раз встречаться с ним. Как правило, это были деловые встречи, они касались нарушений прав человека, мы обменивались информацией. Встречались на прессконференциях, встречались у зданий судов. Это были обычные места встреч правозащитников того времени — шестидесятых—семидесятых годов.

Впрочем, были и иные встречи. Например, в 1973 году, когда против Андрея Дмитриевича началась организованная травля во всех средствах массовой информации, ему и его семье посылались всевозможные угрозы. Появились даже какие-то люди, назвавшие себя деятелями организации «Черный сентябрь». Они-то и грозили расправиться с членами семьи Андрея Дмитриевича, с его родственниками. Вот в тот момент я, тогда еще студент, и ряд других ребят организовали некое подобие дежурства. Мы по очереди сопровождали Сахарова, когда ему надо было куда-то пойти, ходили с ним на прогулки. Во время прогулок, естественно, разговаривали. Он, например, рассказывал о Москве, о ее истории. Вообще, с ним было очень интересно... Но одновременно все время оставалось ощущение, что положение его очень трудное, что ему тяжело, страшно за близких.

И еще одно, может быть, знаменитое событие. Как раз десять лет назад, в день, когда Андрея Дмитриевича выслали из Москвы. (Впрочем, даже назвать это высылкой как-то странно,

ведь никакими законами такое действие — то, что было сделано с ним, — не предусмотрено. И это, конечно, не высылка и не ссылка, а просто акт элементарного беззакония по отношению к человеку). Так вот, я в этот день разговаривал по телефону с Еленой Георгиевной Боннэр, и она пригласила меня зайти к ним, чтобы ознакомиться с письмом-протестом против ввода войск в Афганистан и, может быть, подписать его. Мы договорились, что я приду в три — в начале четвертого. Но я задержался на работе и подходил к дому на улице Чкалова где-то около четырех часов дня. Когда я уже был недалеко, ко мне подошли два молодых человека крепкого телосложения и сказали: «Ну, что же ты, Слава, так долго, мы здесь совсем замерзли, сколько тебя можно ждать — ведь обещал в три часа». Меня взяли под руки, посадили в машину, которая стояла тут же, и куда-то повезли. Я тогда не понял, в чем дело.

Некоторые узнали, что А.Д.Сахарова выслали, из радиопередач, другие — из телефонных звонков друзей, а я узнал вот таким странным способом. Меня отвезли в ближайшее отделение милиции. Я сначала подумал, что это арест, но никакого обыска, никакого допроса не было. Я просидел в милиции несколько часов и успокоился, только когда увидел знакомое лицо, Марию Гавриловну Подъяпольскую, которую таким же образом доставили в то же отделение. Она дала мне понять, что что-то случилось с Сахаровым. Ну, а если что-то с Сахаровым, даже если у него только обыск (это первое, что пришло в голову), то значит произошло нечто серьезное. И серьезное не только для него, а для нас всех, потому что Андрей Дмитриевич до той поры был фигурой, огражденной своим именем, своим мировым авторитетом, своей Нобелевской премией, и его старались не трогать напрямую.

Когда через несколько часов нас выпустили, я узнал, что Сахаров схвачен на улице, что ему сообщили Указ Верховного Совета о лишении его всех наград и высылке в Горький.

Хотелось еще сказать немного о той атмосфере, в которой мы все тогда жили, о том, чем занимался Андрей Дмитриевич и что было нашим делом тоже. В частности, о той проблеме, которой он уделял очень серьезное внимание и которая действительно была чрезвычайно важна, — злоупотребление психиатрией в Советском Союзе. Эта проблема до сих пор актуальна и, наверное, имеет смысл говорить о ней и сейчас.

Злоупотребления начались довольно давно, и можно понять, почему. Ведь даже обычному советскому человеку не очень понятно, как можно активно протестовать против того, что происходит в нашей стране. Протестовать можно, если за это платят, если имеешь от этого какую-то выгоду. Ну, и если ненормальный... Ведь ясно, что из протестов реально ничего не выйдет. Подобный подход был взят на вооружение и нашими властями: в свое время Хрущев заявил, что против нашей власти могут бороться только сумасшедшие. Людей за их убеждения стали карать психбольницей. Стали множиться случаи таких злоупотреблений. Может быть, наиболее известный случай касался генерала Григоренко. Это замечательный человек, о котором, наверное, еще много будут говорить и который когда-нибудь станет известен всем в нашей стране. Судьба его была очень трагичной, поскольку он умер на чужбине и до сих пор не реабилитирован. Он провел четыре страшных года в Черняховской спецпсихбольнице. Почему именно эта сторона злоупотреблений, эта сторона нарушений прав человека имеет особенно важное значение? Да потому, что человек, который находится в психбольнице, которого официально признали сумасшедшим, лишен даже тех элементарных прав, какие есть у самого последнего заключенного. Он даже не может жаловаться, его никто не будет слушать. С ним могут сделать все, что угодно, а ведь в спецпсихбольницах санитарами часто работают уголовники, для них в этом заведении появляется возможность проявить свои дурные наклонности. Они могут даже убить пациента, их, возможно, накажут, могут списать снова в лагерь, в зону — но ведь человека уже нет!

Понимаете, человек в таком состоянии совершенно бессилен. Заключение в психбольницы пережиты некоторыми моими близкими знакомыми. Страшная история произошла с Леонидом Плющем, которого посадили в Днепропетровскую спецпсихбольницу. Через несколько месяцев навестившая его жена не могла его узнать. Он был не в силах говорить, его всего раздуло от инсулиновых уколов, и он только просил, чтобы его не трогали, не тревожили. Он не мог даже читать. А это человек блестящего ума. Сейчас он живет на Западе, известный публицист, по-прежнему занимается правозащитной деятельностью.

В 1976 году была создана Московская хельсинкская группа. Первой при Хельсинкской группе была образована Рабочая

комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Я стал членом этой комиссии. В нее тогда вошли Александр Подрабинек, Ирина Каплун и Феликс Серебров. В течение трех лет мы собирали сведения о нарушениях прав человека в области психиатрии. Нами было выпущено 24 бюллетеня с информацией о таких случаях. К нам со всей страны шли письма, приходили люди со своими горестями и жалобами. Многие из них требовали и просили, чтобы мы отвели их к академику Сахарову, потому что его имя тогда было очень хорошо известно и пользовалось очень большой популярностью. Все считали, что именно он-то и может защитить. Ходоки шли в дом на Чкалова непрерывно, мы же старались частично взять «удар на себя». Иногда нам звонила Елена Георгиевна, направляя к нам ходоков «по профилю».

У нас был свой психиатр, мы делали независимые обследования, посылали результаты этих обследований в международные психиатрические организации, в результате кое-чего удалось добиться. Может быть, вы знаете, что перед предпоследним Всемирным конгрессом психиатров советское общество психиатров было вынуждено выйти из состава Всемирной психиатрической ассоциации, поскольку иначе его ждало позорное исключение. И только сейчас, шесть лет спустя, на конгрессе, который завершился в прошлом году в Италии, советские психиатры были условно вновь приняты в психиатрическую ассоциацию, хотя дела с нарушениями прав человека в этой области далеко не блестящи. Хотя и приняты некоторые законодательные акты, но в руководстве люди остались те же. На конгресс ездили те же люди, что представляли Советский Союз и ранее, причем держали они себя свободно и уверенно, совершенно не стыдясь того, что было ими сделано.

Ну, а наша группа активно действовала до 1980 года. Как раз после высылки Андрея Дмитриевича начался настоящий погром правозащитного движения. Уже через несколько дней были арестованы члены редколлегии журнала «Поиск». Потом пришел черед и нашей комиссии. Меня арестовали 12 февраля 1980 года, а потом в течение года по очереди арестовали всех членов группы.

Нужно сказать, что имя Андрея Дмитриевича не только помогало выжить в тяжелых условиях лагеря, но как бы служило паролем в том мире, потому что к нам, тем, кто сидел в уголовных, а не в специальных политических лагерях, уголовники относились обычно очень хорошо. Они считали себя в какой-то степени нашими коллегами, поскольку полагали, что по-своему борются против того, что происходит в нашей стране, правда, несколько своеобразным способом. Поэтому им были симпатичны люди, которые понимали ситуацию в стране и пытались что-то изменить. А уж Андрея Дмитриевича знали все. Если в зоне был человек, лично знакомый с Сахаровым, то, конечно, на этого человека распространялись все симпатии, относящиеся к Андрею Дмитриевичу. Поэтому он помог выжить не только тем людям, которым он непосредственно помогал, за которых лично вступался, но самым фактом своего существования он поддерживал многих, облегчал существование в тяжелых условиях лагерей, ссылок.

Вот, наверное, и все. Если есть вопросы, я готов ответить.

Вопрос:

— *Сколько политзаключенных в СССР сейчас и в каких условиях они находятся?*

В.И.Бахмин:

— Довольно стандартный вопрос, его все задают. Но не надо ли сначала прояснить, что такое политзаключенный?

Как у нас заявляют в газетах (например, в «Аргументах и фактах», в частности), сотрудники КГБ клянутся, что никаких политзаключенных сейчас уж нет. Впрочем, они говорили об этом и раньше, а потом выяснилось, что они все же есть. Но сейчас уж точно нет, потому что нет людей, которые сидят только по 70-й статье или только по 190-й, да, впрочем, их и отменили.

Так вот, я бы так не мог сказать не только потому, что есть еще люди, которые сидят по 70-й статье в совокупности с другими статьями. А еще и потому, что не только эти две статьи нужно иметь в виду. Есть другие статьи, по которым сажают людей за их убеждения или за выражение их гражданской позиции. Есть такие статьи, как отказ от службы в армии. Когда человек отказывается идти в армию по своим религиозным убеждениям или из-за своей нравственной позиции — его судят. Он политический заключенный или нет? Или, например, когда человека хоте-

лось бы посадить по политической статье, а политических статей вроде бы нет, — тогда ему устраивают инсценировку какого-нибудь уголовного преступления и сажают.

Были, например, случаи, когда так сажали за изнасилование. Меня тоже сажали за хулиганство, когда я, уже после лагеря, жил под надзором в Калинин. Мне просто устроили элементарную провокацию, появились свидетели, был даже синяк под глазом у «потерпевшего», которого я и пальцем не тронул. То есть было все, что необходимо. Мне дали три года лагерей за хулиганство, и только потом, после кассации, этот приговор был заменен другим, более мягким, и статью изменили на 112-ю — взаимная ссора с нанесением побоев, которых, как я уже говорил, не было. Как называть таких осужденных? Наверное, политическими заключенными?

А сколько людей сидит еще в психбольницах с давних времен! Там вообще нет срока, там человек находится до полного излечения, а признак излечения — отказ от убеждений, признание, что ты болен. Как их считать? Тоже политзаключенными?

Сейчас мы пытаемся следить за этим, собираем фамилии людей, которых считаем политзаключенными или которые могут претендовать на это право. Жаль, что не всегда есть достоверная информация об этих людях. В таком списке сейчас от 100 до 150 человек. Правда, с оговорками, что по многим случаям требуется дополнительная информация, которую нам, конечно, ни прокуратура, ни органы МВД пока не дают.

Вопрос:

— *Ваше мнение о возможности общественного контроля над КГБ в нынешней ситуации, при незыблемости статуса КГБ.*

В.И.Бахмин:

— Думаю, ответ более-менее очевиден. Контроль необходим. Я бы вообще поставил под сомнение право этой организации на существование в ее теперешнем виде с ее теперешними функциями. Так считают многие. Думаю, что незыблемость статуса КГБ связана с незыблемостью нынешнего режима.

Комитет по контролю за КГБ и армией существует в Верховном Совете. Впрочем, члены его, насколько известно, сами принадлежат в большинстве к этим двум ведомствам. Понятно, что это за контроль...

ЗАЩИТИТЬ ЖИВЫХ И УШЕДШИХ

Д.Г.Юрасов

Уважаемые новгородцы! Товарищи горьковчане! Я так к вам обращаюсь потому, что чувствую поляризацию в зале. Однако хочу сказать, что в дальнейшем я вижу будущее чтений в том, что эти вечера должны превратиться из вечеров воспоминаний в конкретные демократические форумы. В этом их будущее. Обращаюсь к организаторам, участникам, слушателям: сделать форумы доброй и хорошей традицией, иначе воспоминания останутся воспоминаниями.

Ведь все дело в том, как мы будем нести Сахаровское знамя. Теперь оно упало. А нам надо идти дальше.

Я с Сахаровым познакомился в 1987 году, когда непосредственно занимался организацией «Мемориала». Наши отношения по линии «Мемориала» носили чисто деловой характер, а я не люблю навязывать себя знаменитостям, очень не люблю звонить, понимая их занятость, учитывая их возраст, проблемы, которые на них висят. Но был случай, когда я, Галина Старовойтова и Андрей Дмитриевич побывали в Челябинске на месте массовых захоронений, которое было произведено органами НКВД на Золотой Горе. Это страшное место. Открылись могилы с останками невинных жертв. Счет на десятки тысяч загубленных душ.

Инициативная группа «Мемориал», организованная в Челябинске, сейчас зарегистрирована. Деятельность «Мемориала», о которой я буду говорить, существенно различается в разных городах.

Как я понял из разговоров о горьковском «Мемориале», работа здесь в зачаточном состоянии. И это очень плохо, так как сейчас интерес к «Мемориалу» падает, и падает не случайно. Причин много. Поначалу мы действительно были завалены грудой публикаций о репрессиях тридцатых годов, завалены до предела. Это многим надоело, потому что превратилось в кампанию, а у нас известное отношение к кампаниям. Сейчас публикации о «Мемориале» просто-напросто прекратились, потому что «Мемориал» по ходу своего развития эволюционировал. Сегодня «Мемориал» не тот, что был два года назад.

Сначала была инициативная группа молодых людей. Мы стали выходить на площади, на улицы, собирать подписи под обращениями о создании мемориала. Нас штрафовали, отвозили на комедию суда за нарушение общественного порядка. Мы только спрашивали: почему? На сбор подписей ведь разрешения не надо...

Вскоре мы стали обращаться к лицам, которые нас могли поддержать, и один из них был Андрей Дмитриевич Сахаров. Затем произошла учредительная конференция. Сахаров был избран почетным председателем «Мемориала». Его работа в «Мемориале» просто бесценна.

Сахаров ставил вопрос о регистрации «Мемориала» неоднократно. Были хождения к А.И.Лукьянову, который мотивировал нерегистрацию «Мемориала» тем, что у нас отсутствует закон об общественных организациях. Действительно, такого закона нет. Но вопрос о регистрации возник именно потому, что появились различные неформальные образования, которые должны жить и существовать. Стало быть, причина нерегистрации формальна.

Партократия идет на любые ухищрения, лишь бы не дать хода, лишь бы не дать возможности развиваться неформальным образующимся структурам. «Мемориал» до сих пор не зарегистрирован во всесоюзном масштабе, а 70 отделений, которые существуют в городах, зарегистрированы. Я это рассматриваю как абсурд.

Существуют отделения несуществующего всесоюзного общества. У нас отобран счет, счет до сих пор нам не вернули. Отобран он был старым составом Минкульта во главе с министром Захаровым. Пока этот вопрос не обсуждался, но члены правления будут бороться за то, чтобы счет возвратить. На нем сейчас более 2 млн. рублей. XIX партконференция поручила Министерству культуры СССР только строительство памятника, а распоряжаться счетом указания не было.

Хотя «Мемориал» не зарегистрирован, вопросы видятся гораздо шире той куцей информации, которую преподносят власти. С теоретической частью устава разногласий у нас нет. И занимаемся мы не только теми, кого уже нет в живых. Я непосредственно веду картотеку, распространяю анкеты, получаю тысячи писем. Да, я занимаюсь репрессированными, погибшими, но мне прихо-

дится непосредственно заниматься живыми, нуждающимися в социальной защите.

Когда власти обвиняют в политиканстве «Мемориал» — дескать, занимаетесь не своим делом, — то мы их обращаем к нашему уставу, который был принят на учредительной конференции. Один из пунктов гласит: «Мемориал» ставит своей целью и задачей активно бороться против актов беззакония, против рецидивов сталинизма, бороться за правовое государство. Мы со своим уставом не расходимся. А те люди, которые сейчас освобождаются из «психушек» и получают новые медицинские освидетельствования о своей полноценности для общественной и социальной жизни, нам благодарны за поддержку и заботу.

Нуждаются в защите и те, кто боролся в шестидесятые—восьмидесятые годы и был репрессирован. Ведь они осуждены за то, что все сейчас говорят открыто. Горбачевская амнистия, которая была в 1987 году, освободила этих людей, но не реабилитировала их. Вопрос о полной реабилитации пострадавших эпохи застоя повис в воздухе.

В качестве примера напомним дело Г.Алтуняна. Харьковское КГБ в свое время активно поработало, и в конце концов Алтунян получил срок. Затем был амнистирован, вопрос с реабилитацией проталкивал Евтушенко в ходе предвыборной кампании. Я принимал участие в предвыборной кампании выдвижения Евтушенко по Харьковскому округу. В этом городе недавно разгорелся сыр-бор по поводу участников фальсификации дела Алтуняна, которые и сейчас работают в Харьковском КГБ. Они никуда не ушли и из Харьковской прокуратуры. Евтушенко потребовал, чтобы вопросы профессиональности и нравственности были на первом месте для защитников правового государства. Кстати, он сказал буквально следующее: как может Харьковской прокуратурой руководить человек (он назвал фамилию), который ранее дал согласие на следствие по делу Алтуняна, а сейчас рядится в тогу перестройщика правовой системы.

Будущее «Мемориала» не только в занятиях прошлым и настоящим. Будущее «Мемориала» в преобразовании в правозащитную организацию.

По моему мнению, «Мемориал» должен превратиться в ту общественную силу, которая будет заниматься охраной прав и

свобод человека в Советском Союзе, то есть действовать в духе Хельсинкских соглашений.

Советский Союз Хельсинкские соглашения в 1976 году подписал, но он их не выполняет. Мы собираемся заниматься данными вопросами и потому, что ими не занимаются или не хотят заниматься те, кто должен — наши государственные и правоохранные институты. Именно поэтому в «Мемориал» идут люди.

Скажем, жалуются на Татарскую прокуратуру в Прокуратуру Союза, а из Прокуратуры Союза приходит бумага в Татарскую прокуратуру, человек получает ответ от того, на кого он жалуется. Круговая порука повсюду. Здесь и прокуратура, и МВД, и целая система, которая сохранилась со старых сталинских времен, и работает довольно четко. Тогда люди обращаются к нам: «Вот вы «Мемориал», языком очень хорошо болтаете, а вот вы мне, конкретному Иванову (Петрову, Сидорову) помогите!». А чем мы можем помочь? Ну, есть у нас связь со средствами массовой информации, с газетами, журналами. Есть группа юристов, которая помогает людям. Но мы больше сделать не в состоянии, потому что не зарегистрированы.

Еще одно обвинение: «занимаетесь политиканством!». «Мемориал» неоднократно участвовал в различного рода митингах. Один митинг в Москве был посвящен апрельским событиям в Тбилиси. Второй — был протестом заявлению ЦК КПСС по Прибалтике. Были пикеты у Китайского посольства после событий на площади Тянь Ань Мынь. «Мемориал» активно высказывал свое отношение к рецидивам сталинского мышления, навлекая на себя негодование и раздражение властей.

Сахаров поддержал забастовку воркутинских шахтеров. Я, например, летал в Воркуту, где шли забастовки Воргашорской и других шахт. Как представитель «Мемориала», провел массу встреч с шахтерами в знак солидарности и поддержки справедливых требований. Я спускался в шахты, смотрел, в каких условиях идет работа, как живут рабочие. И поддержка сахаровского «Мемориала» оказалась неоценимой. Власти пытались извратить смысл поддержки: Сахаров и другие межрегиональщики, черт их подери, поддерживают забастовщиков, ведут дело к саботажу, анархии. Но дело было не в забастовщиках, а в том, что впервые забастовщики-шахтеры поставили вопросы назревшие, политические вопросы, помимо экономических, ибо их экономические тре-

бования нельзя разрешить без разрешения политических вопросов. Шахтеры в Воркуте мне говорили: забастовками они борются не за свою майку, не за свою рубашку, а пытаются привлечь внимание страны к тем вопросам, которые назрели и которые не решаются, от которых, например, второй Съезд народных депутатов СССР просто-напросто ушел.

Здесь состоялся разговор о прогнозах на 1990 год. Прогнозы действительно тяжелы. И, по-моему, такое понятие, как Советский Союз, в 1990 году прекратит свое существование. Видимо, страна будет полностью посажена на талоны, и мне кажется, что сейчас Горбачев больше всего боится, что крутые изменения экономики выведут народ на улицы. Мне же кажется, что народ на улицы смогут вывести неотоваренные талоны в дальнейшем. Это может произойти.

В заключение, обращаясь к вам, как к избирателям, хочу вас поагитировать. Не игнорируйте выборы в местные Советы, поддержите демократически настроенных кандидатов. Настоящий психоз, по-моему, будет в феврале этого года, когда партийный аппарат будет делать все для того, чтобы провести своих людей. А апатия очень сильна среди избирателей, и она вполне объяснима тем, что тот кредит доверия, который был оказан депутатам Верховного Совета СССР, не оправдался, то есть взаимосвязь между народными депутатами и избирателями нарушилась. В результате — неверие, апатия. Но я не согласен с мнением, что эти выборы надо проигнорировать. Если мы проигнорируем эти выборы, то, действительно, других выборов может не быть. Просто не будет у нас выбора в жизни.

Сейчас задача состоит в том, чтобы не допустить победы консервативного крыла. Нужно идти на выборы. Нужно голосовать за демократически настроенных кандидатов, чтобы эти демократически настроенные кандидаты могли выбрать Президентом России Ельцина. Стержень программы в том, что законы, которые не идут на союзном уровне, нужно пытаться провести на уровне РСФСР, и тем самым подтолкнуть Верховный Совет Союза, народных депутатов СССР к более кардинальным изменениям.

Два слова о «нумеровском» союзе репрессированных...

Московский «Мемориал» совсем недавно зарегистрировали постановлением Московского Совета, а не регистрировали долго,

требовали изменить устав, сделать его более... гибким. «Крамольные» пункты устава моссоветовских вождей раздражали, и вдруг...

Находится человек, по фамилии Нумеров Н.В., из бывших репрессированных. Он сколачивает группу в противовес объединению репрессированных «Мемориал». Говорит о том, что якобы «Мемориал» не занимается нуждами репрессированных, а занимается политической демагогией. Потом Нумеров проводит собрание репрессированных и недемократическим путем провозглашает себя президентом ассоциации. Переданы все необходимые документы в Московский Совет, и эту ассоциацию Сайкин регистрирует через три дня.

На регистрацию московского «Мемориала» повлияла только смерть А.Д.Сахарова. Я рассказывал на митинге, что было, когда М.С.Горбачев приехал прощаться, когда расписался в траурной книге. Он подошел к Елене Георгиевне выразить соболезнования. И уведомил о памятной доске на здании ФИАНа АН СССР. Боннэр ответила: «Не надо доски, дайте команду зарегистрировать «Мемориал». И после этого пришел отказ в регистрации Всесоюзному «Мемориалу». Горбачев распорядился отказать? Но одновременно была дана команда зарегистрировать московское отделение «Мемориала»...

Вопрос:

— *Почему вы так мрачно одеты?*

Д.Юрасов:

— Потому что жизнь у меня довольно мрачная. Мне приходится по пять часов спать, я буквально разрываюсь. На мне огромная картотека, тысячи писем приходят, анкеты, которые я распространил, опубликованы в десятках городов, в десятках газет... А я ведь веду научную работу и не собираюсь от нее отказываться. И меня выдвинули кандидатом в депутаты, и я дал согласие.

Вопрос:

— *Расскажите о себе. Биографию... Какова ваша биография?*

Д.Юрасов:

— Я 1964-го года рождения, беспартийный. После школы работал в архиве Октябрьской революции, потом в спецархивах. Допуски оформлялись КГБ. Потом конфискация записной книжки, увольнение. Было три вызова в московское КГБ, один раз — в

Днепропетровское КГБ, был незаконный взлом, письмо В.М.Чебрикову — тогдашнему председателю КГБ. Никаких ответов по поводу взлома, конфискации, обыска. Прокуратура вообще отказывается признать факт, что у меня что-то произошло. Материалов изъяли на 40 тысяч человек. Изъятые были наработаны в архивах. Но взяли не все...

Сейчас я лектор Волгоградской филармонии. Живу в Москве, трудовая книжка в Волгоградской филармонии. Читаю лекции по «Мемориалу». С тех пор как меня легализовала программа «Взгляд», я прочел более 170 лекций, побывал в сорока городах. Координирую связь между городами. Кстати, в Горьком «Мемориал» мог бы и более активно работать.

Два раза меня исключали из Историко-архивного института. Сейчас идет третье исключение. Пока что Афанасьев приказа не подписал, но не знаю, как будет в дальнейшем.

Вопрос:

— *Почему вы говорите о репрессиях только 30-х годов? А до...*

Д.Юрасов:

— Нет, почему, и «до» тоже, материал собирается, но невозможно с ходу все рассказать. Я считаю, что материал надо собирать обо всех невинных жертвах, начиная с 1917 года, обо всех погубленных, уничтоженных в результате попытки воплотить утопию.

Вопрос:

— *Согласен ли Ельцин стать Президентом РСФСР?*

Д.Юрасов:

— Об этом он не раз говорил в своих интервью. Более того, выдвинул свою кандидатуру на выборах в Верховный Совет РСФСР от Свердловского национально-территориального округа.

Вопрос:

— *Нашли ли вы общий язык с Афанасьевым?*

Д.Юрасов:

— Нет, не нашел. И вообще-то я и не собирался искать. Дело в том, что на учредительной конференции «Мемориала» произошел неприличный инцидент, когда Афанасьев меня обвинил в том, что по сути дела я отказываюсь учиться и демонстративно об этом заявляю. Я это расценил как выпад и после этого прекратил общаться с Ю.Н.Афанасьевым.

Что касается его деятельности, я ее глубоко уважаю и ценю, но в человеческом плане он для меня после этого выпада много потерял...

Вопрос:

— Почему вы оцениваете решение XIX партийной конференции как указание к действию?

Д.Юрасов:

— Дело в том, что на XIX партийной конференции было принято официальное решение о строительстве мемориала-памятника в Москве. Тогда же на основе решения было поручено Министерству культуры руководить строительством мемориала-памятника. А мы учредили общество «Мемориал». «Мемориал» существовал и раньше. Задачи ставились шире тех, которые были изложены в документах партийной конференции. Одним мемориалом, одним памятником дело не ограничивается, а уж тем более за счет народа. Это вообще бессовестно, по-моему, могут и деньги отдать, и пожертвования сдать, но, по-моему, этот памятник должны поставить власти, которые устроили в стране кровавую бойню, внося тем самым основную лепту.

Вопрос:

— Не кажется ли вам, что пока Генеральным прокурором является Сухарев, никаких изменений в прокуратуре не будет вообще?

Д.Юрасов:

— Сухарева я не знаю, не общался, не было никаких встреч. Снят Теребилов, с которым мне приходилось очень много работать в Верховном суде, думаю, что он и Сухарев — одна команда. Одни уходят, другие остаются.

Вопрос:

— Есть ли у вас материалы по роли Свердлова в организации террора, в рассказывании по ходу гражданской войны?

Д.Юрасов:

— Откровенно говоря, у меня нет. Однако, разговаривая с некоторыми историками, я нашел подтверждения тому, что и Свердлов, и Троцкий принимали активно участие в рассказывании.

Вопрос:

— Почему вас исключают из института?

Д.Юрасов:

— В «Поиске» была публикация о причине... Не сдал сессию, потому что мотался по стране. Мне было страшно некогда, просто некогда. Но я не просил о том, чтобы мне создали какие-либо особые условия, я просил только о единственном: об академическом отпуске. А мне объяснили, что академический отпуск предоставляется по двум причинам: женщинам — по беременности, остальным — по справке от врача. У меня ни тот, ни другой случай. Ну, стало быть, деканат и подготовил бумагу о моем отчислении. Все это к Афанасьеву пошло, он не подписывает, а деканат теперь пытается распространить всякую грязь обо мне, типа того, что я, поступая в 1981 году в Историко-архивный институт, в своем вступительном сочинении восхвалял Брежнева. Нашли мои сочинения. Но про то, что за это сочинение я получил четверку от них же, они не говорят...

Вопрос:

— *Как вы считаете, есть ли возможность установить место захоронения конкретного священника, репрессированного в Горьком, если известна дата расстрела и имеется документ?*

Д.Юрасов:

— Прежде всего надо установить, какие вообще в Горьком существуют места захоронений, и именно в этих местах следует искать останки, потому что обычно тут все и делалось, никуда людей не вывозили. А что касается мест... КГБ правду говорит: в документах нет указания, где человек захоронен. Есть акт о приведении приговора в исполнение. Указано время, есть подписи исполнителей, фамилия начальника команды по приведению приговора в исполнение, обязательно фамилия прокурора по спецделам. Больше никаких сведений нет.

Вопрос:

— *Как вы относитесь к Солоухину, к современным почвенникам?*

Д.Юрасов:

— Не ошибусь, если отнесу, и для вас это не будет открытием, Солоухина к почвенникам. Сама идея вам хорошо знакома хотя бы по публикациям на страницах «Нашего современника», «Московского литератора», «Литературной России», сейчас «Военно-исторический журнал» подключается.

Кстати, вот что я должен обязательно сказать. Мы отмечаем трагическую сороковину, у нас Сахаровские чтения, а «Военно-исторический журнал» делает «свое» дело. Статья Бушина в №№ 11-м и 12-м 1989 года «Военно-исторического журнала» откровенно поливает А.Д.Сахарова грязью в духе семидесятых годов, то есть это буквально Яковлев-89 — таково лицо Бушина. Грязь, оголтелая кампания травли, которая была развернута в семидесятые годы, сейчас поднимается, как будто ничего не изменилось.

Получилось, что в 11-м номере начало публикации, в 12-м номере окончание, а потом, я не знаю, как они успели, но редакция «Военно-исторического журнала» дала подстрочный комментарий, что в связи со смертью А.Д.Сахарова редакция в общем-то скорбит вместе со всеми. Это так чудовищно, что и передать нельзя. У журнала не такой большой тираж, но в библиотеке можно найти. И Бушин, и другие в этой команде работают, не покладая рук, ратуя за возрождение русской идеи в самом худшем ее виде.

Что касается Солоухина. Я не считаю, что нужно открыто конфликтовать, открыто бросать друг в друга камни. Я предлагаю всем сотрудничество, и даже тому Солоухину, который не может отделить палачей от жертв. Я бы предложил — давайте разбираться, правда, трудно в этой катавасии отделить палачей от жертв. Настолько все переплетено, что иногда и невозможно.

Приведу случай. Встретились на «Неделе Совести» две старушки. Одна была подследственной, и другая была подследственной. Но первая была заключенной у следователя, который был мужем второй. У обеих бумаги о реабилитации. Следователя расстреляли, жену его посадили, как и недавнюю подследственную ее мужа. Теперь остались две пожилые реабилитированные женщины, и следователь реабилитирован. Кто найдет судью, кто возьмется отделить палачей от жертв? В том, что произошло в стране, надо разбираться, и не метить направо и налево: тот — палач, тот — жертва. Или, допустим, выписывая фамилии на какую-то стелу (это у нас в общем-то пройдет), найдутся люди, которые будут говорить о том, что Крыленко, например, принимал участие в процессе «Промпартии» как государственный обвинитель, и замечательный Г.К.Орджоникидзе, разговаривая со старыми инженерами, клал по пистолету справа и слева. Разобраться не просто, поэтому Солоухину я предложил бы сотрудничество. Разбираться надо всем вместе, думать сообща.

Но Солоухин на это не пойдет, а отказ от участия в «Мемориале» является скрытой причиной. Солоухин говорит и более хлестко — сынки и дочки так называемых палачей сейчас объединились в «Мемориал», забыли о «раскрестьянивании». Это все неправда, и мы ни о чем не забыли. Мы неоднократно давали наказы нашим народным депутатам — ставить вопрос о реабилитации русского крестьянства. О той волне, которая буквально переломила хребет русскому крестьянству. Это, действительно, по словам Солженицына, был перелом, но только перелом хребта русскому народу и крестьянству как таковому.

Вопрос:

— Из какой вы семьи? Где служили?

Д.Юрасов:

— У меня никто не пострадал, я вышел из семьи, где большинство члены партии, меня не одобряют и отношения у нас до сих пор сложные.

Я служил в 1982—1984 годах в Прибалтийском военном округе, в группе особого назначения, это была работа на нужды разведки.

Вопрос:

— Можете ли вы помочь найти данные о репрессированном?

Д.Юрасов:

— Мне нужно посмотреть документы, потом я отвечу. Но сначала я обязательно должен видеть документы.

Моя будущая специальность, если я окончу когда-нибудь институт, будет называться историк-архивист. Так в дипломе. Архивист в первую очередь смотрит документы, и ему многое становится понятным, он все определяет по тексту. Так же и я работаю.

ПРАВЕДНИК

В.В.Борщов, журналист, правозащитник

Я представляю здесь религиозное движение и хочу сказать о той роли, которую сыграл Андрей Дмитриевич Сахаров в защите прав верующих.

В течение последних семидесяти лет взаимоотношения Церкви и государства были, мягко говоря, драматичными.

Репрессиям подвергались практически все слои общества. Но никогда не говорилось, скажем, о полном уничтожении интеллигенции, крестьянства, военных. А вот такая цель, как полное уничтожение религии, Церкви, а соответственно и верующих, в нашей стране провозглашалась совершенно откровенно.

Гонения на верующих начались сразу же после Октября 1917 года, и к началу двадцатых годов, то есть еще при жизни Ленина и под его непосредственным руководством, было репрессировано более 20 тысяч епископов, священников, монахов, мирян. Сейчас становятся широко известными его распоряжения, призывы к беспощадной борьбе с религией, Церковью, верующими, это был разгул варварства, дикости.

На конференциях, собраниях, к примеру, «судили Бога», и в этих спектаклях принимали участие такие большевистские интеллектуалы, как Троцкий, Луначарский. Вскрывались мощи святых, происходило надругательство над святынями. Священников распинали на крестах, топили в проруби, насиловали и убивали монахинь. К середине тридцатых годов на свободе были только 4 епископа.

Рассказывают, как группу арестованных верующих вывели на пустырь и к каждому подходили и спрашивали: «Есть ли Бог?» Человек, давший утвердительный ответ, тут же получал пулю в висок. Каждый знал, что будет стоять ему такой ответ, и тем не менее все утверждали бытие Бога, заплатив за исповедание своей веры жизнью. Таких примеров мученичества, святости можно приводить множество. И многие интеллигенты, например, Осип Эмилевич Мандельштам, Анна Андреевна Ахматова, поднимали тогда свой голос в защиту верующих. Но, увы, большинству советской интеллигенции в то время был ближе саркастический смех Ильфа и Петрова, Эрдмана над уничтожаемым духовенством. Да, советская интеллигенция также ответственна за трагедию, постигшую верующих всех конфессий и религий. Она удивительным образом не заметила, как во времена оттепели, в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов было закрыто 15 тысяч церквей, многие были взорваны. Она не услышала в 1965 году крик отчаяния двух священников — Глеба Якунина и Николая Эшлимана. Она не приняла в 1972 году Великопостное

письмо Патриарху Пимену Александра Исаевича Солженицына. И вот при таком состоянии ума и духа советской интеллигенции, при таком ее отношении к трагическому положению миллионов соотечественников Андрей Дмитриевич Сахаров поднимает свой голос в защиту прав верующих. И этот голос многие советские интеллигенты слышали.

Надо сказать, что здесь позиции Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исаевича Солженицына принципиально совпадали. Это один из ярких примеров их единства в противостоянии злу.

В 1976 году священником Глебом Якуниным был создан Комитет защиты прав верующих. Я участвовал в деятельности этого комитета и могу свидетельствовать о помощи, которую оказывал нам Андрей Дмитриевич. Во многом благодаря ему права верующих стали одним из главных направлений в правозащитном движении. И не только в Советском Союзе, но и во всем мире стали понимать, что не может быть никакой свободы, если подавляется важнейшая для человека свобода — исповедовать свою веру во всей полноте.

В сознании нашей интеллигенции произошел перелом. Она вдруг узнала, что у нас верующим запрещено даже заниматься благотворительной деятельностью. А что значит этот запрет, многие, занимавшиеся помощью политзаключенным и их семьям, испытали на себе. Этот запрет из законодательства о религиозных объединениях в особой редакции переключался и в знаменитую 70-ю статью, что лишний раз подтвердило известную истину — если сегодня дискриминации подвергается твой сосед, то завтра она коснется и тебя.

Андрей Дмитриевич Сахаров выступал в защиту верующих всех религий, конфессий. И в своей позиции он был не одинок. За 70 лет жестоким гонениям подвергались все верующие, независимо от их принадлежности к той или иной религии. Первый мощный удар обрушился на православных, затем пришел черед протестантов, католиков, буддистов, иудаистов. И Комитет защиты прав верующих, созданный православным священником Глебом Якуниным, защищал верующих всех конфессий, и сотрудничество Андрея Дмитриевича с этим комитетом было органичным.

Часто спрашивают об отношении Сахарова к религии. Он был крещен в Москве в церкви Большое Вознесение, что у Никитских ворот, в той самой церкви, где венчался Александр Сергеевич Пушкин. В детстве он ходил в эту церковь, причащался.

Принято считать, что впоследствии он стал неверующим. Надо сказать, вопрос веры очень тонкий и глубоко интимный. Вот, например, что рассказывает Вячеслав Всеволодович Иванов. Андрей Дмитриевич в кругу своих близких читал лекцию о Вселенной. И его жена, Елена Георгиевна, спросила, а какое место в нарисованной им картине он отводит Богу. Андрей Дмитриевич сказал: «Люся, разве можно говорить о Боге в категориях времени и пространства?»

Во всяком случае Андрей Дмитриевич подчеркивал, что он не атеист.

В московских, да и не только в московских храмах служилась панихида по Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Уроки терпимости, уважения гуманиста Андрея Дмитриевича Сахарова к религии, верующим сегодня чрезвычайно важны. У нашей интеллигенции появилось отношение к Церкви как к некоторой экзотике, разговор о ее проблемах ограничивается нередко междометиями, стилистическими играми, а серьезные проблемы взаимоотношений Церкви и государства часто остаются вне сферы ее внимания. Более того, своим поверхностным отношением к этим проблемам она способствует укреплению мифа о том, что проблемы, связанные с положением Церкви, верующих, у нас в стране практически решены.

Увы, появление священнослужителей на телевизионном экране вовсе не означает решения этих проблем. Андрей Дмитриевич понимал глубину противоречий между Церковью и государством, придерживающимся коммунистической, материалистической идеологии. Знал он и о том, что партийные органы, КГБ старались разложить Церковь изнутри. Хотелось, чтобы эти уроки Андрея Дмитриевича усвоили наши интеллигенты. Тогда они не будут впадать в крайности от прозрения, основанного на невежестве, до поверхностного, восторженного умиления, основанного также на незнании, которое опять же сменяется презрением...

Андрей Дмитриевич прекрасно показал, что не обязательно быть церковным человеком, чтобы глубоко понимать проблемы Церкви.

И в заключение я хотел бы напомнить Библейское повествование о том, как Господь, разгневавшись, решил уничтожить Содом за грехи. Авраам стал молить Господа пощадить город. Тогда Господь сказал, что он пощадит его, если там найдется сто праведников. Но там не оказалось ни ста, ни пятидесяти, ни даже десяти праведников. В городе был только один праведник — Лот. Но одного праведника для возрождения падшего города было недостаточно.

Для нас Андрей Дмитриевич, конечно же, праведник. Он обладал удивительным свойством притягивать к себе, объединять вокруг себя людей, близких ему по духу, нравственной силе, укреплять их своим примером. И если мы пережили тот страшный период разложения и имеем сейчас некоторые надежды на возрождение, значит в стране у нас оказалось достаточно праведников, чтобы не погибнуть, как Содом. Андрея Дмитриевича Сахарова мы знаем. Но тысячи и тысячи неизвестных своим нравственным мужеством, противостоянием злу помогали и помогают нам выжить. Они не встречались с Андреем Дмитриевичем, но многие из них знали о нем, его пример укреплял их. И говоря об Андрее Дмитриевиче Сахарове, будем помнить и о них.

Вопрос:

— Как священнослужители относятся к подруге Церкви «Памяти»?

В.В.Борщов:

— Автор записки делает характерную ошибку, о которой я уже говорил. Он объединяет Церковь с церковным аппаратом. А отец Глеб Якунин ведь тоже Церковь...

Да, среди священнослужителей есть люди, которые связаны с «Памятью». Много ли их? Скорее они крикливы и многословны, поэтому заметны. Пожалуй, нельзя утверждать, что их много. Отношение к ним достаточно брезгливое, так что, знаете, тех, кто открыто бросается в союз с «Памятью», не так много. Но я прошу вас термин «Церковь» не уподоблять термину «партаппарат». Тем более, что партаппарат как раз заинтересован в таком употреблении, это им очень выгодно.

Вопрос:

— *Можно ли признать А.Д.Сахарова святым?*

В.В.Борщов:

— Святость признается и по праведности жизни, в праведности жизни Андрея Дмитриевича никто не сомневается, в том числе и Церковь. Но есть и еще критерии: чудотворения, нетленность мощи... Я убежден, что признание Сахарова святым возможно.

Вопрос к Б.Л.Альтшулеру:

— *Среди кандидатов в депутаты областного Совета Обухов — главный врач больницы имени Семашко. Какова его роль в судьбе Сахарова?*

Б.Л.Альтшулер:

— Сначала я прокомментирую то, что сказал Дима Юрасов об антисахаровской статье Бушина. На заседании писательского объединения «Апрель» — не на январском, когда пришла «Память», а на предыдущем, посвященном памяти Сахарова, — было единодушно принято обращение к Председателю Совета Обороны М.С.Горбачеву с призывом публично осудить публикацию в «Военно-историческом журнале» (органе Министерства обороны) статьи Бушина, унижающей достоинство Андрея Дмитриевича Сахарова, а также рассмотреть вопрос об ответственности руководящих работников Министерства обороны и Главного Политического Управления Советской Армии и ВМФ, которые санкционировали публикацию этой, очевидно, заказной статьи.

В «Досье «Литературной газеты», которое посвящено Сахарову, вышедшем тиражом 200 тысяч экземпляров в Москве и практически нигде больше не продававшемся, есть и моя статья с текстом этой резолюции. Я счел нужным информировать вас о том, что пожелание Димы Юрасова в какой-то мере уже реализовано, шаг сделан. Но, думаю, нужны и еще шаги.

Между прочим, одиннадцатый номер «Военно-исторического журнала» Сахаров успел прочитать. Там повторяется все, что раньше уже говорилось: кляузник на Россию, провокатор и тому подобное. Как сказала Елена Георгиевна, Андрей Дмитриевич читал и очень веселился... Двенадцатый номер он, увы, не прочитал. В примечании к двенадцатому номеру, действительно, есть несколько строчек, фиксирующих его смерть. Но слова СКОРБИМ там нет, я поправлю Диму, там сказано: что, безусловно, акаде-

мик Сахаров был искренним в своих суждениях и всегда непоколебимо отстаивал свою точку зрения.

Теперь по поводу самого страшного вопроса — об Обухове.

Я сейчас приведу некоторые документы, которые еще не известны, но которые будут известны очень скоро. Я читал на днях, точнее, позавчера у Елены Георгиевны, сигнальный экземпляр февральского номера журнала «Знамя». Там академик Гинзбург публикует сохранившуюся у него копию письма Андрея Дмитриевича президенту Академии наук А.П.Александрову. Письмо написано в ноябре 1984 года, после первой голодовки. 8 сентября Андрей Дмитриевич вышел, а в ноябре написал это письмо. И в ноябре же передал его адресату с коллегами из ФИАНа, которые приезжали к нему в то время. Конечно, это было сделано потихоньку. Это сейчас об этом говорят вслух. А тогда я, например, о письме и не знал. Оно было передано академику Гинзбургу с просьбой (с припиской) передать Александрову. Была и еще одна просьба: шире говорить о содержании письма, потому что это единственный способ рассказать, что на самом деле происходило в Горьком.

Я сам прочитал это письмо только в декабре 1985 года, когда в Москву приехала Елена Георгиевна. Но это было уже после победы Сахарова, так сказать, «после драки». Позже оно было опубликовано в ее книге «Постскриптум», в 1986 году. Сейчас оно публикуется академиком Гинзбургом, повторяю, в журнале «Знамя». Прочту выдержки из этого страшного документа. Итак, Андрей Дмитриевич в письме академику Александрову пишет:

«Глубокоуважаемый Анатолий Петрович! Я обращаюсь к вам в самый трагический момент своей жизни». Так начинается письмо. Я не буду приводить подробно, у меня выписано несколько цитат, частично я их приводил сегодня на митинге, может быть, там все были, тогда я могу опустить. Нет. Тогда я могу повторить: «Способы принудительного кормления менялись — отыскивался самый трудный для меня способ, чтобы заставить меня отступить...»

Я продолжу цитату чуть позже, а сейчас немного поясню. 2 мая, когда Елену Георгиевну окончательно не выпустили из Горького, Андрей Дмитриевич объявил голодовку. Елена Георгиевна была единственным звеном, связующим его с внешним миром. После января 1980 года Сахаров продолжал существовать для

внешнего мира: написал статью «Опасность термоядерной войны», другие работы. Она все это вывозила, отчаянно рискуя. Ее непрерывно предупреждали, обыскивали, кольцо постепенно сжималось. Но никак КГБ не мог получить высочайшего разрешения на то, чтобы и ее отсечь, хотя, конечно, очень хотел. Долго не могли они получить такого разрешения, но наконец получили.

Было возбуждено уголовное дело по ныне отмененной статье 190 прим, и Елену Георгиевну заперли в Горьком. Андрей Дмитриевич понял, что это конец. И действительно, с тех пор о Сахарове практически никто ничего не слышал. Если информация и просачивалась, то совершенно случайно, вообще непонятно как, и, естественно, неправильная, искаженная. А о голодовке Сахарова в 1985 году никто в мире вообще не знал. Организация Объединенных Наций объявила его пропавшим без вести.

Так вот, Андрей Дмитриевич объявил голодовку, с требованием, чтобы его жену выпустили на лечение в США. Ее многие обвиняли, что это из-за нее он погибал, все ради нее, все из-за своей Боннэр. На самом деле она ведь была при смерти, у нее был тяжелейший инфаркт, ей надо было лечиться. Если бы она погибла, он бы погиб.

Но он бился не только за нее, но и за свое окно в мир. А в более широком плане он бился за всех нас, потому что он один противостоял гигантской машине, которая и сегодня еще в лице органа Министерства обороны огрызается статьей Бушина, огрызалась и на первом Съезде народных депутатов 2 июня 1989 года. Топала и свистела та же самая публика...

Но продолжу. Итак, 2 мая он объявил голодовку, 7 мая его взяли в больницу, где решался вопрос о начале принудительного лечения. 10 мая к его кровати подошли двое в белых халатах. Одного из них он позже узнал, через полтора года, потому что тот уже официально беседовал с Сахаровым во время голодовки в 1985 году и представился: Соколов. Очень высокий чин из Московского КГБ. Про второго Андрей Дмитриевич так и не узнал. Так и не известно, кто это был. Двое поговорили несколько минут и ушли.

А на следующий день, 11 мая, началось принудительное лечение. Двое, по-видимому, его санкционировали. Осуществлялось оно под руководством доктора Обухова. Я продолжаю цитату: «...11—15 мая применялось внутривенное вливание

питательной смеси. Меня валили на кровать и привязывали руки и ноги, в момент введения в вену иглы санитары прижимали мне плечи. 11 мая (в первый день) кто-то из работников больницы сел мне на ноги. 11 мая, до введения питательной смеси, мне ввели в вену какое-то вещество, малым шприцем, я потерял сознание (с непроизвольным мочеиспусканием). Когда я пришел в себя, санитары уже отошли от кровати к стене, их фигуры показались мне странно искаженными, изломанными, как на экране телевизора при сильных помехах. Как я узнал потом, эта зрительная иллюзия характерна для спазма мозговых сосудов или инсульта».

Другая цитата: «25—27 мая применялся наиболее мучительный и наиболее унижительный, варварский способ. Меня опять валили на кровать без подушки, привязывали руки и ноги, на нос надевали тугий зажим, так, чтоб дышать я мог только через рот». Он пишет, что он не выдержал пытки удушьем и снял голодовку, за что страшно себя ругал, когда вышел в сентябре.

Еще цитата: «То, что происходило со мной в Горьковской областной больнице летом 1984 года, разительно напоминает сюжет знаменитой антиутопии Оруэлла, по удивительному совпадению названной им «1984 год». В этом письме Сахаров также пишет, что ему тогда говорил главный врач больницы Обухов: «Умереть мы вам не дадим, но беспомощным инвалидом вы останетесь». Это слова Обухова. В том же письме Сахаров называет этих врачей (которые действовали, конечно, по прямому указанию КГБ, не Горьковского, разумеется, — Горьковское действовало тоже по указанию Московского) «Менгеле нашего времени».

Вот такой документ вы скоро прочитаете. Что добавить? Трагедия этого документа в том, что о нем до 1986 года, до того момента, когда Елене Георгиевне сделали в США операцию, когда Андрей Дмитриевич в одиночку победил всю эту махину, почти никто в мире не знал.

Теперь к вопросу о выдвижении Обухова кандидатом в народные депутаты. Он недавно, кстати, стал народным врачом СССР, если я не ошибаюсь. Я хочу только заметить, что Андрей Дмитриевич считал, что те выборы, которые сейчас предстоят, это действительно передний край. Именно передний край, и очень тяжелый, потому что борьба во многом заранее проиграна, особенно в провинции. Не знаю, как будет в Горьком. По-моему, я ответил на вопрос об Обухове...

Пользуясь случаем, хочу дать информацию о том, что делается недалеко от Горького, в Арзамасе.

Существует неформальная организация — «Народный фронт центра России». Есть его отделение и в Арзамасе, несколько человек, которые бьются с местной партократией. Очень им трудно, потому что если в Москве выдвижение кандидата в депутаты РСФСР, в местные Советы можно было провести, например, у нас в ФИАНе, где все друг друга понимают, и мы, кстати, очень многих выдвинули, то там, в Арзамасе, нет ни одной организации, где можно было бы провести выдвижение. А собрать от населения 300 человек, вы знаете, очень сложно. Но таков избирательный закон. Тем не менее в национально-территориальный округ там пять кандидатов на место, из них два или три вполне достойных. А вот обычный округ, не национально-территориальный, там два кандидата, оба аппаратчика.

Юрий Алексеевич Кудимов, инженер, вынужден работать компрессорщиком — он член Арзамасского отделения «Народного фронта центра России». Юрий Алексеевич написал статью о том, что происходит на местах. Он пишет, что на 150 мест в Арзамасский городской Совет выдвинуто только 205 кандидатов, 2/3 округов без альтернативы, в одной трети — альтернативность формальная, а в Арзамасский сельский районный Совет на 75 мест ни одной альтернативной кандидатуры.

Еще раньше Юрий Алексеевич написал Сахарову письмо. Главная идея письма: наибольшую опасность представляет в настоящий момент не аппарат, не партийная мафиозная бюрократия, а наибольшая опасность — это провинция, готовая сейчас, в любую минуту сыграть роль Вандеи.

Я хочу заметить также, что все-таки непонятно, почему шахтеры Воркуты, Кузбасса, Донбасса могут настаивать на своем, а Горьковский автозавод не может? Почему так пассивен горьковский пролетариат? Ответы, конечно, заранее ясны. А жаль... Спасибо.

Председательствующий:

— Есть предложение: от имени нашей аудитории обратиться к коллективу, выдвигавшему Обухова, с просьбой отозвать его. Может быть, завтра обсудим?

В зале заведующий идеологическим отделом обкома партии Забурдяев и секретарь горкома КПСС Батырев. Хотелось бы услышать их оценку поступков члена КПСС и члена обкома О.А.Обухова.

Забурдяев:

— Что касается больницы, об этом говорить, когда не знаешь, смысла нет. Сначала нужно разобраться и посмотреть, а потом уж и говорить. Я не могу сказать ничего ни о товарище Обухове О.А., ни о состоянии товарища Сахарова А.Д., когда он находился в больнице, поскольку это было неизвестно. Надо сначала узнать, что это было такое. Это первое. (Свист в зале).

Второе: А что касается автозавода, то товарищу Альтшулеру Б.Л. надо спросить у автозаводцев. У меня все.

ПОПРЯТАЛИ КНИГИ

А.А.Лопатина, медсестра

Я сейчас советская безработная, а была медицинской сестрой во второй инфекционной больнице. Обухова знаю. В одном деле мы встретились с ним непосредственно.

Моя подруга, тоже медсестра, Валентина Павловна Шевкопляс работала год с небольшим в больнице имени Семашко. Муж ее был военным врачом, работал в Афганистане. И вот перед самым выводом наших войск из Афганистана он погиб. Это случилось 2 марта 1988 года. Он вывозил раненых, их колонну всю разбили. Когда гроб с телом ее мужа приземлился в аэропорту на самолете «Черный тюльпан», она еще ни о чем не знала. Подарок ей привезли к 8 марта.

Горе, которое постигло семью моей подруги, вызвало сострадание и человеческое участие многих, но только не Обухова. После похорон моей подруге надо было помочь. На руках у нее девятилетняя дочь. Нужно время для воспитания, но нужна и зарплата, надо же теперь жить самостоятельно.

В их больнице были организованы четырехмесячные курсы рентгенологов. Я пошла с нею к Обухову с просьбой, чтобы ее направили на эти курсы, потому что у рентгенолога сокращенный

рабочий день и работают всегда с утра. То, что ей нужно. Очень грубо с нами секретарши разговаривали. А это уже о чем-то говорит. Когда секретарши грубые, надменные, начальник такой же. Все-таки мы дождались Обухова. Все ему объяснили. Обухов сказал: «Что вы хотите, мы для вас все сделали. А учиться не можем послать».

А что они сделали? Гроб ее мужа в морг к себе поставили и собрали — «шапка по кругу» — 100 рублей.

Я была поражена... Как может такой человек руководить и Детским фондом им. Ленина, и быть главным врачом больницы? Ведь отказывая Валентине Павловне, он отказывал и осиротевшему ребенку, отец которого — его коллега, врач.

У меня вопрос к литераторам. Лет тридцать назад из книжных магазинов исчезла классическая литература. Неужели тогда вы не поняли, куда идет страна? Ну, что сделал Гитлер, когда шел к фашизму? Собрал огромные костры из книг. А наши сделали то же самое, только тихо. Попрятали книги. И все прилавки заполнили речами деятелей — глупых, бездумных словоблудов. Бесчинства хулиганов в Московском Доме литераторов напоминают события в Германии в тридцатых годах. Но шли мы к этому долго. И никто этого не заметил? Все, как в русской пословице: «пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

САХАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Отчет)

*28 января 1990 года,
Горьковский государственный университет.
Председатель Б.Е.Немцов*

ХОДОКИ

Т.М.Великанова, математик, правозащитник

Я хотела бы рассказать вам о периоде семидесятых годов, когда часто встречалась с Андреем Дмитриевичем Сахаровым — у него дома, на судах диссидентов, на пресс-конференциях. В правозащитном движении Сахаров занял в это время центральное место, стал как бы символом его, а имя его стало известным всему Союзу. Так было для всех сочувствующих правде и праву, так было и для государства в лице его правителей, и для КГБ. В стране, где десятилетиями идеология играла главную роль, где о законе и праве мало кто осмеливался вспоминать, и мало кто относился к ним всерьез, появились люди, которые захотели понимать декларированную в конституции свободу слова буквально и действовать так, как будто она есть; как будто есть, и не только свобода слова, но и свобода совести, и другие гражданские свободы. Появились люди, которые захотели понимать Закон буквально и стали требовать его выполнения от властей. Государство боролось с диссидентами всеми известными в истории способами, среди которых арест был не самый худший, и хотя бы внешне — «законный». И все способы были испробованы на Сахарове.

Идеи Сахарова сейчас известны, его большие работы по общественным проблемам начали публиковаться. Сотни его интервью, заявлений, протестов, посвященных судьбам отдельных людей, я уверена, будут еще опубликованы. Здесь я хочу рассказать, как, в какой обстановке проходила жизнь Андрея Дмитриевича в те годы, до горьковской «ссылки».

Сначала о тех, кто шел к нему с надеждой. Сотни людей приходили, приезжали, присылали письма. Мы тогда называли их «ходоки». Привозили проекты переустройства общества, научные работы в самых разных областях, повести, рассказы, романы — те, которые не печатали, не признавали. Приезжали с кучей документов, привозили свою переписку с официальными организациями, целые папки. Приезжали со своими обидами и болью, с рассказами о беззакониях, учиненных над ними или их близкими, о сломанных судьбах, с просьбами, мольбами помочь. «Сахаров разберется!», «Сахаров поможет!», «Больше идти некуда!». Такие слова я слышала много раз.

Приходили мои друзья-диссиденты, и я тоже, с известиями о новых арестах, обысках, с информацией, полученной только что из политического лагеря, с новым выпуском «Хроники текущих событий», приходили за советом.

Уже только то, что я перечислила, делало жизнь Андрея Дмитриевича напряженной до предела. Но было и другое. Когда позднее, в 1980 году, в Лефортове, я читала свое следственное дело, я поняла, сколько людей, сколько технических средств работало против демократического движения, и против Сахарова прежде всего. Целые организации, «почтовые ящики», подразделения КГБ занимались подслушиванием телефонных разговоров, перлюстрацией писем, слежкой за ним самим, за членами его семьи, за посетителями, за диссидентами вообще.

Помимо этого давления, которое мы принимали как неизбежное зло нашей системы и к которому мы все привыкли, было другое. Приходя к Сахаровым на улицу Чкалова, я узнавала о новых пакостях, которые творили с ним и его семьей. Исключили из университета Татьяну, дочь Елены Георгиевны. Уволили с работы ее мужа, Ефрема Янкелевича. Помешали квартирному обмену, чтобы не улучшились условия жизни Андрея Дмитриевича. В отсутствие людей проникли в квартиру и украли рукописи Сахарова, оставив всюду, как бы специально, грязные следы. Лизу, невесту сына Елены Георгиевны, 10 декабря 1978 года, в День прав человека, схватили возле Пушкинской площади и увезли за сорок километров, высадив поздно вечером на пустынном шоссе. Угрожали зятю Сахарова и годовалому внуку от имени некоего «ЦК русской христианской партии» — требовали, чтобы Андрей Дмитриевич прекратил свою деятельность. В 77-м году стали при-

ходить письма с грязными инсинуациями в адрес его жены, причем не только ему, но и его знакомым. Как-то Андрей Дмитриевич показал мне «письмо из Швеции». Конверт был в точности такой же, в каких были посланы приглашения на научную конференцию его коллегам, а внутри вырезка из шведского журнала: большой такой глаз с воткнутой в него стрелой и череп. Это было в то время, когда делали операцию на глаза Елене Георгиевне. В какой момент было заменено содержимое конверта, можно только догадываться. Таких писем было много. Вырезки кто-то подбирал и присылал для устрашения.

В 1973 году я пришла к Андрею Дмитриевичу через двадцать минут после того, как ушли арабские террористы из организации «Черный сентябрь». Пришли с оружием, перерезали телефонный шнур, требовали, чтобы Андрей Дмитриевич отказался от сделанного им заявления по поводу арабо-израильского конфликта. Кто это был на самом деле? Неизвестно. Милиция к террористам интереса не проявила. Очевидно было только, что их приход явно был кем-то санкционирован.

Давление, угрозы, шантаж, заложничество, все способы слежки, увольнения — все это сопровождало нашу жизнь постоянно. Но в жизни Сахарова сконцентрировалось наиболее полно особенно уголовно-мафиозные приемы. К этому же разряду давления на Сахарова относится и смерть двоих людей, последовавшая сразу же за посещением ими академика. Один якобы «попал» под машину на улице Чкалова, недалеко от дома Сахарова, другой был сброшен с электрички по дороге домой. Не было прямых доказательств причинной связи этих смертей с посещением Сахарова, но в обоих случаях были темные моменты в выяснении причин смерти, которые всегда сопровождали действия «официальной мафии».

Когда я видела громадную процессию ко Дворцу молодежи при прощании с Сахаровым, видела записки с цветами, слышала слова: «Простите нас, Андрей Дмитриевич», я думала — есть ли среди них и сколько тех, кто прямо участвовал в травле: сотрудники КГБ, академики, подписывавшие письма для печати против него, просто граждане, не «сотрудники», которые из страха, либо согласно «партийной совести», «партийному долгу» выполняли порученные им грязные дела.

Одна из главных черт нашей советской жизни — недоверие к закону, незнание (и нежелание знать) законов, и отсюда — готовность выполнить любое указание, приказание, рекомендацию КГБ, чем последний и пользовался всегда для своих незаконных действий.

Когда говорят о «горьковской ссылке» Сахарова, я думаю о том, насколько советская власть застенчива, насколько любит пользоваться эвфемизмами, и как мы все к этому привыкли. Андрей Дмитриевич был отправлен в Горький без суда и возвращен оттуда таким же образом, вне закона. Указов ПВС, на которые ссылались при его отправке и освобождении, он не видел. Это не было ссылкой. И я, и мои друзья имеем опыт пребывания в ссылке, и его никак нельзя сравнить с положением Сахарова в его изоляции. Через год после его отправки сюда, в Горький, проводилось заседание Физического общества в Калифорнии, США. Об этом Сахаров узнал по радио (способ получения информации был только такой) и отправил председателю Общества письмо, где писал: «Я сожалею, что ни в одном сообщении не были обсуждены юридические, или вернее антиюридические, особенности моего положения с момента, когда меня схватили и привезли в прокуратуру 22 января 1980 г. Я живу в Горьком под арестом... Никакие официальные учреждения не взяли на себя ответственность за применение ко мне незаконных мер и установленный режим; любой осужденный имеет право на кассацию, на обжалование действий официальных лиц, и какие-то официальные лица, во всяком случае, несут ответственность за жизнь осужденного. Я всех этих прав лишен и фактически нахожусь вне закона. Заложник неизвестно в чьих руках».

...По поводу статьи «Горьковская ссылка» во вчерашних «Известиях». Даже в ней, где, кажется, много правды, опять употребляются эти застенчивые эвфемизмы, чтобы не называть вещи своими именами. В частности, два момента, резанувших нас, моих друзей, здесь присутствующих.

Первое: написано, что Елена Георгиевна сначала осуществляла связь, привозила от него информацию в первые годы его ссылки. А вот с 1984 года ей запретили это делать. Не «запретили», а осудили в Горьком по ст. 190 прим и присудили к ссылке в Горьком. Естественно, как ссыльная она не имела права покидать место ссылки без разрешения органов МВД.

И второе. Когда Горбачев позвонил Андрею Дмитриевичу, говорится в статье, Сахаров сразу же стал говорить о лагерях, об освобождении политзаключенных. На самом деле первые слова Сахарова были о смерти Анатолия Марченко, умершего за несколько дней до освобождения Сахарова в Чистопольской тюрьме после четырехмесячной голодовки за освобождение политзаключенных. Фамилию Марченко побоялись назвать.

ГДЕ ТВОИ ПРОРОКИ, РОССИЯ?

Лев Тимофеев, журналист, правозащитник

Судьба современных пророков ничем не отличается от судьбы пророков всех иных времен. Солженицын, Сахаров, с ними другие...

Андрея Дмитриевича Сахарова называли пророком еще при жизни, но многие ли у нас в стране знают его пророчества, его публицистику? В чем пафос его знаменитых (знаменитых не у нас — за границей) «Размышлений о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»? Как написаны, составлены его многочисленные, постоянные, упорные обращения к правительствам разных стран, к мировому общественному мнению? Что именно говорил он в своем письме о вторжении в Афганистан?

Многие ли могут сказать, что знали, читали, слышали его пророческое слово?..

И все-таки мы знали силу этого слова, его значение для страны. Мы верили ему, не читая и не слыша, лишь угадывая, улавливая смысл — часто в пересказах знакомых, случайно поймавших обрывки текстов по радио, даже не уточняя подробностей, да сквозь радиоглушилки они могли и не расслышать подробности.

О чем? — О политзаключенных.

О чем? — О демократии.

О чем? — О войне в Афганистане.

Важно было то, что он говорит. Говорит за всех молчащих, за всех, кто хотел бы, но боится или не умеет сказать вслух, — как бы от их имени, как бы сквозь их страх и скованность, принимая на себя всю ответственность, все последствия.

Сахаров был пророком, принявшим на себя благословение Божие. И тяжелую мирскую ответственность.

Ему верили, не читая. Верили не на слово, а как бы помимо слова — верили в него, верили его жизни, его судьбе, его личности. За потоками грязи старались угадать его жизнь и в Москве, и в Горьком. Ему верили, потому что не верили его врагам, его притеснителям. Ему верили, потому что видели, что и у него, и у народа один и тот же противник — злобные, лживые, властолюбивые «они». «Они» были власть. «Они» были сила. Его слово было против «них»... И когда 17 декабря Москва прощалась с Сахаровым, под ветром, под косым мокрым снегопадом в многочасовой, многосоттысячной очереди люди стояли не потому, что были читателями его публицистики, но потому, что верили ему все эти годы помимо слова.

И вот теперь последнее, что открывается нам в его жизни, в его деятельности, — его слово, публицистика. То есть как раз то, с чего и началась некогда его прямая и открытая борьба... Нам открывается содержание его пророчеств. К какому времени отнести их? К прошлому, настоящему, будущему? Какую именно Благую Весть почерпнем мы из них?

С надеждой и тревогой задаемся мы вопросами о нашей нынешней жизни. С надеждой и тревогой обращаемся к пророчествам.

Наши пророки не в будущем видят апокалиптические картины, но в настоящем или в ближайшем прошлом, которое все остается нынешней, неушедшей реальностью. Солженицын, Сахаров, с ними другие ... Нет, не пророки — свидетели!

Диалектика — один из величайших соблазнов человеческой истории. Миф о необходимости жертвовать настоящим ради светлого будущего дорого обошелся России... Но и сопротивление соблазну никогда не угасало у нас в стране. От Достоевского и авторов «Вех» усвоили мы понимание: из столкновения вчерашних грехов с нынешними — не построятся безгрешное будущее. Какое рукотворное завтра стоит уже пролитой крови и той, что еще прольется? Какое поколение советских людей будет жить при коммунизме?

Но, кажется, слава Богу, наша эпоха дала жестокий опыт познания метафизических истин. Кажется, начало нам брезжить: не имеет смысла спор о том, будет ли завтра лучше или хуже, —

сегодняшний бы день правильно понять во всей его трагичности, во всех его противоречиях... Да что там — во всех! Хотя бы то, что дано понять, не упустить бы из-за высокомерия и гордыни. История — таинство, а не романтическая дорога в светлое завтра. И те, кто заявляет, что они по-прежнему верны и преданы теориям для построения счастливого будущего, — не о завтрашнем счастье заботятся, а только о своей нынешней власти.

Само взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего — таинство, требующее уважения. Кровь, пролитая сегодня, не только протечет в завтрашний день, но таинственным образом окрашивает и прошлое.

Апокалипсис — наша сегодняшняя реальность: только что была уже в истории и саранча в броне и с человеческими лицами, и треть человечества умирает уже от огня, дыма и серы, и научились мы уже называть горе множественными именами: одно горе прошло, вот идут за ним еще два горя... два ли только?

По времени и пророки. Солженицын, Сахаров, с ними другие. Не предсказывают они скорый конец света, но свидетельствуют: вот и первый Ангел протрубил, и второй... И не в исторической последовательности раздаются эти трубные звуки, но все одновременно — и седьмой Ангел трубит среди них — тот, что возвещает: царство мира сделалось Царством Господа нашего и Христа Его, и будет царствовать во веки веков...

Умер Андрей Дмитриевич Сахаров. Он показал — так наглядно, как, может быть, никто другой, — что свобода не есть обязательно продукт общественной диалектики. Что свобода и рабство, апокалиптический ужас и Царство Божие живут одновременно. Или, вернее, вне времени — всегда. Он всегда был свободен. Хотя физически он всегда был в плену у мертвецов. Нечистыми руками они хватали его и его жену. Насильно перемещали их с места на место, из города в город. Прослушивали, проглядывали, прощупывали его жизнь — до мелочей, до интимнейших подробностей. И он был бессилен уйти от этих подглядываний и прощупываний. Они бесцеремонно залезали в его дневники, и он был бессилен вырвать жизнь свою у них из рук. Да что дневники! Они, улюлюкая, как преследуют зверя, гнались за его женой, и только случайность спасла ее... Только случайность, а он сам, так любивший ее, был бессилен.

И все-таки он был свободен. Свободен в своей нравственной определенности — и здесь уже мерзавцы были бессильны! Свободен в своем мышлении, свободен в своей речи... Таким он остался и вернувшись в Москву, и даже выйдя на политическую трибуну. И как некогда произвел переворот в физике, теперь перевернул само представление о политике. В апокалиптическую атмосферу заседаний и залов он входил как праведник-свидетель. И самой мощной музыкой времени стала стенографическая запись: «Сахаров: (не слышно)».

Проходя у его гроба, люди шептали: «Прости нас!» И не только шепотом произносилось, но и криком, сквозь слезы: «Прости нас!». Это «Прости!» было написано на тетрадных листках, которые складывались к гробу вместе с заледеневшими гвоздиками и покрывались, закрывались гвоздиками, и опять появлялись новые листки: «Прости нас!»

За что простить? За то, что молча смотрели, как на себя одного взвалил он эту ношу? За то, что позволили, допустили насилие над ним и над собой тоже? «Прости!» — за бессилие?.. Но любовь к нему — это сила!

Сквозь ветер, сквозь мокрый косой снегопад прощаться с ним приводили детей. Даже грудных несли — зачем? Чтобы приобщить их и к горю, и к истине, и к мужеству, и к любви.

Таинственно взаимопроникновение прошлого, настоящего, будущего. Любви не убывает в мире — праведники уходят, оставляя миру свою Любовь, растворяя ее в мире. И Царство Божие, и свобода — в каждом из нас есть.

Любовь моя, Россия, где твои пророки? Один — в изгнании, другой — в могиле. И трубят Ангелы: первый, второй, третий — все до седьмого. Все одновременно.

Б.Е.Немцов, председательствующий:

— Поступили записки... Вот пишут, что врач Обухов нарушил не только закон, но и клятву врача. И, видимо, в областной больнице работают и другие врачи, которые участвовали в этом преступлении...

Предлагаю от имени собрания обратиться к следственным органам, прокуратуре для расследования этого дела в правовом

порядке. Просто отпускать преступника в отставку, а других оставлять на работе в медучреждениях недопустимо.

Вторая записка — может ли кто-нибудь из присутствующих рассказать поподробней об истории рода Сахаровых: деде, прадеде, отце. Действительно ли их жизнь связана с Нижегородской землей...

Просят сказать несколько слов о детях Андрея Дмитриевича и детях Елены Георгиевны.

Спрашивают, будут ли изданы материалы Сахаровских чтений? Будут ли они проходить каждый год? На второй вопрос могу ответить, что это будет зависеть от нас с вами, потому что если мы захотим, то, как показывает опыт, мы можем это организовать.

По поводу Сахаровских чтений. Пока нет Закона о печати, трудно что-либо сказать. Думаю, у нас будут сложности с их изданием. Тем не менее нужно составить стенографический отчет. Но я до сих пор не знаю, ведется ли запись того, что здесь происходит...

САХАРОВА — В ДЕПУТАТЫ

А.Е.Шабад, ФИАН

Моя речь задумана как юбилейная. Может возникнуть вопрос, какой же юбилей? Действительно, примерно год назад началась в жизни А.Д.Сахарова совершенно новая эпоха, хотя это и был всего год из шестидесяти восьми. Но, по-видимому, этот год стоит совершенно особняком. Мы стали говорить о нем, выяснять детали биографии, пытаемся подытожить научные заслуги — все это началось не после его смерти, что было бы естественно, а именно за год до того, как его выдвинули в народные депутаты.

Нужно сказать, что когда я впервые узнал о том, что несколько институтов Академии наук предложили Сахарова кандидатом в народные депутаты от Академии наук как от общественной организации (неизвестно, правда, почему она общественная), то у меня возникло недоумение. Мне показалось, что здесь что-то не так. Мне показалась странной сама идея соединения Сахарова со структурой власти, той самой власти, советской

власти, которой мы привыкли его противопоставлять. И я поделился с ним этими своими сомнениями. Правда, это случилось позже, когда уже выдвижение произошло. Я высказался в том смысле, что на мой взгляд авторитет Сахарова обладает правами некой экстерриториальности. Я так же, как и тогда, и сейчас не могу как следует эту мысль сформулировать. Но Андрей Дмитриевич, конечно, понял, что я имел в виду, и попытался от меня добиться, чтобы я наконец ясно это сказал, но все никак не удавалось. Разговор тогда был достаточно беспредметный, потому что выдвижение уже состоялось, жребий был брошен и, конечно, речь не шла о том, чтобы что-то изменить, и никакого поворота назад быть не могло.

Так случилось, что уже осенью этого, последнего года мы с Андреем Дмитриевичем почему-то вернулись к тому разговору. Мне не дано было тогда знать, что я присутствую при историческом подведении итогов. Снова он пытался добиться от меня, чтобы я разъяснил, что я имел в виду под экстерриториальностью. И снова, не добившись успеха, за неимением лучшего термина он резюмировал таким образом, что, мол, хорош бы он был со своей экстерриториальностью в это горячее лето, и не удалось бы ему сказать на всю страну то, что он сказал, будучи депутатом.

Я хочу рассказать о перипетиях избирательной кампании, которая закончилась его выдвижением в высший орган власти, сделала его государственным деятелем, а если говорить по большому счету, в общем, закончилась его смертью.

Несколько институтов Академии наук называли Сахарова своим кандидатом, порядка шестидесяти. Расширенный пленум президиума Академии наук не пропустил ни Сахарова, ни других кандидатов, которые шли с ним в одной связке. Как-то до этого момента все были равнодушны. Ну, ладно, выдвинули. Посмотрим, что дальше будет. Многие люди продолжали занимать позицию сторонних наблюдателей по отношению ко всяким государственным делам, как это у нас принято. Но тут-то и наступил для многих конец этому замечательному образу существования.

В Академии наук произошел скандал. Многие институты стали писать резолюции, протестующие против решения пленума. Оно было принято с нарушением закона. Не так важно, каким, я и говорить об этом не буду, в прошлом году наговорились, но

важно, что в этот момент что-то действительно сломалось, общественность не стерпела, что с ее мнением не посчитались, и дело не закончилось резолюциями: произошло такое событие, которого раньше в ученом мире не было, — произошел митинг ученых. Это совершенно парадоксально — уважаемые научные работники собрались не на ученый совет, а на митинг.

Митинг готовился. Накануне митинга я был вечером у Андрея Дмитриевича. Обсуждалось, к чему же все-таки надо было призывать, какой тактики поведения следует придерживаться на выборах. Дело в том, что закон был написан крайне путано и непонятно, и было ясно, что интерпретировать его можно и так, и эдак. И вообще, закона как бы не существовало.

Склонились к тому, что надо призывать к бойкоту выборов. По закону получалось, что в этом случае можно будет добиться назначения новых выборов, хотя все было достаточно неясно. И вот уже когда, вроде бы, решили, что так, вдруг ночью телефонный звонок. Звонил человек из Института молекулярной биологии, который принимал участие в подготовке митинга, но которого Сахаров никогда не знал, по имени Костя Храпко. Передавая трубку Сахарову, на его вопрос, кто это, я просто назвал это имя и фамилию, сочетание которых мне представилось настолько благозвучным, что должно было служить положительной рекомендацией.

Этот Костя мучил Сахарова час или полтора, убеждая его, что бойкот — ошибка, что из этого ничего не получится, что вот, если прочесть закон как следует, то получится все совсем наоборот: надо голосовать и всех вычеркнуть, и только так можно будет добиться перевыборов. Было поздно, и мозги уже не работали ни у кого ... кроме Кости. Я не дождался конца этого разговора и ушел.

На следующий день был митинг. Андрей Дмитриевич пришел, но на трибуну не поднимался, а остался на все время в стороне, там, в загончике для гостей, где толпа была не такой плотной. Его фотопортрет, сделанный там, часто появляется в разных изданиях, я видел его в фойе нашего зала. Сахаров стоит в шапке, и сзади где-то виден лозунг: «Сахарова, Сагдеева, Лихачева — в депутаты!»

Сколько было людей на этом митинге — для нас осталось загадкой. Газеты сильно преуменьшали... Вообще, отношение

прессы было очень негативным, но корреспондент газеты НТР сфотографировал толпу с крыши президентского дворца (ему удалось туда залезть), а потом его сын, подросток, всех пересчитал по головам. Таким путем получилось три тысячи человек. Но, по-видимому, это меньше, чем на самом деле, потому что фотография была сделана до начала митинга, не в самый пик.

На митинге действительно защищали идею бойкота. Не важно, было это правильно с прагматической точки зрения или нет, но понятно, что призыв к бойкоту был наиболее ясным политическим лозунгом, поскольку в этом варианте не следовало голосовать против каких-то людей, которые могли быть вполне достойными, ничем себя не запятнавшими. И была принята резолюция-обращение к двадцати трем кандидатам, которые прошли выдвижение пленума президиума, чтобы они крепко подумали, в какое ложное положение попали, и сняли свои кандидатуры. В обращении к двадцати трем даже говорилось, что снятие кандидатуры может оказаться для каждого из них более важным политическим поступком, чем все, что он сможет сделать в качестве депутата. Эта фраза вызвала потом скандал в нашей среде как провокационно-оскорбительная. Дело прошлое, что было, то было.

Перед митингом группа его организаторов посетила академика Г.И.Марчука. Он был очень любезен и доверителен. Мы совершенно размякли и стали на время ручными: на нас, непривычных, повлияли стены, золотые люстры, ковры, как на того солдата из известного кинофильма, которого плененный генерал попросил дать возможность проститься с конем. И партийный аппарат президиума Академии наук тоже помогал: дал микрофоны и милицию пригласил в штатском, чтобы все было в порядке. Действительно, все прошло организовано, но, понимаете, когда появились плакаты «Президиум в отставку!», очень трудно было удержаться. Я там был одним из ведущих, поддался «воле народа» и стал увлеченно кричать в микрофон: «Президиум в отставку!». Очень хорошо получилось. Гурий Иванович не вышел, хотя мы его звали, впрочем, это было известно заранее. Осмелился выйти к народу только академик Кудрявцев. Он хотел солидаризироваться с толпой, заявив, что, например, лозунг «Вся власть ученым советам!», который он видит перед собой, вполне для него приемлем. Но это не произвело эффекта, на который он

рассчитывал. Вместо этого люди стали кричать: «В отставку!» Владимир Николаевич очень обиделся, взял шапку и сказал, что пошел в отставку, но до отставки не дошел, так как вскоре простил нас по собственной инициативе.

После этого митинга Гурий Иванович будто бы сказал, что он бывал в разных странах, но такого отвратительного митинга он не видел никогда и нигде. Что касается Андрея Дмитриевича, то на него митинг произвел тоже сильное впечатление, но положительное. Вечером того же дня он позвонил мне и сказал, что на митинге он окончательно понял, что бойкот — самый правильный призыв. А еще сказал, что он серьезно подумывает снять свою кандидатуру везде, кроме Академии наук.

Дело в том, что как только стало известно, что президиум Академии наук не пропустил Сахарова в кандидаты от Академии, народ стал его выдвигать, не спрашивая на это его согласия, по разным территориальным и национальным округам. Никогда никто не подсчитывал, сколько было таких выдвижений по Москве и сколько было таких выдвижений по стране. Получилось, что решение президиума сильно взбудоражило общественное мнение и подняло людей на избирательную кампанию, а ведь там требовалась значительная активность. И вдруг на фоне такого подъема, вызванного его именем, Андрей Дмитриевич заявляет, что хочет снять свою кандидатуру, а мы уже в нашем районе приготовились к кое-каким крупным действиям в его поддержку. Я был совершенно шокирован и мямлил что-то невразумительное, наутро собрался с лучшими мыслями, позвонил ему и произнес несколько громких фраз такого типа: «Кому же вы в конце концов принадлежите? Интеллигенции или народу?»

Разговаривать с Сахаровым в таких тонах было довольно необычно. Он колебался еще несколько дней, подвергался давлению со стороны разных лиц в ту и другую сторону. В конце концов Андрей Дмитриевич принял окончательное решение, снова меня известил об этом, уже не обсуждая, уже как свершившийся факт представил передо мной и сказал при этом, что плакал всю ночь, принимая такое решение. Единственное, что меня утешило, так это то, что решение Сахарова не будет объявлено немедленно. Мы имели ровно две недели отсрочки, поскольку Сахаров направил соответствующее письмо в газету «Московские новости», и

пока это письмо не появилось в печати, не было известно, что он снимает свою кандидатуру.

Тем временем в нашем районе были предприняты очень значительные действия. Надо было захватить окружное предвыборное собрание. Удалось мобилизовать сотрудников Академии наук по всему Октябрьскому району. Они явились в те, засекреченные до самого последнего момента места, где выбирались делегаты на окружное предвыборное собрание, опрокинули списки домкомов и «взяли» двести мандатов.

Несмотря на то, что за два дня до окружного собрания появилось в печати заявление Сахарова, избирательная комиссия по формальным причинам не могла снять его кандидатуру, поскольку он это заявление в окружную избирательную комиссию не направлял. Наоборот, там лежало его согласие баллотироваться. Что касается публикации в «Московских новостях», то избирательная комиссия не могла рассматривать эту «с позволения сказать, газету» как официальный орган. Поэтому на окружном предвыборном собрании кандидатура Сахарова рассматривалась, и, хотя все знали, что он не будет здесь баллотироваться, тем не менее он получил более 50% голосов и был представлен к регистрации в качестве кандидата.

Но эти двести мандатов не пропали даром, заодно были представлены к регистрации другие кандидаты, т.е. эта кампания помогла, поддержала выдвижение Юрия Афанасьева и Ильи Заславского. Афанасьев потом уступил этот округ и ушел баллотироваться под Москву в Ногинский район, а в этом округе победил впоследствии Заславский, чему мы все тогда рады были и рады до сих пор.

Хуже была обстановка в Московском национально-территориальном округе № 1. Там помимо А.Д.Сахарова был выдвинут Б.Н.Ельцин, и в Октябрьском районе представитель Ельцина на упомянутом окружном предвыборном собрании снял кандидатуру Ельцина в пользу Сахарова.

В округе № 1 было 12 предприятий, которые выдвинули Андрея Дмитриевича. По закону, который тогда существовал, каждому из этих предприятий полагалось иметь своих представителей на окружном предвыборном собрании, всего у них набиралось 48 мандатов. Эти 48 делегатов должны были бы, по смыслу, поддержать Ельцина, и избирательная комиссия сделала все, что-

бы этих людей не допустить на собрание. О Сахарове речь уже не шла, было ясно, что он не будет баллотироваться, речь шла о Ельцине.

Мы с Л.А.Пономаревым из «Мемориала» обивали пороги центральной избирательной комиссии, московской городской избирательной комиссии, нас посылали из одного места в другое, благо там расстояние небольшое, меньше километра. Мы бегали туда и обратно несколько раз, доказывая, что Сахаров своей кандидатуры с регистрации не снимал, что его заявление следует формально понимать как упреждающий отказ в дальнейшем здесь баллотироваться, что многие кандидаты регистрируются в нескольких местах, а баллотируются в одном, но ничего на них не действовало. Они поставили условие, чтобы Сахаров прислал телеграмму. И Сахаров прислал телеграмму. Я ее никогда не видел, она пришла в день, когда окружное предвыборное собрание открылось.

Нас с Пономаревым в виде особой милости (как же, мы — такие важные люди, говорили от имени Сахарова) допустили в фойе Колонного зала Дома Союзов, и мы имели возможность общаться с охранниками. Один из них нам выдал тайну двора, сообщив, что телеграмма действительно пришла за два часа до начала собрания. Было поздно что-то реально сделать, потому что 48 человек все равно собрать было уже нельзя. Но дальше с телеграммой поступили следующим образом. Она была написана «по-иностранному», иначе говоря, не «по-нашему», и они вызвали переводчика. Через два часа пришел переводчик с английского языка. Поскольку телеграмма была из Америки, они решили, что надо переводчика с английского языка (где-то они узнали, что в Америке пишут по-английски). Переводчик посмотрел телеграмму и сказал, что это не по его части. Оказалось, что телеграмма была написана по-русски, но только латинскими буквами.

Ельцин все равно прошел. Накануне, когда его представитель со мной общался, он с грустью говорил, что эти 48 мандатов скорее всего имеют не более чем символическое значение, так как всего в собрании будут участвовать 800 человек. Но Ельцин победил, правда, с небольшим перевесом, и, конечно, 48 мандатов оказались бы весьма и весьма существенны, если бы вышел иной расклад.

А в Академии наук в то время избирательная кампания набирала обороты. Андрей Дмитриевич уехал и появился уже потом, перед самой выборной конференцией. Нужно сказать, что президиум Академии наук придумал очень интересную систему, как должны были проходить выборы народных депутатов в Академии. Выбирать должно было общее собрание всех членов Академии, дополненное делегатами от институтов АН СССР — по одному от ста пятидесяти научных сотрудников. Но это только говорится: институты АН СССР, а читается: РСФСР, так что Киева, например, не было, а Владивосток был. Это неудивительно, потому что академические институты находятся только в РСФСР, а из других республик были только немногочисленные члены академии.

Почему придумали такую весьма демократическую систему выборов с участием представителей институтов? На этот счет есть разные гипотезы. То ли просто это была легкомысленная игра в демократию, обернувшаяся ловушкой, которую сами себе подстроили, то ли президиум сильно не надеялся на академиков — братию такую вольную, которая и в старые-то годы иногда бунтовала, а теперь на нее и вовсе полагаться было нельзя, так что решили их разбавить. Думалось про этих представителей, которых изберут институты, что они будут послушны, что это будет обычная номенклатура из академических научных учреждений.

Откуда взялась цифра 1 от 150? Эта цифра образовалась таким образом. Был взят актовый зал МГУ с известным числом мест, из этого числа вычли число академиков и членов-корреспондентов, оставшееся количество разделили на 62 тысячи научных сотрудников Академии наук, получилось 1 к 150. Правда, с арифметикой у них получилось немного не так, потому что они решили, что в тех институтах, где после деления числа сотрудников на 150 остается конечный остаток, можно еще одного человека избрать, и получилось, что избранных представителей институтов гораздо больше, чем они рассчитывали. Позже, когда эта ошибка вскрылась, возникла паника. Пришлось зал МГУ заменить на Дворец молодежи. Но страшно было не это, а то, что эта небольшая ошибочка-неучтеночка драматически повлияла на результаты голосования.

Выборы делегатов, которые затем последовали в институтах, совершенно были непохожи на то, на что был расчет. Резолюции митинга были разосланы по всей Академии наук, и когда

проходили в институтах выборные собрания, избираемых спрашивали: «Ты на платформе митинга? Тогда выбираем делегатом. Нет — значит, нет».

И вот в Москве, когда уже выборы делегатов прошли, академик В.А.Котельников — встревоженный председатель избирательной комиссии АН СССР — разослал беспрецедентную телеграмму по институтам. В ней предлагалось сообщить, во-первых, кого выбрали, и, во-вторых, с какой платформой. Мы решили облегчить председателю избирательной комиссии его задачу. Собрали делегатов, которые были выбраны по Москве и Московской области. Собрание было 1 марта, пригласили туда представителей избирательной комиссии, и они лично смогли удостовериться, с какими наказами и с какой платформой выбраны делегаты-выборщики.

Николай Александрович Романов — последний русский царь — считал Государственную Думу рассадником революции. Позже он убедился в своей ошибке. Гурий Иванович Марчук — президент АН СССР — считал членов межинститутской координационной инициативной группы, которые занимались всей этой избирательной кампанией, экстремистами-бузотерами. На этом собрании группа выглядела, как кучка соглашателей и ренегатов, потому что единственное, чем она занималась, так это пыталась утихомирить зал, который кричал: «Всех вычеркивать!» О бойкоте уже не вспоминали, так как все попытки добиться от Центральной избирательной комиссии «имеющего законную силу» разъяснения на предмет, что же все-таки произойдет, если бойкот состоится, закончились безрезультатно. Кроме того, раз никто из 23-х не снял свою кандидатуру, можно их вычеркивать всех со спокойной совестью, тем более что испортить бюллетень по закону было невозможно. По закону избирательный бюллетень обладал сверхъестественной неподдаваемостью всякой порче. С ним можно было сделать что угодно, написать на нем постороннее, разорвать, завернуть в него бутерброд — он все равно был бы признан действительным. Недействительным считали только бюллетень «неустановленного образца». На заседании избирательной комиссии АН СССР я раз пытался протащить мысль, что таковым является бюллетень, «неустановленным образом заполненный избирателем». «Иначе, — аргументировал я, — я могу провалить всех кандидатов, набросав в урну кучу самодель-

ных бюллетеней, — ведь согласно закону кандидат, чтобы быть избранным, должен набрать больше половины всех бюллетеней, обнаруженных в урне, а не тех только, «что признаны действительными». «Вы этого не сделаете!» — зашумела комиссия. Еще бы — с виду такой приличный человек!..

Но вернемся к тому собранию. Единственное, в чем с трудом удалось убедить делегатов, так это не принимать обращения к академикам с требованием всех вычеркивать, а «разрешить» двух-трех на развод оставить. Такое письмо действительно было составлено, и потом уже, когда конференция по выборам была собрана, письмо это — мягкое-мягкое — было роздано всем академикам и членкорам, в нем предлагалось повычеркивать и побольше.

Нужно сказать, что сам В.А.Котельников, когда вышел на трибуну, объясняя, как надо голосовать, проговорился. Он сказал примерно так: «Понимаете, если вы крест-накрест будете перечеркивать весь бюллетень (от злости), то по каждой фамилии пройдет черта, пересекающая ее в одном только месте. Одна буква из каждой фамилии будет зачеркнута, а это не считается. При оценке бюллетеней счетная комиссия должна руководствоваться принципами гуманности и все сомнения трактовать в пользу потерпевшего, то есть того, кого хотят вычеркнуть. Перечеркнута должна быть вся фамилия и, кроме того, прямой линией, а не волнистой, чтобы не думать, что голосовавший колебался. Поэтому, когда вы вычеркиваете, пусть рука у вас не дрожит». Одним словом, вычеркивайте, и да не дрогнет ваша рука!

К моменту, когда уже собралась конференция, Андрей Дмитриевич вернулся из-за границы и не знал, как события здесь развивались, что здесь происходило. Я думал, что когда-нибудь ему все это расскажу, но так никогда и не рассказал, потому что жизнь все время двигалась дальше, и притом так бурно, что прошлое вспоминать было неинтересно. Произошел у нас только короткий телефонный разговор. Андрей Дмитриевич вспомнил о бойкоте. Я ему сказал, что бойкот мы давно уже забыли, бойкот свое дело сделал. Он народ мобилизовал, а теперь мы прагматически подходим к делу: вычеркивать побольше, и все.

Тут как раз в нашем институте созывалось специальное собрание выборщиков, накануне основной конференции. Андрей Дмитриевич туда пришел отдохнувший, загоревший, его встретили аплодисментами, он вышел на трибуну и сказал, что, да, вот

мы еще тут о бойкоте говорили, но мне объяснили, что бойкот — это уже не кстати, ладно, бог с ним, с бойкотом. Вот и вся его речь была. Примерно так.

Надо рассказать, что тут новый эпизод произошел. Мы решили еще один митинг собрать перед Дворцом молодежи, где назначена была выборная конференция. Измерили, сколько народу может поместиться перед Дворцом, получили разрешение райисполкома. Зачем мы хотели устроить новый митинг? В «Известиях» появилась дезинформация, что будто бы во всех общественных организациях делегаты-выборщики будут иметь только совещательный голос. Это оказалось впоследствии недоразумением, которое через пару дней разрешилось, но мы заявку на митинг уже подали. Вот в руках разрешение, надо проводить митинг, а вроде бы незачем, потому что не нужно. Что делать?

И вдруг получаем вызов из исполкома, и нам вручают такую бумагу: «Ввиду того, что Московский горком ВЛКСМ отменил аренду Дворца молодежи для конференции Академии наук, митинг ваш тоже отменяется». И подпись: председатель Ленинского райисполкома Горячев. Очень естественно: если не будет конференции, то какой же митинг? Мы совершенно были обескуражены, где-то даже стало страшно за то, что мы сорвали ответственную конференцию. Как раз тут была встреча в Доме ученых. Котельников ко мне подходит и говорит эдак с ехидцей: «Что-то вы выглядите очень расстроено!» Я говорю: «Да, я очень расстроен, получается, что конференция срывается». «Разве?» — будто бы удивляется Владимир Александрович и проходит мимо.

Нет, конференция не сорвалась, ничего подобного. У нас просто не хватило пороха, опять-таки жизнь пошла дальше, нам было не до того, чтобы выяснять загадку с этой бумагой. Но мы, конечно, почувствовали большое облегчение и благодарность товарищу Горячеву. Накануне нынешних выборов в местные Советы «его ушли» с должности предисполкома, но мы здесь, ей Богу, не при чем.

Началась конференция. Как она прошла, вы знаете. В перерыве для голосования ребята стали устраивать (как это называется на скачках) тотализатор, скидывались по рублю. Подошли к Андрею Дмитриевичу, говорят: давай рубль и сколько, скажи, человек будет избрано. Но нет, Андрей Дмитриевич нисколько не возмутился тому, что в таких ответственных делах ставят на кан-

дидатов, как на лошадей, дал покорно рубль, задумался очень серьезно и назвал цифру восемь.

Восемь кандидатов и было избрано. Андрей Дмитриевич выиграл 70 рублей.

Как и предполагалось, деньги пошли в пользу одного работника телевидения, у которого на уже упоминавшемся собрании выборщиков в ФИАНе украли шубу. Шуба стоит, разумеется, дороже, но Андрей Дмитриевич определил ограниченно-целевое назначение своего взноса: пойдет на рукава!

О следующей фазе избирательной кампании я скажу очень кратко. Уже и Академия наук, и общественность совместными усилиями провели всеобщий рейтинг, каждый институт высказался по всем кандидатурам. А.Д.Сахарова поддержали 182 коллектива. На повторных выборах тем органом, который осуществлял выдвижение, стал не пленум президиума, а просто президиум, так потребовала общественность на предыдущей конференции Академии наук. Было сказано — так будет яснее, потому что на пленуме, кроме членов президиума, были члены бюро отделений, голосование было тайное, ответственность размылась. На этот раз Г.И.Марчук никакого тайного голосования не допустил. Он предложил 12 человек из своего списка и взял 12 человек по рейтингу общественности, правда, кое-кого все-таки пропустил, не удержался. Там были какие-то разногласия на президиуме, выдвигались еще другие люди, Андрей Дмитриевич тоже выступал. Короче говоря, выборы проходили под лозунгом, почерпнутым из истории русской поэзии: Блок: «Двенадцать».

Нужно сказать, что на выборах в Академии впервые использовалась наглядная агитация. Мы сначала думали, что нам в этом деле должна принадлежать естественная монополия. Однако еще на первой конференции, когда мы пришли с приготовленными плакатами, то с удивлением увидели, что повсюду развешаны контрплакаты с текстами вроде «Нет демагогам и экстремистам!» Отличительной особенностью этих плакатов был профессионализм их графического исполнения. Один из них призвал анафему на тех, кто организует «бАйкот». Говорят, этот плакат очень долго и очень мрачно рассматривал директор Института русского языка. Пришлось объяснять, что межинститутская координационная инициативная группа «За демократические выборы народных депутатов от Академии наук» на протяжении избирательной кампании

относилась к идее бойкота по-разному, но ни тогда, когда она призывала к бойкоту, ни тем более тогда, когда она от него отказалась, она не писала это слово через А. Авторство контрплакатов установить достоверно не удалось, но парни из охраны указали на профком президиума АН СССР...

Когда собралась окончательная конференция по выборам народных депутатов в Университете, перед зданием была проведена манифестация против академика Г.А.Арбатова под лозунгами «Памяти». Ко мне обратился новый председатель избирательной комиссии с вопросом, не наша ли это группа проводит манифестацию. Я ему ответил, что мы поддерживаем Арбатова, но не настолько, чтобы проводить против него манифестации такого рода. Манифестация возымела свое действие: Г.А.Арбатов был избран. Таковы парадоксы политической жизни.

Чем закончилась вторая конференция? Вы знаете, Андрей Дмитриевич был избран вместе с целой плеядой других народных депутатов, избрание которых в значительной степени стало возможным благодаря тому, что А.Д.Сахаров принял решение не уходить никуда, не уходить из Академии наук. Это решение было образцом его парадоксальных и часто непонятных и трудных для других людей решений, о которых здесь много говорили предыдущие ораторы.

Тут началась для него, очевидно, новая эпопея. Это — его участие в работе Съезда. Но об этом как-нибудь в другой раз можно будет рассказать, а я на этом хочу закончить и ответить на записки.

Вопрос:

— *Расскажите о попытке вывода Андрея Дмитриевича из Академии наук.*

А.Шабад:

— Если я не прав, меня присутствующие поправят, но насколько я знаю, серьезной попытки такого рода не было. Были только разговоры. Капице приписываются слова, что в истории не было прецедента вывода из Академии наук, если не считать исключения Эйнштейна из Германской академии. Вроде бы это замечание всему делу положило конец.

Вопрос:

— *Андрей Дмитриевич умер, а врач Обухов ежедневно подъезжает на работу на черной «Волге», ему ежедневно в лечеб-*

ном кабинете делают точечный массаж, массаж с медом, лечебные ванны, допустимо ли это? Процветающий палач и его преступная группа?

А.Шабад:

— Палачей много, но сейчас не стоит призывать к немедленному суду, к тому, чтобы какую-то месть учинить. Я боюсь, что сейчас в обществе такой момент, когда мы должны больше заботиться о том, как бы не произошла эскалация насилия, ненависти, именно поэтому и не развиваются сейчас тенденции — и правильно не развиваются — массового преследования этих людей. Но, конечно, данный случай совершенно особый. И дело тут не только персонально в Обухове, ясно, что он получил указание сверху, и цепочка, если ее проследить, протянется куда-то, где дело дойдет до Гдляна, до его компетенции.

«А КОГДА УПАДЕШЬ — ЭТО НЕВАЖНО»

Б.Л.Альтшулер, ФИАН

Об истории рода Сахаровых я еще скажу. Есть записки о родных детях Андрея Дмитриевича — отвечу. А вначале хотел бы дополнить предыдущее выступление Анатолия Ефимовича Шабда. Ведь это не из воздуха все возникло, что вот созывается собрание выборщиков Академии наук или, скажем, оповещаются институты о предпочтительных кандидатах, в результате чего за Сахарова голосуют 180 институтов. Я просто видел, хотя сам не принимал в этом активного участия, но видел как Анатолий Ефимович Шабд и Александр Александрович Собянин — тоже профессор нашего теоротдела — я видел, как они все это писали, потом на лазерном принтере множили (уже в другом институте), потом на личные деньги, которые собирали по отделу, это рассылалось. В результате 12 прогрессивных депутатов от Академии, включая Андрея Дмитриевича, были избраны. Все делалось своими руками. (Аплодисменты). Еще несколько хороших людей из других институтов работали вместе с ними.

Разрешите еще одно замечание, чисто шуточное. Тогда, кажется, был такой плакат перед зданием Дворца молодежи... Это было в один из критических моментов академической избиратель-

ной кампании. По поводу одного из кандидатов академии Михале-
вича, ретрограда: «Свободу академику Михалевичу, отсидевшему
два срока в Верховном Совете»...

Я хочу также прокомментировать вчерашнее выступление
товарища Забурдяева.

Первое замечание. В сущности выступление этого товари-
ща по поводу Обухова сводилось к двум словам — «надо разо-
браться». Это же естественная реакция человека, получившего
абсолютно новую сногшибательную информацию. И моя реакция
была бы такая же. Почему из-за этого надо сразу его осуждать?
Если отвлечься от ваших «горьковских» дел, от претензий к нему,
как к заведующему идеологическим отделом обкома партии, и
взять то, что вчера говорилось, так сказать, в чистом виде, то мне
бы не хотелось, чтобы эти его слова были встречены свистом. Я
здесь исхожу из установки Андрея Дмитриевича, чтобы все было
справедливо. Конечно же, надо разобраться. Сейчас готовится
проект резолюции — Обращение в Верховный Совет, с тем же те-
зисом: «Надо разобраться».

И второе замечание. Я просто хочу на факте показать, что
органы Госбезопасности не информируют никого о своих делах, в
том числе и партийные органы. Если информируют, то в очень ог-
раниченной степени. Приведу пример из другой области. Когда в
1985 году, как пишет Елена Георгиевна в своих воспоминаниях,
началось какое-то движение в сторону того, чтобы наконец дать
ей разрешение на выезд, то получилось так. В июле, после трех
месяцев голодовки, о которой никто не знал, Андрей Дмитриевич
написал письмо М.С.Горбачеву и на две недели прекратил голо-
довку, это был акт доброй воли с его стороны. И, видно, в это
время поступило какое-то указание от Горбачева в Госбезопас-
ность, что надо все-таки вопрос решить. Но, знаете, Горбачев го-
ворит, а они игнорируют. Во всяком случае все тянулось до конца
октября. Но в этот период Елену Георгиевну уже несколько раз
вызывали в ОВИР. И она обратила внимание, что из комнаты, в
которую она приходила, удалялись все работники МВД, кроме од-
ной женщины, которой КГБ доверяло. Не хотело КГБ никому да-
вать информацию. И МВД в том числе не имело права иметь
информацию о том, что ОНИ делают. Также и партийные органы
ОНИ, по-видимому, не информировали, хотя думаю, что в период
травли партийные органы какие-то инструкции получали. Ну, на-

пример, провести в Горьком серию собраний, заклеить сионистку Боннэр, которая, понимаете, в золоте и бриллиантах купается. Так, по слухам, говорилось тогда на некоторых собраниях...

Впрочем, многое говорилось и не по инструкции. Вот эпизод жизни Сахаровых в Горьком. Женщина из их двора, которая первые три года ссылки никакой враждебности не проявляла, после статьи Н.Н.Яковлева с надувшимися на шее венами кричала Елене Георгиевне, что та продает Россию у синагоги. И это была не провокация КГБ, то есть в целом это была провокация, но она то кричала искренне. Люди были доведены до исступления. Но я повторяю и свидетельствую: я много тогда слышал от Елены Георгиевны рассказов, когда она приезжала в Москву, обо всех этих диких нападках. Она никогда об этом не говорила с озлоблением, с раздражением — только жалела людей. Но это к слову. А замечание мое сводится к тому, что парторганы, по-видимому, далеко не все знали о том, что делают с Сахаровым.

И последнее замечание по поводу того, что сказал товарищ Забурдяев: «Пусть Альтшулер обращается к рабочим ГАЗа»... Я вчера сказал: «почему шахтеры могут, а пролетариат Горького не может?» Но эти мои слова не надо понимать в том смысле, что я призываю бастовать. Вообще я не занимаюсь призывами и не беру на себя такую ответственность. Но смысл был вот в чем: почему шахтеры могут в какой-то степени брать власть в свои руки, создавать инфраструктуру собственного самоуправления, а такой же процесс в Горьком проходит среди рабочих гораздо медленнее.

И в связи с этим я должен сказать, что Андрей Дмитриевич, конечно, был принципиальный сторонник только эволюционного пути. Я зачитаю, что он говорил за три дня до смерти, во время политической забастовки на митинге у нас в Физическом институте, куда он приехал в этой забастовке участвовать. У меня в руках его выступление, расшифрованное с магнитофона. Я зачитаю кусок, чтобы прояснить его позицию. Потому что и сегодня многие не понимают его позиции и в отношении той забастовки. Одни обвиняют его в том, что он слишком провоцирует возмущение, провоцирует пугачевщину; другие обвиняют, что он, наоборот, слишком мягок. По-моему, у него все взвешено. Слушайте.

«Честно говоря, мы все еще надеемся на спокойный, эволюционный ход развития, и он возможен именно при волеизъявлении народа, именно поэтому мы решили обратиться с этим

призывом к забастовке. Почему именно забастовка. Потому что никакая другая форма не имеет такой полной определенности, именно потому, что аппарат ее боится, а боится потому, что забастовка имеет реальную силу. Забастовка не разрушает экономику, а наоборот. Вчера мы слышали на заседании Межрегиональной группы пример директора шахты Кузбасса. Он сказал, что забастовка приводит к изменению психологии работающих, они начинают чувствовать себя хозяевами, а одно это приводит к тому, что работа идет лучше, она лучше организована и дает больше реальных результатов. И не случайно именно те шахты, которые бастовали, быстрее всех выполнили план этого года.

Это показывает колоссальное значение этого психологического и политического фактора. Я думаю, что забастовки не могут быть разрушительными для экономики в особенности потому, что они как раз предназначены разрушить ту систему в нашей стране, административно-командную систему, которая привела нас на грань гибели.

Та забастовка, которая сейчас происходит, не была никем подготовлена. Поэтому масштабы ее будут, вероятно, незначительные, в процентном отношении во всяком случае, но она уже началась, и люди поняли, что они могут сказать свое слово в политической истории нашей страны. Это сознание важно для людей, для трудящихся масс, оно важно и для аппарата. Аппарат должен понять, что он должен идти в русле перестройки, иначе он просто будет заменен другим. Такова историческая линия, которая намечается именно этим актом.

Забастовка названа предупредительной. Это означает, что она есть как бы проба сил, она как бы этап для того, чтобы действительно сформировались уже те организационные структуры, забастовочные комитеты, которые со временем проведут реальную забастовку, в случае если это понадобится».

Я зачитал кусок из выступления Сахарова во время политической забастовки 11 декабря.

Что касается просьбы рассказать об истории рода Сахаровых, то об этом, по-видимому, написано в его книге воспоминаний, которая должна выйти в мае в США на многих языках сразу. Книга эта существует и спасена благодаря Елене Георгиевне Боннэр. Я вообще не хотел сейчас говорить об ужасных вещах, но еще два слова. О предыстории книги.

Еще в Москве до ссылки Андрей Дмитриевич начал писать книгу воспоминаний. В 1979 году значительную часть написанного украли (изъяли) из московской квартиры. Он стал писать заново, и к марту 1981 года было уже восемьсот страниц рукописи. Он писал в одном экземпляре, несмотря на все уговоры Елены Георгиевны. Ему было очень трудно писать под копирку. Рукопись всегда носил с собой. В квартире ничего нельзя было оставить. Там все немедленно исчезало. Типичная ситуация: Сахаровы уходят из дома, возвращаются, а со стола исчезла кipa бумаг. Другой раз часть этих бумаг снова возникает на столе: научная часть. Тоже далеко не все. Это значит — ОНИ просмотрели и науку вернули. Мол, пожалуйста, занимайтесь. А остальное исчезало бесследно.

Так что Андрей Дмитриевич всегда все носил с собой в сумке через плечо. Но вот Елена Георгиевна уехала в Москву, а у него как раз заболели зубы и он пошел к зубному врачу. Перед тем как сесть в кресло, сумку оставил в коридоре, по рассеянности, наверно. Когда он вышел, сумки не было.* Это было очень страшно, тем более что не имелось никаких копий. Но Сахаров все восстановил, хотя, конечно, это уже другая книга. А та, украденная, лежит где-то в архивах.

Елена Георгиевна рассказывала потом, что на ее вопросы: «Зачем ты снял сумку!?» Андрей Дмитриевич оправдывался: «Не могу я все время думать о КГБ».

Третий раз, уже восстановленную рукопись, украли 11 октября 1982 года. Сахаров сидел в машине: это было перед горьковскими железнодорожными кассами. Елена Георгиевна ушла покупать билеты в Москву. Он ждет ее на стоянке, сидит в маши-

* Уточнение: после моего выступления мне рассказали такую версию этой кражи. (Со слов одного из врачей этой зубо-врачебной поликлиники.) Оказывается, «рассеянность» тут ни при чем. Андрей Дмитриевич пришел к тому врачу, к которому ходил всегда. Но ему почему-то сказали, что его сегодня примет заведующая. В кабинете заведующей он перед тем как сесть в кресло, снял сумку и свитер и положил здесь же. Но та в категорической форме потребовала, чтобы вещи были вынесены на вешалку в коридор. В коридоре в очереди сидело много народа. Сахаров повесил на вешалку свитер и сумку, а когда вышел — их не было. Люди сказали, что какой-то мужчина с забинтованной рукой их забрал.

не, а машина заперта изнутри, окно приоткрыто. Подходит какой-то мужчина, в окно просовывается рука, прыскает чем-то, он теряет сознание. Когда через несколько секунд он очнулся, сумки не было. Андрей Дмитриевич пытается открыть машину, ранит руку о разбитое стекло. Когда Елена Георгиевна вышла (она задержалась, так как все кассы «почему-то» оказались временно закрыты), он как раз шел ей навстречу: рука в крови и он еще не совсем пришел в себя. Но когда вышел из машины, обратил внимание, что сзади машины стояли 3 женщины. У них из под пальто виднелись белые халаты. Так что рукопись опять исчезла. Но теперь уже, как я понимаю, Елена Георгиевна позаботилась, следила, чтобы были дубликаты, и по частям переправляла в Москву. Вскоре после этой кражи, 8 декабря, у нее был обыск в поезде, отобрали много всего. Я потом спрашивал, как ей удалось вывезти книгу. Она ответила: «Боря, я талант!»

Короче говоря, она сумела это сделать, и огромная книга должна скоро выйти. Потом, после возвращения из Горького, Андрей Дмитриевич ее дописывал. Я тогда, конечно, ничего не знал, но хорошо помню, как в октябре 1981 года в ФИАНе неожиданно была отменена поездка теоретиков к Сахарову. Предыдущая их командировка была в сентябре, и об очередной поездке договорились заранее — такого-то октября такие-то люди должны приехать. И вдруг за день до этого поездка отменяется. Это делалось очень просто: теоретикам не подписывают командировку, и все. Никто не объясняет причину. Конечно же, КГБ не нужны были эти свидетели — не нужно, чтобы в такой острый момент появились посторонние люди. Следующая поездка состоялась только через четыре месяца, 17 января 1983 года. Почему притормозили теоретиков, стало ясно, когда приехала в Москву Елена Георгиевна и рассказала об этой краже с применением токсина. Вот такая история у книги Сахарова. Я ее всю не читал, читал куски, и скажу, что очень талантливо, главное, очень интересно читать.

А теперь я скажу, наконец, что знаю о семье Андрея Дмитриевича, о его предках. Родители: мать — Екатерина Алексеевна Софиано, ее отец, полковник Софиано, жили в Белгороде, семья из Белгорода. Бабушка Андрея Дмитриевича, Зинаида Евграфовна, уроженка Белгорода. Известно, что полковник Софиано в начале века, перед японско-русской войной на два или три года уезжал на Дальний Восток, на строительство БАМа. БАМ, оказы-

вается, строили трижды. Потом он вернулся и жил с семьей. Отец Андрея Дмитриевича, Дмитрий Иванович Сахаров, физик, его учебники физики хорошо известны. Далее я буду двигаться в глубину и просто зачитаю отрывки из книги Льва Копелева и Раисы Орловой:

«С детства Андрей Сахаров дышал воздухом русской интеллигентности. Род Сахаровых с конца XVIII века — несколько поколений сельских священников. Прадед Николай Сахаров был протоиерей в Арзамасе. Прихожане чтили его за доброту и образованность. Дед, Иван Николаевич, первым вышел из духовного сословия, приехал в Москву. В начале века был редактором сборника «Против смертной казни», был знаком и сотрудничал с Короленко; бывал у Толстого; друг семьи Толстого музыкант Гольденвейзер был крестным отцом Андрея Дмитриевича. Отец — Дмитрий Иванович — стал физиком. Наши ровесники учили физику по его учебнику. Дмитрий Иванович Сахаров был не только ученым, но и талантливым пианистом.

С первыми сказками бабушки, со звуками пианино, на котором играл отец, со стихами и книгами воспринимал Андрей ту духовную культуру, из которой выросли его представления о добре и зле, красоте и справедливости. Д.И.Сахаров в 1925 году издал научно-популярную книгу об электричестве «В борьбе за свет». Его сын стал борцом за свет правды и человечности.

Веря в плодотворность человеческого разума, он верит и в иррациональные душевные силы, которым необходимо искусство, музыка, поэзия.

Мы несколько раз слышали, как он читал наизусть Пушкина, тихо, почти про себя: «Когда для смертного умолкнет шумный день...» Он сказал однажды: «Хочется следовать Пушкину... Подражать гениальности нельзя. Но можно следовать в чем-то ином, быть может, высшем...»

Говорили о том, как Пастернак восхищался Нобелевской речью Камю, и Андрей Дмитриевич заметил: «Эта речь создана по-пушкински, это — пушкинский кодекс чести»...

Вдвоем с братом Юрием они по юношески азартно, перебивая друг друга, декламировали «Перчатку» Шиллера и вспоминали свою детскую игру: один «мычал» ритм, а другой должен был угадать, какое стихотворение Пушкина тот задумал.

Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна часто вместе с друзьями читали стихи Пушкина, Тютчева, А.К.Толстого, Анны Ахматовой, Арсения Тарковского, Давида Самойлова, слушали песни Окуджавы и Галича». Это конец цитаты из книги «Мы жили в Москве» Льва Копелева и Раисы Орловой.

Я добавлю, что рассказывала Елена Георгиевна. Андрей Дмитриевич действительно был очень образованным в русской литературе, но, как она говорит, его образование до встречи с ней кончалось Блоком. То есть то, что ближе: военное, советское он воспринял уже от нее. Этот новый пласт культуры он воспринял в последние десятилетия своей жизни. Раньше это прошло как-то мимо.

Теперь ближе к Нижнему Новгороду. Его прадед, Николай Иванович Сахаров, был протоиереем в Арзамасе. В мае прошлого года Андрею Дмитриевичу пришло письмо из Ленинграда от его троюродных сестер — Елены Романовны и Галины Романовны Галинских, с которыми он никогда раньше не виделся. Они прислали недавно обнаруженные в семейном архиве воспоминания своей бабушки, Надежды Николаевны Райковской, которая почти всю жизнь прожила в Нижнем Новгороде (потом Горьком). Она родная сестра Ивана Николаевича Сахарова, деда Андрея Дмитриевича. Всего их было десять детей.

Итак, Дмитрий Иванович, физик, отец Сахарова. Его отец — Иван Николаевич — юрист, выступал в гражданских процессах, жил в Москве, встречался с Чеховым, Короленко, Буниным. С Короленко Надежда Николаевна Райковская встречалась здесь, в Нижнем Новгороде, куда Короленко был сослан еще в прошлом веке. Так что она была в этом кругу.

До начала 70-х годов прошлого века семья протоиерея Николая Ивановича Сахарова жила в Арзамасе, а точнее, не в Арзамасе, а в селе Выездное, рядом с Арзамасом: там, где храм, в котором он служил. Теперь это район Арзамаса. Затем семья переехала в Нижний Новгород, и до самой своей смерти в 1911 году Н.И.Сахаров здесь жил. Надежда Николаевна начала писать воспоминания в свои 83 года. Вскоре она умерла и успела написать только маленькую часть про село Выездное, про свое детство. Это, по-моему, потрясающий текст...*

* Воспоминания Н.Н.Райковской публикуются в этой книге.

Скажу еще только, что Надежда Николаевна была очень образованным человеком. Как рассказывает ее внучка Елена Романовна Гагинская, с которой я теперь познакомился, бабушке как-то пришлось ехать в поезде (это было где-то в конце сороковых и было ей под 80) и ее соседи, молодые люди, решали кроссворд и что-то не могли угадать. И она начала им все подсказывать — а старушка абсолютно крестьянского вида (я видел фотографию). Они спрашивают: «Бабка, откуда ты такая взялась?» Вот оттуда, из тех далеких времен. Андрей Дмитриевич действительно был осколком той исчезнувшей цивилизации, той расстрелянной и рассеянной по миру русской интеллигенции. Отсюда и нравственные принципы, и многое другое.

Надежда Николаевна Райковская пишет о поколении дедушки Андрея Дмитриевича и об их родителях, то есть о прадеде и прабабушке Андрея Дмитриевича по сахаровской линии.

Читая ее записки, я узнавал Андрея Дмитриевича. Вот эту простоту, терпимость, иммунитет от «гордости». Разрешите я прочитаю выдержку из моей статьи о Сахарове, напечатанной в мемориальном выпуске «Досье «Литературной газеты». Хотя это и было опубликовано, но мало доступно:

«Я видел Андрея Дмитриевича в состоянии крайнего утомления, волнения, но никогда — в состоянии раздражения... Он не любил максимализма в выражениях, не любил спорить. Сказано, а дальше думайте сами. В марте 1974 года Сахаров написал критический ответ на «Письмо вождям» Солженицына. Корреспонденты просили Сахарова рассказать об этих идейных разногласиях. Что же ответил Андрей Дмитриевич? Он сказал: «Гораздо важнее то, что нас объединяет».

Сахаров не был спорщиком, не умел он также вести долгие безынформативные разговоры. Предпочитал либо не участвовать, либо отшутиться. Что мы все друг друга спрашиваем: «Когда? Когда же все эти чудеса с перестройкой, гласностью, парламентаризмом кончатся и все вернется на привычные и страшные круги своя?». Андрей Дмитриевич не принимал участия в этих бесплодных разговорах, но однажды — это было дома за ужином вскоре после возвращения из Горького — на чей-то прямой и, между прочим, вполне естественный вопрос: «Насколько же все это необратимо?» — ответил длинной цитатой из сказки «Орел-меценат» Салтыкова-Щедрина (он привел цитату сразу и наизусть, а мне,

чтобы воспроизвести ее здесь, пришлось, конечно, заглянуть в книгу): «Шабаш! — вдруг раздалось в вышине. Это крикнул орел. Просвещение прекратило течение свое. Во всей дворне воцарилась такая тишина, что слышно было, как ползут по земле клеветнические шепоты». Он несколько раз повторил последние слова — причем свистяще-шипящие звуки произносил с особенным удовольствием. Как сейчас это слышу. Это была шутка, смысл которой, вероятно, можно определить фразой: «Что уж там говорить, и так все ясно». Кто-кто, а Сахаров всегда осознавал, на краю какой пропасти мы стоим. Вспомним адские будни Афганистана, Тбилиси, травлю Сахарова на первом Съезде, публикацию в «Военно-историческом журнале». «Кляузник на Россию» — это сказано о Сахарове сейчас. Что будем делать? Смертью своей он стократ заострил этот вопрос.

Андрей Дмитриевич любил цитировать стихи. В январе 1987 года к нему обратились журналисты Олег Мороз и Юрий Рост с просьбой дать интервью для «Литературной газеты».* Они много работали, Сахаров потратил очень много времени, но интервью напечатано не было. Рассказывая об этом, Андрей Дмитриевич, в частности, сказал, что там был вопрос о возвращении наград, на который он ответил строчкой Михаила Кульчицкого: «Не до ордена, была бы Родина с ежедневными Бородино!». Как всегда, в точку.

Бывало, он и сам сочинял. Как-то пришел я к нему вечером, это было в июне 1988 года. Андрей Дмитриевич отдыхал, он работал ночами и люди приходили до двух часов ночи, и вот он вечером хоть часочек старался поспать... Потом он после отдыха пришел на кухню, и войдя, чуть ли не от двери, не здороваясь, говорит: «А я вчера стихотворение сочинил». И сразу читает:

«Никита был большой шутник,
Он в небо запустил спутник.
Летает спутник по орбите
И кружит голову Никите.
И вскоре по всему Союзу
Сажать он начал кукурузу.

* Рассказ О.Мороза публикуется в этой книге.

Тут вышел результат простой —
Никиты нет, а есть застой.»

Я в тот же день записал это по-памяти.

В заключение отмечу еще одно про Андрея Дмитриевича: его высокий профессионализм. Ко всему, чтобы он ни делал, он подходил абсолютно профессионально: и в науке, и в других делах. Если Сахаров занимался правозащитной деятельностью, то это была тяжелая ежедневная рутинная работа, это списки, выяснение деталей, посылки. Честно говоря, я просто не понимал, как они с Еленой Георгиевной со всем этим справлялись. Здесь присутствуют люди, которые вели вместе с ними эту работу: Сергей Ковалев, Татьяна Великанова, Александр Лавут, Вячеслав Бахмин. Они знают лучше, как все делалось.

Еще о профессионализме. 18 декабря на поминках Андрея Дмитриевича ко мне подошел человек, представился — Збигнев Ромашевский, активист польской оппозиции, а с 1989 года сенатор Польши. Днем он выступал на панихиде в Лужниках вместо Леха Валенсы, самолет которого посадили в Ленинграде, так как Москва не принимала. Оказывается, Ромашевский работал в ФИАНе (или был аспирантом) еще в семидесятых, когда меня там еще не было. Рассказал он такой эпизод. Примерно в 1979 году он пришел к Сахарову на улицу Чкалова для установления контактов между правозащитными движениями Польши и СССР. С Андреем Дмитриевичем они не были знакомы, так что он пришел, так сказать, «с улицы». Откуда было Сахарову знать, что это за человек, может, подосланный, подставной, таких подкидышей было немало. Что сделал Сахаров? Устроил ему экзамен на часок по физике. Ромашевский говорит, что ему было очень это интересно, что никогда раньше он не общался с физиками такого уровня, как Андрей Дмитриевич. Экзамен он выдержал успешно, и стало ясно, что это не агент.

Мой отец, который знал Сахарова очень давно (они вместе работали почти двадцать лет недалеко отсюда), встретившись с Андреем Дмитриевичем пару лет назад, сказал, в частности, что в их возрасте, в районе семидесяти лет, надо уже более тщательно выбирать занятия, так как времени жизни остается мало. Андрей Дмитриевич на это возразил: «Важно идти в правильном направлении, а когда упадешь — это неважно». Понять эту фразу Саха-

рова, значит действительно во многом понять его. Он всегда делал то, что считал нужным, не считаясь с возможностью физической смерти, понимая, что это лишь частность на фоне и истории человечества и Вселенной, что будет продление, что дорога бесконечна. А когда упадешь — это не важно. С этим чувством он голодал здесь, в Горьком. Он знал, что они знают, что он готов умереть. Знал, что малейшее послабление означает поражение и тоже может быть смертельным.

Ну, вот все, что я хотел сказать.

Отвечу на записки.

Да, еще есть одна важная вещь, которую я повторю, хотя это было на митинге. Елена Георгиевна мне позавчера продиктовала обращение к участникам митинга, горьковчанам. Я повторю это, поскольку, может быть, там не все были:

«Я благодарю горьковчан за сегодняшнее теплое отношение к Сахарову и его памяти. Пусть меня простят, но я не могу благодарить за те 7 лет, что мы жили в этом городе. Я бы просила Горьковский горисполком с помощью общественности города отдать ту квартиру, в которой мы жили, Майоровой Надежде Федоровне, которая живет в однокомнатной квартире № 7 на втором этаже того же дома и в одиночку воспитывает трех маленьких внуков-сирот.

Слов в память Сахарова мы сегодня говорим много. Давайте усилиями города и его общественности сделаем одно доброе дело. Это было бы лучшим памятником Андрею Дмитриевичу Сахарову».

Я бы хотел, чтобы это было доведено до городских властей и опубликовано. По-видимому, так и будет. Я передал этот текст в оргкомитет.

Еще один вопрос — о музее Сахарова. Здесь, кажется, присутствует Валентина Евлампиевна Костылева. Она после митинга показала мне проект резолюции, чтобы эту квартиру отдать под музей Сахарова в Горьком. И вот мы обсудили и пришли к выводу, что все-таки музей Сахарова не должен быть в квартире по нескольким причинам. Во-первых, материалов много. Во-вторых, как сказала Елена Георгиевна, «там же ничего нет, только стены». В-третьих, есть ее прямая просьба, которую я сейчас зачитал, — иначе распорядиться этой квартирой.

Но, кроме того, и технических проблем много. Сахаров связан с Горьким по трем, так сказать, направлениям. Первое — его корни в Нижнем Новгороде. Второе — то, что он работал 20 лет недалеко отсюда. Все это знают, хотя не называют места. И я его не называю, хотя мое детство там прошло. Но теперь об этих делах пишут все более открыто... И третье — ссылка. Так что материалов будет много, музей Сахарова делается надолго, и, вероятно, будет большой поток посетителей. А что можно сделать в квартире? Поэтому я думаю, что надо принять предложение от наших «Чтений» к властям, чтобы создать музей Сахарова в Горьком. Но не в квартире, а в другом, более солидном месте. А с квартирой поступить, как предлагает Елена Георгиевна.

Вопрос:

—В нашей продажной прессе было сообщение о том, что Сахаров приветствовал переворот генерала Пиночета в Чили. Если это правда, значит ложно то, что нам писали о Чили? Помогите разобраться бедным читателям официальной прессы.

Б.Альтшулер:

—Очень правильный вопрос. 73 год. Происходит страшный, и Андрей Дмитриевич об этом знал, переворот в Чили. Андрей Дмитриевич приходит к Галичу, который предлагает ему текст письма — того самого, по поводу которого было столько шума.

Главная идея письма — поэт Пабло Неруда может быть убит, и его надо спасти. Кажется, вскоре после этого он умер. Он был сильно болен. Итак, это письмо в защиту Пабло Неруды.

Я сейчас не помню точно текста, там что-то о консолидации и возрождении, но вне контекста это обсуждать нельзя. Может быть, пояснят другие. Во всяком случае, как говорил Андрей Дмитриевич, это было письмо к новому чилийскому правительству с просьбой пощадить Пабло Неруду. Потом вокруг этого письма была поднята гигантская шумиха. Вы это знаете. Я тогда спрашивал Андрея Дмитриевича: «Чувствуете ли вы что-нибудь лично в своей жизни от этой невероятной кампании в газетах?». Он сказал, что если не читать газет, то как будто ничего не происходит. Однако многие с ним тогда перестали общаться... Но не в Физическом институте. В Физическом институте все было в порядке.

Сергей Адамович Ковалев хочет пояснить по поводу Чили... Да, он говорит, что там было написано так: «Провозглашен-

ная Вами эпоха консолидации и возрождения будет омрачена, если...» Как видите, здесь Андрей Дмитриевич не берет на себя ответственность называть хорошими словами то, что случилось в Чили. «Провозглашенная Вами» — эти два ключевых слова опускались в газетных нападках. Повторяю, речь шла о том, что если только погибнет поэт Пабло Неруда, то провозглашенная новыми властями эпоха консолидации будет омрачена.

А в обращении к Пиночету проявляется его общий подход, общее отношение Сахарова к людям, которое Татьяна Михайловна Великанова очень точно обозначила: «Презумпция порядочности». Это у Сахарова в отношении всех. Между прочим, и в отношении Обухова.

Вопрос:

— *Может ли кто-нибудь из присутствующих на Чтении подробнее рассказать о детях Андрея Дмитриевича и детях Елены Георгиевны, о причинах их выезда из нашей страны...*

Б.Альтшулер:

— Знаете, когда подходят на улице и говорят, что будет убит годовалый внук... Вот когда так подходят и говорят: если Сахаров не откажется от своих слов, то будет убит годовалый внук... Что должен делать нормальный человек, любой нормальный человек в такой ситуации? Я вам скажу: замереть от ужаса за малыша и замолчать немедленно, навек, и вообще перестать, как говорится, возникать. А ведь Андрей Дмитриевич был совершенно нормальный человек, с естественными человеческими реакциями и ответственностью перед семьей. Что он должен был сделать? Замолчать, как вся страна? При том, что он знает, куда, на какую бойню, в какую пропасть ведут страну. Он это знал лучше других. Не мог он замолчать, не было у него такого варианта. Значит, надо было искать нетривиальные выходы.

Очень не хотел уезжать Ефрем Янкелевич, категорически не хотел. Очень не хотела Таня Семенова. Но Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна настояли, так как угроза была очень серьезная. Таня и Ефрем с двумя детьми эмигрировали в 1977 году. К счастью, такая возможность существовала.

Тогда же был исключен из института Алексей Семенов, младший сын Елены Георгиевны. Исключен при всех пятерках, якобы за несдачу экзаменов по военному делу. И вскоре пошли повестки за повесткой в армию. Естественно, по закону его долж-

ны были призвать. Но Сахаров не мог себе позволить иметь подобного заложника. Таким образом ему действительно заткнули бы рот; для этого все и делалось. Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна опять настояли на отъезде.

Теперь о родных детях Андрея Дмитриевича. Их мать — Клавдия Алексеевна — умерла в 1969 году от рака. Я был на ее похоронах и помню, как рыдал Андрей Дмитриевич. У них было трое детей — старшая Таня, Люба и младший Дима.

Знаете, они тоже были в сложном положении, хотя и несколько в стороне от событий. Что же касается всей клеветы, которую написал Н.Н.Яковлев, будто мачеха вышвырнула их на улицу, то все это полная чушь. Никто никого, разумеется, не вышвыривал. И детям Сахаров всегда помогал. Читайте об этом в январском номере журнала «Смена» за 1989 год. Там исковое заявление Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны в суд на Яковлева, в связи с его клеветой.

Вопрос:

— *Как было встречено Академией первое появление Сахарова в Москве?*

Б.Альтшулер:

— Ответ очень простой. Михаил Сергеевич еще при разговоре с ним по телефону сказал: «Я к вам подошлю Марчука»...

Да, между прочим, не забыть, Татьяна Михайловна, комментируя статью в «Известиях», очень правильно сказала, что там кое-что недоговорено. Я вам открою секрет. Три дня назад я был в редакции «Известий» и говорил с корреспондентом. Елена Георгиевна попросила меня прочитать внимательно эту статью, чтобы там не было каких-то ляпов. Там действительно были неточности. Например, говорилось, что всю связь Сахарова с внешним миром осуществляли теоретики ФИАНа, что они вывозили все общественные документы. Это я исправил, потому что факт остается фактом: как только Елену Георгиевну перестали выпускать из Горького, Сахаров исчез для внешнего мира.

Но по двум пунктам, как раз тем, о которых сказала Татьяна Михайловна, автор вносить исправления не решился, хотя я ему об этом говорил.

Первое: о причине, по которой Елену Георгиевну в мае не выпустили из Горького. Я ему говорил, что против нее было возбуждено уголовное дело. А корреспондент «Известий» отвечает:

«Знаете, начальство это не пропустит, не надо. Мы напишем просто, что ее не выпустили».

Второе: в изложении беседы по телефону с М.С.Горбачевым. Я сказал, что первые слова Андрея Дмитриевича были о гибели Анатолия Марченко в чистопольской тюрьме. Но оказалось, что и это «начальство не пропустит».

Вернусь к Академии. По просьбе Горбачева в Горький приехал Гурий Иванович, и у них состоялась весьма длительная беседа с Сахаровым. Это было не на квартире, а в одном из институтов, не знаю, в каком. Андрей Дмитриевич изложил ему многие пункты своей программы, рассказал, что собирается делать. В частности, и о Чернобыле, и о подземных станциях, и о сейсмологии (о предотвращении катастрофических землетрясений превентивными ядерными взрывами). А также и о необходимости реабилитации правозащитников.

Позже, когда Сахаров вернулся в Москву, Марчуку, по-видимому, было дано поручение, причем, надо думать, непосредственно от Горбачева: интегрировать, так сказать, Сахарова обратно в Академию. В конце декабря состоялось заседание президиума, на которое был приглашен Андрей Дмитриевич. Прямо обращаясь к академикам, Марчук сказал: «Прошу любить и жаловать». Через полтора года Андрей Дмитриевич был избран членом президиума, это вы знаете.

Вопрос:

— *Расскажите о последних часах Андрея Дмитриевича. Можно ли было его спасти?*

Б.Альтшулер:

— Последний день Андрея Дмитриевича... Начну с утра. Спал он накануне хорошо, перед сном они с Еленой Георгиевной читали вслух статью Селюнина, кажется, из «Нового мира». Он вообще был бодр, хорошо себя чувствовал в последние дни. Очень был доволен призывом к политической забастовке, говорил, что сердитая реакция аппарата — это то, что надо.

Утром около полудня Елена Георгиевна отвезла его на заседание Межрегиональной группы. Мой последний разговор с ним был до этого, часов в 12. Я ему позвонил из дома под впечатлением только что прочитанной в «Советской России» беседы с генерал-майором юстиции Васильевым по материалам расследования событий в Тбилиси. Генерал, в частности, говорил, как солдаты-

десантники отбивались саперными лопатками от нападавших молодчиков. Говорил, как в последующие дни после 9 апреля заинтересованные лица нарочно «подтравливали» территорию какими-то особыми веществами, чтобы потом обвинить армию в применении этих веществ. Я позвонил Андрею Дмитриевичу под впечатлением прочитанного, суть ему кратко пересказал. Для него позиция военной прокуратуры была вообще-то ясна и без этого моего звонка, но сам факт публикации его заинтересовал. Голос бодрый, уверенный...

На заседании Межрегиональной группы он выступил, потом долго не ехал домой, Елена Георгиевна начала беспокоиться. Оказывается, Олжас Сулейменов пригласил его в гостиницу «Москва», в свой номер. Там у Сахарова брали интервью и снимали его работники студии «Казахфильм» — для фильма о Семипалатинском полигоне. Это были последние съемки в жизни Андрея Дмитриевича. Он, конечно, высказывался против продолжения испытаний в Семипалатинске.

Домой он приехал около восьми вечера. Поужинали втроем: он, Елена Георгиевна и Ефрем Янкелевич, который к этому времени уже две недели находился в Москве. Примерно без пяти девять сказал: «Ну, я пойду отдохну, в половине одиннадцатого меня разбуди».

О дальнейшем я расскажу со слов Елены Георгиевны, как она потом все восстановила: Андрей Дмитриевич отпер квартиру, вошел, закрыл дверь за собой, конечно, не запирая (дверь он никогда не запирал, когда был дома). Войдя в темную квартиру, включил свет и прошел в дальний конец коридора, туда, где кладовка и мусоропровод. Прошел, чтобы выкинуть пакет с мусором. В руках у него даже были еще ключи, он еще их не положил на полку около двери. Не положил, а прямо пошел, хотел, наверно, сразу выкинуть пакет. Выкинул в мусоропровод пакет, повернулся и, выходя из кладовки, упал. Причем видно было, что он не грохнулся, никаких синяков, а медленно опустился. Она нашла его лежащим на боку. Так он лежал полтора часа, до половины одиннадцатого, когда, как он просил, Елена Георгиевна пришла его разбудить. Можно ли было его спасти? Нет, через полтора часа спасти было нельзя. Можно ли было в момент, когда он упал? Может быть, и можно, кто знает.

Вопрос:

— Кто, по вашему мнению, мог бы заменить Сахарова в качестве лидера демократического движения?

Б.Альтшулер:

— Вы знаете, это вопрос не ко мне, а к истории. Вообще-то Сталин говорил, что незаменимых нет... Не знаю. Не нужно, я думаю, никакого сопоставления с Андреем Дмитриевичем, никого при этом не надо унижать, говорить, что вы все ему в подметки не годитесь, не можете заменить. Такая постановка вопроса вообще, по-моему, незаконна. Но, по-моему, вообще нет заменимых...

РОЗЫ? НЕЛЬЗЯ!

В.Е.Костылева

Я была знакома с академиком Сахаровым. Я работала с ним в одном институте. Имела честь получить у него научную консультацию. Академик Сахаров возглавлял теоретический сектор, а я была рядовым молодым инженером в экспериментальном секторе. У меня возникла научная идея, требовалась консультация. Мои коллеги — ребята, с которыми я работала, посоветовали обратиться к академику Сахарову. Андрей Дмитриевич пользовался всеобщим уважением. Он был доступен. Для встречи с ним не требовалось никакой предварительной договоренности. Сказав коллегам, что иду к Сахарову, я отправилась в теоретический сектор, не поставив в известность о своих намерениях ни академика Сахарова, ни кого-либо из его сотрудников. Выяснила, в какой он комнате. Вошла. Андрей Дмитриевич внимательно выслушал меня и сразу дал консультацию. Беседа с Сахаровым, строй его мышления, его интеллект, эрудиция произвели на меня столь сильное впечатление, что восхищение этим человеком, огромное уважение к нему я пронесла через всю мою жизнь.

Хочу рассказать о двух последних встречах с академиком Сахаровым. Последний раз я разговаривала с Андреем Дмитриевичем в Москве во время случайной встречи в Большом зале консерватории. У меня сохранились программа концерта и билет, благодаря чему можно назвать день встречи: 1 июня 1974 года. Андрей Дмитриевич был на концерте вдвоем с молодой женщи-

ной, по-видимому, с дочерью. Я подошла и сказала несколько приветственных слов. Сахаров был непритязателен в одежде, я привыкла видеть его скромно одетым, в мешковатом костюме, в разношенных полуботинках. В консерватории передо мной был совсем другой человек: элегантный мужчина в отлично сшитом, великолепно сидящем костюме. Он и сейчас перед моими глазами: красивый, высокий, полный жизненных сил человек.

Следующая встреча состоялась в Горьком, в Щербинках, в июне 1986 года. Но прежде расскажу о предшествовавших событиях.

Весной 1986 года, включив «Спидолу», услышала, что Елена Георгиевна длительное время находится за рубежом, Андрей Дмитриевич один живет в Горьком. Прошли майские праздники. Приближался день рождения, 65-летний юбилей Сахарова. А он был в Горьком, и один. Мне по-человечески стало его жаль: пожилой человек, один в чужом городе, новых друзей в таком возрасте находишь с трудом. Надумала я пойти поздравить Андрея Дмитриевича с юбилеем. Точную дату рождения, 19 или 21 мая, не помнила. Решила пойти 19 мая. Вот с букетом роз и приехала в Щербинки и вошла в дом, где жил Сахаров.

У двери квартиры академика милицейский пост. Мне не позволили встретиться с Андреем Дмитриевичем и преподнести ему цветы. Меня препроводили в пункт охраны порядка, расположенный в соседнем доме, и заставили писать объяснительную записку, мне угрожали...

Позднее я обращалась в Горьковский обком КПСС за разъяснениями; вразумительного ответа не получила.

В июне 1986 года я вновь пришла в дом, где жил академик Сахаров. Подошла к стоявшему на посту милиционеру, стала его расспрашивать, как живет Андрей Дмитриевич. На этот раз обращение со мной было очень вежливым. «Елена Георгиевна вернулась. Слышите, они разговаривают?» — говорил милиционер, но я ничего не слышала. Вдруг он забеспокоился и говорит: «Уйдите, пожалуйста. Сейчас Андрей Дмитриевич выйдет. Пожалуйста, не подходите к нему.» Я обещала.

Я вышла из подъезда, спустилась по ступенькам дома и остановилась в ожидании. Вскоре из дома вышел человек; он нес в руках посылку, направляясь, по-видимому, на расположенную рядом почту. Если бы я не знала, что сейчас должен выйти Андрей

Дмитриевич, я бы никогда его не узнала: по ступенькам дома спу-
скался и шел навстречу мне маленький, сухонький, сгорбленный
старичок.

Была солнечная погода. Вдали стояли две женщины, пере-
шептывались: «Сахаров». С момента предыдущей встречи, слу-
чайной встречи в Москве, прошло 12 лет. За это время, после
жизни в Горьком, Андрей Дмитриевич превратился из высокого
сильного человека в маленького сгорбленного старика. Меня все
это потрясло. Я обратилась с заявлением к сессии Горьковского
областного Совета, а затем написала письмо М.С.Горбачеву. При-
вожу текст этих заявлений.

*Седьмой сессии
Горьковского областного Совета
народных депутатов
девятнадцатого созыва
от кандидата технических
наук старшего научного
сотрудника В.Е.Костылевой:
603122, г. Горький, ул. Богород-
ского, дом 10, кв. 19*

ЗАЯВЛЕНИЕ

*Считаю должным привлечь внимание депутатов к следую-
щему очень серьезному вопросу.*

*В дни моей молодости я имела честь получить консуль-
тацию по научному вопросу у академика Андрея Дмитриевича
Сахарова. Беседа с академиком А.Д.Сахаровым произвела на ме-
ня столь сильное впечатление, что восхищение этим гениаль-
ным человеком, его огромным интеллектом я пронесла через
всю мою жизнь.*

*19 мая сего года я пошла поздравить академика А.Д.Са-
харова с 65-летним юбилеем. У двери квартиры, где прожива-
ет академик А.Д.Сахаров, я увидела сидящего за столиком
сотрудника милиции. Академик А.Д.Сахаров был дома один.
Мне не позволили увидеть академика А.Д.Сахарова и преподне-
сти цветы. Более того, меня препроводили в находящийся в*

соседнем доме пункт охраны порядка и заставили писать объяснительную записку, пытались запугать. Увиденное потрясло меня.

О своем намерении поздравить академика А.Д.Сахарова с днем рождения я заранее поставила в известность зав. отделом науки Горьковского обкома КПСС Ю.А.Королева. После несостоявшегося визита я обращалась за разъяснениями в Горьковский обком КПСС. В приемной комнате обкома КПСС я разговаривала 20 мая, 22 мая и 24 июня сего года с ведущими прием работниками обкома М.А.Кузнецовым, А.А.Катюшиным, Л.Н.Соколовым. Должностные лица произносили слова, смысл которых сводился к тому, что этот вопрос находится вне области их компетенции.

Я обращаюсь к высшему органу советской власти на территории Горьковской области — сессии областного Совета народных депутатов с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. На каком основании мне не позволили поздравить академика А.Д.Сахарова с 65-летним юбилеем?
2. На каком основании работники милиции заставили меня писать объяснительную записку?
3. На каком основании работники милиции запугивали меня?

Я знала академика А.Д.Сахарова как порядочного, всеми уважаемого человека, внесшего огромный вклад в обороноспособность нашей Родины. Академик А.Д.Сахаров должен быть с советскими людьми. Считаю, что действия, лишаящие академика А.Д.Сахарова общения с советскими гражданами, недопустимы.

Первый экземпляр заявления я вручила 19 июля, в день открытия сессии областного Совета народных депутатов, заведующему организационно-инструкторским отделом облисполкома Александру Федоровичу Ларину. Обещал рассмотреть, о результатах сообщить.

Ответа на заявление не получила.

В августе 1986 года я написала на имя М.С.Горбачева письмо следующего содержания.

Генеральному секретарю ЦК
КПСС М.С.Горбачеву
от члена КПСС В.Е.Костыле-
вой: 603122,
Горький, Богородского, 10, кв. 19

Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

Обращаюсь по вопросу, который касается лично Вас.

В ответах на вопросы газеты «Юманите» Вы заявили следующее: «Сахаров живет в Горьком в нормальных условиях, ведет научную работу, остается действительным членом Академии наук СССР» (см. «Известия» от 8 февраля 1986 г.).

19 мая сего года я пошла поздравить академика Андрея Дмитриевича Сахарова с 65-летним юбилеем. То, что я увидела, потрясло меня. Я увидела, что вопреки публичному заявлению Генерального секретаря ЦК КПСС академик А.Д.Сахаров содержится под стражей, лишен возможности общения с советскими людьми, фактически лишен возможности работать.

За разъяснениями я обратилась в Горьковский обком КПСС. Ответа не получила.

19 июля сего года я обратилась к седьмой сессии Горьковского областного Совета народных депутатов девятнадцатого созыва (копия заявления прилагается). Ответа не получила.

Я знала академика А.Д.Сахарова как порядочного, всеми уважаемого человека, внесшего огромный вклад в обороноспособность нашей страны. Академик А.Д.Сахаров должен быть с советскими людьми. Он должен пользоваться полной свободой в пределах нашей страны. Должностные лица, доведшие академика А.Д.Сахарова до сегодняшнего состояния, совершили государственное преступление; они должны быть привлечены к ответственности. Считаю, что лишение академика А.Д.Сахарова заработанных им наград явилось актом, позорящим нашу страну.

Следовало бы извиниться перед академиком А.Д.Сахаровым за причиненное ему зло; вернуть свободу и награды; внимательно выслушать, обдумать и обсудить предложения, если таковые будут высказаны академиком А.Д.Сахаровым. Такой ве-

ликий ум, каким обладает академик А.Д.Сахаров, не может быть во всем не прав.

*В.Е.Костылева
26.08.86 г.*

Письмо М.С.Горбачеву отправлено из Москвы заказным с уведомлением. Уведомление свидетельствует, что письмо сдано в Общий отдел ЦК КПСС 28 августа 1986 г.

Ответа на письмо не получила.

Совершенно случайно узнала, что письмо было переправлено в Горьковский обком КПСС и находилось в деловых бумагах заведующего отделом науки Ю.А.Королева.

В середине декабря горьковская ссылка академика А.Д.Сахарова закончилась, он получил возможность вернуться в Москву.

С Еленой Георгиевной я не знакома, я с ней только раз разговаривала, в день, когда Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна уезжали из Горького. Я приходила проститься. Дверь открыла Елена Георгиевна. Андрея Дмитриевича дома не было. Зайти еще раз я постеснялась. Предположив, что они скорее всего уедут из Горького поездом № 37, я приезжала их проводить на вокзал. Неудачно. Андрея Дмитриевича и Елену Георгиевну на вокзале не встретила.

Когда Андрей Дмитриевич умер, я ездила в Москву проститься; прощалась с Андреем Дмитриевичем во Дворце молодежи, на гражданской панихиде в Лужниках.

В Горьком, на митинге, посвященном открытию мемориальной доски в честь академика А.Д.Сахарова на доме, где он жил, я услышала обращение Елены Георгиевны за счет принадлежавшей им квартиры улучшить жилищные условия Майоровой Н.Ф., которая одна воспитывает трех внуков-сирот.

Поддерживаю просьбу Елены Георгиевны.

Одновременно поддерживаю предложение горожан открыть в Горьком музей академика А.Д.Сахарова. Вопрос о музее обсуждался, пришли к мысли, что в Горьком музей академика А.Д.Сахарова должен быть обязательно; вопрос о помещении для музея можно будет решить позднее. Написано письмо с просьбой открыть в Горьком музей академика А.Д.Сахарова. Вчера и сегодня

я собирала подписи среди слушателей Сахаровских чтений. Многие из вас письмо уже подписали. Привожу текст письма.

*Верховный Совет СССР
Совет Министров СССР
тов. Горбачеву М.С.
тов. Рыжкову Н.И.
тов. Рябеву Л.Д.*

Участники Сахаровских чтений обращаются к Правительству СССР с предложением открыть в г. Горьком музей лауреата Нобелевской премии Мира академика Андрея Дмитриевича Сахарова. Убеждены, что открытие музея в городе, где жил в ссылке академик А.Д.Сахаров, послужит добрым примером в деле возрождения справедливости и духовности в нашей стране, повысит престиж нашей страны в глазах мировой общественности.

Долгое время имя академика Сахарова было опутано дезинформацией. До сих пор не все понимают, что академик Сахаров — это гигант, что это удивительно честный и умный человек, что это наша совесть. В горьковском музее должны быть представлены документы, научные и общественно-политические публикации академика А.Д.Сахарова. Нужно, чтобы люди могли увидеть документы и сами разобраться, где правда, а где наветы. Призываю вас поддержать предложение создать в Горьком музей академика А.Д.Сахарова, назвать именем великого гуманиста микрорайон, площадь, улицу. Очищение имени академика Сахарова от клеветы и дезинформации, восстановление правды, сохранение памяти о жизни и деятельности Великого Сына России являются необходимым шагом по пути духовного возрождения общества.

Б.Е.Немцов, председатель:

— Поступила записка с предложением, чтобы горьковские физики рассказали о позиции, которую они занимали во время ссылки Сахарова. Я, честно говоря, не знаю, будут ли желающие выступить среди наших физиков... Могу сказать только от себя.

Мне кажется, то, что было, это наш позор и это наша трусость. Да, мы такими были, и не дай Бог, что мы такими останемся...

Теперь справка о Забурдяеве. Товарищ Забурдяев был в то время секретарем парткома института «Салют», который находится в том же микрорайоне Щербинки, и территория, где жил Сахаров А.Д., является подшефной, так что должен был знать... Вот такое дело.

«КАК Я ВОСПИТЫВАЛ А.Д.»

*Б.М.Болотовский, доктор физико-математических наук,
ФИАН*

Здесь было сказано много прекрасных слов об Андрее Дмитриевиче. Но все-таки мало было сказано, потому что мы еще мало знаем о его жизни. Чем больше мы будем узнавать о ней, тем яснее будем видеть уроки, которые дал нам всем этот великий человек, надежда, украшение и оправдание человечества. И я думаю, что мы еще многое узнаем о нем, и то, что мы узнаем, делает нас всех лучше.

Борис Ефимович Немцов в своем выступлении сказал, что трусость мешала нам (многим из нас) оказать открытую поддержку и помощь Андрею Дмитриевичу. Это высказывание я отношу и к себе.

Может быть, представление о деятельности А.Д.Сахарова будет более полным, если больше будет известно о том, в какой обстановке, в каком окружении протекала эта деятельность. Я хочу рассказать о той стороне жизни, которая хотя и протекала как бы за спиной Андрея Дмитриевича, но тем не менее имела к нему прямое отношение. Речь идет о том времени, когда А.Д.Сахаров после почти двадцатилетней работы «на объекте» вернулся в Теоретический отдел ФИАН, где я тогда работал.

В нашем отделе была небольшая партийная организация. В разные годы число ее членов менялось в пределах от 5 до 8 человек. В тот год, когда вернулся Андрей Дмитриевич, я был парторгом отдела. А вот приглашают меня на заседание парткома ФИАН, усаживают в конец длинного стола, за которым сидят

члены парткома, и секретарь парткома, сидящий на противоположном конце, говорит:

— Расскажи нам, как ты намерен строить воспитательную работу с академиком Сахаровым.

Я, в свою очередь, спросил, в каком отношении его надо воспитывать. С Андреем Дмитриевичем я тогда еще был почти не знаком, хотя и видел его, и слышал его сообщения и замечания на семинарах отдела, и мы здоровались при встрече.

Интересно было видеть, как относились к нему участники семинара. В то время лишь немногие знали его в лицо. И нередко бывало так, что в ходе доклада Андрей Дмитриевич задает вопрос, потом другой, потом высказывает замечание — и дальше докладчик глядит только на Андрея Дмитриевича, и кажется, что и говорит главным образом для него, хотя обстановка на семинаре достаточно вольная, и другие участники тоже высказываются во время доклада. А после окончания семинара докладчик начинает выяснять, кто был этот глубоко понимающий человек, и узнает, что это был академик Сахаров.

Я не знал тогда, какова была причина его перехода. Правда, я успел прочесть его работу — великую работу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Эта работа тогда передавалась из рук в руки. Помню затрепанную, рассыпавшуюся на сгибах стопку машинописных листков.

К стыду своему, должен признаться, что я эту работу тогда не оценил. Я прочел и подумал: «Все правильно, и я со всем согласен, хотя некоторые предложения, высказанные Сахаровым, представляются неосуществимыми. Но ведь то, что пишет Сахаров, наверное, всем понятно, и так и должно быть. Именно так и должны строиться общественные отношения и международные отношения, чтобы мир развивался в обстановке безопасности и мог вообще развиваться». Мне тогда было невдомек, что я понял и принял все с первого раза, хотя прежде и не думал об этих вопросах, понял и принял потому, что Андрей Дмитриевич прекрасно обо всем написал. Прекрасно во всех отношениях — и непредвзято, и доходчиво, и научно, и глубоко, и, наконец, образцово в чисто литературном отношении, так что и читать было легко.

На мой вопрос, в чем надо воспитывать Сахарова, ответа не последовало. Я тогда сказал, что у нас в отделе регулярно про-

водятся политинформации и работает философский семинар. Вот и хорошо, сказали мне, вот пускай он и ходит на политинформации и на семинар. А один член парткома сказал:

— Ты ему поручи сделать доклад на философском семинаре.

На это предложение отозвался другой член парткома. Он сказал:

— Ну, ты ляпнешь, так ляпнешь. Как ему поручить, откуда ты знаешь, что он будет говорить?

Итоги дискуссии подвел секретарь парткома:

— Ладно, ты доклад ему не поручай, но пусть он ходит.

Я приступил к воспитательной работе с академиком Сахаровым. На политинформации я, правда, его не приглашал — на это у меня хватило ума, после того, как я прочитал его «Размышления». На философский же семинар он сам приходил на те доклады, которые ему были интересны, а потом потерял интерес и перестал ходить. И как раз тогда меня вызвали в дирекцию. Ну, думаю, сейчас будут ругать за то, что Сахаров не охвачен идеологической работой.

Но в дирекции мне предложили ознакомиться с письмом, которое Андрей Дмитриевич адресовал Брежневу, Подгорному и Косыгину. В письме речь шла о необходимости демократизации советского общества.

В связи с этим письмом заместитель директора высказал две претензии к академику Сахарову. Во-первых, есть опасность, что письмо может попасть за границу и там будет опубликовано. Во-вторых, Андрей Дмитриевич написал это письмо в нарушение договоренности с директором ФИАНа (Д.В.Скобельцыным). Когда Сахаров переходил в ФИАН, директор поставил ему условие: если Сахаров будет выходить с какими-либо заявлениями за пределы института, то только с согласия директора. В заключение зам. директора сказал:

— Вот у нас к нему какие претензии, ты с ним об этом поговори.

Мне теперь трудно понять, почему я должен был говорить обо всем об этом с А.Д.Сахаровым. Если дирекция имеет к нему претензии, пусть она и выясняет, а не поручает это дело мне. Но тогда я считал, что данное мне поручение нужно выполнить. Я позвонил Андрею Дмитриевичу, и мы условились встретиться во

вторник за полчаса до семинара, который он никогда не пропускал.

До этого я с ним не разговаривал, потому что занимался другой тематикой, общих тем для разговора по работе у нас не было.

Договорились мы встретиться на втором этаже в коридоре, ведущем из нашего крыла в центральную часть. Я и сейчас помню, как он шел мне навстречу по коридору, высокий, доброжелательный, красивый человек с ясными глазами. Он меня выслушал и сказал:

— Это письмо уже опубликовано в Америке.

Он назвал одну из ведущих американских газет и добавил:

— Насколько я могу судить, перевод правильный. Я не пересылал этого письма за границу. Письмо было адресовано Брежневу, Косыгину и Подгорному, но я так и не получил ответа. Тогда я стал его давать почитать друзьям и знакомым, письмо переходило из рук в руки и, возможно, ушло за границу. А если вас спросят в парткоме, как же все-таки письмо попало за границу, то вы им ответьте — это очень убедительный ответ, — что недавно был Пленум ЦК и там Брежнев делал доклад о трудовой дисциплине, и этот доклад на третий день был опубликован в «Нью-Йорк Таймс». Вы им так можете ответить, это очень убедительно, и они больше не будут спрашивать.

— Теперь относительно того, что я нарушил обещание, которое дал Д.В.Скобелъцыну. Когда я поступал в ФИАН, Скобелъцын меня попросил, чтобы я с ним советовался всякий раз, когда буду делать заявления вне ФИАНа. Я ему ответил, что разные бывают случаи, и я на все случаи обещать не могу. Таким образом, договоренности не было. Но как раз в данном случае я выполнил его пожелание, потому что, когда я это письмо писал, у меня какие-то формулировки не получались, мне не нравились, и я пошел к Дмитрию Владимировичу просить совета, как лучше написать. Но он письмо смотреть не стал и помочь мне отказался.

Меня поразило в этих словах А.Д.Сахарова чувство полной внутренней свободы, которое, мне кажется, объясняло и его независимость, и его мужество. И, конечно, бросалось в глаза его доброжелательное внимание и вежливость.

Еще я его спросил:

— Андрей Дмитриевич, насколько я знаю, это не первое Ваше письмо в адрес руководства. Получали ли Вы ответы?

Он сказал:

— Я ни в какой форме пока ответа не получал. Но это меня не удивляет. Я долго размышлял перед тем, как написать руководству, и, по-видимому, они теперь думают, как лучше мне ответить.

На самом деле, к тому времени Андрей Дмитриевич уже получил убедительные ответы на свои письма — он был снят с работы в том секретном институте, где проработал около двадцати лет, его высказывания по вопросам общественной жизни полностью замалчивались у нас в стране. Его переход в ФИАН решался на уровне секретариата ЦК КПСС. Секретарь парткома ФИАН мне говорил, что секретарь ЦК КПСС М.С.Суслов сказал представителям ФИАН:

— Вы несете ответственность за Сахарова.

Эта формулировка впоследствии пригодилась нам. Через несколько лет, когда разгорелась в печати и на радио травля Сахарова, парторга теоретического отдела Е.С.Фрадкина пригласили в райком партии и там предложили, чтобы коммунисты отдела написали письмо, а в письме чтобы осудили Сахарова и заявили, что не хотят с ним работать в одном отделе. Ефим на это сказал:

— Товарищ М.С.Суслов лично возложил на нас ответственность за Сахарова. Вы считаете, что мы можем снять с себя эту ответственность?

Товарищи из райкома побледнели, замахали руками и сказали:

— Нет-нет, никто с вас ответственности не снимает!

Таким образом, благодаря прямому указанию М.С.Суслова, провалилась хитроумная попытка уволить А.Д.Сахарова нашими руками.

Но это все еще было впереди.

А первая беседа с Андреем Дмитриевичем произвела на меня сильнейшее впечатление. В то время я жил довольно трудной жизнью, болел сам, болел мой отец, на руках у меня был сын-сирота (жена умерла в 1964 году). Настроение у меня было большей частью скверное. Но после описанной беседы с А.Д.Сахаровым я себя почувствовал счастливым человеком. Я был счастлив, что есть такие люди, как Андрей Дмитриевич. Может быть, точнее

было бы сказать не «такие люди», а «такой человек». Но будем надеяться на лучшее.

Дальше события развивались в установленном порядке. Время от времени меня вызывали в дирекцию и там знакомили с очередным письмом А.Д.Сахарова в адрес руководства. Мне не надо было слушать «враждебные голоса» — Би-Би-Си и Голос Америки — чтобы узнать, о чем писал Сахаров. И сам факт появления очередного письма расценивался в дирекции и парткоме однозначно, как результат плохой воспитательной работы с Сахаровым со стороны партийной организации Теоретического отдела. Секретарь парткома мне как-то сказал в личной беседе:

— Ты с ним деликатничаешь. Вот я ему прямо сказал: «Андрей Дмитриевич, Вы для себя должны решить, по какую Вы сторону баррикады», а другой раз я ему сказал: «Вы должны прекратить безответственные действия».

К тому времени я уже стал понимать, что Андрей Дмитриевич ведет борьбу, находясь по нашу сторону баррикады, хотя слово «баррикада» ему бы не понравилось. И действия, которые он предпринимал, были не безответственные, а были продиктованы как раз сознанием высочайшей ответственности. Один раз я все это высказал, но получил нагоняй и повторять не решался.

Так или иначе, причину общественной активности А.Д.Сахарова усматривали в том, что я плохо веду воспитательную работу с ним. Положение напоминало анекдот про придворного врача у турецкого султана. Когда султан болел, придворному врачу ставили клизму.

Однажды на заседании парткома я восстал против такого порядка вещей. Я сказал:

— Значение Сахарова выходит за рамки Теоретического отдела, за рамки нашего института и за рамки Академии наук. Если вы думаете, что работа с А.Д.Сахаровым заключается в том, чтобы меня прорабатывать после каждого его выступления, то вы ошибаетесь. В первую очередь с ним должны поговорить те, кому он адресует свои письма.

После этого меня перестали прорабатывать за действия А.Д.Сахарова. Те, кому он писал свои письма — Брежнев, Косыгин, Подгорный, — так и не снизошли до беседы с ним. А он не случайно тогда адресовал свои письма руководству. По-моему, он

тогда считал, что поскольку партия обладает всей полнотой власти, то и все изменения в нашей стране могут происходить только тогда, когда партия их примет и сама начнет проводить в жизнь. Поэтому он и обращался с письмами к высшим руководителям партии и государства.

Постепенно обстановка вокруг Андрея Дмитриевича накалялась, в начале семидесятых годов от замалчивания его взглядов органы массовой информации перешли к массовому искажению его высказываний и к массовой травле. Не остался в стороне и ФИАН. Если не ошибаюсь, осенью 1972 года мне было сказано в парткоме:

— Сотрудники ФИАНа должны выразить свое отношение к антисоветской деятельности Сахарова. Нужно написать письмо, осуждающее его безответственные действия, чтобы все сотрудники могли его подписать. Ты парторг Теоретического отдела, ты лучше других знаешь, что он делал, тебе и писать это письмо.

Я сказал в ответ, что письмо писать не буду, а если кто другой его напишет, то я не подпишу. Больше ко мне с этим делом не обращались. Но письмо было написано. В партком пригласили секретарей лабораторных парторганизаций и раздали им текст письма, причем было сказано:

— Это надо быстро подписать. А то его скоро посадят, а нас спросят: вы что смотрели, ничего не делали?

Взял и я текст письма. Жалко, что он у меня не сохранился. В отделе, я твердо знал, никто письмо не подпишет. Так и получилось. Для соблюдения всех формальностей я приглашал к себе в комнату одного сотрудника отдела за другим. На столе у меня лежал текст этого письма, в котором осуждалась общественная деятельность Сахарова. Я предлагал прочесть письмо и подписать его. Ни один не подписал. И это, по-моему, было естественно. Письмо могли подписать только те, кто не знал Андрея Дмитриевича. Несколько раз меня вызывали в партком, спрашивали, почему никто не подписывает письмо. Я отвечал, что в других отделах люди его не знают, они могут подписать это письмо, а мы с ним работаем в одном отделе, мы его знаем, мы не можем подписать за спиной А.Д.Сахарова осуждающее его письмо. Я предложил устроить собрание сотрудников отдела, на этом собрании зачитать письмо и послушать, что скажет в ответ Андрей

Дмитриевич. Если его слова нас не убедят, мы тогда подпишем это осуждающее письмо.

На это секретарь парткома сказал:

— Можешь провести собрание, я не возражаю, но при одном обязательном условии: на собрании должен присутствовать такой человек, который выступит после Сахарова и камня на камне не оставит от его утверждений, так, чтобы все видели, что Сахаров во всем не прав.

Я говорю:

— Ну, вот и хорошо, приходи и выступи.

На это мне был ответ:

— Что, у меня других дел нет?

Собрание не состоялось. Позднее я узнал, что человек, написавший это письмо, тоже отказался его подписать, потому что он считал необходимым обсудить это письмо на общем собрании в присутствии А.Д.Сахарова. Ему это было обещано, но когда он написал письмо, про обещание забыли и без всякого обсуждения стали собирать подписи.

Несколько сотен сотрудников ФИАНа подписали это письмо (около трехсот человек). Были и люди не подписавшие. Нам в Теоретическом отделе было легче, потому что отдел целиком не подписал. Нужно здесь заметить, что у нас перед глазами был пример наших старших товарищей — Виталия Лазаревича Гинзбурга и Евгения Львовича Фейнберга, и это было для нас важно. И тот, и другой не подписали ни одного заявления против Сахарова, а им это «предлагали» чаще, чем нам, в силу их более высокого положения в Академии. Виталий Лазаревич в те годы сказал мне:

— Я только одного боюсь. Что встану я утром, возьму в руки газету, а там — письмо, осуждающее Сахарова, а под ним — и моя подпись.

Эта твердая позиция наших «стариков», несомненно, оказала на нас влияние.

Были люди, не подписавшие письмо, и в других лабораториях, но там они были в одиночестве, им было тяжело устоять, на них оказывалось сильное давление, и многие из них рано или поздно оказались вынуждены подписать это письмо.

Приблизительно в то же время, как собирали подписи под письмом, у нас сменился секретарь парткома института.

Новый секретарь принял активнейшее участие в выкручивании рук и в преследовании тех, кто не хотел подписывать антисахаровский манифест. Даже слова «принял участие», пусть и «активнейшее», недостаточно отражают суть дела. Новый секретарь организовал и возглавил вдохновенную борьбу против тех, кто был не согласен с письмом и не хотел его подписывать. Трудно сказать, какие у него были побуждения, почему он так активно этим занимался — по должности или по склонности души. Я слышал, как он однажды сказал о тех, кто не подписал письмо (имея в виду и меня):

— Чистенькими хотят остаться.

Если к этим словам относиться серьезно, то приходится признать: секретарь считал, что подпись под письмом марает человека. И, несмотря на это, заставлял людей подписывать! Не мне бы об этом писать, а Достоевскому.

Каким путем оказывалось давление? По-разному в разных случаях. Вот, например, человек написал докторскую диссертацию, для защиты нужна характеристика, а характеристику утверждает партком. И вот партком дает диссертанту плохую характеристику или никакой не дает. А защита не может быть проведена без характеристики или с плохой характеристикой. И в парткоме человеку говорят: как же мы тебе можем дать хорошую характеристику, если ты относишься примиренчески к антисоветской деятельности академика А.Д.Сахарова?

Или научному сотруднику предстоит командировка за рубеж, важная для его работы. И опять партком не дает хорошей характеристики, если человек отказался подписать письма с осуждением Сахарова.

Но это даже полбеда, если сорвалась зарубежная командировка или защита диссертации. Хуже, что и на будущее человек попадает в разряд неблагонадежных со всеми вытекающими последствиями. Не все могли выстоять при таких условиях. И трудно их за это упрекать.

Вот еще один пример «выкручивания рук». Один зав. сектором тоже не подписал письмо. Какое-то время это терпели, потом поставили в повестку дня парткома его отчет о политико-массовой работе во вверенном ему секторе. Все сразу поняли, чем это грозит. Он ходил мрачный, советовался, приходил и ко мне. Он говорил: не хочу я это подписывать, я лучше от

себя напишу, помягче. Я ему сказал: только ты от себя не пиши, ради Бога, подпиши это письмо, ты еще сам будешь выдумывать формулировки против Андрея Дмитриевича. За день до своего отчета он пошел и подписал письмо. Отчет на парткоме прошел очень хорошо.

Мне кажется, не следует осуждать людей, попавших в такое положение. Один из тех, кого вынудили подписать письмо, был отец троих детей. Ему сказали: о себе не думаешь, так хоть о детях подумай.

Письмо это было вручено Андрею Дмитриевичу. Пришел представитель общественности (далее я его буду называть просто «представитель») и вручил Андрею Дмитриевичу текст письма, а также показал подписи на многих листах. «Письмо мы Вам отдаем, — сказал представитель, — а подписи мы оставляем у себя, мы их будем хранить». Андрей Дмитриевич прочитал письмо, аккуратно сложил его и положил в боковой карман пиджака.

— У меня создалось впечатление, — сказал он, — что те, кто подписал письмо, не вполне понимают побудительные причины моей деятельности. Я бы хотел написать заметку в нашу институтскую стенную газету «Импульс» и в этой заметке объяснить мою точку зрения. Как вы думаете, мою заметку напечатают?

Представитель помялся и сказал:

— Заметку, я думаю, напечатают, но я хотел бы Вам сказать, что мы считаем Вашу деятельность бесполезной.

Андрей Дмитриевич опять полез в боковой карман и вытащил другой листок, не письмо сотрудников ФИАНа. Он развернул этот листок и сказал:

— Я с Вами не могу согласиться. Вот я недавно получил письмо от генерала Григоренко, он мне выражает благодарность за то, что я выступил в его защиту. Его били, привязывали сырыми ремнями к кровати, а это очень больно. Когда ремни высыхают, они больно режут тело. И вот он пишет, что его перестали бить, перестали привязывать сырыми ремнями, и поэтому я не считаю свою деятельность бесполезной.

После этих слов Андрей Дмитриевич бережно сложил письмо от П.Григоренко и спрятал его в боковой карман.

Представитель не стал спорить и перевел разговор в другую плоскость.

— Андрей Дмитриевич, — сказал он, — мы просим Вас, чтобы о письме сотрудников ФИАНа никто ничего не знал.

Тут Андрей Дмитриевич опять полез в боковой карман, достал письмо сотрудников ФИАНа, развернул его, глянул на текст и сказал:

— Но я не вижу на письме грифа «секретно».

— Конечно, на нем нет грифа «секретно», — сказал представитель, — но мы все-таки не хотели бы, чтобы о нем стало известно.

— Но Вы же сами сказали, что письмо подписали несколько сот человек, какой же это секрет?

И тут представитель открытым текстом сказал:

— Мы просим, чтобы от Вас об этом никто не узнал.

По-видимому, опасаясь, что Андрей Дмитриевич расскажет о письме иностранным корреспондентам.

— Ничего не могу обещать, — сказал Сахаров.

Но, насколько я знаю, он так никому и не сказал об этом письме. Андрей Дмитриевич любил ФИАН. Письмо вызвало у него чувство сожаления, но он знал, как добывались подписи.

А письмо для стенгазеты он написал, сам напечатал на машинке и принес на следующий день. Не знаю, сохранилась ли эта страничка машинописного текста*. Ответ на письмо сотрудников был очень спокойный и ясный. Помню, как Сахаров отводил обвинение в том, что он предъявляет, якобы, руководству ультимативные требования. Он писал, что его деятельность основана на убеждении, что в существующих условиях никто никому не должен предъявлять ультиматумы, это было бы слишком опасно.

Заметку Андрей Дмитриевич отдал Гелию Фроловичу Жаркову, и тот понес ее в партком.

— Здравствуй, Гелий, здравствуй! — сказал секретарь. — С чем пожаловал?

— Вот заметку в «Импульс» принес.

* При подготовке этой книги к публикации выяснилось, что заметка сохранилась у Г.Ф.Жаркова. Привожу ее текст в качестве приложения к моему выступлению. — Б.Б.

— Хорошо, давай ее сюда, — секретарь протянул руку, — от кого заметка?

— От Сахарова.

Секретарь заметку не взял, заложил обе руки за спину и сказал:

— Что ты мне ее суешь? Он написал, изложил свое мнение, теперь вы с ним работайте, разьясняйте его ошибки.

Так Гелий и вернулся в отдел с заметкой А.Д.Сахарова. Конечно, ее не поместили в стенгазету. Потом секретаря спрашивали, правда ли, что Сахаров написал заметку в стенгазету с ответом на письмо сотрудников ФИАНа. Секретарь отвечал:

— Не знаю, не читал.

Это была чистая правда.

То, о чем я рассказал, было лишь началом моих отношений с А.Д.Сахаровым. Потом было еще многое, и я надеюсь об этом написать в дальнейшем. Возвращаясь же к тем событиям, о которых я здесь говорил, хочу отметить, что итог их для меня оказался вполне однозначным.

Получилось так, что было мне поручено вести разъяснительную и воспитательную работу с академиком Сахаровым, а в результате я в полной мере испытал на себе великую воспитательную силу его мировоззрения, предвидения, доброты и любви к людям, полной гармонии мысли, слов и поступков.

Есть у Леонида Андреева прекрасный рассказ «Смерть Гулливера». Рассказ написан под впечатлением от смерти и похорон Льва Толстого. Жил Гулливер в стране лилипутов, его недолюбливали за то, что он был слишком высокого роста, и старались не замечать. Он умер, и лилипуты тоже сначала старались этого не замечать, но потом императору донесли, что возле столицы лежит огромное тело, его видно отовсюду и нужно его срочно хоронить, причем закопать Гулливера одному лилипуту не под силу, и сотне лилипутов не под силу, это государственная задача. И тогда император объявил о кончине Гулливера, выразил высочайшее сожаление и назначил дату государственных похорон. Поскольку император выразил сожаление, у покойного Гулливера сразу объявились друзья, и чем дальше, тем их становилось больше. Л.Андреев описывает церемонию похорон, выступления новоявленных друзей Гулливера, казенную суету, суетность, лицемерие и глупость ораторов, суматоху официальных похорон.

Но были среди лилипутов тихие, скромные, работающие люди, которые чуждались шумных зрелищ, не пошли на похороны Гулливера, провели этот день как обычно, и вечером, как обычно, легли спать. А ночью они просыпались, лежали в темноте и не могли уснуть, и были охвачены тревогой, непонятной для них самих. Проходило какое-то время, прежде чем догадывались о причине. Раньше, при жизни Гулливера, бывало, проснется лилипут от ночного кошмара, сердце его колотится, он покрыт испариной, охвачен чувством страха. Но вот он слышит в темноте ровный, мерный глухой стук. Это стучало сердце Гулливера. Лилипут успокоенный засыпал. Он знал: пока стучит сердце Гулливера, ничего плохого не может случиться в Лилипутии. Но умер Гулливер, не стучало больше его сердце, стояла черная безнадежная тишина, и плакал в этой безнадежной тишине несчастный лилипут.

Наше положение не столь безнадежно, как положение лилипутов после кончины Гулливера, потому что стук сердца Андрея Дмитриевича долго еще будет слышен, и, я думаю, что чем дальше, тем он будет громче. До сих пор не изданы у нас его труды. Его великая работа — «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» — так и не была при жизни издана на его родине. Некоторые детали из этой работы он в последующие годы уточнял, поправлял, оставляя главное неизменным. Не изданы десятки его обращений в защиту несправедливо осужденных людей, пророческие высказывания по важнейшим проблемам современности. Все его наследие необходимо издать. Я думаю, стук его сердца останется с нами навсегда.

А.Д.Сахаров. Письмо в стенгазету ФИАНа.

«О МОЕЙ ПОЗИЦИИ.

Я ознакомился с документом, озаглавленным «Заявление ученых Физического института им. П.Н.Лебедева АН СССР» и хочу воспользоваться предоставленной мне возможностью ответа.

В этом документе утверждается, что я допустил действия, идущие во вред разрядке международной напряженности. Моя позиция изложена в ряде документов Самиздата, которые,

начиная с 1968 года, публиковались также за рубежом. Основные тезисы этих выступлений заключаются в следующем. Я утверждаю, что решение проблем мирового значения — мира, среды обитания, уровня жизни, свободы, самого сохранения человечества и человечности — возможно лишь на пути глубокого встречного процесса сближения капиталистической и социалистической систем. Я утверждаю при этом, что истинная плодотворная разрядка невозможна без создания условий взаимного доверия, открытости, гласности, демократического контроля в обеих сближающихся системах. Эта точка зрения нашла свое отражение и в интервью от 21 августа, упомянутом моими критиками. Интервью имело место через 5 дней после недвусмысленных угроз по моему адресу со стороны заместителя прокурора СССР. Содержание этого интервью, так же как и всех других моих выступлений, не дает оснований для обвинений, содержащихся в «Заявлении ученых». Я никогда не призываю к ультиматумам, а лишь к пониманию сложности ситуации и предостерегаю от ложных, с моей точки зрения, действий. Я считаю такое открытое выражение мнения в важнейшем международном вопросе своим нравственным долгом, так же как открытые выступления в защиту свободы убеждений, национального равноправия, прав политзаключенных и узников тюремных психиатрических больниц. Я призываю к немедленной политической амнистии и к демократическому решению проблемы свободы выезда. С последним вопросом я обратился также с открытым письмом к Конгрессу США. Но это не было призывом к вмешательству в наши внутренние дела, и тем более не было призывом отказаться от разрядки. Почти символическая форма поправки Джексона ясно доказывает ее устремленность к сохранению основ международного доверия и к защите основных демократических прав.

Моя позиция встречает понимание и одобрение самых широких кругов почти во всем мире. Лишь в нашей стране была, к сожалению, развязана кампания «осуждения», которая своими чертами дезинформации и мелочных придирок никак не способствовала росту престижа страны. Эта кампания действительно вредила разрядке. По моему мнению, эта кампания — попросту позор.

В заключение несколько слов о моем выступлении в защиту Пабло Неруды. Я присоединился в этом случае к письму двух выдающихся писателей — Максимова и Галича (моими критиками это обстоятельство замалчивается). Выступление преследовало чисто гуманную цель спасения человека, содержало в себе призыв к терпимости. Тем не менее оно послужило основой для очередной волны дезинформации и брани.

А.Д.САХАРОВ.
9 октября 1973 г.»

Б.Е.Немцов:

— Я хочу зачитать две записки. Вот М.Л.Левин пишет, «В марте 1981 года после долгих хождений по горьковским улицам, я предложил Андрею Дмитриевичу пойти погреться в дом партпроса на Фигнер. Там было чисто, светло и абсолютно пусто. Сидя в удобных креслах, мы провели там часа два, и половину времени Андрей Дмитриевич рассказывал мне про время жизни протона. Так что, возможно, дом партпроса — единственное помещение в Горьком, кроме, конечно, Гагарина, 214, где Андрей Дмитриевич занимался наукой. Может быть, устроить в нем музей Сахарова?»
(Смех в зале, аплодисменты).

И вторая записка такая. «Причем здесь Забурдяев? До сих пор есть Соколов — был, есть и будет. Увы, он бы много мог рассказать о ссылке Сахарова, написать воспоминания под заголовком: «Глядя из Горьковского Кремля». Вот бы на Чтениях выступил...»

Но, насколько я понимаю, глядя в зал, здесь нет не только Соколова, сегодня нет даже и Забурдяева.

НА ЗАКРЫТЫХ «ОТКРЫТЫХ» СУДАХ

А.П.Лавут, математик, правозащитник

Важнейшей частью общественной деятельности Андрея Дмитриевича, начиная с 1968 года и до последних дней жизни, была защита политзаключенных. Она проявлялась в разных фор-

мах: в выступлениях с требованиями пересмотра законодательства и уж, по крайней мере, честного применения тех законов, какие есть, в непосредственном участии (иногда методами «тихой дипломатии») Андрея Дмитриевича в судьбе не десятков — сотен людей, осужденных за свои убеждения. И всегда, когда для этого была хоть малейшая возможность, он просто шел на суд.

Поначалу определенное почтение к его «регалиям» власти еще проявляли, и, когда происходили закрытые «открытые суды», Сахарова все-таки пускали в зал суда. Он использовал это очень эффективно, вел записи и, кроме того, сразу же рассказывал все, что происходит на процессе, тем, кто остался за кордоном.

Но с какого-то времени его «льготы» были отменены, и он, как и все, стоял перед дверьми и говорил: «Требую пустить меня на суд». Здесь уже рассказывали о суде над Юрием Орловым, где все происходило очень драматически. Я хочу сейчас вспомнить еще о двух процессах.

8 декабря 1975 года в Вильнюсе начался суд над Сергеем Ковалевым. Один из дней этого процесса оказался, можно сказать, праздничным. Праздник для Сахарова, для правозащитников, для миллионов людей — 10 декабря 75-го года в Стокгольме совершалась церемония вручения А.Д.Сахарову Нобелевской премии мира. (Мне запомнилась эта дата, хотя в публикации Нобелевской речи в приложении к «Литературной газете» «Досье» стоит 11 декабря — надо уточнить).

Эту речь зачитала Елена Георгиевна. Ей тогда удалось вырваться на лечение в Италию, и вот, находясь за границей, она смогла представлять Андрея Дмитриевича при вручении премии. Перед тем, как прочесть речь, она сказала несколько слов о том, что сейчас Сахаров, вместе со своими друзьями, мерзнет перед зданием Верховного суда в Вильнюсе, где судят его друга и соратника Сергея Ковалева.

Здесь Елена Георгиевна допустила неточность, разумеется, невольно. Просто, имея опыт посещения «открытых» судов, она знала — раз не пускают, значит, все стоят на улице. А там было несколько иначе. Нас было человек двадцать, приехавших из Москвы, Ленинграда. Нас пустили не на суд, до этого не дошло, нас впустили в здание суда — Дворец Правосудия. Это новое, красивое здание, внутри просторный, удобный вестибюль. Там мы и находились — у дверей зала, где шел суд. Это не было проявлением

либерализма. Наоборот, власти очевидным образом хотели хоть как-то исправить свою оплошность. Дело в том, что этот процесс, тем более что на него приехал Андрей Дмитриевич, произвел необычайно сильное «воспитательное» воздействие на город. Это проявлялось повсюду: на улицах, в троллейбусах, везде говорили об этом процессе, о Сахарове. И вот были сделаны запоздалые попытки по возможности ослабить это влияние, изолировав Сахарова и всю группу приехавших на суд. Нас впустили внутрь здания, а между тем охранялись даже дальние подступы к Дворцу Правосудия, и людям не давали даже остановиться возле этого здания.

Вообще, то, что суд этот происходил в Вильнюсе, было проявлением, можно сказать, уже отработанного приема. Григоренко заманили в Ташкент, там держали под следствием и судили (как «невменяемого» — заочно). Суперфина судили в Орле, еще раньше Амальрика — в Свердловске. Придумывались самые невероятные зацепки, чтобы судить не в Москве, где есть диссиденты, корреспонденты — быстро всем становится все известно. Потиху чтобы все это было... Так и Ковалева увезли на следствие в Вильнюс сразу, как только арестовали. Сколько-нибудь юридически оправданных обстоятельств для этого не было.

В день вручения Нобелевской премии и накануне были попытки связаться со Стокгольмом по телефону, они не удавались. Связь с Москвой была плохая, с перерывами, с внезапно ломающимися автоматами, но какая-то все же была, и Елена Георгиевна кружным путем узнала, что мы на суде, что мы доехали, а это было не так уж просто сделать. Вот как, например, было с Татьяной Михайловной Великановой, которую вы только что здесь слышали. Когда она вышла из дома, чтобы ехать на вокзал, ее задержали и отвели в милицию по подозрению в том, что сумка, с которой она шла, украдена. Ну, а когда поезд ушел, извинились: не та сумка, похожа.

Когда по радио передавалась церемония вручения премии, в суде был как раз перерыв, и мы все, вместе с Андреем Дмитриевичем, собрались в маленькой, но очень уютной и теплой квартире Виктораса Пяткуса и слушали. Елена Георгиевна читала Нобелевскую речь Сахарова:

«...Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале, сотни и тысячи узников со-

вести страдают от тяжелого многолетнего голода, ...от непосильной работы в лагерях, дрожат от холода, сырости и истощения в полутемных карцерах, вынуждены вести непрерывную борьбу за свое человеческое достоинство, за убеждения против машины «перевоспитания», а фактически слома их души».

И он называет далее свыше 100 имен политзаключенных. Я точно знаю, что Андрей Дмитриевич ниоткуда не переписывал этот список, он говорил о тех, о ком он знает точно, знает, за что они сидят, знает, как они сидят.

Праздник был для Сахарова рабочим, будничным днем. И это не было просто демонстрацией — вот он пришел к зданию суда, чтобы продемонстрировать свою поддержку Ковалеву. Нет. Это была работа. Все, что происходило в суде, обдумывалось, писались информационные тексты, протесты. Суд — это был Верховный Суд Литовской ССР, и там были очень квалифицированные юристы — шел на грубейшие, явные нарушения законов, процессуальных норм. Надо было на это реагировать. И мы все работали над этим. Но Андрей Дмитриевич был самым «трудящимся». Работа, естественно, шла ночью. Днем мы были в суде.

Я хочу рассказать еще об одном процессе, который был тоже очень важным для Сахарова. Его очень заботила и судьба этого человека — Мустафы Джемилева, и то дело, за которое его судят — борьба крымскотатарского народа, которой Сахаров посвящал много времени и сил. Я это знаю, может быть, особенно хорошо, потому что вел в «Хронике текущих событий» соответствующий раздел, у меня скапливались обширные материалы о преследовании крымских татар, о выселениях, судах, и о борьбе этого народа за свои права. Я часто обсуждал с Андреем Дмитриевичем эти вопросы. Особенно запомнились — я чуть отвлекусь, забегаю вперед, — события лета 1978 года: самосожжение Мусы Мамута в селе под Симферополем. Андрей Дмитриевич очень болезненно переживал эту трагедию, немедленно отреагировал энергичным заявлением в адрес Брежнева, в котором говорил и об этой личной судьбе, и о судьбе всего народа.

Так вот, в Омске, в мае 1976 года судили в очередной раз Мустафу Джемилева. Это был уже отложенный процесс. В первый раз суд не состоялся. В спешном порядке были выдуманы причины, неправдоподобность которых мало заботила власти, и суд был

перенесен. Новая дата назначена была, не случайно, разумеется, на тот же день, в который должны были судить Андрея Твердохлебова в Москве. Андрей Дмитриевич был поставлен в трудное положение. Процесс Твердохлебова тоже имел большое общественное значение, и с Твердохлебовым его связывали очень близкие отношения: и деловые, и личные. Накануне или дня за два до суда дома у Сахаровых собрались близкие друзья, чтобы обсудить ситуацию. Высказывались разные мнения, но Андрей Дмитриевич твердо решил, что едет в Омск, что это важнее.

К этому времени у Мустафы кончался восьмой месяц его голодовки протеста против незаконного возбуждения нового дела в конце срока по предыдущему делу. Принудительным кормлением ему не давали умереть, но к началу суда его вес был 35 кг, и физическое состояние очень тяжелым. Несмотря на это он весь процесс провел не только мужественно, но и очень умно. Говорил очень точно, документально и о положении своего народа, и о фабрикации своего «дела». Присутствие Андрея Дмитриевича было большой поддержкой для него. (Был момент, когда удалось приоткрыть дверь, а еще не выгнали из здания суда, и кто-то громко крикнул по-татарски: «Здесь сахар» — Мустафа услышал.)

Там, в Омске, против Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны первый раз была применена физическая сила. Я не был на этот раз в Омске, но из рассказов присутствовавших там родственников Мустафы знаю, как все это происходило. Сначала схватили Елену Георгиевну и таким милицейским приемом, выкручивая руки, поволокли. Андрей Дмитриевич, реакция его была совершенно естественной, ударил милиционера. (Голос из зала: он ударил человека в штатском. А.Л.: Возможно. Словом, он ударил того, кто волочил Елену Георгиевну.) Его тоже потащили, и вот все, кто видел это, говорили, что явно все было заранее задумано, чтобы показать: пусть не думают, что Сахаров такой неприкосновенный, — что захотим, то и сделаем. В местной газете сразу же была напечатана статья о хулиганах Боннэр и Сахарове, которые приехали мутить воду. Вот родственники приехали на суд — это можно. А Сахаров и Боннэр хотели превратить эту спокойную семейную встречу в антисоветскую провокацию.

Б.Е.Немцов:

— Мы давно исчерпали наше время, но я все-таки считаю, что наши Чтения будут неполными, если мы не услышим голос Андрея Дмитриевича Сахарова. Сейчас я включаю запись. Андрей Дмитриевич говорит, почему он занялся общественной деятельностью:

А.Д.Сахаров (магнитозапись):

«Наверное, надо такой вопрос задать — «Что является внутренним стимулом вашей общественной деятельности?»».

Я думаю, что я не родился общественным деятелем, но судьба моя оказалась необычной. Она меня поставила в условия, когда я почувствовал на себе очень большую общественную ответственность, — это участие в работе над ядерным оружием, над созданием термоядерного оружия. Затем я почувствовал себя ответственным за более широкий круг общественных проблем — это гуманитарных.

Большую роль в гуманизации моей общественной деятельности сыграла моя жена, человек очень конкретный, и ее влияние способствовало тому, что я стал больше думать о конкретных человеческих судьбах. Но а вступив на этот путь, наверное, уже главным внутренним стимулом было стремление быть верным самому себе, своему положению, которое возникло в результате часто внешних обстоятельств...»

Б.Е.Немцов:

— Записалось несколько человек, я думаю, что и еще, видимо, будет несколько обращений или деклараций. У нас времени мало. Я не буду, как на Съезде народных депутатов, перебивать и говорить — уйдите со сцены, а буду просто вставать, и выступающий должен понять, что его время истекло.

ЭТОТ ПАЦИЕНТ...

Г.П.Рунов, сотрудник областной больницы им. Семашко

Уважаемые товарищи! Вы сейчас были свидетелями довольно резких выступлений в отношении врачей. Но это и не ново: когда сгущаются тучи, нужно найти вредителей. Помните, сколько было случаев — врачи вредители... И вот в субботней газете «Известия» что-то похожее прозвучало по поводу областной больницы. Я сотрудник областной больницы, по специальности я эндокринолог, занимаюсь разгрузочной диетической терапией, а стало быть, лечебным голоданием.

Я консультировал этого пациента, Андрея Дмитриевича Сахарова, вот и все.

Теперь должен сказать, что взаимоотношения между докторами областной больницы и Андреем Дмитриевичем в первое пребывание Андрея Дмитриевича вместе с Еленой Георгиевной были вполне доверительными, это был полнейший контакт. Другое дело, что пациент голодал: пациент занимался лечебным голоданием. Ну, мотивы понятны, голодание было проведено по всем правилам, которые описаны в книжке Николаева — «Лечебное голодание».

Вот это первое, что я хочу сказать. Поэтому в последующем Андрей Дмитриевич, а потом уже и Елена Георгиевна выражали благодарность докторам. У нас есть такие копии. Поскольку нам приходилось уже на эту тему беседовать, поскольку после первой выписки были уже разговоры... И поэтому фотокопии благодарностей у нас есть. Я могу даже зачитать некоторые выдержки. Например: «Очень благодарен за внимание и основную работу доктору Круглову, доктору Чупруновой, доктору Катичевой, 11 марта 1986 года. Академик Сахаров А.Д.»*

Дальше, уже в 1985 году: «Искренне благодарна Круглову Е.Д. за квалифицированную работу и глубокое внимание — врач-педиатр, инвалид ВОВ Боннэр Е.Г.» Таким образом, где же то, о чем пишет газета «Известия»?

Больше того, там называют одно лицо — администратора. Товарищи, но ведь существовал и их личный контакт. И у Олега

* Здесь и ниже благодарности зубным врачам, написанные по их просьбе.

Александровича сохранилось письмо... У меня нет фотокопии, но я знаю его содержание, фотокопию вы можете получить у Олега Александровича. Вот письмо:

«Главному врачу О.А.Обухову. Глубокоуважаемый Олег Александрович, во время посещения жены 5 сентября с.г. я выяснил, что у нее на исходе лекарства, которые ей неоткуда получить и без которых она не может существовать. Прошу вас, переслать ей, как вы это делали в 1984 году во время моей госпитализации в мае, сентябре и позднее следующие лекарства. (Дальше идет перечисление...) 9 сентября 1985 года, с уважением А.Д.Сахаров.»

Это письмо в личном архиве, естественно. Как переписка...

Реплика из зала:

— Это было не лечебное голодание, а политическое.

Г.П.Рунов:

— По существу, это было лечебное голодание.

Б.Е.Немцов:

— Давайте соблюдать регламент, иначе мы сейчас уклонимся от повестки дня, и нас выгонят. Если будем нарушать регламент, то не примем ни одного документа. Вот и все.

Андрей Клементьев:

— Предыдущий товарищ, врач Сахарова говорил, что голодание было лечебное по доктрине Николаева. Но как мы знаем, это так называемое лечебное голодание прерывали не по воле Андрея Дмитриевича и прерывали отнюдь не соками, как рекомендует профессор Николаев.

Второй момент: просить о помощи лекарствами жене можно даже у тирана. Я в данный момент не имею в виду Обухова, потому что его вина конкретно не установлена, а если конкретно не установлено деяние человека, и его вина в данном деянии, то соответственно называть так его пока нельзя.

В дальнейшем же я предлагаю декларацию от имени нашего форума, обращенную к прокуратуре, с требованием расследования. Я понимаю, что О.А.Обухова на 99% признают невиновным, определяют, что он делал все это согласно инструкции, но гласность, которая будет сопровождать разбирательство, покажет общественности, что было на самом деле. И вообще следовало бы создать комиссию по пребыванию Сахарова здесь, и в этой комиссии желательно видеть представителей нашего форума — юридически подготовленных людей, и того же Забурдяева, и представителей прессы. Чтобы было у этой комиссии больше возможностей. Правозащитники знают, как много значит, когда в деянии принимают участие более пяти человек, а Сахаров голодал в присутствии нескольких лиц, и прерывали это голодание несколько лиц. И когда в суде к ним будут обращаться, они свое слово скажут, и легко будет установить истину.

Обухову можно задать ряд вопросов не только об академике Сахарове, но и о спецпалатах, которые были здесь еще в 1982 году, и много о чем еще.

Очень важен вопрос о статусе академика Сахарова в больнице. Он не был осужден, не было судебного приговора, а доктора вдруг применяют такую методику... Только тюремный врач вправе прекратить голодание, при этом надевают наручники... Но то в тюрьме, а он находился в больнице.

Необходимо установить, были ли награждены врачи, лечившие тогда Сахарова, кто из них перешел работать в стационар КГБ...

М.Л.Левин:

— Я упоминал вчера, что 8 декабря были похороны Софьи Васильевны Каллистратовой, когда я последний раз разговаривал с Андреем Дмитриевичем. За 5 дней до этого были другие похороны, умер Обухов Александр Михайлович, директор Института физики атмосферы, который когда-то дружил с Андреем Дмитриевичем немного, потом он подписал это знаменитое письмо 40. Ну, естественно, у Андрея Дмитриевича было какое-то ощущение разочарования, огорчения. Но он был на

этих похоронах. А через несколько дней после его выступления на похоронах Каллистратовой у нас зашел разговор о предательстве друзей, и я сказал: «Как тебе было на похоронах Обухова?» И он мне сказал: «Ты знаешь, для меня сейчас фамилия Обухова ассоциируется только с одним человеком, с врачом из Горького, и когда меня там искусственно кормили и привязывали, я впервые понял, что испытывали в Древнем Риме рабы, когда их распинали».

Станислав Дмитриевский, Демократический союз:

— Считаю, что почти на всех из нас — на всех, кто находится в этом зале, да и на всех гражданах нашей страны лежит огромная вина, огромная доля ответственности, которую мы не сумели разделить с Андреем Дмитриевичем. Лежит она и на мне. Искупление этой вины — наша общая задача.

И выразиться это искупление должно не столько в том, что мы сейчас, когда это можно, и не грозит пока больше никакими особыми опасностями, собрались в этом зале, вспоминаем Андрея Дмитриевича, чтим его память. Прежде всего наше искупление должно выразиться в продолжении дела академика Сахарова.

Лишь тогда, увидев, что дело его не погибло, но подхвачено сотнями и тысячами других, — лишь тогда возрадуется на небесах бессмертная душа этого святого человека. А если вы помните, одним из первых и важнейших требований Андрея Дмитриевича было освобождение всех политических заключенных в нашей стране. Он отказался от возвращения ему правительственных наград — до тех пор, пока это требование не будет выполнено.

По данным, которые нам вчера сообщили правозащитники, по скромным не точным подсчетам, политзаключенных у нас более ста. Еще десятки людей находятся в застенках за свои убеждения, находятся, несмотря на так называемую гласность и перестройку, и мы должны приложить все усилия, чтобы эти люди были освобождены.

Лишь тогда, хоть в какой-то мере, мы, может быть, искупим свою вину...

И второе, последнее, о чем бы я хотел сказать. Сейчас здесь было очень много споров, относительно привлечения к ответственности горьковских палачей Сахарова, в том числе палачей в белых халатах. Распространено мнение, что люди, дескать, выполняли приказания, и поэтому никакой ответственности за свои поступки не несут. Это в корне неверно. Я хотел бы напомнить определение, которое вынесли на Нюрнбергском процессе: «Исполнение преступного приказа не освобождает исполнителей от ответственности».

Я думаю, в данном вопросе нужно согласиться с Солженицыным, который писал в «Архипелаге», что лишь порок, публично осужденный перед всей страной с помоста суда, осужденный тысячи раз, может быть изжит, и общество сумеет нравственно очиститься. И дело здесь не в мести, избави Бог. Дело здесь в том, что порок не осужденный, а наоборот, оплаченный персональными пенсиями, служебными машинами, спецпайками и медалями, явится ориентиром и путеводной звездой для следующего поколения негодяев и подонков.

Нет, мы должны осудить этих людей, осудить по совести, осудить публично, чтоб каждый из них встал и сказал: «Да, я был преступником и убийцей».

Вот и все. Спасибо за внимание.

С.А.Ковалев:

— Не стану пересказывать в общем достаточно хорошо известный разговор Андрея Дмитриевича с Горбачевым, тот самый их знаменитый первый разговор по телефону. Я хочу обратить внимание на такие обстоятельства (одно характеризует Горбачева).

Михаил Сергеевич Горбачев не сказал — принято решение о вашем возвращении в Москву. Он сказал — будет принято решение. Андрей Дмитриевич потом говорил, что он считает не случайным и эту фразу, и то, что Лигачев в это время отсутствовал. Горбачев предварил решение Политбюрс, которое потом было вынуждено его принять.

Кстати, Андрей Дмитриевич считал, что избрание Марчука президентом Академии наук не случайно произошло в то время, когда в отъезде был сам Горбачев.

Второе. Здесь часто вспоминают травлю Сахарова в газетах и атмосферу, в которой подписывались коллективные поношения. Вот выразительный эпизод. Его рассказывал мне участник, имени которого я не стану называть. Рассказывал полуизвиняясь и, вместе с тем, оправдываясь. Шло рядовое заседание большого ученого совета МГУ. К сожалению, вел его покойный Рэм Викторович Хохлов. Говорят, хороший физик и порядочный человек.

В конце заседания Хохлов неожиданно сказал, что есть еще один вопрос, не указанный в повестке дня. И сейчас он прочитает проект письма, осуждающего антисоветскую деятельность академика Сахарова.

И прочитал обычную грязь. Наступило молчание. Он спросил: «Нет ли замечаний?» И ровно через полминуты сказал: «Хорошо, замечаний нет; тогда лист с подписями о явке мы будем считать подписями под этим письмом».

Б.Е.Немцов:

— Мы должны завершить работу. А еще нужно обсудить обращение, которое Борис Альтшулер зачитает. Будут, видимо, какие-то вопросы, но перед этим я бы хотел подвести черту и выразить благодарность Научно-исследовательскому радиофизическому институту, Институту прикладной физики Академии наук, Горьковскому государственному университету, а также благодарность кооперативу «Стрелка» за изготовление замечательной мемориальной доски и кооперативам «Стройпроект» и «Проект», которые были спонсорами первых в Советском Союзе Сахаровских чтений.

В результате напряженной дискуссии были выработаны и единогласно одобрены следующие тексты:

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Уважаемые депутаты!

Призываю вас выполнить волю Андрея Дмитриевича Сахарова и рассмотреть вопрос о полной реабилитации всех участников правозащитного движения.

Призываем также рассмотреть вопрос о незамедлительном освобождении Манучарова, Казачкова, Лубмана и других — всех, кто осужден по политическим мотивам и до сих пор томится в заключении.*

*Участники Сахаровских чтений в г. Горьком
27—28 января 1990 года.*

В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Уважаемые депутаты!

В связи с публикацией в прессе («Известия», 27 января 1990 г.) сообщений о мучениях, которым подвергался академик Сахаров в горьковской областной больнице

им. Семашко в 1984—85 гг. и о той роли, которую играл при этом главный врач больницы О.А.Обухов, призываем Вас на третьей сессии Верховного Совета СССР создать специальную комиссию по расследованию обстоятельств пребывания Андрея Дмитриевича Сахарова в Горьком. В компетенцию этой комиссии просим, в частности, включить:

1) Расследование деятельности руководства больницы им. Семашко и тех сотрудников государственной безопасности, чьи указания оно выполняло.

2) Вопрос о возвращении органами государственной безопасности всех изъятых документов и рукописей академика Сахарова.

Проведение такого расследования для нас, горьковчан, важно еще и потому, что О.А.Обухов возглавляет горьковский

* Манучаров, Казачков, Лубман в настоящее время (ноябрь 1990 г.) находятся на свободе.

Детский фонд, недавно был удостоен звания Народного врача СССР и выдвинут кандидатом в депутаты областного Совета.

*Участники Сахаровских чтений в г. Горьком
27—28 января 1990 г.*

Были приняты также два обращения в городской Совет г. Горького по поводу учреждения в городе музея А.Д.Сахарова, а также в поддержку обращения Елены Георгиевны Боннэр к городским властям о передаче их квартиры в доме № 214 по пр. Гагарина Н.Ф.Майоровой.*.

Б.Е.Немцов:

— Я вот что еще хотел добавить. В организации Сахаровских чтений принимали участие не только организации и кооперативы (им огромное спасибо), но и конкретные лица. Очень большую помощь в организации Чтений оказал Игорь Виленович Эйдман, который занимался приглашением многих наших московских гостей, а теперь и друзей. Очень большую помощь оказали сотрудники нашего Радиофизического института — Татьяна Быкова и другие, и я всем вам хочу сказать большое спасибо. До свидания. Всего хорошего. Первые Сахаровские чтения завершены.

* Резолюции чтений были опубликованы в газете «Ленинская смена» 30 января 1990 г.

ЧЕЛОВЕКОФОБЫ

Евгений Евтушенко

Униженно кичливые холопы,
не для замков амбарных наша дверь.
Вы тщитесь запереться от Европы,
как будто бы Россия ей не дочь.

Вы распустили, жалко ерепенясь,
о нашей «исключительности» слух.
Мы русские, и этим европейцы,
и русский дух — всечеловечный дух.

Все мессианство, как столоверчение,
но действует на темные умы.
А «исключительность», как исключенье
из общей человеческой семьи.

Как хорошо, что Ганнибал был редкость, —
иначе кто-то, злобой обуян,
тая закомплексованную ревность,
в России учредил бы Ку-Квас-Клан.

Но, оскорбляя бескультурьем злобы
страну, где, к счастью, разум не угас,
все шовинисты — человекофобы
и вот кто инородцы среди нас.

О, Лживость запоздала до порыва —
не обижаться столько лет на гнет,
и вдруг сейчас обидеться крикливо
за армию, Россию и народ.

Нет, Сахаров был вовсе не обидчив,
клеветникам ответно не грубя.
У человекофобов есть обычай —
зазнайская обидчивость раба.

У ДВЕРИ

*Сюжет из художественно-публицистической программы
«КВАДРАТ» молодежной редакции Горьковской студии
телевидения
(январь 1990 г.)*

Программа «Квадрат» выходит с января 1990 года. Периодичность — два раза в месяц. По понедельникам. Успела обратить на себя внимание горьковчан полемичностью, своим взглядом на события. Ее создатели не пытаются никого учить жить, а вместе со зрителями ищут ответы на «вечные» вопросы — нравственные...

Сюжет «У двери» (Автор и режиссер Сергей Соседкин) — не единственный, посвященный Сахарову в выпусках «Квадрата», но интересен тем, что дает дополнительные штрихи к картине жизни академика в ссылке.

Журналист Игорь Попович берет интервью у бывшего сотрудника милиции Николая Грачева, который не раз и не два стоял на посту у двери квартиры академика Сахарова, охраняя его... охраняя нас от него... ОТ ЧЕГО?..

Николай рассказывает, как нес службу.

Камера показывает гулкий подъезд многоэтажного кирпичного дома почти на самой окраине города. Шипит лифт. То и дело хлопают входными дверьми жильцы, пробегают ребятишки... Холл с рядами почтовых ящиков (ящик с номером бывшей сахаровской квартиры — сломан: дверка оторвана).

Несколько ступенек вверх из холла. Поворот налево. Здесь, в узком коридорчике первого этажа, и ведут разговор бывший сотрудник милиции и журналист.

Из-за двери, обитой дерматином, слышна музыка: кто-то не выключил радио. Говорят, теперь в бывшей сахаровской квартире общежитие одного из НИИ. Хозяева, видимо, на работе. Дверь закрыта...

Чуть позже Попович и Грачев выйдут на улицу, постоят около подъезда. А камера покажет двор, окна противоположного дома, из которых тоже велось наблюдение, почтовое отделение,

куда приходили письма на имя Сахарова и откуда очень многие так и не доходили до него... Покажет мусорные баки у стены и над ними размашистую надпись: В этом доме жил академик Сахаров. А потом еще одну надпись — на самодельном плакатике у дверей подъезда: «Простите нас, Андрей Дмитриевич»...

Что ж, послушаем рассказ постового.

В.Лапырин, главный редактор
художественных программ.

Грачев: Вот здесь, в коридорчике, прямо у двери, стоял стол, стул. За дверью жил академик Сахаров. С первого дня и до конца его ссылки за этим столом сидели работники милиции. Здесь был пост. Главная наша задача была — не допускать в квартиру никого из посторонних.

Попович: Как часто вы дежурили, Николай?

Г.: Нас было семь человек, включая командира отделения. На пост шестеро ходили. По 12 часов. И если так считать, то получается, что сутки отстоял, пять суток был свободен от этого задания.

П.: На посту службу несли рядовые сотрудники милиции?

Г.: Да. Рядовые — постовые.

П.: А вы сколько времени здесь работали?

Г.: Пробыл я на этом «стуле» полтора года.

П.: В чем конкретно заключались ваши функции?

Г.: Самая главная и единственная, я уже говорил, — не допускать посторонних в квартиру. Если кто-то попытался бы пройти, то мы должны были задержать и за руку отвести в соседний дом, в штаб ДНД. Там уже сидели компетентные товарищи, которые разбирались с этими людьми.

П.: А кто были эти компетентные товарищи?

Г.: Они всегда сидели в гражданском. Не из нашего ведомства.

П.: Скажите, Николай, а кого-то вы имели право допускать к Сахарову?

Г.: Да, имелся перечень лиц, который иногда менялся, но я не помню, чтобы было больше трех человек, которым разрешалось приходить к нему в гости. Перед их приходом нам называли фамилию, даже показывали фотографии: что вот этот человек мо-

жет пройти. Было и так, что через некоторое время говорили: «Вот этого товарища больше не пускать»...

П.: Значит, посторонних не было.

Г.: Нет. В первое время, конечно, находились желающие, которые пытались зайти, но спустя полгода таких желающих было очень мало.

П.: Случайные люди?

Г.: Возможно. Приходили иногда и пьяные, побеседовать с академиком о том; что он представляет из себя. Кто они — нас в известность не ставили.

П.: А ваши взаимоотношения с сотрудниками госбезопасности? Здесь были еще, наверное, посты, кроме вашего?

Г.: Я уже говорил, в штабе ДНД, в 216-м доме сидели товарищи. Но они очень часто менялись. Мы не успевали даже имя узнать. Каждую смену сидел другой человек. Общение с ними, если кого-то доставишь: «Здравствуйте» — «Здравствуйте»...

П.: Скажите, а бывал ли кто-то в квартире в отсутствие Сахарова.

Г.: Лично в мою смену не бывал... Но со своими-то ребятами мы все-таки общались. Да, разговоры были: что в отсутствие — когда он уезжал в город (а как правило, он уезжал утром на несколько часов), в его отсутствие в квартиру заходили. Конкретно — кто я назвать, конечно, не могу.

П.: А была ли почта к Сахарову?

Г.: К Сахарову была почта обширная, но он ее не получал. Я несколько раз в узле связи видел мешки... Из мешка с почтой ему доставлялось несколько писем, буквально — несколько штук. А почта была обширнейшая...

П.: Николай, а телефон был в квартире у него?

Г.: Нет, телефона не было, по-моему.

П.: Ну, а сам он предпринимал какие-то попытки общения с людьми в Горьком?

Г.: В Горьком? Мне трудно сказать... На Свердловке (ул. Свердлова, центральная улица г. Горького) он бывал. Я видел его неоднократно там, уже уволившись из органов. И здесь он иногда пытался... беседовать с народом... Но бесед, как таковых, не получалось. Потому что при той пропаганде, которая была в то время, Сахаров был резко отрицательной личностью. И с ним очень так добродушно не беседовали...

Скажем, около подъезда, как около любого дома, пожилые сидят, судачат, но с ним только: «Здравствуйте»... И все.

П.: А с соседями как?

Г.: Никак.

П.: Выходит, информация, которая поступала к нему, была крайне ограничена. Но мог он слушать западные радиостанции?

Г.: Он часто с приемником выходил во двор. Там почтовый ящик висит... Ставил приемник на почтовый ящик и часами слушал иностранные передачи. На английском, на французском.

П.: А почему не дома?

Г.: Вы знаете, такое впечатление создавалось, что дома приемник не работал. Я тоже приносил сюда приемник маленький — послушать вечером «Маяк», но здесь и мой приемник не работал. Мы еще смеялись, когда квартира пуста — приемник работает. Когда академик приходит — появляются помехи сильные.

П.: Почему же не работал приемник, Николай?

Г.: Я затрудняюсь ответить. Вряд ли случайно. Может, и академик поэтому на улице слушал.

П.: А как чувствовали себя соседи. У них аппаратура работала нормально?

Г.: Тоже такая закономерность: пока его дома нет — все нормально. Приходит — перестают, говорили, цветные телевизоры работать.

П.: Что еще запомнилось. Может быть, какие-то привычки Сахарова?

Г.: Ну, что запомнилось. Всегда одно и то же выражение лица. Всегда корректен, спокоен, вежлив... Впечатление: больной пожилой человек. Вот здесь у ступенек, тут их восемь или десять, он, как правило принимал таблетки нитроглицерина: после первой ступеньки — одну и, пройдя к лифту, принимал еще одну таблетку. Потом уже шел домой.

П.: Врачи бывали у него?

Г.: При мне нет.

П.: Николай, давайте выйдем на улицу, и вы объясните мне все-таки: откуда же было видно, что он выходит из дома или что вы покидаете свой пост.

Г.: Тут как раз напротив подъезда стоит жилой дом. Как раз из окошка этого дома...

Разговор перебивает входящий в подъезд какой-то старик.

Старик: Ну чего теперь-то снимать, тогда бы снимали. Когда тут его несли...

П.: Кто нес, куда?

Старик: Да когда голодовал, видать... Несут его, а он руку выставил: «Варвары! Фашисты!»...

П.: Его в машину несли?

Старик: Да, там машина стояла.

П.: Это врачи были?

Старик: Не знаю, кто был. Они ведь не говорили, кто был. В халатах. В форме. А че вы меня фотографируете?! Вот если бы я говорил тогда, когда он был здесь, вот тогда бы был разговор...

П.: А вы бы стали говорить тогда?

Старик: А вот х... его знает. У нас все герои, когда человек уже умер...

На Улице Грачев показывает, где был опорный пункт, откуда велось наблюдение.

Г.: Вот из тех окошек велось наблюдение за подъездом. Если возникал какой-то конфликт на лестнице или в подъезде, оттуда было видно, и помощь приходила сразу.

П.: Но как оттуда было видно, что происходило внутри подъезда?

Г.: Ну, внутри подъезда было, видимо, слышно... Будем так говорить. Хотя еще раз повторяю — никакой аппаратуры я не замечал. Но то, что происходило, каким-то образом становилось известным. Значит, будем делать вывод...

П.: У академика была машина?

Г.: Машину он получил после долгих, говорят, просьб. Жена пригнала из Москвы, когда разрешили. Вот тогда они стали на своей машине ездить. А так — на автобусе или ловили такси на трассе. Машину водила жена. Он за руль не садился.

П.: Часто ли бывала его жена в Горьком?

Г.: При мне редко.

Про нее, если несколько слов, то как человек, она мне не импонировала. В отличие от Сахарова, она не здоровалась. И, проходя мимо, могла так тихонечко произнести что-нибудь непри-

ятное, какую-нибудь гадость... Было таких несколько случаев. Так что никаких положительных впечатлений о ней у меня нет.

П.: А кто еще из родственников бывал здесь?

Г.: Вы знаете, одно время с ним жила девушка, похожая на якутку*. Куда она потом исчезла, не знаю... Других родственников что-то не припомню...

П.: Ну, что ж, спасибо за информацию.

* Лиза Алексеева несколько раз приезжала в Горький в 1980 г.; потом ей это запретили.

«МЫ НЕ ВПРАВЕ ДЕРЖАТЬ НАРОД В СТРАХЕ»

*Интервью академика Андрея САХАРОВА для горьковской
областной молодежной газеты «Ленинская смена» —
30 октября 1988 г., № 211*

Б.Немцов. — Какова Ваша позиция в отношении ядерной энергетики в целом и атомного теплоснабжения в частности?

А.Сахаров. — Вначале я хотел бы изложить свою позицию по вопросу ядерной энергетики вообще, а к теплоснабжению я отношусь в контексте общей позиции. Я считаю, что наземное расположение ядерных реакторов следует запретить, независимо от того, как оценивается вероятность аварии и какие аварии считаются технически возможными. Дело в том, что большие аварии всегда происходят непредсказуемым образом. Это относится не только к ядерной энергетике, но и ко всем большим техническим сооружениям нашего времени. Очень много аварий происходит в химической промышленности, металлургии, на транспорте, причем большие аварии происходят тогда, когда их никто не ждет, по совершенно непредвиденным сценариям. Когда же речь идет о ядерных реакторах, то, помимо этого, всегда остается опасность, что они будут разрушены в результате террористического акта либо вследствие военного конфликта. Причем даже в случае неядерного конфликта бомбардировка реактора обычными средствами приведет к эффектам, сравнимым со взрывом термоядерной бомбы.

Все эти причины обостряются в случае станций теплоснабжения, расположенных в непосредственной близости от городов. Я очень хорошо помню, где находится Горьковская АСТ, и могу сказать, что в тридцатикилометровую зону попадает весь огромный промышленный город, так что, если говорить о военном разрушении станции, то это означало бы нанесение сокрушительного удара по промышленности страны в целом.

Помимо указанных аргументов против наземного расположения станции, есть и еще один — психологический. После Чернобыля усилилась существовавшая и раньше боязнь атомных

станций, и мы не имеем морального права держать миллионы людей в состоянии психологического напряжения. Сейчас в Западной Европе известна статистика нервных заболеваний у людей, проживающих вблизи атомных станций. Оказывается, что вблизи работающих реакторов число нервных заболеваний увеличивается, т.е. люди становятся жертвами нормально функционирующих объектов ядерной энергетики.

Тем не менее я считаю, что ядерная энергетика необходима, и в первую очередь в связи с тем, что постоянно истощаются природные запасы топлива, нефти и газа.

Б.Н. — Но ведь и урана тоже не так уж много...

А.С. — Запасы урана тоже ограничены, но если впоследствии использовать реакторы на быстрых нейтронах — бриддеры, то это в общем решает проблему с ураном. Хотя следует иметь в виду, что бриддеры еще более опасны и пока их использование экономически невыгодно. Так или иначе, если экономика будет нас толкать на дальнейшее развитие ядерной энергетики, а это, по-видимому, произойдет, то надо это делать одним-единственным способом — строить атомные станции под землей, а наземные ядерные реакторы надо просто запретить международным законом.

Б.Н. — Что препятствует такому решению вопроса?

А.С. — Существуют возражения экономического и технического порядка против размещения атомных станций под землей. Конечно, нужно строить такие объекты, когда это технически и экономически оправдано. Строительство ядерных реакторов — не самоцель. Существуют оценки, что стоимость подземного строительства возрастает примерно на 20% и очень мало зависит от глубины, потому что затраты определяются в основном объемом извлекаемого из-под земли грунта.

На протяжении последних 10—15 лет в США велись проработки соответствующих проектов. В ряде стран уже имеются экспериментальные станции не очень высокой мощности. Они есть во Франции, Швеции, Швейцарии и других странах. Эксплуатация такого рода станций показала, что никаких особых сложностей не возникает, стоимость их не очень высока. При строительстве атомных станций под землей существует ряд технических проблем. В первую очередь при аварии возможно попадание радиоактивных веществ в грунтовые воды. Здесь может быть

такое решение: либо строить станции там, где нет грунтовых вод (например, в скальном грунте), либо, если геологические условия не позволяют этого сделать, остаются две другие возможности — очень большое заглубление или постройка специального поддона, через который не могли бы проникнуть расплавленные топливные элементы даже при максимальной, предельной аварии. Что касается АСТ, то их в первую очередь следует проектировать и строить под землей, поскольку эти станции находятся вблизи городов.

Б.Н. — У многих людей вызывает сомнения сама идея теплоснабжения посредством гигантских котельных, поскольку в случае аварии, например, системы теплокоммуникаций, под угрозой оказываются жизнь и здоровье людей. Нет стопроцентной гарантии, что они сразу будут работать исправно. Все знают, как у нас начинается отопительный сезон.

А.С. — Может быть, имеет смысл использовать АСТ для отопления парников. Тогда авария на станции или систем коммуникаций наносила бы только экономический ущерб и напрямую не сказывалась бы на жизни и здоровье людей.

Б.Н. — Специалисты, разрабатывающие проект, утверждают, что из-за низких параметров (низкие температура и давление) естественная циркуляция в первом контуре и наличие страховочного корпуса делают АСТ сверхбезопасной. Как бы Вы прокомментировали данное утверждение?

А.С. — Можно согласиться с тем, что эта станция гораздо безопаснее, чем Чернобыльская, где установлен реактор РБМК, в котором заложена возможность катастрофы. Но, во-первых, могут быть непредвиденные ситуации. Кроме того, я не знаю, предусмотрено ли в этой станции постоянное сжигание выделяющегося гремучего газа. Сейчас уже существуют такие системы. В американских реакторах после аварии в Три Майя Айленде под колпаком, где скапливается гремучий газ, располагают специальное устройство для непрерывного сжигания его по методу низкотемпературного сжигания на катализаторе. Это, несомненно, одно из средств повышения надежности. Но даже если такая система предусмотрена на Горьковской станции, она может отказать, как отказывает все на свете.

Я имел возможность беседовать с председателем Комиссии по безопасности ядерной энергетики США. Он сказал, что абсолютной безопасности не существует, оценки безопасности всегда

носят умозрительный характер. Для надежного прогноза аварий надо набирать статистику, которой по большим авариям, к счастью, нет. Статистика же мелких аварий не может дать удовлетворительного прогноза относительно аварий крупных. Ситуация здесь в чем-то аналогична землетрясениям. Слабых землетрясений происходит много, но по ним ничего нельзя сказать о катастрофических землетрясениях. Вероятности катастрофических аварий мы просто не знаем. Это очень трудно прогнозируемая вещь, а такие методы, как перемножение вероятностей, которые применяются, не могут быть научно аргументированы. Фактически всегда получается так, что вероятность аварии гораздо больше, чем считается проектантами.

Б.Н. — А какова роль обслуживающего персонала в обеспечении безопасности АС?

А.С. — Я опять возвращаюсь к разговору с председателем Комиссии по безопасности ядерной энергетики США. Он считает, что главной гарантией безопасности является правильная работа персонала. Персонал должен быть психологически настроен на возможность возникновения неожиданных ситуаций и на то, как он будет их преодолевать. Для этого существуют специальные тренажеры, проводятся учения, в которых моделируются аварийные ситуации.

Но поскольку речь идет о человеческом факторе, то уже из одного этого ясно, что полной безопасности нет, поскольку человеческий фактор никогда не бывает абсолютно надежным. В частности, нельзя исключать возможности террористического акта со стороны оператора. При анализе крупнейшей катастрофы в химической промышленности в Бхопале (Индия) были утверждения, что оператором допущена не просто ошибка, а совершены умышленные действия, которые привели к огромным жертвам. Я слышал такую историю, как на одной из военных баз ядерной бомбардировочной авиации один техник пробрался в самолет и нажал кнопку сброса. Бомба упала, но не взорвалась. Когда его схватили и стали допрашивать, он сказал, что не мог удержаться. А если оператор на станции тоже не сможет удержаться и начнет делать такие вещи, которые приведут к аварии? То, что он больной, мы узнаем уже после того, как все совершится. У психически больных весьма распространена такая форма болезни, когда пси-

хическое расстройство проявляется в форме одного-единственного поступка.

Б.Н. — Горьковская станция теплоснабжения — первая в стране и в мире. Ее официальное название — головная опытно-промышленная одноцелевая атомная станция теплоснабжения. Означает ли это, что речь идет об ядерном эксперименте с несколькими миллионами людей, или это слишком безответственное заявление?

А.С. — То, что она головная, это всегда означает, что речь идет об эксперименте. В любой области техники, например, когда создавали первый автомобиль, это тоже был эксперимент, но здесь, конечно, все очень обостряется.

Б.Н. — Специалисты утверждают, что узлы, из которых собрана станция, многократно проверялись по отдельности.

А.С. — Обычно на испытаниях, как правило, все проходит благополучно, потом бдительность падает, и люди начинают совершать ошибки.

Б.Н. — А какова судьба станции через 30—40 лет, какие исследования ведутся по проблемам захоронения станций? Не случится ли так, что за наши поступки будут отвечать наши дети?

А.С. — Захоронение отработавшей свой ресурс станции — очень сложная техническая задача. В США для этого разработана система роботов, работающих в условиях радиоактивного облучения и по определенной программе осуществляющих демонтаж и захоронение. В СССР такого опыта пока нет, но этими проблемами сейчас занимаются. В зависимости от того, что мы хотим иметь на месте станции после демонтажа стоимость захоронения варьируется от нескольких десятков процентов до ста процентов от стоимости строительства, так что захоронение очень дорогая вещь, и, в отличие от строительства, оно ведется с радиоактивными материалами, а потому с этими работами связана определенная опасность. Несомненно, что в стоимость станции должны включаться и затраты на захоронение. В этом смысле проблема захоронения подземных станций решается гораздо проще. Их можно залить бетоном и закрыть на ключ без всех дорогостоящих операций по демонтажу. Уже одно это возвращает ту сумму, которая была израсходована на подземное строительство.

Б.Н. — Беспокойство многих людей вызывает отсутствие приборов дозиметрического контроля. Как Вы считаете, можно ли как-то оправдать такое положение вещей?

А.С. — Вопрос, который Вы затронули, является чрезвычайно важным. Очень серьезна проблема дозиметрического контроля в районе чернобыльского бедствия. Там до сих пор население не имеет дозиметров. В то же время на Западе существует целая промышленность, выпускающая индивидуальные дозиметры. Я не знаю их качества, но обеспечение населения такими приборами — совершенно необходимая вещь. Для нашей страны вопрос обеспечения дозиметрами вполне разрешим. У нас практически в каждой семье есть телевизор — устройство в миллион раз более сложное, чем дозиметрический прибор.

Население должно иметь дозиметры, во-первых, на предмет возможной аварии, во-вторых, для того, чтобы исключить страх перед неизвестностью. До сих пор официальная точка зрения была такая, что населению знать радиационную обстановку ни к чему, поскольку оно будет еще больше волноваться. Но эта точка зрения, по моему мнению, ошибочна. Население должно все знать и все понимать. Дураков нет. Есть, конечно, экзальтированные люди, люди, склонные к преувеличениям, но это все-таки не основная масса населения, и надо рассчитывать на здравый смысл людей, на их спокойную оценку ситуации.

Б.Н. — Кто, по Вашему мнению, мог бы осуществить независимую экспертизу АСТ?

А.С. — Несомненно, независимая экспертиза нужна, может быть, даже на международном уровне. Что касается МАГАТЭ, то она сама заинтересована в развитии ядерной энергетики, но одновременно представители МАГАТЭ очень заинтересованы в том, чтобы не произошло еще одного ядерного инцидента. По-видимому, в настоящее время МАГАТЭ — это лучшее, что мы имеем для целей экспертизы, хотя, конечно, абсолютной независимости тут нет. У нас в стране независимой могла бы быть комиссия отделения энергетики АН СССР. Во всяком случае, она более независима от Комитета по мирному использованию атомной энергии, чем те институты, которые проектируют реакторы и станции. Эти учреждения абсолютно зависимы, они связаны между собой очень сложной цепью взаимоотношений, и их мнение будет мнением всей организации в целом.

Б.Н. — Андрей Дмитриевич, знаете ли Вы причины, из-за которых закрыты Минская и Одесская атомные ТЭЦ?

А.С. — Я не знаю подробностей, но думаю, что в любом случае очень важную роль играло мнение общественности.

Б.Н. — В Горьком на одном из митингов кто-то из ораторов предложил выдвинуть Вашу кандидатуру на пост председателя горисполкома. Если бы, не дай Бог, Вы оказались на этом посту, что бы предприняли в отношении АСТ?

А.С. — Не дай Бог — это Вы хорошо сказали, потому то я не способен к подобного рода деятельности, и это уже неоднократно доказал. Но если бы такое случилось, я бы сделал все, что в моей власти, чтобы АСТ не строилась. Тут, конечно, есть проблема, связанная с огромными затратами на строительство. Ведь затрачено более 200 млн. рублей.

Б.Н. — Многие люди согласны отрабатывать субботы и внести свои сбережения, чтобы компенсировать убытки...

А.С. — То есть население, наверное, готово отработать столько, сколько потребуется? Кстати, в Австрии после общенационального референдума, показавшего, что население против строительства атомных станций, были собраны средства, компенсирующие часть расходов, затраченных на возведение объектов атомной энергетики.

Б.Н. — К сожалению, у нас совсем другая система. Несмотря на то, что многие горьковчане против АСТ, ее строительство продолжается.

А.С. — Надеюсь, что вам удастся переломить ход событий. Я целиком на вашей стороне

М.Волькенштейн

Впервые я услышал об общественной деятельности А.Д.Сахарова в 1964 году. На выборах в Академию наук СССР произошел беспрецедентный случай. Отделением биологии был избран кандидат в академики Нуждин, верный соратник Лысенко, предавший науку ради карьеры. Окончательное избрание производится всеми академиками на общем собрании. До 1964 г. это происходило автоматически — все лица, рекомендованные отделением, обязательно избирались. Но в 1964 г. на общем собрании выступил А.Д.Сахаров и объяснил присутствующим, что Нуждина выбирать не следует, ибо он — активный участник уничтожения советской биологии. Сахарова поддержали И.Е.Тамм и В.А.Энгельгардт. Нуждина провалили, что вызвало крайнее неудовольствие Н.С.Хрущева, заявившего, что такая академия нам не нужна. Однако несколькими месяцами позже кончилась его политическая деятельность, а в академии утвердился «Нуждин-эффект» — на каждом выборном собрании кого-нибудь из рекомендованных отделением стали проваливать. И это всегда было во благо.

Я знал, что А.Д.Сахаров — первоклассный физик-теоретик, избранный в академию в возрасте 32 лет по доверию: И.Е.Тамм призвал голосовать за него, но сказал, что не может информировать о его очень важных работах. Но далее я узнал об А.Д.Сахарове как о бесстрашном борце за права человека, как о глубоком мыслителе, думающем о судьбах человечества. То, что он писал, сочетало строгость и точность мысли с истинным гуманизмом. Короткое изложение его идей в письме к президенту АН СССР А.П.Александрову опубликовано в № 11 журнала «Огонек» за 1990 г.

Первая моя встреча с Андреем Дмитриевичем мне очень памятна. В один из дней 1973 г. Сахаров позвонил мне в институт и сказал, что хотел бы со мной повидаться. Для меня это было почетно и радостно. В тот же вечер Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна были у нас дома.

Встреча была не случайной и очень характерной для Андрея Дмитриевича. За инакомыслие, именовавшееся тогда дисси-

дентством, арестовали астронома К.Любарского. Этот ученый занимался и некоторыми вопросами биофизики. Андрей Дмитриевич попросил меня написать для предстоящего суда отзыв о биофизических работах Любарского. Хвалебный отзыв я написал, и адвокат Любарского огласил его на суде. Но это обвиняемому помочь не могло: решение суда было заготовлено заранее. Ничего героического в моем поступке не было, но, думаю, что многие из моих коллег отказали бы А.Д., боясь неприятностей.

Андрей Дмитриевич произвел на нас сильное впечатление. От него исходил свет. Открытость, ясность, твердость и застенчивость. Была и некоторая чудаковатость — он не ел холодной пищи. Чудаки и безумцы, говорившие царям истину, бывали на Руси, но никто из них не рассчитал термоядерную реакцию. Мы говорили с Андреем Дмитриевичем о науке, о разуме и идиотизме. Я рассказал Андрею Дмитриевичу о работах в моей области науки и был поражен глубиной и оригинальностью его суждений.

Андрея Дмитриевича в это время уже предали анафеме. Ряд академиков, в том числе и его друзей, подписали опубликованное во всех газетах послание, в котором он объявлялся чуть ли не агентом ЦРУ. Кое-кто из академиков опубликовал даже отдельные письма того же содержания. В числе подписавших были не только лица, занимавшие высокое положение в академической иерархии, но и выдающиеся ученые. Психология большинства подписавших демонстрируется следующим эпизодом. Буквально через день после этой анафемы я оказался в доме отдыха в Крыму, где встретил знакомого академика. Естественно, мы заговорили о Сахарове. Мой собеседник сказал с большим удовольствием:

— А я уехал и не сообщил в академии, куда!

— А если бы вы не уехали?

— Ну, подписал бы.

Но были и такие академики, которые поносили Сахарова с энтузиазмом. В песне Галича о Пастернаке сказано: «Мы поименно вспомним всех, кто поднял руку». Эта позорная акция действительных членов Академии наук СССР (а также множества других деятелей науки и культуры) никогда не будет забыта.

Удивляться не приходится. В те же годы общее собрание академии соизволил однажды посетить Суслов. Все члены академии встали, чтобы его приветствовать. А вокруг Сахарова был почти полный вакуум. Лишь немногие ученые считали за честь

пожать его руку и говорить с ним. Большинство сторонилось и отворачивалось.

В конце 1978 г. мы с женой встретили А.Д. на улице. Он хорошо выглядел, был весел и бодр. Радостно было говорить с ним. Когда мы расстались, жена вдруг сказала: «А завтра его схватят и увезут неизвестно куда...»

Почти так и случилось. Вскоре началась позорная война в Афганистане, и Андрей Дмитриевич оказался единственным в стране человеком, поднявшим голос против этого преступления. Как все знают, увезли его не неизвестно куда, а в Горький — в ссылку без суда и следствия. Теперь на доме, в котором он жил в Горьком, красуется мемориальная доска. И к войне в Афганистане, и к ссылке Сахарова применимы циничные слова Фуше, министра полиции Наполеона: «Это больше, чем преступление, это ошибка».

Один академик (по-настоящему крупный ученый) говорил при мне:

— Черт знает что! Из-за безобразного поведения этого Сахарова приходится вести неприятные разговоры за границей!

Сахарова не исключили из Академии наук... По уставу для исключения так же, как и для избрания, необходимы две трети голосов академиков при тайном голосовании. Набрать эти голоса не представлялось возможным. По двум причинам. Во-первых, часть академиков еще не лишилась чести и совести. Во-вторых, все академики любят ездить за границу и, естественно, хотят, чтобы там им подавали руку. Если бы Сахарова исключили, ничего, кроме «неприятных разговоров», на их долю не осталось бы. Поэтому я очень удивился, когда услышал, что академик Пилюгин поставил вопрос об исключении Сахарова на заседании президиума академии. Президент — А.П.Александров — тут же эту идею отверг. Удивление мое исчезло, когда, прочитав некролог Пилюгина, я узнал, что тематика его работ была закрытой и, по видимому, за границу он не ездил вовсе.

Когда до меня и моей жены дошла весть о первой голодовке Андрея Дмитриевича в Горьком, мы поняли, что если он умрет, жизнь станет невозможной. Мы взяли академические справочники, чтобы найти людей, совместно с которыми можно было бы что-то предпринять для спасения Сахарова. Таких оказалось очень мало — к подавляющему большинству академиков и чле-

нов-корреспондентов не стоило обращаться. Мы собрались втроем — академик А.Б.Мигдал, ныне покойный академик Е.М.Лифшиц и я. Член-корреспондент Е.Л.Фейнберг был болен. Мы распределили обязанности — кто будет говорить с президентом, кто с таким-то вице-президентом. Не берусь судить, насколько это помогло, но в конце концов руководство академии обратилось к властям предрешающим, и ситуация разрешилась.

Значительная часть советской интеллигенции, воспитанной годами сталинизма, отличалась исключительной верноподданностью, а проще говоря, трусостью. Как мне рассказывал покойный писатель Даниэль, прежде чем организовать процесс против него и Синявского, Л.И.Брежнев спросил тогдашнего главу Союза писателей К.Федина, как к такому процессу отнесется писательская общественность. Федин ответил, что она будет приветствовать процесс. С этого и началось уголовное преследование инакомыслящих — диссидентов. Если бы научная общественность и, в частности, руководство Академии наук, заняли твердую позицию и защитили Сахарова, может быть, его не сослали бы в Горький.

Потом все изменилось. М.С.Горбачев вернул Сахарова в Москву, и мы вновь увидели его в ФИАНе, на общих собраниях академии, Андрей Дмитриевич очень постарел и плохо выглядел. Здоровье его было непоправимо подорвано насильственным кормлением во время второй голодовки, не говоря уже о постоянных унижениях, которым его подвергали в Горьком.

В 1988 г. Сахарова избрали членом президиума академии — Р.З.Сагдеев снял свою кандидатуру в пользу Сахарова. Голосов против было предостаточно, но все-таки избрали. А в начале 1989 г. на расширенном заседании президиума Сахарова забаллотировали на выборах в народные депутаты. Это вызвало всеобщее негодование, кандидатуру Сахарова поддержали почти все академические институты. Были, впрочем, и исключения — так, коллектив Института биоорганической химии кандидатуру Сахарова отверг и выдвинул своего директора. На расширенном общем собрании Сахаров был избран, несмотря на выступление академика В.А.Коптюга, призвавшего голосовать против. Это не помешало Коптюгу подписать некролог Андрею Дмитриевичу, текст которого никак не согласовывался с выступлением на выборах.

Миллионы советских граждан видели Сахарова по телевизору. Сахаров часто выступал и на Съездах народных депутатов,

и на сессиях Верховного Совета. Он не был ни политиком, ни оратором. Но его голос был голосом совести.

Я горжусь тем, что А.Д.Сахаров пригласил меня вступить в неформальное объединение интеллигенции «Московская Трибуна», одним из организаторов которой он был. «Трибуна» ставит своей задачей квалифицированное, деловое обсуждение всех больных вопросов нашей жизни и соответствующие обращения к правительству, основанные на принципах демократии и гласности. Мы, члены «Трибуны», — счастливые люди: раз в месяц мы видели и слышали Андрея Дмитриевича, общались с ним.

Андрей Дмитриевич Сахаров был великим человеком. Добрая, бескомпромиссная, бесстрашная совесть. Таких пророков в истории человечества было немного. Я могу сравнить его с Христом, Львом Толстым, Ганди. Пророков всегда побивали камнями. Христа распяли, Ганди долго сидел в тюрьме и был убит рукой фанатика, Толстого отлучили от церкви и предали анафеме, Сахарова сослали и загубили его здоровье. Но в последние три года голос его был услышан, и миллионы соотечественников поняли, что он всегда был прав.

КАКИМ ОН БЫЛ

Р.И.Пименов

18 декабря 1989 Москва хоронила академика Сахарова. Это был день всеобщей скорби. В трауре объединились все: от кубанского казака Александра Солженицына, приславшего ко гробу академика во Дворце Молодежи корзину белых калл, до нанайки Евдокии Гаер, выступавшей на митинговой площадке в Лужниках. От марксиста Роя Медведева, рыдавшего при выступлении по телевидению, до безымянных демонстрантов, стоявших на митинге с Андреевским монархическим флагом и вчерашних политзеков, выступавших в Лужниках и на поминках в ресторане «Россия». Это было национальное единение в скорби. Шире, нежели только национальное. В Прибалтийских республиках были приспущены государственные флаги. Норвежский король прислал свои соболезнования. Лех Валенса, опоздавший из-за нелетной погоды к похоронам, успел все же к концу поминок. Смерть академика Сахарова осиротила весь мир.

Кем же он был?

Андрей Дмитриевич Сахаров родился в 1921 г. 21 мая. По гороскопу он Телец и даже Каштан, — прочно стоящий на земле, одаренный, эмоциональный и заступающийся за справедливость. Как бы ни относиться к гороскопам и астрологии, но эти предвещения знаков Зодиака сбылись в его судьбе.

В 1944-м он из оборонного НИИ на Волге попадает в аспирантуру Физического Института Наук (ФИАН) им. Лебедева. Сразу поражает и своего научного руководителя И.Э.Тамма, и других сотрудников института нестандартностью, свежестью и смелостью решений предлагаемых ему задач. Так, после первой же беседы с Андреем Сахаровым Игорь Евгеньевич Тамм, тогда член-корреспондент АН СССР, ходил по институту и возбужденно делился: «Этот молодой человек самостоятельно додумался до того, что пока придумали только самые крупные светила атомной физики и что еще нигде не опубликовано!» Разумеется, Сахаров быстро и успешно кончает аспирантуру, получая степень кандидата физико-математических наук. Продолжает работу в ФИАНе, а в 1949-м откомандировывается из института для работы в Отделе

оборонной техники современного оружия — то есть в Атомном Проекте СССР. Как раз в 1949 г. было объявлено про существование у Советского Союза атомной бомбы — кончилась монополия США на атомное оружие. Но было много оснований ожидать, что ядерное оружие — водородную бомбу — «потенциальный противник» создаст раньше. Поэтому Л.П.Берия распорядился интенсифицировать ее создание, конечно, привлекая на помощь физикам и свой аппарат разведки, и систему лагерных шарашек. Берия нуждался в умах и талантах, поэтому, получив от стукачей компромат против Сахарова, распорядился не отстранять того от работы, а «пусть следят лучше». Для влюбленного же в физику молодого человека не имелось никаких душевных препятствий к этой работе. В то время ни у кого из создателей водородной бомбы не существовало сомнений, что они трудятся на благо мира, дабы отразить агрессию из-за рубежа. Так думал Э.Теллер, конструируя водородную бомбу для США, ибо он «знал», что этим останавливает агрессию русских, так думал А.Сахаров, делая ее для СССР, ибо он «знал», что этим пресекает агрессию американцев. А.Сахаров к тому же не только решал теоретические задачи. Он своими руками вытачивал каждый болтик, каждую деталь, находил инженерные решения. Работа была нужна, была увлекательна, была творческой.

И работа его не оставалась незамеченной. В 1953 г. он одновременно получает степень доктора наук и избирается в академики СССР. (Попутно замечу, что тогда Академия наук еще не была забюрократизирована и не выстроила себе табель о рангах: кандидат, доктор, член-корреспондент, академик, где нельзя перепрыгнуть или обойти ни одного порога. Академик Я.Б.Зельдович не имел даже законченного среднего образования. Да и в конце пятидесятых годов биолог Д.К.Беляев, уже избранный членом-корреспондентом АН, защищал свою докторскую диссертацию два года спустя — и был провален на защите! Итак, Сахаров удостоен высшего в стране научного звания. Он получает также звание Героя Социалистического Труда (а в ближайшие годы ему присвоят сие звание дважды и трижды). Многочисленные награды и премии, дача его в одном поселке с дачей Л.И.Брежнева. Хорошая семья, прекрасные дети. Казалось бы, «все есть».

Но не ради материальных благ шел А.Д.Сахаров в науку. Наука, как его воспитывали еще родители, учителя по профессии,

призвана служить и служит благу людей. Те гуманитарные традиции, которые пронизывали всю российскую интеллигенцию в XIX веке, которые восходят еще к одному из предков А.Д.Сахарова — к декабристу Муравьеву, были главной душевной составляющей Андрея Сахарова. Любовь к физике, увлеченность наукой — да, это сильная страсть. Но в РАМКАХ любви ко всему человечеству, соразмерности света и тени. И вот когда в 1953 г. Сахаров по долгу службы попадает на полигон, где проводится испытание водородки, он ВИДИТ, какие разрушения несет она с собой. Не только поражает боевую технику противника — для того она и создана. Нет. Она еще искажает живой мир вокруг. Не просто уничтожает, вырывая с корнем или сжигая деревья, но УРОДУЕТ. Волки, у которых от радиации выпала шерсть... Они начисто облысели, но дают еще потомство! Это — допустимое последствие?! Нет, это ИСКАЖЕНИЕ МИРА — во благо ли миру?! К этим вопросам душа Андрея Дмитриевича была открыта, она болезненно их переживала. Тогда, сразу же, он обратился к председателю Совета Министров СССР Г.М.Маленкову с требованием ПРЕКРАТИТЬ испытания водородной бомбы. Опять же, это душевное движение, эта открытость Сахарова чужой боли продолжают традицию русской культуры. Ведь И.Е.Тамм был не просто физиком, он служил как бы звеном, связующим Сахарова с великим интеллектом и совестью России — с В.И.Вернадским. По узкой профессии геолог, академик В.И.Вернадский уже в 1910 г. видел возможности использования атомной энергии во благо человечеству и вплоть до 1940 г. стимулировал различные атомные проекты в Российской Империи и в СССР. Одновременно Владимир Иванович был выдающимся борцом за освобождение России, входил в ЦК Конституционно-Демократической Партии и добивался демократизации России, строительства в ней правового государства. В 1918—1920 годах Вернадский основал Крымский университет, который функционировал и при белых, и при красных, и при зеленых, приобщая к общечеловеческим ценностям и преподавателей, и студентов. В этом университете, описанном в романе К.Вагинова «Козлиная песнь», закрытом с утверждением Советской власти в Крыму, преподавал И.Е.Тамм.

«Сначала, вскочив, произнес речь только что назначенный ректор, затем говорили только что избранные деканы, потом только что избранные профессора и преподаватели //...//

— ГРАЖДАНЕ, вы почтили нас священным званием профессоров и преподавателей; от голода, от поварьных болезней, от морального страдания, на севере Петербург погибает. Там книгохранилища опустели, музеи больше не посещаются. В университете бродят серые, как тени, студенты, там нет ни собак, ни кошек, вороны не летают, воробьи не чирикают. Там всю зиму не раздеваются, сидят у буржеек, как эскимосы. На улицах валяются дохлые лошади с поднятыми к небу ногами, и совершенно прозрачные, опухшие люди режут их на части и, запрятав куски за пазуху, тайком возвращаются по домам.

Здесь, среди южной природы, в благодатном климате, в изобилии плодов земных, мы разовьем интеллектуальный сад, насадим плоды культуры. Здесь, на юге, культура взойдет многоярусной башней, южные ветры будут овеивать ее, невинные цветы усеют ее подножие, в окна будут залетать птицы, летом мы будем уходить в степь целыми толпами и читать вечные страницы философии и поэзии. Война, разруха не должны смущать нас. Я думаю, вы чувствуете тот пафос, который одушевляет нас //...// Год просуществовал университет в городке. Врангель был отогнан, и было получено распоряжение о том, чтобы в университете было не меньше десяти марксистов. В то время марксистов не оказалось, все они были заняты на фронте. И университет закрылся. Закрылись аудитории, помещавшиеся в лабазе, кончились торжественные заседания и экстраординарные доклады в актовом зале женской гимназии». По этой цепочке А.Д.Сахаров вчитывал в себя то, что необходимо, дабы быть полноценным человеком, а не только узким специалистом. И, наверное, об этой линии можно будет сказать много больше, когда будут опубликованы материалы следствия 1945 г. по «делу о фашистской партии Вернадского».

Хотя правительство отвергло пожелания Сахарова и испытания водородной бомбы продолжались и при Маленкове, и при Булганине, и при Хрущеве, в 1963 г. Советское правительство подписало-таки международный договор о прекращении испытаний ее на земле и в атмосфере; запрета на подземные испытания не состоялось. Так А.Д.Сахаров стал инициатором одного из важнейших шагов к спасению планеты Земля.

Выход Сахарова за пределы тематики оборонной физики заставил его попристальнее взглянуться в нашу политическую дей-

ствительность, в правительственные механизмы, в устройство социальной жизни. Его свежий и глубоко проникающий взгляд сразу натыкался на несоответствия, на порок. Так, в конце 50-х годов он увидел несовершенство нашей системы школьного образования. Он на страницах «Известий» и других газет принимает участие в дискуссии. Путь к усовершенствованию виделся ему в расширении специальных школ с физико-математическим уклоном, физико-математических интернатов. Известно, что такие школы дали много хороших выпускников, в них подбирался высококвалифицированный состав учителей, но, конечно, это была частная мера, не решавшая всех проблем нашей школы.

Примерно тогда же Сахаров обращает внимание на положение в советской биологии. Только что, в 1958-м, Т.Д.Лысенко при поддержке Н.С.Хрущева возобновил наступление на настоящую науку; генетика, вздохнувшая было посвободнее в 1956 г. снова обличалась и преследовалась, хотя и не столь сокрушительно, как в 1948-м. Совместно с десятком других физиков, преимущественно академиков, Сахаров обращается к правительству. В письме указывается на катастрофическое отставание советской биологии, явившееся результатом шарлатанского управления Лысенко. Отмечается бедственное положение настоящих ученых биологов-генетиков. Предлагается дать возможность развивать научную генетику. И — это очень важно — звучит фраза: «наука неделима». Отставание и невежество в одной области науки неизбежно приведут к застою и некомпетентности в других областях науки. Наука, как и вся культура, живет переливанием жизненных соков из одной сферы в другую, все ее сосуды сообщающиеся. Гниение одной дисциплины заражает трупным ядом всю науку. Поэтому физики брали на себя инициативу спасения биологии. В 1964 г. конфликт достиг кульминации. Лысенковцы для укрепления своих административных позиций жаждали избрать в Академию наук профессора Нуждина, и Н.С.Хрущев поддерживал эту кандидатуру. Но Сахаров, Тамм, Арцимович и другие физики убедительными выступлениями на общем собрании Академии (после того как на Отделении биологии эта кандидатура послушно прошла) провалили сего высокопротезируемого кандидата. Помню циркулировавшие в это время в академической среде рассказы, что Хрущев матюкался и стучал кулаком по столу: «Не нужна

нам такая Академия! Разгоним!!» Через несколько месяцев сам Никита Сергеевич слетел, и Академия уцелела.

Чем по большему числу поводов А.Д.Сахаров сталкивался с системой управления в нашей стране, тем отчетливее для него виделась ОБЩАЯ НЕПРАВИЛЬНОСТЬ. Неправильно волокитились важные мероприятия, неправильные слова произносились с авторитетных трибун и печатались в непререкаемых газетах. Сейчас мы все знаем, что с 1965 г. административно-командная система укрепляла свои личные позиции, игнорируя нужды страны, неправильно определяла перспективы, создавала то, что называется «застой». Сахаров начинал это чувствовать уже тогда. После нескольких конфиденциальных обращений к правительству, обращений, не преданных огласке ни в официальной прессе, ни за рубежом, ни даже в самиздате, не дождавшись никакого ответа ни от Брежнева, ни от его советчиков, А.Д.Сахаров делает шаг, на который правительство должно было бы непременно ответить, не могло бы замолчать этого шага. Он дает согласие на публикацию в 1968 г. своего трактата «О мирном сосуществовании». Я не буду здесь пересказывать содержание этого произведения; оно недавно переиздано, стало доступно советскому читателю, а не одним лишь читателям самиздата. Остановлюсь только на тональности этого трактата. В очень мягких, уважительных формулировках академик разъясняет правительству, что НЕТ НИКАКИХ ОСНОВАНИЙ говорить о преимуществах советской экономики перед экономикой западной. (Сейчас-то мы и похлеще отзываемся, сравнивая эти экономики, а тогда даже столь умеренная формулировка квалифицировалась как «клевета» и «отступничество»). Он обращает внимание на пагубность начинавшейся тогда реабилитации Сталина и сталинских методов: именно в ту пору выражение «преступления Сталина» исчезало, заменяясь на «ошибки И.В.Сталина». Сахаров еще не теряет надежд на разумность правительства, на возможность договориться с ним по существу. Так, он полагал, что если науку освободят от безграмотного «руководства» со стороны зав. отделом науки ЦК С.П.Трапезникова, если советские физики убедятся, что возврата к сталинским методам правления не случится, то физики сумеют к 1980 году создать управляемую ядерную реакцию, тем самым окончательно и безболезненно решив энергетическую проблему. Но вышло иначе. Трапезников был близок Брежневу с молдавских времен, поэтому

его оставили заправлять наукой, а ученого Сахарова отстранили от науки. Только в 1983 г. у академика Сахарова отобрали допуск в экспериментальное подразделение его собственной лаборатории в ФИАН, на полигон. В секретный институт, в засекреченную лабораторию нет входа лишенному секретности. Нет, зарплату Сахарову продолжали платить, только лишили возможности работать. Конечно, теоретические исследования Сахаров мог вести и дома, да вот проверять их экспериментально ему стало «не положено». Сначала он просто не ходил получать деньги ни за что, когда бухгалтерия взмолилась, что ее лишают премиальных из-за того, что на депоненте скопилось много денег, Сахаров перечислил все эти суммы в разные благотворительные фонды; одним из них было строительство онкологической больницы.

Лично для меня лишение Сахарова секретности обернулось большим счастьем — я познакомился с ним. Ведь, лишенный секретности, он получил право участвовать в Международной конференции по гравитации и космологии (Тбилиси, 1968), а я только что издал книгу по гравитации, никогда ни к чему секретному причастен не был и получил приглашение на эту конференцию. Еще не зная Андрея Дмитриевича, я издали обратил внимание на него: он привлекал взор своей крупной фигурой, простой одеждой, заметно отличавшейся от сияющего костюма академика Я.Б.Зельдовича, тоже присутствовавшего там, а главное, тем, что одновременно писал на доске обеими руками, правой и левой, причем РАЗНЫЕ тексты. Я сам умею немного писать левой рукой, знаю, как это трудно и как почти физически невозможно одновременно выводить разные буквы разными руками: еще одни и те же получаются, а вот разные — никак. Всмотривался я в этого удивительного незнакомого мне мужчину и вдруг услышал: «Слово предоставляется академику Сахарову» — после чего этот самый человек у доски заговорил. По окончании его доклада я подсел к нему, мы обменялись своими публикациями, и так завязалось столь лестное для меня знакомство. И в общении он оказался очень доступным, слушающим всегда очень внимательно, по существу вопроса, без тени амбициозности, опять-таки в отличие от Зельдовича и ряда других знакомых мне академиков.

Давным-давно, в 1851 г., Михаил Бакунин исповедовался:

«Трудно и тяжело жить в России человеку, любящему правду, человеку, любящему ближнего, уважающему равно во

всех людях достоинство и независимость бессмертной души, человеку, терпящему одним словом, не только от притеснений, которых он сам бывает жертва, но и от притеснений, падающих на соседа!»

Андрей Дмитриевич Сахаров полностью обрисован этим образом. Его толкала в общественную деятельность не его личная какая-нибудь неустроенность. Никаких утеснений большую часть жизни своей он не ведал. А вот обиды, которым подвергались другие люди, — это его задевало, причем даже в пору наивысшего служебного процветания. Вот пример.

После ареста маршала Лаврентия Берии в июне 1953 г. возглавлять Атомный проект (официально называлось «министерство среднего машиностроения») был назначен генерал-полковник танковой службы Вячеслав Малышев, уроженец Усть-Сысольска. Если Берию Сахаров видел только издали на официальных совещаниях, то Малышева, который по номенклатуре был парой ступенек ниже Берии, Сахаров часто встречал запросто. И сумел оценить его как дельного организатора (сейчас говорят «менеджера»), хотя тот и не был специалистом в ядерной физике. Но В.А.Малышев принадлежал к той группировке в ЦК, которая ориентировалась на Г.М.Маленкова, и при натиске Н.С.Хрущева, опрокидывавшем Маленкова, эта группа была отстранена от реального руководства; уже с февраля 1955 г. В.А.Малышева сменил генерал-лейтенант МВД А.П.Завенягин, а вскоре Малышев был снят со всех значимых постов. И вот А.Д.Сахаров как-то заехал к нему, отставному своему начальнику, на дачу. Уютно, богато, хорошо вроде бы, но Малышев рыдает. Его, преисполненного сил, всегда выкладывавшегося полностью ради интересов дела, прекрасно знавшего весь механизм производства и испытания атомно-ядерного оружия, лишили возможности работать. Единственное, что было у него в жизни — РАБОТА, — сделалось для него недоступно. Потому лишь, что он принадлежал к группе снятого премьер-министра Маленкова. И душа Сахарова дрогнула от этой чужой боли. «Так нельзя поступать с людьми», — прозвучало в его сердце. Преисполненный этой несправедливостью, Сахаров уехал с дачи, а вскоре Малышев умер, не дожив до 55 лет. На много десятков лет Сахаров сохранил воспоминание об этой чужой обиде, он вспоминал про нее и тогда, когда был уже с головой захлестнут волнами людских горестей, по сравнению с

которыми описанные страдания отставника могут показаться незначимыми; на тему этих страданий написан роман «Новое назначение» Бека.

Тогда А.Д.Сахаров не успел никак отозваться на притеснение ближнего. А в 1970-м, летом, он развернул энергичную и успешную деятельность в защиту совсем иначе пострадавшего. За полгода до этого он совместно с Р.А.Медведевым и В.Ф.Турчиным подписал письмо в правительство, предлагая изменить тогдашний застойный курс; поразительно умеренное по масштабу требований письмо. Поэтому естественно, что Рой Медведев поведал Андрею Сахарову, что его брат Жорес Медведев, биолог, написавший широко ходившую в самиздате книгу о преступлениях Лысенко, посажен в сумасшедший дом именно за эту книгу. Сахаров (и не он один, Твардовский, Тендряков и другие тоже приняли участие, но сейчас я пишу именно про Андрея Дмитриевича) сразу же развернул широкую кампанию. В таких случаях самое главное — широкая информация о беззаконии, и Сахаров постарался оповестить всех и вся. Например, он пришел на некий международный конгресс биологов, случившийся как раз в те недели, и быстро написал на доске обращение по-русски и по-английски: «Ваш коллега биолог Жорес Медведев по политическим мотивам помещен в психиатрическую больницу. Помогите! Академик Сахаров». Эта и подобные акции были неожиданным для властей проявлением Сопротивления, и в растерянности власти отступили. Жореса Медведева выпустили из больницы, вскоре разрешили ему выехать в Англию читать лекции, где и отобрали советский паспорт.

В апреле 1970-го у меня в Ленинграде был произведен обыск, изъяли 253 наименования (позже один из западных журналов опубликовал протокол обыска у Пименова под заголовком: «Что читает советская интеллигенция») и на первом-втором допросе предъявили мне несколько произведений А.Д.Сахарова со стандартным вопросом: «Откуда у Вас эти антисоветские произведения?» Ну, на вопрос «откуда» всегда имеется ответ «в троллейбусе нашел» или «в наследство от покойника досталось». А вот то, что самиздатные сочинения Сахарова квалифицировались «правоохранительными органами» как «антисоветские», — настораживало. Разумеется, мои даже занесенные в протокол возражения, что, мол, я не считаю эти тексты «антисоветскими» или «клеветническими», никакого ни юридического, ни реального значения не

имели. И первое, что я сделал, вернувшись с этого допроса (меня не сразу арестовали, несколько месяцев допрашивали меня «как свидетеля», что, собственно, юридически было противозаконно, ибо все вопросы клонились к моему обвинению), я уведомил Андрея Дмитриевича, что такие-то и такие-то его работы официально клеймятся следствием прокуратуры как «антисоветские». Это послужило для него хорошим предлогом требовать и добиться разрешения присутствовать на моем процессе. Он писал: мне известно, что мои рукописи инкриминируются Пименову, поэтому я имею право присутствовать на суде (я читал об этом в томе судебных материалов его телеграмму на бланке «правительственная»). Власти же разочли, что ежели они изымут из обвинения эти работы Сахарова, то Сахаров воочию убедится, что Пименов лгал и сочтет ихнее «правосудие» — правосудным; поэтому они не стали вменять мне в обвинительном заключении этих текстов, а Сахарова допустили в зал суда. Но ехал Сахаров, собственно, не потому, что «боялся за себя», а потому что ему казалось нелепостью судить за то, что кто-то дал что-то почитать. Тогда же М.В.Келдыш сказал Валентину Турчину: «Съездите, посмотрите, что там Ваш Револьт опять натворил». Турчина в зал суда не допустили, он стоял на улице и на лестнице махал мне рукой, а Андрея Дмитриевича — пропустили, хотя перед тем прокололи покрышки в колесах его автомобиля, дабы не смог выехать из Москвы (в Калугу, ибо суд назначили в городе, где я никогда не бывал и где и следствие-то не велось). Но он все равно доехал, попал. И вынес совершенно определенное впечатление относительно «политического правосудия». «Я потрясен немотивированностью приговора», — прозвучали слова академика в первую минуту молчания после оглашения обвинительного приговора. Действительно, никаких ДОВОДОВ, подкрепляющих обвинение, в приговоре не было. Суд приговаривал подсудимых за «клеветнические измышления», не умея собрать хотя бы одного доказательства того, что «измышления» были фактически ложными, неверными. А уж насчет того, чтобы устанавливать субъективное отношение подсудимых к правдивости «измышлений» (говоря юридическим языком, «устанавливать заведомость»), и говорить нечего. Тем, кто соприкасался с «политическим правосудием» не первый раз, подобные провалы в обвиняющей аргументации были привычны; они отражены известными словами зайца, удирающего от облавы на верблюдов: «А как

я им докажу, что я не верблюд?!» Но для привыкшего к логической четкости академика, для преданного идее справедливости человека — необоснованность приговора звучала потрясением.

Это потрясение стимулировало его сразу же после калужского суда приступить к созданию «Комитета по правам человека в СССР». Были и другие факторы. Человеку, проведенному полжизни в атмосфере секретности, вращающемуся в довольно узком кругу лиц, преимущественно высокопоставленных, имевшему при себе двух приставленных для его охраны полковников-топтунов (сию охрану с него сняли только после регистрации брака с Е.Г.Боннэр, 1971 г., в самом зале загса), — такому человеку трудно обзавестись знакомыми в совершенно иных кругах. На процесс же в Калугу съехалось несколько десятков активных деятелей Сопротивления. Из Ленинграда — из Ленинградского отделения Математического института, среди них выделялся покойный Сергей Юрьевич Маслов; из числа многочисленных посетителей квартиры-салона на Пушкинской улице, среди них выделялись сама хозяйка квартиры Наталья Викторовна Гессе, подруга моей жены Елена Георгиевна (Люся) Боннэр и правозащитник со стажем Эрнст Семенович Орловский. Из Москвы — от математика Юрия Александровича Шихановича до поэта Юрия Александровича Айхенвальда и правозащитника Валерия Николаевича Чалидзе. По обстоятельствам им всем пришлось разместиться в нескольких комнатах того люкса, который директор гостиницы предоставила моей жене, узнав, что меня судят за политику и всплакнув о своем первом муже, сгинувшем в 1938-м. В этом тесном общении Сахаров узнавал совершенно новых для себя людей, новые обстоятельства, новые модели поведения. Безо всякой ложной деликатности эти наши друзья возложили на Андрея Дмитриевича обязанность пересказывать, что именно происходило в зале суда. Ведь его — пускали, их — нет, а моя жена была настолько в трансе, что толком ничего пересказать не умела. Он же с точностью привыкшего к ответственным наблюдениям экспериментатора почти стенографически подробно повествовал им ночами то, что происходило на заседаниях с 10 утра до 22-23 часов вечера. Увы, я не присутствовал при этих отчетах, я ночевал в тюремной камере. Были и другие поручения, которые выполнять отводилось Андрею Дмитриевичу, — потому что он был единственным, кто мог бы их выполнить по своему положению; я не вхожу в эти

подробности, так как тогда пришлось бы неуместно много здесь рассказывать о себе самом. И Сахаров без возражений, охотно, мгновенно брался за незнакомые ему дела и с каждым разом исполнял их лучше, профессиональнее, а вскоре уже сам мог давать мудрые советы в этой, прежде совсем чужой ему сфере конспиративной деятельности. И почти все, с кем он общался там, сделались затем его соратниками. Так, с В.Н.Чалидзе и А.Н.Твердохлебовым он учредил Комитет по правам человека, а Э.С.Орловский стал экспертом-консультантом при Комитете. На Е.Г.Боннэр он женился (первая его жена умерла в 1969-м). Настроение присутствовавших в Калуге хорошо передано поэмой Ю.А.Айхенвальда «Листопад в Калуге».

Так Сахаров погрузился в слой борцов демократического движения, которых тогда называли «протестантами» и «подписантами», а позже стали именовать шипящим «диссиденты». Характер его деятельности изменился. Он теперь постоянно заступался за кого-нибудь конкретного, помогал материально кому-нибудь конкретному. Вот, например, эпизод из происходившего в Коми АССР. Отбывал в поселке под Троицко-Печорском ссылку Михаил Осадчий, «украинский националист», поэт. На работу смог устроиться только сторожем. И раз ночью будка его сгорела. Цена будке была пятьдесят рублей в базарный день, собственная его телегрейка, сгоревшая там же, стоила дороже будки-рухляди. Но дабы иметь возможность по-новой посадить Осадчего, власти стали раскручивать дело против него, расценив будку в 1 000 рублей и приговариваясь судить, если не «возместит ущерб». Денег, конечно, у Осадчего не было. Его и до ареста давно со всех работ повыгоняли, нигде ничего не печатали (уже в 1988-м он опубликовался в «Жовтене»), а потом он отволок срок в лагере, так что ни гроша денег. Я было попробовал приискать ему в Сыктывкаре адвоката, но кривились в юридических коллегиях, не хотели заниматься явно проигрышным делом с политической подкладкой. Тогда А.Д.Сахаров выслал Осадчему тысячу, «ущерб» возместился, дело пришлось закрыть. Другой пример. В те же годы Сахаров и Боннэр вознамерились навестить одного политссыльного в Восточной Сибири. Прилетели в райцентр, хотят взять машину в дальнее село. А начальство уже распорядилось всем шоферам — Сахаровых не везти ни под каким видом! И все отказывают. Что делать? Назад лететь? И двое людей, которым

каждому по пятьдесят пять, решаются идти пешком. Ничего, что они с тяжелыми рюкзаками, — привезли подарки ссыльному. Как-нибудь за ночь дойдем, решают они. Это то же душевное движение, которое неудержимо толкало юную Боннэр, не достигшую еще совершеннолетия, на фронт, на передовую, куда она и прорвалась-таки, обманув, кого след, насчет своего возраста. Пошли, безумцы. Километров десять оттопали по нашей дороге в глубинке, повстречался им грузовик, водитель которого не знал про запрет, подвез. Подобных историй можно про Андрея Дмитриевича рассказать десятки, если не сотни. Не даром же на его похоронах, на митинге в Лужниках и на поминках в ресторане «Россия» так много выступало бывших политзаключенных — каждому есть что припомнить с благодарностью.

В 1973-м власти организовали нажим на Академию, добиваясь исключения Сахарова. Перед тем спецлекторы в закрытых местах выступали с рассказами, будто бы Сахаров А.Д. давно отошел от науки, впал в маразм, порой «раскрывался секрет», что, мол, настоящий Сахаров умер, а от его имени выступает проходимец-самозванец. К слову, этот поклев легко опровергается: и в те годы, и до середины восьмидесятых годов научные статьи А.Д.Сахарова часто встречались в «Журнале экспериментальной и теоретической физики», было бы желание взглянуть. В прессе появлялись гнусные заметки о его жене. И как одно из звеньев кампании должно было быть обнародовано письмо от имени нескольких сот академиков, клеймящее Сахарова А.Д., давно, мол, ставшего чуждым здоровому коллективу АН СССР. Письмо, действительно, родилось на свет. Но под ним стояло всего сорок подписей, а не сотни. Конечно, такие, как А.М.Прохоров или Ю.Б.Харитон, поставили свои имена — что не помешало потом одному из них подписать правительственный некролог, а другому выступать в ФИАНе в надгробьи Сахарова. Но большинство отказалось. На похоронном митинге в Лужниках академик Д.С.Лихачев поведал, чего стоило это неподписавшим: гонения, отмена публикаций, зажим их учебников. Но побеждало обаяние чистой личности Сахарова, бесспорная правда его высказывания — как бы ни относиться к тому, что называется «уместностью». Большинство академиков не пожелали марать себя, сочувствуя в несправедных гонениях. Тогда же академики на выборах в Академию провалили вторично С.П.Трапезникова, зав. отделом науки ЦК.

Его избрали членом-корреспондентом только во времена полного застойного маразма в 1976-м, после того, как президент АН СССР М.В.Келдыш ушел в отставку. Мелкая подробность их здешней академической жизни. Как раз в 1973-м у меня в трудах Коми филиала АН вышла одна статья, где я в числе прочих благодарил А.Д.Сахарова за советы в связи с отдельными формулами моей статьи. Так вот, М.П.Рощевский, тогда зампред по науке Коми филиала, выговаривал мне вскоре: «Как же это, Револют Иванович, получается! Весь Советский Союз ругает академика Сахарова, а Коми филиал его благодарит? Не надо такого!» И, не полагаясь на то, что я прислушаюсь к его указаниям, Рощевский стал читать каждую мою готовящуюся публикацию, не протаскиваю ли я чего, а его подручный Ю.А.Кочев категорически вычеркивал из моих публикаций ВСЯКИЕ благодарности, кому бы то ни было.

Трудно жилось Андрею Дмитриевичу в те годы. Ведь он ощущал себя ответственным и за судьбу Вали Турчина, которого за выступление против названной статьи сорока ученых мужей выгнали с работы. Промыкавшись три года без всякой работы, доктор наук В.Ф.Турчин вынужден был эмигрировать, а разработанный им язык программирования сделался запрещенным в СССР. К Сахарову раз ворвалась в квартиру группа террористов, назвавшаяся, кажется, «Черным Сентярем», перерезав телефонные провода, приставила к горлу ножи и потребовала подписать какое-то заявление в пользу какой-то арабской группировки. Сахаров и в этой позиции отклонил: я подписываю только то, что писал сам я. Милиция, конечно, потом никого разыскать не сумела. И по-прежнему, как и до покушения, дверь в его квартиру отворялась по первому звонку, никакой «охраны» Сахаров себе не затребовал и не выставлял. Пресса неистовствовала, всячески оскорбляла его и его жену. Одного за другим сажали деятелей Хельсинкских групп, стимулированных Сахаровым. Правительство не только не прислушивалось к советам или просьбам Сахарова, но, казалось, старательно поступало наоборот. Но он сохранял выдержку и спокойствие. Ни разу не видел я его в истерике, в панике. Я видел его всегда жизнерадостным, внимательным, слушающим по существу дела, находящим нетривиальные, свежие решения. Восхищался глубиной его реплик. Помню, когда оказывался наедине с ними двумя, как из каждого их движения, взгляда откры-

валось: они влюблены друг в друга, это чувство свежо, как у молодоженов.

В 1979-м Сахаров был обеспокоен разворачивавшейся подготовкой к проведению Олимпиады на костях москвичей: выселением громадных масс жителей из столицы, вселением туда сотрудников госбезопасности. В основном сбором соответствующей информации занималась группа Иры Каплун и Володи Борисова, имевших прямой выход на Галину Брежневу, но все сведения незамедлительно доставлялись Андрею Дмитриевичу. Тогда же он вступился за узбекских школьников, которых принудительно гнали на уборку хлопка в условиях химического отравления и гнета рашидовщины. Он обдумывал, что тут можно сделать, когда вдруг на нашу страну обрушилась еще большая беда — внезапно в Афганистан были посланы советские войска. «Граждане, отечество в опасности — наши танки на чужой земле!» — как пел Александр Галич. Не откладывая, на второй неделе после вторжения, Андрей Дмитриевич публично выступил с протестом. Он всегда был противником кровопролития, тем более войны, тем более — необъявленной войны. Не он один из академиков выступал против ввода войск на чужую землю. Директор одного из академических институтов О.Т.Богомоллов даже направил «инициативную записку» в адрес ЦК, доказывая нецелесообразность такой акции. Но та записка — разумеется, она тоже не была принята во внимание «ответственными органами» — не сделалась публичным актом, про нее стало известно только в годы перестройки. А действия А.Д.Сахарова спасали честь и престиж нашей Родины тогда, в те роковые месяцы. Нет, не все мы, жители — о, кабы можно было уже сказать ГРАЖДАНЕ — нашей страны, согласны с обезумевшими вождями. Ввод войск — это дело не СТРАНЫ, а всего лишь ПРАВИТЕЛЬСТВА, не спросившего у своего народа, — вот что значил протест Сахарова. К сожалению, протест не был уважен, полилась кровь наших мальчиков и — в еще больших масштабах — кровь многочисленных племен, населяющих Афганистан.

Однако правительство услышало звуки протестующего голоса и отреагировало. Именно так, как должно было отреагировать самодурное правительство. Академика Сахарова схватили на улице и вывезли из Москвы в Горький, сообщив попутно ему, что он лишен всех правительственных наград. Нельзя сказать, что это

нарушение законности со стороны правительства не вызвало сопротивления. Нет, даже в самом заседании Совета Министров председатель Комитета по науке и технике академик В.А.Кириллин попробовал было «вернуть на доработку» как «недостаточно отредактированный» текст Постановления. За это Кириллин в том же заседании был снят со своего поста, заменен Г.И.Марчуком. Академия наук сплотилась в нежелании исключать Сахарова из своего состава, и в этом направлении правительство ничего не смогло добиться за все время горьковской ссылки. ФИАН принял решение продолжать числить А.Д.Сахарова старшим научным сотрудником своего института, невзирая на то, что он территориально лишен возможности приходить на работу в Москве, где расположен институт. Авторитет Сахарова в широких общественных кругах возрос необычайно, я бы сказал — обратно пропорционально тому вранью, что полилось в официальной прессе. Однако живое общение Сахарова с массой людей оборвалось. Ведь заточение Сахарова в Горьком нельзя назвать «ссылкой» в юридическом, правовом смысле слова. Ссылный имеет по закону все те же права, что и обычный гражданин, за исключением того, что обязан проживать в отведенном ему административном районе. Сахарова не только принудили проживать в специально указанной ему квартире, но запретили доступ к нему кого бы то ни было, кроме жены, да изредка (примерно раз в полгода) — сотрудников ФИАНа. Перед его дверью круглосуточно дежурил сидевший за столом милиционер, а за окрестностями дома непрерывно бдили лица в штатском. Даже попытка подойти поближе пресекалась. Иногда — просто отгоняли. Иногда — забирали в милицию, и там «проверяли документы». Иногда прибегали к более весомым мерам. Рядом с домом, отведенным Сахарову в Щербинках, искони размещалась детская спортбаза. Когда Сахаров стал жить там первые дни, дети на этой базе начали выставлять плакаты: «Ура Сахарову!», «Сахаров, мы с вами!» и т.п. Тогда власти приказали переместить спортбазу — на сию прихоть у них сразу нашлось помещение, которого так недостает для человеческих дел. Позже желающие удостовериться, что Сахаровы еще тут, никуда дальше их не загнали (порой проплывали слухи, будто его выслали в один из поселков Горьковской области), располагались в парикмахерской напротив, из окон которой были видны окна квартиры Сахарова, на первом этаже. Часами следи-

ли, мелькнут ли знакомые силуэты. Иногда это наблюдение давало обратную связь: так, Боннэр узнала в одной маячившей фигурке моего сына, и ей стало теплее на душе. Поговорить им не дали. Но как пел Галич: «О дай мне Бог конец такой: всю боль испив до дна, в конце успеть махнуть рукой глядящим из окна». А некоторых москвичей, желавших приехать к Сахарову, хватали и высаживали уже в поезде Москва-Горький, едва только тот трогался. Конечно, кое-кому удавалось встречаться с Андреем Дмитриевичем, прибегая к конспиративным приемам, (Наталья Викторовна Гессе, Мария Гавриловна Петренко-Подъяпольская, Ирина Григорьевна Кристи), но, согласно Положению о ссылке, все эти препятствия в контактах вопиюще незаконны. Сахарову не давали даже звонить по телефону. Время от времени из его квартиры похищали предметы, несколько раз уворовывали мемуары... Когда из-за голодовки Андрея Дмитриевича насильственно поместили в больницу, его там зверски «лечили» психотропными препаратами. По мнению некоторых медиков, осматривавших Сахарова после ссылки, своим «лечением» его довели до микроинсульта. Вид у него сделался страшным, трудноузнаваемым. Первое время после Горького у него даже порой отвисала челюсть, но это прошло на свободе, осталась небольшая затрудненность в произнесении слов.

Как и почему был освобожден А.Д.Сахаров? Вот голые факты. Осенью 1986-го на международных переговорах весомой «разменной монетой» служили человеческие судьбы: освобождение с правом эмигрировать того либо иного широко известного свободомыслящего влекло за собой торговые и кредитные уступки со стороны запада. Так были освобождены поэт Ирина Ратушинская, физик Юрий Орлов. Готовилось освобождение писателя Анатолия Марченко, который за небольшой промежуток времени между своими заключениями в лагерях сделался близким другом Андрея Дмитриевича. Но администрация чистопольской тюрьмы то ли не была в курсе намерений власти, то ли им по своим амбициям было начхать на эту власть. Во всяком случае вместо того чтобы готовить А.Т.Марченко к освобождению, его швырнули в штрафной изолятор, где здоровье этого много мучимого человека не выдержало, и Толя Марченко умер 8 декабря 1986 г. Тем самым губились важные международные соглашения, и не просто срывались, а ситуация оборачивалась угрозой ухудшения отношений, поскольку подрывалось ДОВЕРИЕ к партнеру, не сдержавшему обе-

щений. И М.С.Горбачев принимает смелое решение. С одной стороны, он беседует с только что назначенным президентом Академии наук Г.И.Марчуком, проявляя сочувственный интерес к судьбе академика А.Д.Сахарова. С другой стороны, в квартире Сахарова в Горьком срочно устанавливается телефонный аппарат, и первым звонком по нему был звонок от Михаила Сергеевича. Зато и первые слова Андрея Дмитриевича, когда он услышал, что его освобождают, были — о смерти своего друга Анатолия Тихоновича Марченко и о том, что в лагерях, тюрьмах и ссылках продолжают оставаться еще сотни и тысячи людей, не более «виновных», нежели он сам. В январе 1987-го Сахаров вернулся в Москву, и в январе же началось массовое освобождение, можно сказать, «изгнание» из лагерей и тюрем политзаключенных. Какое-то время еще оставались из осужденных по статьям 70 и 190 те, кто отказывался подписать не то что «помиловку», но хотя бы простое обращение в Верховный Совет, но потом и их освободили. Со статьей 64 было сложнее, этот вопрос так и не разрешился до самой смерти А.Д.Сахарова. С сидевшими по религиозным статьям вопрос полностью уладился в 1987—88-м годах, их освободили. Осталась еще сложность с теми, кого первоначально посадили за политику, но в лагере «раскрутили» по обычным бытовым статьям, чаще всего «хулиганство». Но и эта трудность постепенно преодолевается, в частности, за счет усилий «Мемориала», созданного Сахаровым. Сам Андрей Дмитриевич не считал этот вопрос решенным до конца. Это видно из следующего. В конце 1988 г. Президиум Верховного Совета СССР по ходатайству президиума Академии наук СССР вынес постановление о возвращении всех правительственных наград А.Д.Сахарову. Но он отказался получать назад отобранные удостоверения «до тех пор, покамест не будут реабилитированы все те, кто был репрессирован по политическим мотивам столь же несправедливо, как я». Об этом Сахаров неоднократно говорил и президиуму, и на конференции по выборам от АН, и в своем выступлении в Сыктывкаре. Так он и не получил орденов назад и лежал в гробу с единственным значком на пиджаке — значком народного депутата СССР.

Тут вот я подошел к последнему отрезку деятельности Андрея Дмитриевича, к 1988—1989 годам. В 1987-м он главным образом отдыхал и лечился, с этой целью он выезжал в Ленинград, где его меньше беспокоили. Ведь попробуйте отдохните, когда вам

ежесуточно приходит по две тысячи писем! А никакого секретаря нет, у нас так организована жизнь. И даже автоответчик на телефон Сахаров у себя в квартире поставил лишь после первой поездки за границу в конце 1988-го. Итак, собравшись с силами, Андрей Дмитриевич возвращается к активному участию в общественной деятельности. По-прежнему он заступает за тех или иных пострадавших, но во времена «перестройки» открылись совершенно иные, немыслимые прежде формы проявления общественной жизни. Одним из таких проявлений стало массовое движение «Мемориал». Собственно, корни его восходят еще к «Архипелагу ГУЛАГ» (1973) А.И.Солженицына, к его же «Одному дню Ивана Денисовича» (1962), к постановлению XXII съезда КПСС (1961) насчет памятника жертвам Сталина. Были прекрасные издания, вроде альманаха «Память» (1976—1981, 1—5), выходившего в Ленинграде подпольно до ареста А.Б.Рогинского. Но МАССОВЫМ движением это стремление вспомнить невинно убиенных сделалось лишь после того, как в нашей стране стали возможны легальные массовые движения. С начала 1988-го всеобщее сознание долга перед погибшими, долга перед Прошлым так распространилось, что даже официальные журналы и газеты стали публиковать статьи на эту тему. Начав с опроса общественного мнения москвичей, академик Сахаров возглавил движение и с участием молодых помощников подготовил учредительную конференцию «Мемориала» в октябре 1988-го. Каковы бы ни были аппаратно-бюрократические игры, оттянувшие эту конференцию и последующую регистрацию-легализацию Всесоюзного «Мемориала», эта организация стала реальной силой в нашем обществе. Об этом свидетельствуют, например, такие факты. В правительственном сообщении о похоронах А.Д.Сахарова называется Правительственная комиссия по похоронам — которая НИКАКОЙ роли на деле не играла. В том же сообщении вынужденно упоминается ОБЩЕСТВЕННАЯ КОМИССИЯ по похоронам во главе с одним из основателей «Мемориала» Л.А.Пономаревым — эта-то комиссия и распоряжалась всем, от входных билетов до регламента выступлений. Кто смотрел телевизор, может вспомнить, какое внушительное зрелище представляла колонна «Мемориала» при подходе к митинговой площадке Лужников, где завершалось прощание с покойным. Наконец, именно «Мемориал» совместно с Народным фронтом Ленинграда организовал траурное шествие от

Парка Победы по Московскому проспекту, затем по Невскому с завершающим на Дворцовой площади.

В начале 1989-го при выборах народных депутатов от Академии наук аппаратная бесцеремонность вместе с апатией академиков привели к тому, что исчезла всякая альтернативность выборов, лучшие кандидатуры были отсечены. Сахаров точно диагностировал ситуацию и осознал, что общественно-важно сейчас, — активизировать Академию наук, таящую в себе много светлых голов и не востребованных нашей системой сил. Хотя уже семь территориальных округов выдвинули Сахарова кандидатом, он провозгласил: «Или от Академии наук, или ни от кого!» — снял свою кандидатуру во всех территориальных округах и тем самым сделался знаменем молодых активных академических сил, боровшихся за пересмотр решения президиума АН. На первый взгляд борьба выглядела безнадежной. И хотя я тоже принял в этой борьбе участие в качестве делегата Конференции по выборам от АН, настроен я был довольно пессимистически. Помню, в ночь накануне дня голосования, перебирая все услышанное в прениях-дискуссиях-кулуарах за сутки, я не сомневался, что все 20 мест будут заполнены при голосовании теми, кого выдвинул президиум, ни одно место не будет забаллотировано и не освободится для повторных выборов. Как изумился я, услышав от Андрея Дмитриевича слова: «Выберут восемь человек, остальных 15 провалят, так что освободится 12 мест». С недоверием, если не выразиться резче, отнесся я к неожиданному арифметическому прогнозу. Как же был я пристыжен, когда вечером следующего дня после подсчета голосов узнал, что именно восемь кандидатов прошло, освободилось именно двенадцать вакансий! Такая точность предвидения — это уникальная особенность А.Д.Сахарова, проявление его гениальности во всем, за что он брался. Всем нам памятно, как совсем по-иному протекала вторая Конференция по выборам от АН. Это было настоящее деловое обсуждение кандидатур, кандидаты выступали с подлинно государственными программами-позициями. Активность и сознательность на этих выборах возросли на два порядка сравнительно с первой Конференцией, не говоря уже про предшествовавший расширенный пленум президиума АН, походивший на обрыдлое профсоюзное собрание провинциальной фабрики. Из этой деятельности акаде-

мика Сахарова возник перманентно действующий в Москве «Клуб избирателей».

Дальнейшая деятельность Андрея Дмитриевича уже в качестве народного депутата протекала на виду у всех, все видели его по телевизору. Я не буду описывать ее. Отмечу лишь одно. Все мы помним, как по-хамски вели себя многие депутаты, кричавшие на Сахарова, заглушавшие его, оскорблявшие, а председатель высокого собрания не останавливал распоясавшихся наглецов. Можно было думать, что подобные сцены угнетающе действовали на академика. Нет. Уже после его смерти его вдова говорила мне, что ни давление у Андрея Дмитриевича не подскакивало от потока оскорблений, ни сердце не начинало учащенно биться. Он спокойно, со снисхождением и пониманием смотрел на беснующееся агрессивно-послушное скопище. Он понимал, что это — больные. Больные той болезнью общества, которую привил нам сталинизм и десятилетия управления по-сталински. Неумение слушать, неумение понимать аргументацию, нежелание думать, привычка размахивать кулаками и вопить «Лорду в морду!» — все это целенаправленно воспитывалось всеми средствами информации, учившими не вникать, а разоблачать, не жить, а бороться. Поэтому те, кто оскорблял академика Сахарова, были — в его глазах — сами жертвами, нуждались в сочувствии и в терпеливом лечении. А Сахаров не ведал страха. Он уважал даже тех, кто шипел и вопил на него. У него отсутствовали амбиция, самолюбование, претенциозность. И те, кто приходил на встречи с академиком в мае 1989-го в Сыктывкаре или Эжве, помнят, что на всякий, даже вовсе провокационный или оскорбительный, вопрос Андрей Дмитриевич давал спокойный, без выпадов и укоров, без ораторских изысков, ответ по существу. Один из слушателей позже раздумчиво отвечал: «Уверен, что никто никогда в этом городе еще не разговаривал публично с людьми столь уважительно». И умер Андрей Дмитриевич не от какого-либо «потрясения». Он вернулся около восьми вечера домой. После заседания Межрегиональной группы он присутствовал еще на предварительных беседах в подготовке кинофильма «Караганда—Невада», где планировалось участие академика как одного из создателей водородной бомбы; фильм нацелен на полный запрет и на уничтожение ядерного оружия. Обо всем договорившись, он пришел домой в прекрасном настроении. Был весел, шутил с Люсей. Поужинал и направился

отдохнуть, поспать, потому что предстояло еще много работы по вычитке гранок книги, по подготовке завтрашнего выступления на Съезде народных депутатов. Велел никому его не беспокоить, а в пол-одиннадцатого вечера разбудить. Когда Люся вошла к нему в пол-одиннадцатого, он уже лежал на полу мертвый. Вскрытие установило, что у него была врожденная кардиомиопатия, которая могла коварно сработать в любую секунду жизни, начиная с младенчества. И смерть наступила мгновенно, он умер еще стоя.

Перед уходом из жизни Андрей Дмитриевич фактически завещал в своем последнем выступлении на Межрегиональной группе две идеи. Во-первых, эта группа должна оформиться в виде официальной ОППОЗИЦИИ. Ведь, с одной стороны, ее все равно держат на положении оппозиции. С другой стороны, в нормальном парламентском режиме необходимо должна присутствовать оппозиция, которая не несет ответственности за ошибки, совершаемые властью, а обязана указывать на эти ошибки и честно предлагать альтернативный политический курс с тем, чтобы избиратели могли составить на голосовании выбор не только между личностями кандидатов, но и выбор между политическими курсами. Второе, что завещал Сахаров, относится к статье 6 нашей Конституции. Весь опыт его политической деятельности, весь предшествовавший опыт его академической деятельности убедил его, что руководство партии лишь пагубно отражается на жизни и в науке, и в обществе. Неважно, руководит ли Отделом науки ЦК С.П.Трапезников или В.А.Медведев, — оба они лишь угнетали науку. Я приведу маленький местный пример. Математический отдел в Коми научном институте не имеет самостоятельности, он уродливо подчинен Институту биологии. Почему? Да потому, что не только местные органы АН (Президиум Коми научного центра или Президиум Уральского отделения) не властны создать самостоятельного Отдела математики, но даже вся Академия наук СССР не имеет на это права. Такая реорганизация допустима лишь с согласия Отдела науки ЦК. Им же то ли некогда, то ли слишком мелкий для них вопрос, то ли еще недостаточно повысили им зарплату, но во всяком случае они согласия не дают уже десять с лишним лет. Из-за этого перековеркана вся работа, невозможно гарантированно набирать кадры, да мало ли что из-за руководящего положения партии в науке мы имеем! Точнее — чего не имеем... И вот Сахаров настоятельно убеждал, что статья 6

Конституции должна быть отменена. Партия — ни одна партия, не только КПСС, но и ДС — не имеет права требовать постоянной «руководящей роли». Как бы в ответ на это выступление Сахарова родился на его похоронах новый символ: перечеркнутая шестерка. Почти все участники траурного митинга в Лужниках держали над головами самодельные плакатики с перечеркнутой шестеркой, а в ответ на вопрос Л.Пономарева, хотят ли они сохранения или отмены статьи шестой, вся скопившаяся там сотня тысяч людей единогласно проголосовала за отмену статьи.

Андрея Дмитриевича похоронили не на Новодевичьем кладбище, как предлагала Правительственная комиссия, а на Востряковском, маленьком и мало известном кладбище. Там лежит его мать, и он задолго до смерти выражал желание покоем рядом с нею. Тогда он подвергался гонениям и не думал о почетных кладбищах, с большим трудом откупил себе этот участок. Кроме того, Новодевичье кладбище охраняется милицией, свободного входа туда нет. Поэтому Е.Г.Боннэр отвергла идею заключить под стражу прах своего мужа. Пусть к его могиле останется свободный доступ, как свободен был вход в его дом всем, кто в нем нуждался.

Увы, не сразу прах Сахарова обрел себе успокоение. Сначала предполагалось вывозить тело с квартиры в Физический институт, а оттуда — на кладбище. Но, с одной стороны, правительство предположило провести гражданскую панихиду в Колонном зале, а с другой — тысячи москвичей выражали желание проститься с покойным. Вдова отвергла правительственное предложение, но не могла отклонить просьбы простых людей. Поэтому гроб был выставлен во Дворце молодежи в воскресенье, накануне похорон. Десятки тысяч людей стояли в мороз часами, с утра до ночи. От Зачатьевского монастыря, что рядом с метро «Парк культуры», до метро «Фрунзенская» выстроилась очередь, которой перед подъемом на ступеньки Дворца молодежи милиция предлагала «разобраться по трое». Сколько было людей? Вот факт. В пять часов вечера милиция прекратила доступ в очередь. Те же, кто пришел до 17.00, прошли перед гробом после 23.00. Я с самолета припоздал на его квартиру, уже все уехали, только перед входом дежурили с цветами и венками-свечами. Станция метро «Фрунзенская» была закрыта уже с 11.00 (вход начинался с 13.00). И когда я пошел по Комсомольскому проспекту, я отчаял-

ся было попасть во Дворец; только то обстоятельство, что распоряжались похоронами мемориальцы, дало мне возможность оказаться внутри. Сначала с одной стороны, а потом с обеих сторон гроба текли толпы, кто с портретиком, кто со свечой, кто в траурной повязке, а кто просто в слезах. И жарко горели юпитеры, вели съемки операторы, и играла музыка, и становились мы в почетный караул. Речей тут не было. И сидела вдова, ни на миг за эти сутки не отходившая от гроба, и другие родственники.

На следующий день тело снова вывезли около 9 утра из квартиры, но повезли не в ФИАН, как ожидалось, а по желанию М.С.Горбачева завезли в президиум АН, где руководство выразило соболезнования вдове. Затем, уже с опозданием гроб был доставлен в ФИАН, где около двух часов произносились речи физиками — коллегами А.Д.Сахарова, пока пропущенная по спецпропускам во двор ФИАНа толпа медленно протекала, обходя гроб по часовой стрелке. Затем тело повезли в Лужники, где после часовой с лишним задержки, причины которой мне пока не удалось выяснить, гроб с телом покойного наконец появился и было произнесено двадцать пять речей, преимущественно политического содержания; некоторые из этих выступлений позже были опубликованы в «Литературной газете» и в других газетах. Потом тело в сопровождении близких повезли на Востряковское кладбище, а на митинговой площадке продолжались выступления. Было много милиции, которая держалась очень корректно, даже не имела при себе дубинок. Порядок поддерживался и самими присутствовавшими идеально, хотя стоять приходилось на тающем снеге, под дождем. И на кладбище случилось недоразумение: в автобусе, отведенном близким, уехали случайные лица, так что Е.Г.Боннэр и другим пришлось «добираться на перекладных». Так уж случается...

Сыктывкар успел почтить память Академика: и митингами, и своевременными публикациями в «Красном знамени» и в «Молодежи Севера». Воскресные номера этих газет были мне заброшены в ночь в субботы на воскресенье, и я успел привезти их и на квартиру Е.Г.Боннэр, и во Дворец молодежи, и в ФИАН, где эти номера пользовались большой популярностью. Позже мы отметили и 9 дней, и 40 дней. Есть у нас и фильмы о его пребывании в Сыктывкаре. И в заключение снова о том, что отличало Андрея Дмитриевича. Вот на поминках его в ресторане «Россия»,

в присутствии пятисот слушателей, президент АН СССР Г.И.Марчук произнес: «Мы одинаково начинали с Андреем Дмитриевичем...» И я задумался. Да, Гурий Иванович имеет основания так сказать. Ведь оба они начинали академическую деятельность с глубоко засекреченных тематик. У Марчука ПЕРВАЯ публикация относится к тому времени, когда его уже выбрали членом-корреспондентом Академии наук СССР, до того все его работы были закрытыми. Примерно так же обстояло дело с Сахаровым. Да, внешнее сходство в начале пути имеется. Но Сахаровым двигала чистая любовь к истине, жажда справедливости, когда Кириллина снимают, дабы не мешал творить зло, Сахаров не согласился бы занять пост Кириллина. Вот это неукоснительное следование простым библейским правилам — не лги, возлюби ближнего твоего, как самого себя, думай о своей душе, а не о мирских благах — вот это-то и отличало Андрея Дмитриевича. Немного? Попробуйте так прожить! И поэтому-то мы будем помнить его все время. Мы без него осиротели. Но мы и счастливы: мы, современники академика Сахарова, жили не столько в брежневские времена, сколько жили мы в сахаровское время.

Постараемся не обмануть его памяти.

Б.Альтшулер

...Есть телефонные звонки, которые не забудешь никогда.

Вечер 18 декабря 1986 года, звонок, друг Сахаровых Галина Семеновна Евтушенко говорит веселым голосом: «Боря, хотите поговорить с Андреем Дмитриевичем?» Тут же набираю продиктованный ею горьковский номер и говорю с Сахаровым — после семи лет полной невозможности прямого контакта. 14 декабря 1989 года, 11 вечера, звонок, и Ефрем Янкелевич (зять Е.Г.Боннэр) сказал только: «Боря, скончался Андрей Дмитриевич». Это было через два часа после его смерти и через полчаса после того, как Елена Георгиевна обнаружила его лежащим на полу. Еще через час мы с сыном приехали. В квартире было довольно много народа. Помимо своих, врачи скорой помощи, следователь прокуратуры, понятые, на лестничной площадке и в коридоре милиция. На кровати посреди комнаты лежал Андрей Дмитриевич. Около него на стуле — Елена Георгиевна. Невозможно об этом подробно говорить...

Уход Сахарова — это потеря для всех. Ну, а когда знал его лично, тем более. Небудничность в самой прозаической обстановке — это, пожалуй, основное впечатление, возникшее при общении с Сахаровым. В любой момент он среди общего шумного разговора мог начать говорить о физике — теория струн, стрела времени, новости астрофизики. Мог предложить решить задачу или прочитать недавно сочиненное им шуточное стихотворение. В любой ситуации — ясное ощущение масштаба происходящего. О таких людях говорят: руки в земных делах, а голова в небе. Никогда не видел его раздраженным, суесящимся, не видел, как нервничает. Хорошо помню, как в октябре 1973 года в ФИАНе перед семинаром он рассказывал о визите в квартиру людей, назвавших себя бойцами организации «Черный сентябрь». (В течение полутора часов они требовали, чтобы Сахаров отказался от своего заявления о войне Судного Дня, в противном случае угрожая убить его и Елену Георгиевну. «Мы можем не только убить, но и сделать что-то похуже. У вас есть дети, внуки»). Сахаров рассказывал об этом спокойно и серьезно, с беспристрастностью

исследователя. Один из собеседников спросил: «Андрей Дмитриевич, как вы думаете, если этих «арабских террористов» хорошо помыть, не побелеют ли они?». «Думаю, что побелеют», — ответил Сахаров. Эта семнадцатилетней давности шутка, увы, во многом актуальна и сегодня.

Андрей Дмитриевич, конечно, был необычным человеком. Его товарищ студенческих лет физик Михаил Львович Левин вспоминал, как никто никогда не мог понять Андрея. В разговоре он как бы шел гигантскими шагами, пропуская самоочевидные для него этапы рассуждений. Очевидные для него, но не для собеседника. «Это потом он научился говорить понятно, когда ему пришлось общаться с генералами и надо было объяснять так, чтобы они делали то, что хочет Сахаров», — сказал Михаил Львович. Но и потом у Андрея Дмитриевича сохранилось такое — как бы «промалчивать» какие-то куски разговора, ничего не ответить на длинную тираду, либо ответить одним словом или шуткой. И, действительно, зачем тратить слова, если и так все ясно. Для меня эта форма общения была неплохой школой в моей относительной молодости — в семидесятые годы.

Я познакомился с Сахаровым в 1968 году, когда он согласился быть оппонентом на защите моей кандидатской диссертации по теории относительности. Но слышал я о нем значительно раньше. Все мои школьные годы, до 1956 г., прошли в том самом до сих пор не называемом закрытом городе, где работал Сахаров и где в той же специальной группе физиков работал мой отец. Но эти заметки — не хроника и не только воспоминания. Я постараюсь написать о том, как не понимали и во многом до сих пор не понимают Сахарова. Сахаров стал символом эпохи, но есть немало людей и в СССР и за рубежом, которые, при всем огромном уважении к его личности, к его гуманистической деятельности, считают его и наивным, и жертвенником ради жертвы, и чуть ли не Дон Кихотом. Думаю, что все это неверно.

Мы были современниками человека, который в течение более чем двадцати лет постоянно совершал, так сказать, «революции сознания», создавал новые системы понятий, причем добивался трансформации не только сознания, но и самой реальности. И сколько раз проигрывался стандартный сценарий: его не понимали, раздражались, а потом с ним соглашались.

В науке все протекало, конечно, «бескровней», чем в общественной деятельности. Классический пример — гипотеза 1967 года о нестабильности протона, когда коллеги пожимали плечами — мол, академику можно. Но когда академик, знаменитый ученый стоит часами перед зданиями судов, ставит на карту свою жизнь ради того, чтобы никому неизвестная московская девчонка смогла выехать за рубеж (голодовка 1981 года), выталкивает изо рта, старается не глотать еду, которую ему туда насильно запихивают (1984 и 1985), — что это? Болезненное упрямство? Пусть каждый совершит мысленный эксперимент и поставит себя, нормального человека, в такое положение, когда тебя насильно пытаются кормить, а ты сопротивляешься, и так полгода. Наверно, у подавляющего большинства не получится: мысленный эксперимент не удастся. Сахаров не любил громких слов типа «мученик», но я полагаю, что он не был ни наивным, ни тем более ненормальным. А его «странные» действия, по-видимому, можно вкратце определить одним словом: он РАБОТАЛ.

Сахаров работал всю жизнь и к любому делу подходил профессионально. И еще: он всегда видел «конец туннеля», то есть желаемый конечный результат, и целенаправленно шел к решению проблемы. Конструкция должна срабатывать, будь то бомба, или пакет предложений по разоружению и правам человека, или просто усилия по спасению данного человека.

И в науке, и в общественной деятельности способ мышления Сахарова был одинаков: исходя из некоторой общей и для него достаточно бесспорной идеи, он делал конкретные и весьма неожиданные выводы. Что касается общественной деятельности Андрея Дмитриевича, то, мне кажется, его конкретные действия могут быть «выведены», говоря, конечно, схематически, из двух простых принципов:

1) Абсолютной нравственной оправданности каждого действия.

Оправданности именно с самой простой, не искаженной никакими «идеями» точки зрения.

2) Необходимости победы, хотя бы в малом. Достижение положительного результата путем сосредоточения максимального усилия на минимальной площади.

Что касается первого принципа, то теперь он представляется чуть ли не тривиальным. Но это теперь — в самом конце XX

века, который весь был трагически распорот теми или иными «великими идеями». Об опасности любой идеологии, которая ставится выше прав человека, выше жизни, говорил Сахаров в своей Нобелевской лекции.

Были в характере Андрея Дмитриевича черты, которые делали этот первый принцип для него самоочевидным. Андрей Дмитриевич много раз говорил о том влиянии, которое оказала на него Елена Георгиевна, что сделало его гуманистическую деятельность «менее абстрактной», больше направленной на помощь конкретным людям. Но многое шло, конечно, и от семьи.

Род Сахаровых — несколько поколений сельских священников. Его прадед, Николай Иванович Сахаров, 40 лет служил в том самом Нижнем Новгороде — Горьком, куда спустя много лет выслали его правнука. Это была настоящая русская семья с твердыми принципами — типичная для этой исчезнувшей, почти полностью уничтоженной цивилизации, осколком которой был Андрей Дмитриевич Сахаров. Честное слово значило для него больше, чем расписка. Помню, как-то в разговоре он с некоторой гордостью сказал: «В России до революций миллионные сделки заключались под честное слово». Терпимость, невозможность оттолкнуть. «Самое удивительное в Сахарове, то, что *«he is not angry»* («он не сердитый»)), — сказал мне американский физик Джереми Визнер, когда мы вышли с ним после вечера, проведенного у Сахаровых на улице Чкалова. «Он не сердитый» — удивительно точно и по-американски лаконично сказано.

Не менее точно и лаконично отношение Сахарова к людям определила его друг, правозащитник, математик Татьяна Михайловна Великанова — всего два слова: «Презумпция порядочности». Уважительное отношение, надежда увидеть человеческое в любом человеке. Может быть, в этом одна из причин, почему к голосу Сахарова прислушивались руководители государств.

Дед Андрея Дмитриевича, Иван Николаевич Сахаров, в начале века редактировал сборник «Против смертной казни». Первое открытое обращение, которое я подписал, было организованное Сахаровым коллективное письмо за отмену смертной казни. Это было в 1972 году. «Убивший человека — убивает Вселенную, спасший человека — спасает Вселенную». Эта древняя мудрость была для Сахарова частью его существа.

Но почему все-таки, при всем благородстве задачи, спасение одного человека должно иметь какие-то важные политические, идеологические, геостратегические последствия? Какое отношение вся эта «благотворительность» имеет к «революции сознания» и «трансформации реальности», о которых я говорил выше? Какое отношение к глобальным проблемам могли иметь эти мучительные голодовки с чрезвычайно суженными требованиями? Ответ, в сущности, прост: государственная система, истребившая миллионы сограждан, вся состоящая из запретов, из автоматически срабатывающих механизмов подавления, не умеет, не может уступать ни в чем. Нет в ней таких обратных связей. Добиться уступки можно, только подключив к решению какого-то сугубо частного вопроса высший политический механизм, может быть, даже только первого человека государства. А при существующей в СССР централизации нестандартный поступок высшего руководства должен влиять на систему в целом, неким, может быть, почти иррациональным образом нарушать незыблемые идеологические и организационные структуры. Всю эту механику влияния «малого» на «большое» Сахаров, конечно, хорошо понимал. А его не понимали. Напомню, что даже такой «пустяк», как вопрос о выезде в США в декабре 1981 года Лизы Алексеевой (за что Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна держали 17-дневную смертную голодовку), решался в Кремле. И, надо думать, решался он в очень непростом политическом «дворцовом» противоборстве, от исхода которого, может быть, зависело очень многое. Сахаров знал, что он не имеет права на поражение. Но он и сам не умел отступать.

Совсем недавно один, уже немолодой и хорошо знавший Андрея Дмитриевича ученый сказал мне, что все-таки не знает, чего же конкретно достигло правозащитное движение в СССР (и Сахаров в том числе). Ну, спасли несколько человек, но глобальных проблем это же не решало. В этом мнении (кстати, весьма распространенном) — полное непонимание Сахарова, его общественной, а главное, нравственной позиции. А сколько раз я слышал от Андрея Дмитриевича произносимое тихо и вроде бы неуверенно, но на самом деле так, как будто он краеугольный камень закладывает: «Жизнь я ему, наверное, все-таки спас».

Говорилось это обычно в ответ на мои сетования, что власти не уступают ни в чем. Помню, что эту фразу он произнес в

1976 году, после возвращения из Омска с процесса Мустафы Джамилева (последний был все-таки осужден «по всей строгости», но появление Сахарова дало ему моральное право прекратить многомесячную губительную голодовку); в 1978 году, после заявления с просьбой о помиловании Филатова (никому неизвестного человека, осужденного, согласно сообщениям центральных газет, одновременно с Анатолием Щаранским за шпионаж, но, в отличие от последнего, приговоренного к высшей мере); после получения в ноябре 1989 года прокурорской отписки на запрос А.И.Лукиянову о погибавшем в лагере в Пермской области врач-психиатре Юрии Моссовере; в 1976 году, после визита (вместе с Еленой Георгиевной и по ее инициативе) в посольство шахского Ирана в Москве с призывом не выдавать перелетевшего в Иран советского военного летчика Зосимова. (Сахаров призывал самолет вернуть, а летчика судить в Иране, так как в СССР он наверняка будет казнен). Летчика, тем не менее, выдали. «Все такие вежливые, так по-восточному улыбаются, но за этим такое полное равнодушие, — делился он впечатлениями от посещения посольства, — но жизнь я ему, наверное, все-таки спас». Сахаров, естественно, предполагал, что его демонстративный жест привлечет к этому имени высочайшее внимание, и появляется шанс, что судьба человека будет определяться не безликим механизмом, а как-то нестандартно.

Теперь несколько замечаний о судьбе, свободе воли и конце света. В одном из писем Андрея Дмитриевича, полученном мной из Горького в 1982 году, он, говоря о науке, в частности, пишет:

«...Ну ладно, подождем. Будущее покажет, кто прав, покажет всем нам и многое другое. К счастью, будущее непредсказуемо, а также (в силу квантовых эффектов) — и не определено». Здесь не только констатация вероятностного характера законов квантовой теории, и относится сказанное не только к науке. И в истории, и в личной судьбе будущее не только непредсказуемо, но в каждый данный момент оно просто не существует: возможны разные сценарии, в том числе и с прямо противоположными результатами. Выживет человечество или нет, погибнет данный политзаключенный или нет и т.п. — результат может зависеть от личных усилий, от личного действия (или бездействия) сейчас. Это ситуация типа «Шредингеровского кота» в квантовой механи-

ке, где, однако, исход опыта (судьба «кота») определяется не траекторией «глупого» электрона, а свободой воли наблюдателя, его «принятием решения». С этим чувством ответственности, невозможности пустить события на самотек жил академик Сахаров.

И в этой связи несколько слов о ее величестве Истории. Вопрос в том, существует ли она — эта История. Или мы сами себя обманываем, приписывая ей какие-то объективные законы развития, а фактически накладывая некую координатную сетку на прошлое, на то, что уже произошло в результате, как говорят физики, «редукции волнового пакета». Есть ли законы у Истории, или она, как правило, находится в точке бифуркации, то есть математической непредсказуемости? (Этот образ использовал Сахаров, характеризуя положение в стране, в своем выступлении в ФИАНе за три дня до кончины). «Важно только то, что уже произошло», — ответил мне Андрей Дмитриевич на вопрос «Что будет?» ...Разговор происходил в 1977 году, после ареста Орлова, Щаранского и других членов Московской Хельсинкской группы. «Важно только то, что уже произошло», а «будущее не определено». Такова позиция Сахарова, по-моему, не совпадающая с общепринятой. Альтернативный объективистски-материалистический подход к истории в данном случае примерно такой: история, мол, идет своим чередом, неизбежность политической разрядки и внутренней перестройки в СССР продиктована объективными факторами: общим экономическим отставанием СССР в условиях научно-технической революции, а также нависшей над миром угрозой тотальной катастрофы. Вот такая, казалось бы, убедительная позиция. Между прочим, она удобна и в личном плане, так как во многом избавляет от личной ответственности.

Все последние 20 лет Сахаров старался убедить, что все это не так, что действительность гораздо страшнее, что падение в бездну может произойти в любой момент. Куда идет История? Что они там, на вершине раздираемой борьбой за власть власти, знают об угрозах человечеству? Или, может быть, оттуда, с вершины Олимпа, земная жизнь вообще не видна. Следует ли История велениям разума? Или гораздо больше мудрости в известной шутке о двух космонавтах: «Мы летим со скоростью, приближающейся к скорости света», — с восторгом говорит один. «Да, но в противоположном направлении», — отвечает другой. 1975 год, американ-

цы уходят из Индокитая, но торжество «разумности» почему-то омрачено трехмиллионной комбоджийской гекатомбой. 1980-й — начало афганской бойни. В 1982 году в Южном Ливане израильянами обнаружены тайные подземные склады Организации Освобождения Палестины с запасами советского оружия на миллионную армию. Ведь кто-то в руководящих кругах СССР все это санкционировал. В октябре 1980 года в письме, направленном из ссылки президенту АН СССР академику Александрову, Андрей Дмитриевич, в частности, пишет:

«...Еще в 1955 году я узнал, что наша ближневосточная политика совершает крутой поворот, целью которого является создать «нефтяную зависимость стран Запада». Этот поворот принес в последующие годы огромные бедствия народам этого региона — арабам, Израилю, Ливану...» (Впервые напечатано в СССР в марте 1990 года, «Огонек» № 11). Этот балласт политики прошлого до сих пор на шее у перестройки, тянет ее на дно и приносит бедствия не только народам Ближнего Востока.

В этом же письме Сахаров пишет об опасности «экспансионистского геополитического мышления», прекрасно понимая, какие силы стоят за всем этим. (Представьте себе колумбийскую наркомафию, но в несравненно большем, ужасающем масштабе). Нет, Андрей Дмитриевич не был наивным и прекрасно сознавал, кому он противостоял, когда объявлял свои мучительные голодовки. В те же годы, когда «административно-командная» экономика в невероятных миллиардно-рублевых масштабах перемалывала в отходы природные ресурсы и трудовые затраты, когда, несмотря на «отставание в условиях НТР», пресекались любые попытки хозяйственной реформы, — тогда же ставились на колеса сотни ядерных ракет (мобильные, средней дальности), каждая из которых способна уничтожить Париж или Лондон. Ведь проблему «отставания» можно решать двумя принципиально разными способами: либо подтянуться, сделать систему эффективнее (то, о чем заявила, но никак не сделает перестройка), либо вовремя уничтожить опережающего соперника. Так в какую сторону мы летим? Вот только один пример того, что понимал Андрей Дмитриевич, и что, кроме него, почти никто не понимал. Сахаров знал, кто у нас держит палец на ядерной кнопке. Знал, насколько консервативны и, главное, как опасно оторваны от реальности эти круги, поведение которых диктуется слепыми клановыми интере-

сами. Еще в 1975 году в книге «О Стране и Мире» он, говоря об опасности соглашения Никсона — Брежнева об ограниченной противоракетной обороне, писал: «...Страшное подозрение невольно закрадывается в душу, рисуется схема того, что при такой оборонной системе большая часть территории и населения страны приносится в жертву соблазну получить решающее преимущество первого ракетно-ядерного удара при относительной безопасности московских чиновников». Да, Андрей Дмитриевич мыслил гигантскими макроскопическими категориями. «Духовный отщепенец, провокатор Сахаров всеми своими подрывными действиями давно поставил себя в положение предателя своего народа и государства», — так писали о Сахарове в 1980 году. Сколько раз это повторялось и до и после. Вплоть до декабря 1989 года, когда журнал Министерства обороны напечатал статью, полную все той же оскорбительной брани в адрес Сахарова. Непосредственная причина нападок — заявление Сахарова о необходимости расследования сообщений о возможно имевших место в Афганистане случаях сознательного уничтожения своих военнослужащих в целях «предотвращения пленения». Андрей Дмитриевич умел сказать несколько негромких слов так, что у кого-то сдавали нервы. Как опытный хирург, он вводил скальпель точно в нужное место и выпускал гной. Сахаров, чем бы он ни занимался, всегда был высоким профессионалом.

Но времена теперь, надо надеяться, другие. Советские и американские ракеты средней и меньшей дальности уничтожаются. И, может быть, будем жить. «Жить на Земле и жить долго» — так называется интервью Сахарова, опубликованное в журнале «Искусство кино» в августе 1989 года (см. также «А.Д.Сахаров «Тревога и надежда», Москва, Интер-Версо, 1990). Однако «другие времена» сами собой не наступают. Те же круги, что подослали Сахарову «арабских террористов» в 1973 году, что мучали его в Горьком в восьмидесятые, что ополчились на него полгода назад, — они сильны и сегодня. Адские картины Сумгаита, Ферганы и Тбилиси — это модель, модель «конца света», который пытался предотвратить академик Сахаров.

Андрей Дмитриевич никогда не был жертвой. Даже когда у него в Горьком «украли» 800 страниц рукописи воспоминаний, и не было копий. Пропал труд нескольких лет. Он не был жертвой, потому что все равно сделал так, как задумал. Он написал все заново, а

Елена Георгиевна спасла написанное, и вот огромная книга воспоминаний Сахарова опубликована. Но это другая книга. А то, что украдено, органы государственной безопасности возвращать не собираются, хотя по этому поводу в последнее время было много протестов и призывов — в том числе призыв участников «Сахаровских чтений». В этом деле перестройка тоже пока буксует.

Сахаров не был жертвой и в больнице в мучительные месяцы голодовок. И там он был, так сказать, атакующей стороной. Заперев в мае 1984 года Елену Георгиевну в Горьком, власти решили, что проблема Сахарова решена — обеспечена, наконец, полная его изоляция от внешнего мира. Ведь за четыре года ссылки его жена совершила около 150 челночных поездок Москва—Горький, Горький—Москва, она вывезла все общественные заявления Сахарова этого периода, в том числе статью «Опасность термоядерной войны» — ответ Сиднею Дреллу. Статью, без которой мир сегодня был бы, наверное, иным. Возбудив против Елены Георгиевны судебное дело и не выпустив ее больше из Горького, власти оборвали последнюю нить, тем самым похоронив Сахарова заживо. Но не могло у них быть победы в борьбе с Сахаровым. Его в принципе нельзя было положить на лопатки: он объявляет бессрочную голодовку. Конечно, этими голодовками Андрей Дмитриевич спасал свою жену. Но не только ее. Это была борьба с настоящей, совсем не сказочной «нечистой силой», той, что угрожает жизни и здоровью людей на всей земле.

Отказываясь принимать еду, Андрей Дмитриевич делал то, что считал абсолютно необходимым, он, как я уже говорил, — работал. Но, конечно, он был бы счастлив, если бы ему помогли, избавив тем самым от этого тяжелейшего разрушающего здоровье труда. Если бы Академия наук откликнулась на просьбы Сахарова о помощи. Совместно с усилиями из-за рубежа это могло бы создать должный эффект и обеспечить победу с меньшими потерями. Но, увы, не случилось, не помогли. Вся энергия ушла на раздражение и обвинения в адрес Елены Георгиевны, что полностью соответствовало желанию властей. Вот как говорит об этой системе заложничества сам Сахаров («Молодежь Эстонии», 11 октября 1988 г.):

«...главный удар, центр давления оказался перемещенным, направленным не столько против меня, сколько против моей жены, косвенно — против ее детей. Это была весьма хитроумная

тактика, ставившая меня в очень трудное психологическое положение и необычайно тяжелое для Елены Георгиевны. От нее потребовались совершенно исключительные волевые качества. И, мне кажется, она их проявила, да к тому же сохранила меня тем, чем я должен был быть. Так что нам пришлось очень непросто».

В Горьком, в чудовищной изоляции, не имея никакой надежды, что это когда-нибудь кончится, Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна подобрали себе место на кладбище. «Очень хорошее место», — говорил потом Сахаров. В Москве он несколько раз подавал заявление с просьбой выделить ему именно то место, где он сейчас похоронен. И получал отказы, и очень огорчался. Просьба эта была удовлетворена только после его смерти. Как я понимаю, Сахаров весьма спокойно относился к этой неизбежности — личной смерти. Сознавал, что это лишь частность, лишь штрих в общей великой картине, лишь эпизод в личной судьбе. И действия свои соизмерял не с этой частностью, а с теми проблемами, которые он ставил перед собой и старался решить.

В заключение еще одна выдержка из интервью Сахарова газете «Молодежь Эстонии»:

«А.Сахаров: — ...Судьба моя была в каком-то смысле исключительной. Не из ложной скромности, а из желания быть точным замечу, что судьба моя оказалась крупнее, чем моя личность. Я лишь старался быть на уровне собственной судьбы...».

Вопрос корреспондента: — А вообще в судьбу вы верите?

А.Сахаров: — Я почти ни во что не верю — кроме какого-то общего ощущения внутреннего смысла хода событий. И хода событий не только в жизни человечества, но и вообще во Вселенском мире. В судьбу как рок я не верю. Я считаю, что будущее непредсказуемо и не определено, оно творится всеми нами — шаг за шагом в нашем бесконечно сложном взаимодействии.

Вопрос: — Если я верно понял, то вы полагаете, что все не «в руке божьей», но «в руке человеческой»?

А.Сахаров: — Тут взаимодействие той и другой сил, но свобода выбора остается за человеком. Потому и велика роль личности, которую судьба поставила у каких-то ключевых точек истории...».

ОДНАЖДЫ ОН МНЕ УЛЫБНУЛСЯ

Александр Иванов

Это было незадолго до того, как Елена Георгиевна Боннэр и Андрей Дмитриевич Сахаров «отбыли» на жительство в город Горький под гласный, как писали в старину, надзор полиции...

Осенью мы с женой отдыхали под Сухуми, в Гульрипше, в доме творчества «Литературной газеты». И, как это часто бывало в Абхазии, я дал согласие на пару своих авторских вечеров в сухумском театре.

И вдруг незадолго до начала концерта прошел слух: в зале академик Сахаров с женой!

Можете представить себе мое волнение. Впрочем, волнение не то слово. Я буквально завибрировал. Сам! Сахаров! На моем! Вечере! Да еще — с женой! Имена этих благородных и непреклонных людей, бросивших открытый вызов маразматической системе, были на слуху у всего мира. И вдруг!.. Они будут слушать меня?! Неужели им интересно? В моем представлении это были люди совершенно необыкновенные.

Преодолевая волнение, я вышел на сцену. Говорил, читал, отвечал на вопросы. Постепенно справился с волнением. Кажется, все прошло неплохо...

После концертов ко мне за кулисы часто заходят зрители. Знакомые и незнакомые. Иногда хвалят, говорят спасибо, иногда выражают претензии и даже негодование.

Тогда в Сухуми после концерта я долго сидел в гримуборной, потом даже побродил вокруг театра... Именитые гости не зашли... Неужели им совсем, ну совсем не понравилось? Потом понял, что если бы — вдруг! — им даже очень понравилось, они, конечно бы, не зашли...

Так я и остался тогда в неведении — может, обознались устроители вечера, может, просто слух...

Прошло много лет. Началась перестройка, едва ли не главным духовным отцом которой был Сахаров. Андрей Дмитриевич немедленно включился в активнейшую общественную деятельность. Не за горами было народное депутатство.

В Москве организовался политический клуб интеллигенции «Московская трибуна». Конечно, мне захотелось в нем побывать.

А может быть, чем черт не шутит, стать его членом? Тем более, что организатором и душой «Московской трибуны» стал Сахаров.

Узнав у Ю. Ф. Карякина место очередного сбора, я отправился туда.

Сахарова на заседании не оказалось — был в зарубежной поездке. Зато была Елена Георгиевна Боннэр. Не помню, то ли нас познакомили, то ли я представился сам. Обменялись несколькими фразами, и я решился.

— Елена Георгиевна, — сказал я, — существует такая легенда, что в тот год, когда вы с Андреем Дмитриевичем...

Далее я изложил то, что читателю уже известно.

— Ну, конечно! — сразу же ответила Елена Георгиевна, даже чуть удивившись моей недоверчивости. — Мы были на том концерте.

На следующем заседании в Доме ученых Сахаров присутствовал. Во время перерыва, уловив момент, я подошел, поздоровался и что-то пробормотал.

— Здравствуйте, — Андрей Дмитриевич со своей неповторимой улыбкой протянул руку, — как же, как же, я вас давно знаю...

После этого мы встречались еще раза два-три. И — все...

И ради этого стоило ему браться за перо? — кто-нибудь, возможно, пожмет плечами. — Тоже мне мемуарист нашелся...

Как знать, как знать... Ведь речь — о Великом Сыне Человечества.

Николай Иванович Сахаров — прадед Андрея Дмитриевича.

Иван Николаевич Сахаров с женой Марией Петровной — дедушка и бабушка Андрея Дмитриевича.

Дмитрий Иванович Сахаров — отец Андрея Дмитриевича.

Воспоминания Н.Н.Райковской (1865 — 1950)

Надежда Николаевна Райковская (урожденная Сахарова) — родная сестра Ивана Николаевича Сахарова, деда Андрея Дмитриевича. Их родители, Николай Иванович и Александра Алексеевна Сахаровы, имели десять детей, среди которых Иван был вторым, а Надежда — четвертым ребенком. До начала 70-х гг. прошлого столетия семья жила в Арзамасе, а затем переехала в Нижний Новгород. Старшие дети в это время разъехались.

Иван Николаевич учился и жил в Москве. Был он известным московским адвокатом и в качестве защитника участвовал во многих крупных гражданских процессах. Среди близких его знакомых и друзей были А.П.Чехов, И.А.Бунин и другие известные писатели. В семье сохранились рассказы о романтической женитьбе Ивана Николаевича: его жена, Мария Петровна, якобы «бежала» от своего первого мужа, будучи еще совсем молодой и тогда бездетной. Происходила она из дворянской семьи. Иван Николаевич и Мария Петровна жили в достатке, большим и открытым домом, у них была дача в Кисловодске, дети имели гувернеров, и все получили прекрасное воспитание и образование. У Ивана Николаевича и Марии Петровны было несколько сыновей (отец Андрея Дмитриевича — Митя Сахаров — был четвертым ребенком) и одна дочь — Татьяна Ивановна Якушкина (ее мужем был правнук декабриста И.Д.Якушкина).

И.Н.Сахаров скончался в 1918 г. на пути в Кисловодск.

Надежда Николаевна всю жизнь прожила в Нижнем Новгороде (г. Горький). Она вышла замуж за Михаила Александровича Райковского, с которым познакомилась, учась в Нижегородском епархиальном училище, где Михаил Александрович преподавал математику. Впоследствии он оставил педагогику, работал чиновником, получил личное дворянство.

Райковские принадлежали кругу нижегородской прогрессивной интеллигенции, в который в конце прошлого — начале нынешнего века входил также живший в этот период в Н.Новгороде Максим Горький. Имя (и даже фотографии) Надеж-

ды Николаевны встречается во многих изданиях, посвященных нижегородскому периоду жизни Горького. Она была в числе устроителей благотворительных нижегородских елок; известен случай, когда в семье Надежды Николаевны некоторое время жил по просьбе Горького опекаемый им сын сосланного в Сибирь революционера Багаева. Надежда Николаевна была тесно дружна с женой Горького, Екатериной Павловной Пешковой, дружба эта сохранялась и после переезда Екатерины Павловны в Москву.

До революции Н.Н.Райковская активно занималась просветительской, литературной, общественной деятельностью. Она преподавала в воскресной школе, работала в Обществе распространения народного образования, занималась организацией народных библиотек, заведовала земской библиотекой. Надежда Николаевна писала литературно-критические статьи и рассказы, печаталась в нижегородских периодических изданиях и в журнале «Русская мысль», в 90-е гг. входила в так называемое «литературное гнездо Короленко». По рассказам ее дочерей, Валентины Михайловны и Евгении Михайловны Райковских, именно Иван Николаевич познакомил Надежду Николаевну с В.Г.Короленко, о котором она на всю жизнь сохранила самые теплые воспоминания и которого она всегда ценила не только как писателя, но также как человека высоких нравственных и гражданских качеств.

После революции Н.Н.Райковская продолжала работать в культурно-просветительских организациях, сотрудничала в журнале «Внешкольное образование», занималась библиотечным делом.

Надежда Николаевна овдовела в 1910 г., когда ее младшим дочерям-двойняшкам было 5 лет. Всего у нее было семеро детей — два сына и пять дочерей. Старшие дети успели получить хорошее образование, младшие испытывали в этом отношении большие трудности, благодаря своему социальному происхождению. Самый старший сын, Николай, был математиком, учился в Неаполе. Следующие — Вера и Борис — учились в Москве, в Сельскохозяйственной академии. Известно, что эти двое тесно общались с семьей Ивана Николаевича Сахарова, который опекал своих племянников в годы их учения. Борис был репрессирован в 1937 г. и погиб в лагере в 1942 г. Из семерых детей Надежды Николаевны сейчас живы две дочери — Лидия Михай-

ловна, которой в 1989 г. исполнилось 92 года, и Валентина Михайловна, родившаяся в 1905 г. Обе живут в г. Горьком.

Надежда Николаевна Райковская — типичнейший представитель русской демократической интеллигенции. Была она исключительно светлым человеком — чутким и добрым, с широким кругозором и ясным умом, очень деликатным, лишенным всяческого тщеславия и меркантильных интересов. Жила она после революции тяжело и трудно — не только материально, но и морально, поскольку глубоко понимала, правильно оценивала и переживала все происходящее в стране. В конце жизни она почти полностью потеряла зрение, не могла читать, много и с интересом слушала радио. Она сохранила прекрасную свою память до конца дней. Запомнилось, например, как, будучи уже почти слепой, она не рассказывала, а практически читала нам наизусть «Вечера на хуторе близ Диканьки». Мы помним ее как удивительно добрую, даже кроткую и мудрую старушку — без тени старческой раздражительности, всегда находившую повод для радостного восприятия и явлений природы, и незначительных событий повседневной жизни.

Публикуемые ниже записки Н.Н.Райковской мы получили от нашей покойной мамы, Евгении Михайловны Райковской. К сожалению, это все, что Надежда Николаевна успела написать до своей смерти 16 февраля 1950 года.

Е.Р.Гагинская, А.Р.Гагинская.

Сейчас я — очень старый человек, мне 83 года — это много. Полной дряхлости, когда человек превращается в развалину и ничего, кроме жалости, в других людях не возбуждает, еще нет — но приближение ее грозно чувствуется: ушли здоровье и сила, ослабели зрение, слух, ушла радость жизни, ослабел интерес к ней, восприимчивость ее явлений, энергия, настойчивость. Но память на прошлое у меня еще сильна и свежа, и, пока еще она не ушла и не порвалась окончательно связь с дорогим прошлым, хочу записать, что сумею. Я не настоящая писательница, но писать в жизни мне пришлось довольно много, и получилась привычка к перу, и знаю, что мысль, когда пишешь, уточняется, не распыля-

ется зря. Может быть, и сама еще перечитаю когда-нибудь, если будут хорошие очки, может быть, и внуки прочтут когда-нибудь — что там такое писала наша старушка о прошлых временах. Плана у меня нет, буду записывать то, что вспомню. Память у меня еще свежа, и времени свободного — хоть отбавляй. Особой значительности в моих записках не будет — я ведь всю жизнь была «простым средним человеком» и жила среди таких же простых людей, их наблюдала.

Родилась я и провела первые годы, лет до 6—8, в с. Выездном, около Арзамаса, там мой отец был священником. Село было расположено на речке Теше, извилистой, в этом месте делившейся на несколько мелких рукавов. Была она на выезде из Арзамаса, когда-то бойкого уездного городка, лежащего на пути из юга и богатой Украины на Москву. С развитием пароходства, с прокладкой железных дорог ушла и слава Арзамаса, городок опустел и захирел. Но Выездное все же стояло крепко. Население его, предприимчивое и энергичное, резко отличалось от городских мещан. Было в нем две церкви, несколько улиц, встречались каменные дома. В отличие от городских пустырей, заросших лопухами и крапивой, здесь каждый клочок земли был тщательно обработан. Энергичные вызовские, как выговаривалось, бабы носили в город малину и огурцы, брали на стирку белье. Насколько припоминаю, выездновские крестьяне были народ предприимчивый и трудовой. Мужчины башмачничали, помню, что они возделывали в большом количестве репчатый лук, который куда-то возили возами. Огородная земля у них была «как мак» разделана, у женщин и, главным образом, у девушек особый промысел: по зимам они вязали «вязенки» — шерстяные высокие туфли для нижегородской ярмарки. Вязенки эти шли в Азию — Персию, Бухару. Вывязывались они с красивыми узорами, иногда серебром и, должно быть, составляли предмет щегольства там, где их носили. Вязали они быстро, замысловатые узоры вывязывали, почти не глядя на спицы. Вязали днем и ночью. Заработок, понятно, был ничтожный — должно быть, копеек 13 в день в среднем. Понятно, что на них наживался кто-то другой. Впрочем, деньги были дороги, чуть ли ни 50 копеек стоил пуд хлеба. И девушка, отложившая себе на приданое 30—40 руб., считалась выгодной невестой. Говоря о выездновских девушках, не могу не вспомнить о существовании там оригинального обычая, о котором в других местах не приходилось

слышать. Замуж девушек выдавали нерано, лет двадцати — возраст, когда в других селах девушка уже считалась перестарком. Но у каждой девушки мог быть друг — холостой парень, с которым она дружила, гуляла на улице, в хороводе, сидела по вечерам на завалинке или стояла, перешептываясь у забора. Парень ходил в дом и держался там, как свой. Оставались ли эти отношения в пределах дружбы, были ли исключения, не знаю, но не думается — нравы в селе были строгие, бабы, особенно пожилые, чинные и наблюдательные. Но заканчивались эти отношения далеко не всегда свадьбой. Родители, суровые и расчетливые, как везде, распоряжались судьбою девушки по-своему. Особых протестов, должно быть, не было. Помню, как после переезда нашей семьи в Арзамас молодая женщина Аннушка Левашова, которая по старой памяти ходила к нам в гости из Выездного, рассказывала двум подросткам — мне и моей сестре, как ее выдавали замуж. Во время сговора ее бывший дружок Ваня, с которым они «водились» три года перед тем, стоял у калитки и плакал. Об этом Ване она говорила с большой теплотой, но не протестовала против воли отца и вышла за состоятельного крестьянина. Рассказывала она об этом совсем равнодушно, быстро завязывая петли своей красивой работы, которую носила с собой, должно быть, повсюду. Очевидно, была она женщина, несмотря на свою молодость, стойкая и хозяйственная — крепкое хозяйство и достаток прежде всего — остальное неважно.

Заканчивая свои скудные воспоминания о Выездном, напишу еще о слышанных в детстве рассказах о старине этого села, как они мне запомнились. Говорили довольно глухо и темно, что выездновцы когда-то и кем-то были перевезены или сами переселились из каких-то дальних, чуть ли даже нерусских мест, и что поэтому-то они и отличались так резко от городских мещан и крестьян окрестных деревень внешним видом, энергией и смекалкой. Было ли это правдой, не знаю, но похоже на правду было. Другая, более позднего происхождения легенда была связана с развалинами большого каменного дома, стоявшего на окраине села. За домом была веселая березовая роща, а в роще глубокий пруд, узкий и длинный. Роща эта у местных крестьян называлась Утешная, в ней происходили гуляния по праздникам, нарядные девицы водили хороводы. Пруд назывался Брехово. Вода его, по рассказам, отличалась мягкостью и особой мылкостью, в ней женщины

полоскали белье, которое будто бы получалось необычайно чистое и белое от этой воды. Рассказывали, что в старину, может быть, в петровское или елизаветинское времена, в каменном доме с его громадными подвалами жили жестокие и хищные владельцы села — помещики Салтыковы. Пользуясь выгодным положением на большой дороге, они с шайкой своих дворовых людей грабили и убивали проезжающих — времена были темные и бессудные: говорили, что кто-то, уже не так давно, распорядился спустить и вычистить пруд, на дне его, в тине, было много остатков спущенных туда экипажей и человеческих костей. Во время моего детства о роде Салтыковых ничего не было слышно. Вымерли ли они или куда-нибудь перевелись, не знаю. Из этого ли самого рода была известная помещица Салтычиха, неизвестно.

С Арзамасом Выездное соединялось длинным мостом, под которым протекала Теша, делившаяся тут на несколько рукавов. Мост этот длиною, должно быть, около километра, представлял из себя очень солидное сооружение и был, конечно, построен в старинные привольные времена процветания города и села, и легко можно было себе представить, как на нем днем и ночью скакали помещичьи тройки, ехали возы с купеческим товаром на Какарьевскую ярмарку и в Москву, тянулись с юга обозы с Украины с соленой рыбой, шерстью, мукой. Совершенно не знаю, что с этим мостом теперь, но во времена моего детства он выглядел уже старым, и были в нем коварные места, при переходе через которые отец всегда брал меня на руки. Под широким мостом всегда было темно и сыро, мы, дети, боялись туда забегать, когда играли на веселом лугу рядом. Уверяли, что там находили когда-то трупы убитых. Помню, что было много разговоров по поводу найденного там мешка с разрезанным на части трупом молодой еврейки, недавно крещенной в городском соборе при большом стечении городской публики. Говорили, что еврейку убили за измену единоверцы, но, конечно, это не могло быть правдой, потому что евреев в городе было наперечет несколько человек — и все мирные семейные люди. Вернее, тут был какой-нибудь роман.

Арзамас со своим множеством церквей и садов, с бульваром и большим красивым собором над рекой стоял на правом берегу неширокой Тешы, а по левому берегу тогда на километры тянулось громадное, почти непроходимое болото, так называемое Широкое. После, с проведением железной дороги к Арзамасу, оно

было, говорят, уничтожено. Тогда это были поразительно глухие и дикие места. На нем, по рассказам братьев, было много плавучих, зыбких островков, заросших кустарником и осокой. Они разделялись между собой глубокими протоками, по которым только очень опытный охотник мог пробраться на лодке. На Широкое водилось множество болотной птицы, по ночам там «бухала» громадная цапля вынь, которая устраивала свои гнезда в самых неприступных местах. По ночам ее мерные крики «бу... бу... бу...» неслись далеко по окрестностям и были слышны за городом на горе. Говорили, что Широкое доступно только в самое жаркое время и то не всегда; тогда крестьяне косили там осоку. Помню, было мне лет пять, когда принесли нам на двор птенца выпи. Они (косцы) наткнулись на гнездо, когда была в нем только самка с двумя птенцами, и это было счастье, потому что от двух взрослых птиц им пришлось бы плохо. Им пришлось и от одной самки отбиваться косами. Когда она улетела, оказалось, что один выпенок был нечаянно убит в этой свалке, другого взяли, еще без перьев, большая голова и длинные тонкие ноги. Несоразмерное по этим ногам туловище было, как у крупной утки или у небольшого величиной гуся. Его привязали около пруда в саду, пробовали кормить и лягушками и червяками. Но он ничего не ел и на другой день издох.

Наша семья жила на Поповке. Так называлась небольшая слободка, где жили исключительно духовные и их семьи, была Поповка отделена от села другим мостом, перекинутым через рукав Тешы, соединявшимся с рекой где-то дальше, ниже по течению. Была одна узкая небольшая улочка, затерявшаяся в лугах. Стояло на ней всего, должно быть, пять-шесть небольших домиков, в которых жили два священника с семьями, дьякон, дьячки, церковный сторож. Жили две семьи умерших здесь священников. У всех домов были сады, на «задах» протекала Теша, а другой стороной улица примыкала к обширному лугу, за которым были главная река и Арзамас на горе. Дальше луг переходит в то самое Широкое болото, о котором говорилось раньше.

Это был, собственно говоря, островок, отделенный от города и села двумя мостами, живший своей особой, своеобразной жизнью. Весной, в разлив реки, Поповка на несколько дней заливалась водой, так что по улице катались на лодке, впрочем, должно быть, это было только в большое половодье, не каждый год. Единственный довольно большой двухэтажный дом принадлежал

дьячку Алексею Андреевичу Грацианову, человеку предприимчивому и деловому. Он завел красильню, в которую бабы окрестные приносили синить холсты, арендовал у города сенокос по Теше, вообще жил какой-то особой деловой жизнью. Был он всегда серьезен и молчалив. Мужики села говорили про него, что он на три аршина сквозь землю видит. У него была большая семья, детей он отвозил учиться в Нижний, потом они уезжали учиться в университет в Москву, в Казань. Трое из его сыновей стали потом врачами, четвертый где-то учителем гимназии. Все они вышли в отца серьезными и деловыми. Старший — Николай Алексеевич — работал потом санитарным врачом в Нижнем и оставил по себе добрую память энергичной борьбой с «отцами» города в городской Думе за оздоровление города Нижнего.

Население Поповки припоминаю слабо. Состояло оно исключительно из духовных. Была там, помнится, старенькая вдовая Фаворская, жившая на самом краю Поповки, в старом, но довольно поместительном доме. Кажется, у нее были сыновья, которые где-то учились. Помню, было у нее хитренькое лицо в морщинах, пронзительные черные глаза с острым насмешливым взглядом и вкрадчивый голос. Кажется, ее специальностью было обсуждать поступки соседок и говорить им ласковым тоном язвительные вещи. Была там достопримечательность — слепая Настасья, женщина лет за сорок, которая в ясную погоду ходила по заросшей травой улице и не видя вязала чулок. Такой я себе ее и представляю. Жила она у кого-то из милости, ослепла с 14 лет по вине злой мачехи, которая послала ее, больную оспой, на ледник. Судя по этому, она была дочерью какого-то давно умершего дьячка или пономаря, потому что духовным высшего ранга запрещено было тогда, да и теперь, кажется, жениться во второй раз. Было там и местное страшилище — пьяница дьячок Ванька Тезавров, которого все боялись и сторонились. Пьяный, он ходил по слободке с диким ревом и угрозами. Рассказывали про него, что он страшно истязует свою жену, связывает ей косы и подвешивает к потолку, где она и висит. Кричит, пока не сбегутся соседи и не освободят ее. Он скоро исчез куда-то, видно, нашли способ от него избавиться. Этому самому Ваньке Тезаврову я обязана самым ужасным впечатлением своего раннего детства. Помню, что какая-то женщина — не мать моя, взяла меня на руки, чтобы показать мне его в открытое окно, когда он шел по улице во время своего буй-

ного пьяного припадка. Должно быть, я была еще очень мала, но и теперь, 80 лет спустя, вижу ясно громадную голову, красное пьяное лицо, дикие глаза и черные в скобку стриженные волосы на этой голове. Ни одного лица, виданного за длинную жизнь, не представляю себе так отчетливо. Помню, как я кричала и отмахивалась руками, а вбежавшая мать схватила меня на руки, точно это было вчера. Еще помню, жил там старый глухой церковный сторож Арсений, который для нас, детей, был особенно замечателен тем, что каждую ночь, ни на что не взирая, отправлялся через довольно-таки длинный и ветхий мост в село и, дергая веревочку, привязанную к большому колоколу, звонил 12 раз, возвещая полночь. Унылые протяжные звуки разносились по окрестностям.

С селом Поповка сообщалась редко, с городом еще реже. Отец несколько раз в день отправлялся в село, иногда и ночью. Его туда требовали к больному или умирающему. Помню еще, что к матери бегали с села крестьянские девочки учиться грамоте и письму — у нее была бесплатная школа. Вспоминаю также, как в последний день масленицы, в так называемое прощальное воскресенье, к отцу приходили степенные, принарядившиеся мужики с женами — к «батюшке» прощаться перед постом. Для них целый день кипел на столе самовар, они пили чай и чинно беседовали о своих нуждах и семейных делах. Потом они спокойно кланялись в ноги отцу, а молодой конфузливый священник смущенно благословлял их, после чего они удалялись с сознанием выполненного долга, оставляя непременно связки кренделей. Кренделей этих хватало очень надолго, были они душистые и вкусные, и мы, дети, их очень любили. Других воспоминаний о крестьянах у меня почти нет.

Теперь перехожу к своей родной семье. Прежде всего с любовью и глубоким уважением останавлиюсь на светлых образах своих отца и матери. Это были в полном смысле слова хорошие люди. Свою сознательную жизнь они начали в светлую эпоху шестидесятых годов, лучшее время царской России, и прожили свою долгую жизнь по ее заветам, скромно и просто, без заскока в сторону и отклонений, отнюдь не придавая особого значения своему труду и честному отношению к людям.

Отец начал свою духовную карьеру 19 лет. Уже после его смерти мы, дети, узнали от матери, что в ранней молодости он

хорошо рисовал и, может быть, если бы жизнь сложилась иначе, мог сделаться художником. При жизни его об этом никогда не упоминалось. Был он всю жизнь очень религиозен и, надо думать, принял свою судьбу спокойно и просто, как он все делал. В молодости он говорил простые красивые проповеди, и, помню, позже в городском соборе в Нижнем Новгороде собиралось много народу его слушать. В 80-х годах священникам были запрещены проповеди, кроме официальных, и они замолчали, и это было очень жаль. Впрочем, духовенство, особенно сельское, стало мельчать. Таких искренних, стоявших выше жизненной суеты, каким стоит в моих воспоминаниях мой отец, я что-то потом не встречала. Особенно неприятна была молодежь, с которой приходилось встречаться в конце столетия и перед революцией. Кажется, главной целью их жизни были водка и сборы с крестьян. Отец не преувеличивал своей религиозности, ханжества в нем не было и в помине, и он всегда осуждал его, но к нему ходили говорить о религии и жизни многие люди до конца его дней. У него была, не знаю, как и когда он ее получил, карточка известного когда-то адвоката Плевако с надписью на обороте: «Духовному отцу и советнику». К нему ходила поговорить Анна Николаевна Шмит, талантливая корреспондентка местных и столичных газет, имя ее отмечено в энциклопедическом словаре. Говорили они наедине, о чем, не знаю, но, думаю, также о религии. Отец любил садоводство, сам добился в нем в бытность свою в Арзамасе значительных успехов, когда-то переписывался с Мичуриным о каких-то вишнях. Он был и оставался до конца дней своих очень добродушным и скромным человеком. В его молитвеннике, который он всегда носил с собой везде в кармане, была надпись на первой странице: «Никого не оскорбляй». Как я понимаю, это значило: не делай никому скорби, горя. Таким он был и таким оставался в памяти знавших его. Не помню, чтобы он много читал, скорее, как говорится, «почитывал». О политике он говорил обычно мало. Ретроградом не был. Помню, нам, уже подросткам, с мастерством и сочувствием читал «Письма к тетеньке» Салтыкова-Щедрина в «Отечественных записках», и как он был огорчен и возмущен, когда журнал этот в 1884 году закрыло правительство. Любил он Лескова и его «Соборян». В «Анне Карениной» особенно высоко ставил тип Левина. Но вообще Толстого не особенно любил за его толкование религии и опрощение. Кажется мне, он считал все это: и непротивление злу,

богоискание, отщепенство от церкви и потому и шитье обуви просто блажью и объяснял гордостью. Сам он был простой и предпочитал простоту.

Он и умер так же спокойно и просто в 1911 году, не причиняя никому хлопот и беспокойства, как жил. Лег спать в обычное время, правда, перед тем несколько прихворнул, но не жаловался ни на что. Перед утром поговорил с больной старушкой, своей женой, спросил ее о здоровье и на ее такой же вопрос сказал, что чувствует себя хорошо, потом опять заснул и не проснулся больше. Так и нашли его близкие, как будто спокойно спящим. Но хоронили его удивительно и как-то особенно хорошо. У него, этого немудрого старика, было много духовных детей: за несколько лет перед тем Нижегородское городское и пригородное духовенство выбрало его духовником. В это время он уже оставил духовную службу, исповедоваться к нему ходили духовные и семейные их на дом, в маленькую квартирку. Хоронило его небывало много священников, дьяконов, причетников. Они составили прекрасный хор из лучших голосов, и голоса эти звучали удивительно торжественно, ликующе. Священников хоронят по-особому «чину», и в чтении, и в пении все время повторяется: «Аллилуйя», т.е. «Хвалите Бога». И это «Хвалите» звучало так искренне, так радостно, что даже в мою душу, тогда убежденно атеистическую, прокралось какое-то ощущение вечности и вечной любви, и радости, и правды. И казалось тогда, что почти уже отвергнутое жизнью, многими и многими презираемое сословие вдруг нашло себя и поверило в себя, провожая своего старшего члена в царство истины и любви, которое он проповедовал, и искренне чувствовали, что он входит в обитель вечной истины и любви.

За всю свою жизнь я не встречала, кажется, более согласной и дружной пары, чем мои отец и мать, которые почти 60 лет прожили вместе, никогда не ссорясь. И все же они были совсем разные люди, удивительно дополнявшие друг друга. Он — мягкий, добродушный мечтатель, идеалист, любил цветы и деревья, любил свой труд и людей и никогда не говорил о них дурно, в практической жизни он был большой ребенок и терялся. Мать была женщина твердая, решительная, энергичная: она, в сущности, направляла и вела семейную жизнь. И она умела делать в глазах людей так, что первым лицом оставался ее мягкий, добродушный муж. Его знали и ценили, она оставалась в тени и никогда не ду-

мала об этом. Всю свою энергию, весь свой большой ум она устремила на то, чтобы дать образование детям, вырвать их из мелкой и душной среды сельского священства. И она успела в этом.

Нас, детей, было 10 человек, средства у семьи были ничтожные. И все-таки ни один из детей не сделался сельским батюшкой, обреченным считать доходы с крестьян, да скрашивать водочкой глухую захолустную жизнь, ни одна из дочерей не сделалась сельской попадьею. Все получили образование и с разными, конечно, результатами, но ушли в широкую жизнь. Из семьи вышли два врача, один юрист с крупным именем*, один актер с недюжинным дарованием. Один брат, беспокойная душа и неудачник, исколесил страну в качестве земского статистика и агронома, но по рутинному, легкому пути не пошел ни один, и это было, конечно, следствием ее свободного широкого взгляда на жизнь и людей. Отец был во всем согласен с ней, но самостоятельно он бы не провел этой линии так отчетливо и твердо.

Жизнь моей матери до замужества — не совсем обычная для будущей сельской «матушки». Отец ее был учитель языка в духовном училище Арзамаса. Он рано лишился жены и с годовалой дочкой перевелся в Выездное село к своему отцу, одинокому старому священнику. Здесь в обществе двух мужчин и росла девочка. Дед был добродушный старичок, отец — нелюдим, оригинал, мало говоривший с людьми, живший совершенно по-своему, не как все. Жила она на полной свободе в той же самой Поповке, которую я описывала раньше, бегала с ребятами, лазала по деревьям и крышам беспрепятственно, разрывая при этом свои платья. У отца был оригинальный способ воспитывать в ребенке волю. Иной раз он говорил ей: «Простой час под дождиком, новое платье получишь», — и девочка простаивала час, а потом, получив новое платье, бегая с дворовой собакой, давала ей разорвать это платье чуть не в клочья, за что ее никто не бранил: женщин в доме, кроме старушки-кухарки, не было. Отец рано начал учить свою Лесу. Было это в 40-х годах прошлого столетия, женских школ, конечно, и в Арзамасе не было, да и едва ли этот своеобразный человек отдал бы ее в школу. К тому времени, когда ей исполнилось пять лет, он уже бросил духовную школу и перешел

* Иван Николаевич Сахаров — дед Андрея Дмитриевича. — Н.Р.

служить в какое-то уездное присутствие, ходил для этого в город через луг и мост. Девочку, которая уже умела читать и писать, он сажал на плечо и нес с собою. На службе его у нее имелся свой уголок, ей давалась бумага и карандаш и задавался урок. Должно быть, он много вообще занимался с ней, учил географии и истории, даже выучил читать по-латыни и по-французски, но школьного образования она не получила. Так и жила она с отцом и дедом лет до двенадцати—четырнадцати, когда отец женился вторично и перешел жить в Арзамас.

Здесь я должна остановиться и сказать несколько слов об оригинальной личности моего деда Алексея Петровича Терновского. Это был очень своеобразный тип. Впоследствии мне его живо напоминал Однотум Лескова. Был он человек-одиночка: молчаливый, угрюмый и непокладистый. Был он коренастый, широкоплечий, всегда серьезный. Ходил в старом одном сюртуке и в высоких сапогах. Нас, детей, он, кажется, совсем не замечал. Я, наверное, не слышала от него десятка слов, да и то едва ли. Помню из самого раннего детства, как он иногда приходил к нам из города ночевать с толстой греческой книгой под мышкой и стеариновой свечкой в кармане. Стеариновая свечка стоила 5 копеек, т.е. вдвое дороже сальной, которыми всегда пользовалась наша семья, горела она ярче и не оплывала и вообще была редкостью в наших детских глазах. Получив для свечи шандал, он забирался в пустой кухне на печку и всю ночь читал свою греческую книгу, рано утром молчаливо уходил. Почему он бросил учительскую карьеру — не знаю. Потом он служил, кажется, в суде, заводил какие-то огороды, где работал один, угрюмый, с утра до вечера (думаю, что без выгоды, потому что его новая семья всегда очень бедствовала). Кончил он жизнь писцом у нотариуса, своего старшего сына, который рано начал зарабатывать, потом сдал экзамены на нотариуса, женился на купеческой дочери и стал помогать семье. А дед мой жил где-то в задней комнате все так же молчаливо и угрюмо. Он и со своими детьми мало говорил, своими мыслями не делился. Иногда он пропадал на несколько дней, оказывается, ходил пешком за 120 верст в Нижний посмотреть на разлив Волги. Пришел, посидел на откосе, съел купленный калач, потом соснул на весеннем солнышке и отправился по весеннему распутью обратно в Арзамас. А то сходит за 70—80 верст в ка-

кую-то пустынь, т.е. отдаленный заброшенный монастырь, поговорить с каким-то «старцем».

Моей матери было лет 12—14, когда этот совершенно своеобразный, ни в какие рамки не укладывающийся человек, вздумал жениться вторично. Как и при каких обстоятельствах это произошло, я даже представить себе не могу, и это было для меня всегда загадкой. Жена его, бабушка Александра Ивановна, была очень добрая, милая и очень молчаливая женщина, которой всегда помыкали ее собственные дочери. Красотой она никогда, вероятно, не отличалась. Может быть, их соединяла ее необыкновенная доброта: она не могла оставить без помощи даже больного котенка. После ее смерти оказалось, что она потихоньку обшивала ребят у бедных соседок, хотя сама всегда жила в страшной нужде. Образования она никакого не имела и даже едва ли, думаю, умела читать. Была она дочерью какого-то военного офицера, выслужившегося из крестьян. Родом бабушка была из Тамбова. При ней была мать — бойкая и озорная «военная дама». Вокруг этих двух женщин быстро разрослась вторая семья деда, чисто мещанского типа, вечно бедствовавшая и с претензиями на дворянство. В доме всегда царило крикливое недовольство, дед держался в стороне, был почти невидимкой даже для своих детей. Был ли он религиозен, не знаю. В церковь он ходил часто и следил за службой по своей книжке, но не терпел священников и не признавал таинств. Он перед смертью пролежал два года в параличе, почти без языка, в полном сознании и, несмотря на мольбы и слезы жены, не захотел видеть священника, хотя часто заставлял себе читать Евангелие мою сестру Лиду, простодушную девочку, которую почему-то звал «Филиппушка». Я уже говорила, что не слыхала от своего деда более десяти слов. А сказаны эти десять слов были при таком случае. Было мне, должно быть, лет 16, я пришла зачем-то к теткам и к своему ужасу оказалась наедине с дедом. Он строго велел мне рассказать ему ту главу Евангелия, где Христос изгнанием нечистых духов из бесноватого заставил их войти в свиное стадо, которое бросилось в море. Я, конечно, не сумела ни истолковать притчу, ни даже вспомнить ее хорошенько. Старик неодобрительно покачал головой и молча отошел, а я поскорее убежала домой.

Моя мать девочкой оказалась в распоряжении тещи отца, этой бойкой и крикливой военной дамы из Тамбова. Ей пришлось

и стирать, и печь хлеба, и нянчиться с ребятишками, которые не замедлили начать появляться на свет. Иногда ее выручал отец. Он молча уводил ее на свои огороды где-то за городом, там она полола и поливала, там отец рассказывал и объяснял исторические события, так что ее жизнь и тут текла путем оригинальным.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая жизнь моей матери, если бы не произошло событие, круто все повернувшее. В глухую осеннюю ночь 1856 г. умер дед матери — старик-священник. Он погиб геройской смертью, этот бедный веселый и добродушный старичок. Осень была дождливая. Тихая речонка Теша переполнилась водой и бушевала. В два часа ночи через мост, отделявший село от Поповки, прибежал к «батюшке» человек из села: кто-то умирал, звал священника. Старик захватил запасные дары и отправился вслед за вожатым. Ночь была темна, шел дождь, дул сильный ветер. На мосту мой прадед поскользнулся, в темноте не смог удержаться, упал за перила и утонул. Спасать, конечно, не было возможности.

По обычаю, всегда и, кажется, до самого последнего времени, ведемся у духовных, если у умершего священника оставалась бывшая на его иждивении незамужняя дочь или сестра, приход зачислялся за ней. Ей представлялось выбирать себе мужа из кончавших семинаристов. «Дело» обыкновенно сварганивалось очень быстро: приход не мог долго оставаться без церковной службы. Вероятно, не сосчитать, сколько семейных неурядиц и загубленных жизней получалось в результате. Тотчас же после трагической кончины деда какие-то родственники начали хлопотать, чтобы приход остался за Лесой. Поехали немедленно в консисторию, тотчас же стали являться женихи — приход считался завидным: под самым городом, не в глуши. Выездное было не бедное село.

Между претендентами был и мой 19-летний отец, в этом году кончавший семинарию и живший у своего отца, арзамасского священника. С невестой они никогда не видали раньше друг друга. Мать вспоминала после, как в угаре этих счастливых дней кто-то спросил: «Сахаров тебе не противен?» Что ответила на этот вопрос семнадцатилетняя девочка — не знаю, но дело было решено. Думается мне, что только исключительно счастливой случайности можно приписать успех этого рискованного дела. Отец и мать мои прожили жизнь до глубокой старости дружно. Как я уже

говорила, по характерам своим они прекрасно дополняли друг друга.

Свадьба была слажена, как всегда в таких случаях, поразительно быстро в несколько дней, потом молодые ездили в Нижний, где отца рукоположил архиерей. После этого поселились в Выездном, где и прожили лет 16 или около этого. Молодой паре пришлось попасть в довольно-таки сложную и ответственную обстановку: для него — служба в большом подгородном селе с придирчивым и требовательным населением, для нее — домашнее хозяйство и дети. Было два сада, огород, скотина на дворе. Он, по воспоминаниям знавших, был высокий застенчивый попик в непривычном длинном одеянии, она — очень хорошенькая — о ее красоте в молодости я часто слышала после — веселая, решительная девочка.

Через год родился ребенок, потом пошли дети, семья росла. И в то же время вокруг молодой пары образовывался свой кружок: учителя из города, приезжали молодые священники из ближних сел, устраивались чтения, передавались из рук в руки интересные книги. Шли шестидесятые годы, новый ветер веял везде и над далекой провинцией. Шестидесятые годы XIX столетия — как трогательно звучали эти слова для многих людей долго после. Это была заря новой жизни. В педагогике — бодрое, свежее настроение Ушинского, Вахтерова. Заучивались стихи Некрасова, читались в кружках статьи Добролюбова, Писарева, Чернышевского.

Часто думала я, получившая хотя и не особенно большое, но все же систематическое школьное образование: как могло случиться, что из девочки-сироты, предоставленной во время детства исключительно самой себе, потом из деревенской матушки, связанной хозяйством и многочисленной семьей, могла развиться и вырасти чутко отзывавшаяся на вопросы современности, начитанная женщина. Она знала и русскую, и иностранную литературу, хорошо знала историю, прочла когда-то Бокля, знала о Дарвине, читала русские журналы. Помню, как удивилась я, приезжая на каникулы из средней школы, ее знаниям по истории, географии и естествознанию, куда превышавшим мои жалкие обрывки. Она же направляла меня читать Белинского, «Темное царство» Добролюбова, Писарева — его она очень любила. Она и потом не отстала от века, и когда она уже под старость бывала в Москве в гостях у

моего брата Ивана, довольно известного юриста и общественного деятеля, с ней с интересом любили побеседовать образованные и передовые люди. Нахожу одно объяснение — это была женщина-самородок. Россия ведь всегда была богата людьми исключительно одаренными; выраставшими совершенно неожиданно в самой, казалось бы, замкнутой и неподходящей среде.

Что было всего удивительнее в матери — она совершенно не кичилась своими знаниями и развитием, не отделяла себя от среды, в которой жила. Она неплохо вела хозяйство, дети заброшены не были. Больших достатков не было, но и бедности, голодной и оборванной, мы не знали.

Не знаю, от кого моя мать получила тонкое художественное чутье и изящный вкус, и разбор в поэтических произведениях, или они пришли к ней сами собой, но она обладала ими в высокой степени. Она любила Лермонтова — многое знала наизусть. Любила Фета с его заразительной жизнерадостностью и чуткой отзывчивостью, очень любила Никитина, особенно его «Звезды меркнут и гаснут», знала много стихов Пушкина, Тютчева, Полонского.

Свой чуткий художественный вкус она, не похваляясь скажу, передала и нам. Но для нас, детей, было нетрудно уже выбирать и запоминать хорошие стихи и литературные произведения: в наше время нами и нашими вкусами уже руководили и прекрасные хрестоматии, и школа, шедшая тогда по традиции Ушинского и других, а вот как могла развить в себе этот вкус и чуткость одинокая девочка, росшая в обществе чудаковатого отца, — не знаю. Знаю только, что ничего пошлого, легковесного не было в том поэтическом запасе, который она передала нам в раннем нашем детстве. Еще должна сказать здесь, что и отец, и мать оставили семье правила и пример строгой внутренней честности. Семья выросла большая — нас выросло 10 человек, были существования удачные и неудачные, но нечестных людей, живущих обманом и притеснением других, — не было. Это я знаю.

Возвращаюсь снова к благородному, прекрасному и простому образу своей матери. Это была, говорю с уверенностью, лучшая из всех женщин, которых я встречала на своем долгом жизненном пути. Но как бы удивилась она, если бы я или кто-нибудь другой сказал ей что-либо подобное. Она, несомненно, и не знала, что жизнь ее до глубокой старости была постоянным трудо-

вым подвигом: она просто и серьезно несла свою долю общей женской работы, вот и все. Не помню, чтобы она была недовольна жизнью, обижалась за что-то на нее, жаловалась. С ней легко жилось. Может быть, у нее и были в душе тревоги и тяжелые переживания, но она умела молчать.

Несомненно, у матери была поэтическая натура, живая и восприимчивая. Она знала множество старинных песен, много сказок, пословиц, прибауток. У нее был хороший голос и большая музыкальная память, унаследованная, должно быть, от деда по матери, бывшего, по слышанным ею в детстве рассказам, регентом в Петербурге в капелле, — должно быть, это было еще в начале XIX столетия или даже раньше. Она пела много детских песенок, народных песен с прекрасными старинными напевами. Некоторые из песен, слышанных от нее в детстве, слышала я в недавнее время по радио, и песни эти были все хорошие, поэтические: «Силен туман при долине», «Подуй, подуй, погодушка, с высоких гор», «Ох вы, ночки темные, ночки темные, осенние», «Не одна во поле дороженька пролегала». И мотивы были те же, и содержание, хотя все-таки радио передает их зачастую в сокращенном виде, и это у них многое отнимает.

Был у матери талант передавать сценки из народной жизни, она переняла его от своей бабушки Татьяны Степановны, которая, обычная сельская вдовая попадья, много выдавшая, много ходившая пешком, была, должно быть, личностью оригинальной и талантливой. Припоминаю одну такую характерную сценку, кажется, также полученную в наследство от моей прабабушки Татьяны Степановны. Дело происходит в глухом углу Нижегородской губернии. Большое село, растянувшееся длинной улицей. По самой середине, на половине пути от одного края до другого, стоит дом священника, из которого и производились наблюдения. Местный говор — тягучий, с цавоканьем и сильным ударением на «о». Медлительная речь пересыпается присловием «бат». Каждый вечер у дома священника стоят две бабы, мать и недавно выданная замуж дочь. Они живут на разных концах села. Каждый вечер одно и то же: молодуха идет к матери в гости, потом та ее провожает, у дома священника делается остановка. Они долго говорят между собой, потом решаются расстаться. Дочь уходит, через несколько времени мать ее окликает: «Доценька.» — «Цаво, мамынька?» — возвращается молодая баба. «Ты, бат, мотрай,

сарафан носить золовке не давай, он у тебя столовый (данный в приданое на стол — особенно ценная вещь).» — «Не дам, мамынька». Дочь снова уходит, но неподвижно стоящая мать снова окликает ее: «Доценька.» — «Цаво, мамынька?» — возвращается та. «Ты, бат, у меня мотряй, коты носить невестке не давай: они у тебя сто-о-ловые.» — «Не дам, мамынька». Они снова расходятся, но теперь уже дочь возвращает мать: «Мамынька, а мамынька.» — «Цаво, доценька?» — «Мамынька, я завтра приду.» — «Приходи, доценька, приходи, родная, у нас ведь хоть рожаненькие да горяченькие.» Казалось, так и видишь все: и улицу в сумерках, и двух баб в лаптях с обмотанными онучами ногами и повязкой с «рогами» на головах. В раннем детстве я еще видела эти «рога», но и тогда их носили только в глухих местах: в сложенный надвое платок над лицом вкладывалась деревянная палочка, отчего укутанная платком голова казалась очень большой.

Выездновский период тянулся лет 15—16, был, кажется мне, лучшим в жизни нашей семьи. То же я слышала и от старших братьев. Встают в воспоминаниях широкая улица, заросшая мелкой травой, на которой играли мы, дети, и гумно на задах, прежде у «попов» был, очевидно, особый клин земли — я этого уже не помню — и общий сенокос на «поповском» лугу. Когда нам, ребятишкам, давались маленькие грабли, и мы целый летний день шевелили сено, а главное, валялись в нем и чувствовали себя настоящими работниками. Вспоминается тихая речка, перекинутый неширокий через нее мост — не тот длинный, о котором я писала раньше, а тот мост, по которому с Поповки ходили в село. С моста по краям день-деньской мальчишки удили рыбу. Помню, как вечером братишки весело тащили маленькое ведерко, в котором была добыча: несколько плотвичек или головлей, после чего они устраивали где-нибудь в огороде или на задах костер. Рыбу прямо пекли на большой сковороде, угощали и нас, сестренку. Печеная эта костистая рыбешка и по сию пору представляется мне необыкновенно вкусной. После я такой вкусной рыбы никогда не ела.

Вспоминаю длинные зимние вечера, в доме тепло и полутемно, горит сальная свеча в медном шандале, рядом лежат щипцы — снимать нагар. Помню и освещение лучиной, о которой теперь и вспоминать странно. Ясно помню — в кухне горит лучина, воткнутая в высоком светце, на полу под ней таз с водой, куда

падают угольки. Среди кухни пустая кадка, которая в воспоминаниях представляется мне неестественно высокой, — должно быть, сама я была очень мала. Над кадкой склонились отец, мать, бабушка Александра Ивановна и еще кто-то и щиплют в нее гусей: очевидно, с наступлением заморозков их кололи сразу несколько штук, чтобы не тратиться на корм. Помню сельских девочек, которые ходили по утрам из села к матери учиться, — их было, мне кажется, пять или шесть, около них выучилась читать четырех лет отроду и я. Учила их мать по «Родному слову» Ушинского, книжка, о которой многие, конечно, теперь не имеют понятия. Этой добровольной веселой школке я, к сожалению, обязана и первым сознательным горем своей детской жизни. Было это, должно быть, несколько позже, девчурки вздумали выучить меня и писать, мне разлиновали бумагу и засадили меня писать палочки. И ничего у меня не выходило из этой попытки, палочки получались кривые, неровные, разлинованный листок оказывался в чернильных пятнах, как и мои руки и лицо. Пришлось бросить. Помнится, в арзамасскую школу я пришла на восьмом году, уже умея писать, но как это потом произошло, не помню, должно быть, выучили меня мать или братья. Впрочем, сказать правду, и в школе письмо было для меня слабым местом, а воспоминание об ужасных кривых палочках и залитой чернилами бумаге осталось на всю жизнь.

Освещение сальными свечами и лучиной сменилось потом керосиновым. Было мне, должно быть, лет 5, когда отец привез однажды летом маленькую керосиновую лампочку. Помнится, на нее приходили смотреть и из села. Керосин тогда почему-то назывался фотогеном, и обращались с ним осторожно.

Помню еще и холеру. Ее занесли из Нижнего люди, ездившие туда на ярмарку. Жертв немного, в селе умерло несколько человек, но паника была. Отцу выпало немало бессонных ночей. На окне у нас долго стояла четвертная бутылка с водкой, настоянной на стручках красного перца, — перцовкой. По ночам в окно часто стучали, взывая к холерному священника. Отец поднимался, отливал в маленькую бутылку перцовки и шел с нею за реку в село лечить и утешать, а кстати, может быть, и прочесть отходную.

Кончая с первым периодом жизни нашей сахаровской семьи, я хочу сказать несколько слов для характеристики существовавших в ней отношений и воспитании, которое нам дали. В

ней совсем не было ханжества и преувеличения религиозности, часто и неприятно свойственных многим духовным семьям в прежнее время. Отец был искренен и глубоко религиозен всю жизнь, насколько религиозна была мать — не знаю, своей внутренней сущности она не раскрывала. Знаю только одно, что поэтическую сторону религии она глубоко чувствовала, любила Благовещенские и Пасхальные гимны, обряды религиозные выполняла, но без преувеличений. Детей не принуждали ходить в церковь и дома не заставляли заучивать молитв и намаливаться утром и вечером. Мы не подходили под благословение, не крестились на кресты церквей. И тем не менее начало своей жизни мы — я говорю о средней части семьи, с которой росли вместе я, брат Василий и сестра Лида, — были искренне религиозны: выстаивали по доброй воле длинные церковные службы, пели молитвы, молились потихоньку от других. О старших и младших себя не знаю. Мы ведь быстро расходились в разные стороны.

Мне жалко в этих записях расставаться с первым, выездновским, периодом моей жизни. С горячей любовью вспоминаю светлые образы отца и матери, молодых, веселых, не замученных еще жизненными заботами.

Судя по рассказам и воспоминаниям старших братьев и матери, я думаю, что выездновская пора была самой счастливой полосой в жизни нашей сахаровской семьи. Для меня лично она представляется светлой полосой зари в начале моей долгой жизни. Все приходило и уходило, сменяя одно на другое: горе и радости, сомнения и уверенность, тревоги и колебания, замещалось новыми впечатлениями, а вот светлая полоска на утре моего долгого-долгого и не всегда легкого дня стоит в памяти радостно и отчетливо. Думается, и у других было так же.

17 февраля 1949 г.

*Материал без каких-либо изъятий перепечатан из журнала
«Физика в школе», № 3, 1989 год*

4 марта 1989 г. исполнилось 100 лет со дня рождения одного из основоположников советской методики преподавания физики, замечательного педагога Дмитрия Ивановича Сахарова.

Д.И.Сахаров принадлежал к физикам-методистам, начавшим свою деятельность еще до Октябрьской революции. Он был младшим современником основателей русской и советской методики преподавания физики — школьных учителей, затем профессоров — Н.В.Кашина, И.И.Соколова, Д.Д.Галанина, П.А.Знаменского. Творчество Д.И.Сахарова полностью развернулось в советские годы и оказало значительное влияние на преподавание физики во всех типах учебных заведений и на развитие советской методики обучения физике.

Дмитрий Иванович родился в 1889 г. в семье адвоката, рос в атмосфере высокой культуры и уважения к труду. Окончив гимназию, он поступил на физико-математический факультет Московского университета, где слушал лекции Н.Е.Жуковского, Н.А.Умова, П.Н.Лебедева и других выдающихся ученых и педагогов. От них Дмитрий Иванович воспринял глубокий интерес к физике и вопросам ее преподавания. Научные и методические идеи этих корифеев русской науки оказали определяющее влияние не только на выбор Дмитрием Ивановичем направления своей профессиональной деятельности, но и на весь его образ мышления, жизненную практику как в чисто научном, так и в нравственно-этическом аспекте. По окончании университета Д.И.Сахаров преподавал в московских гимназиях (1912—1918) и совершенствовал свое мастерство в группе учителей, объединившихся под руководством профессора Н.В.Кашина в Шелапутинском институте, который стал прообразом современных институтов повышения квалификации учителей.

Великая Октябрьская социалистическая революция поставила перед школой и учителями новые, большие задачи. Для Дмитрия Ивановича не было проблемы в отношении к революци-

онным преобразованиям в стране. С первых лет Советской власти он активно включается в преподавательскую деятельность на рабочих факультетах, в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова и в Промакадемии, где готовились кадры советской интеллигенции.

Результатом поиска свежих методических подходов стала вышедшая в 1926 г. под редакцией И.И.Соколова «Рабочая книга по физике». Выпуск ее положил начало целой серии учебников по физике для рабфаков и общеобразовательной школы. В 1930 г. Д.И.Сахаров, увлеченный идеей создания доступного для широких масс учебника физики, издал свой вариант «Рабочей книги по физике» для вечерних рабочих факультетов. Эта книга выдержала несколько изданий.

В то же время Дмитрий Иванович пишет много научно-популярных книг: «Борьба за свет», «В помощь тем, кто плохо понимает электричество», «Теплота в природе и технике», «Электрическая лампочка и физические опыты с нею» и др. Будучи прекрасным популяризатором, он стал одним из создателей научно-популярных книг по физике, так необходимых в те годы, когда к знаниям потянулись миллионы советских людей. Многие из этих его книг сохранили свою ценность до нашего времени.

В начале 30-х гг. Дмитрий Иванович стал преподавать в Педагогическом институте им. А.Бубнова (ныне Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина), где работал более двадцати лет. Последние годы жизни он преподавал в Московском областном педагогическом институте им. Н.К.Крупской. Приходилось ему работать и в технических вузах, но эта деятельность менее удовлетворяла Дмитрия Ивановича. Педагог-энтузиаст, он очень любил занятия именно со студентами педагогического института, где ведется интенсивная методическая работа и где происходит процесс формирования личности учителя-физика.

В педагогическом институте Д.И.Сахаров руководил занятиями по физике и методике преподавания физики. Он мог удивительно просто и ясно объяснить сложнейшие физические вопросы, умел показать то или иное явление с новой, непривычной точки зрения, открывающей неожиданные стороны и связи с другими физическими явлениями, обладал способностью

видеть физику на каждом шагу и заставлял слушателей глубоко проникать в сущность явлений. Дмитрий Иванович старался, отбрасывая детали, только перегружающие вузовский курс физики, сосредоточить внимание студентов на важнейших вопросах и научить их пользоваться основными физическими законами.

Плодом этой стороны деятельности Д.И.Сахарова стал его широкоизвестный «Сборник задач по физике» для высших учебных заведений (выдержавший 12 изданий). Помещенные в этом пособии задачи отличаются глубиной постановки вопросов, заставляют студента проводить самостоятельное исследование и значительно расширяют его кругозор, в ряде случаев показывают неприемлемость трафаретного подхода к изучаемому явлению, заставляют задуматься над сложными физическими связями. Задачник Д.И.Сахарова оказал влияние на подготовку нескольких поколений преподавателей физики в нашей стране. Многие сборники задач по физике, появившиеся в последующие годы, созданы под явным влиянием этой превосходной книги Дмитрия Ивановича.

Будучи большим знатоком физического эксперимента, Д.И.Сахаров в преподавании методики физики стремился прежде всего к развитию у студентов экспериментальных навыков. Специфичность условий школьного физического кабинета заставляла, кроме того, учить студентов методам экспериментирования с использованием несложного оборудования. Дмитрий Иванович был признанным мастером такого эксперимента.

В творческом содружестве с известными педагогами-методистами Д.Д.Галаниным, С.Н.Жарковым, Е.Н.Горячкиным и А.В.Павшой он участвовал в создании шеститомной энциклопедии школьного физического эксперимента, вышедшей в 30-х гг. Эти книги, ставшие настольным руководством не только для учителей средней школы, но и для преподавателей вузов, способствовали заметному подъему качества преподавания физики. В первой советской книге по методике преподавания физики — курсе профессора И.И.Соколова — перу Дмитрия Ивановича принадлежат главы об оборудовании физических кабинетов и о физических приборах.

В трудные годы Великой Отечественной войны Д.И.Сахаров оставался в Москве и не порывал связи с институтом.

Несмотря на почтенный возраст, он вместе с молодежью дежурил во время воздушных вражеских налетов, помогал в работе по расчистке снега, заготовке дров и в холодных аудиториях вел занятия с немногими оставшимися в Москве студентами. Не прекращал он и творческой работы; в 1942 г. Д.И.Сахаров защитил кандидатскую диссертацию и вскоре был утвержден в ученом звании доцента.

Многолетняя работа в школах и вузах убедила Дмитрия Ивановича в том, что основным недостатком школьного преподавания физики является формализм в изложении ряда основных вопросов и отставание курса средней школы от новых достижений науки. Это отставание, нежелательное само по себе, отрицательно сказывалось и на изучении физики в вузе, где выпускникам средней школы часто приходилось переучиваться. Одним из шагов к преодолению этого недостатка было издание «Элементарного учебника физики», написанного коллективом советских ученых и вышедшего в 1948 г. под редакцией академика Г.С.Ландсберга; перу Дмитрия Ивановича принадлежала одна из труднейших в методическом отношении частей этой книги — «Теплота и молекулярная физика». Этот курс оказал большое влияние не только на школьные, но в известной степени и на вузовское преподавание; он переиздавался много раз. Без него трудно сейчас уже представить нашу школу, он оказал большое влияние на повышение научного уровня преподавания физики и очень полюбился учителям и интересующимся физикой ученикам.

Работая в педагогическом институте, Дмитрий Иванович продолжал интересоваться преподаванием физики в других учебных заведениях. В 1946 г. вышла его «Физика для педучилищ» (выдержавшая 4 издания), а в 1960 г. — «Физика для техникумов». Обе книги написаны в духе «Элементарного учебника физики» и в методическом отношении представляют большой интерес.

С 1953 г. и до последних дней жизни Д.И.Сахаров был членом редколлегии журнала «Физика в школе», в котором часто выступал по узловым методическим проблемам. Между прочим, заслугой Дмитрия Ивановича является устранение имевшейся в школьном курсе путаницы с вопросами о силах инерции, введение

в школьную физику понятия о внутренней энергии и совершенствование других центральных ее тем.

Д.И.Сахаров любил производить физические эксперименты в самых обычных условиях и часто озадачивал знакомых и учеников «будничными» физическими задачами и наблюдениями. На простом самодельном оборудовании он провел интересные наблюдения по преломлению и отражению поляризованного света, послужившие предметом его последней статьи в журнале «Успехи физических наук» (май 1961 г.). Приходится пожалеть, что многие другие работы Дмитрия Ивановича, в частности изучение остаточной электрической поляризации в жидких диэлектриках, так и остались неопубликованными.

Требовательный к себе, Д.И.Сахаров был требователен и к слушателям; он не прощал легкомыслия и верхоглядства, но мог часами разъяснять студенту трудный физический вопрос. Его спокойная, неторопливая речь, вежливость и исключительная скромность навсегда запомнились тем, кому пришлось работать с ним или учиться у него.

Человек высокой общей культуры, Дмитрий Иванович не был узким специалистом, для которого существовала одна физика. Он тонко чувствовал природу, много путешествовал, понимал и любил музыку, особенно Скрябина, Рахманинова, Прокофьева, в кругу друзей охотно исполнял произведения этих композиторов.

В последние годы жизни Дмитрий Иванович начал писать большой труд, посвященный методике изложения отдельных, наиболее трудных вопросов курса общей физики. К сожалению, эта интересная работа осталась незаконченной. 15 декабря 1961 г. Дмитрий Иванович скоропостижно скончался.

Прошло почти 30 лет. Но и сегодня образ этого замечательного человека, ученого жив в памяти тех, кто его знал, его учеников, а влияние работ Д.И.Сахарова на преподавание физики по-прежнему весьма значительно. Оно сохраняется и при современной коренной перестройке преподавания, так как идеи Дмитрия Ивановича связаны с фундаментальными вопросами развития методики преподавания физики.

Н.Е.Парфентьева,

Н.Н.Малов

(г. Москва, МГПИ им. В.И.Ленина)

**Своими воспоминаниями о Дмитрие Ивановиче Сахарове
делится его сын, А.Д.Сахаров**

В 20—30-е годы наша семья (папа, мама и двое сыновей) жила в Москве, в старом двухэтажном доме в тихом (тогда) Гранатном переулке в двух комнатах большой коммунальной квартиры, где, впрочем, многие жильцы были нашими родственниками. В большой комнате у нас располагались спальня и столовая, стояли школьные столики детей и огромный рояль, занимавший четверть комнаты. В малой — проходной — комнате помещался папин рабочий стол, полки с книгами и два шкафа, расположенные так, что между ними и папиным креслом оставался узкий проход и можно было пройти в спальню-столовую. Из маленькой комнаты топилась печь (в доме было дровяное отопление), выходящая лицевой стороной в большую комнату и расположенную рядом комнату бабушки.

Когда папа работал, мы старались пореже ходить мимо него. А работал он почти все время, с утра до позднего вечера, за вычетом нескольких ежедневных часов занятий в пединституте и получаса или часа, когда он играл на рояле пьесы своих любимых композиторов — Бетховена, Шуберта, Шопена, Грига, Скрябина, Римского-Корсакова. Я (по рассказам) подходил к нему и просил: «Сыграй мне про вальс». Вернее всего, это произошло один или несколько раз. Но папа действительно часто играл для нас — с увлечением и блеском. Он также любил поговорить о музыке и композиторах, но не строил себе иллюзий относительно музыкальных способностей своих детей — моего младшего брата и меня. Ни одного из нас не учили музыке, быть может, — зря.

Все книги моего отца написаны необыкновенно ясно и лаконично. Папа при этом вовсе не принадлежал к породе легко пишущих людей. Каждая фраза давалась ему с огромным трудом, многократно переписывалась от руки (машинки у нас не было) на отдельных листках и в черновых вариантах всей рукописи в целом. Только таким образом достигался удовлетворявший его уровень ясности, сжатости и логичности изложения. Я в детстве постоянно имел возможность наблюдать за его работой. Это, наверно, послужило для меня первым и очень важным уроком требовательности к самому себе и добросовестности.

Папа был одним из тех людей, к кому применимо выражение «Ни дня без строчки» — в буквальном и переносном смысле этих слов. Но он же как-то сказал мне: «Никогда не считай потерянным зря день, когда ты сделал что-либо для семьи, для близких.» В его жизни было очень много таких «непотерянных дней». Его широта и терпимость много помогали в смягчении тех внутренних трагедий, которые почти неизбежно возникают в каждой семье. Одной из любимых его поговорок было: «Жизнь прожить — не поле перейти». И еще: «Чувство меры есть высший дар богов». Он многим помог материально и морально. Его очень любили в семье.

Папа был моим первым учителем физики. В первом полугодии 1934 г. я не учился в школе, готовясь дома к экзаменам за шестой класс. Папа занимался тогда со мной физикой и математикой, со свойственной ему ясностью и простотой вводя меня в начала механики и тепловых явлений. Он несколько раз возил меня в пединститут, где я мог видеть в физпрактикуме много интереснейших для меня и эффектных опытов. Начиная с седьмого класса я сам делал опыты дома, пользуясь папиными советами и его книгами (в том числе замечательной, ставшей теперь библиографической редкостью книгой «Физические опыты с электрической лампочкой»). Но наибольшее значение имело непосредственное повседневное общение с папой, в котором наряду с житейскими и историческими темами, забавными стишками и анекдотами то и дело всплывали физические вопросы. Я, конечно, ловил и домысливал каждое слово.

В каком-то смысле папа хотел бы видеть во мне осуществление тех возможностей, которые он знал в себе и не реализовал полностью в силу житейских и личных обстоятельств: и он очень огорчился тем, что и меня судьба уводила в сторону от большой науки. Он сказал об этом при нашей последней встрече в больнице менее чем за неделю до смерти.

Выйдя на пенсию, папа вновь начал играть на рояле и, как в годы молодости, начал сочинять музыку. Он также делал дома физические опыты, используя простейшие средства и самодельные приспособления. Об одной из серий этих опытов он опубликовал статью в УФН. Его заинтересовала проблема механизма подачи воды в стволах деревьев, и он придумал эффектный опыт, дока-

зывающий, что направление движения соков никак не связано с направлением силы тяжести.

В октябре 1961 г. я приехал к родителям на дачу. Папа с гордостью показал мне сад, где в тот год удалось собрать большой урожай яблок. Каждое дерево было подготовлено им к зимовке. Вместе с папой мы поехали в Москву. Папа сказал: «Ты знаешь, я не чувствую никакого ослабления умственных сил». Ему оставалось жить два месяца.

17 января 1989 г.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ (История одного интервью)

Олег Мороз

В ноябре 1986 года Виталий Лазаревич Гинзбург написал нам в Горький, что «Литературная газета» хотела бы взять интервью у Андрея, и если Андрей согласен, то корреспондент газеты придет в ближайшие дни вместе с физиками теоротдела... Андрей Виталию Лазаревичу ответил, что он не будет давать никаких интервью «с петлей на шее» (вот и Фучика вспомнили). Так что вопрос приезда и кора и физиков отпал.

*Е.Боннэр.
«Постскриптум»*

Идея сделать интервью с Сахаровым возникла у меня летом 1986 года, в июне или в июле, не помню точно. С одной стороны, это была совершенно безнадежная идея: имя Сахарова по-прежнему произносилось шепотом. С другой — стало вдруг очевидно: проблема Сахарова, напряжение, которое существует вокруг его имени, — все это никому не нужно (как-никак, второй год перестройки), от решения этой проблемы выиграли бы все. К тому же и тема для интервью имелась подходящая — наш длительный ядерный мораторий, сопровождаемый шумной пропагандистской кампанией. Полюбопытствовать у Сахарова, что он думает обо всем этом, было естественно: он ведь стоял у истоков и ядерного оружия, и борьбы с его испытаниями. Ну, а после того, как в советской печати появилась бы такая пуб-

ликация, процесс легализации Сахарова, по моему разумению, начался бы неизбежно.

В июле — августе (до середины) я был в отпуске. После, в сентябре, в отпуск ушел Юрий Петрович Изюмов, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», с которым только и можно было заводить этот разговор: решить что-либо окончательно он, разумеется, был не в силах, но, прозондировав обстановку «в верхах», он, по крайней мере, мог бы сказать, стоит ли вообще «трепыхаться».

Связаться с Сахаровым я решил через Виталия Лазаревича Гинзбурга, академика, заведующего отделом теоретической физики ФИАНа, в котором с 1969 года работал Сахаров (продолжал работать — или, по крайней мере, числиться — и во время пребывания в Горьком). Мне было известно, что сотрудники отдела время от времени навещают Сахарова, проводят с ним домашний семинар, рассказывают научные новости.

Пока суть да дело, решил поговорить с Гинзбургом — возьмет ли он на себя такую миссию? Звоню ему домой: дескать, хотел бы поговорить с вами. Гинзбург: «Давайте поговорим.» Я: «Не по телефону.» Секундное недоумение. С Гинзбургом мы знакомы давно, лет двадцать, у нас самые добрые отношения, но обычно наши контакты происходят по телефону (впрочем, иногда мы даже переписываемся). Гинзбург приглашает меня приехать. Встречает насмешливой и вместе любопытной фразой (он вообще человек любопытный):

— Так что же это за вопрос такой, который нельзя решить по телефону?

Я объясняю, что за вопрос. На лице его некоторое разочарование и досада. С Сахаровым он много хлебнул, так что все ему до чертиков надоело. Он объясняет, что контакты у них совсем нерегулярные: последний раз двое сотрудников были в Горьком в мае месяце, после чего Сахаров просил не приезжать без его вызова. Дело в том, что жена Сахарова недолюбливает сотрудников ФИАНа, а потому, когда она находится в Горьком вместе с Сахаровым, он просит приезжать их только по его вызову. Когда ее нет, дело обстоит проще.

— А почему же она вас недолюбливает?

— Она считает, что мы недостаточно его защищаем, — раздраженно говорит Виталий Лазаревич. — Мы что, должны с

флагом идти на Красную площадь? Довольно того, что мы сохранили хоть какой-то канал общения с ним. Когда его выслали, они вообще не знали, что делать дальше. Рассчитывали свои действия только на один ход. Это я ведь тогда предложил, чтобы к нему регулярно ездили сотрудники, а они вообще не знали, что делать.

— В общем так, — заключает Гинзбург, — сам я никакой инициативы проявлять не буду. Хватит. Если вы получите разрешение на интервью, — пожалуйста, я могу вам помочь, и связаться с «выдающимся ученым», и поехать к нему. Скорее всего от нас поедет наш парторг Владимир Яковлевич Файнберг. Вы знакомы с ним?

Я сказал, что не знаком, но знаю это имя по научным публикациям.

Гинзбург объяснил мне, что он начнет действовать, если ему позвонят из президиума Академии. Позвонить, по-видимому, должен главный ученый секретарь Скрябин. Именно от него недавно был звонок с просьбой (и, естественно, благословением) побеседовать с корреспондентом западногерманского журнала «Штерн» Марио Р.Дедериксом (статья М.Дедерикса «Мужество отчаяния», в которой были приведены несколько фраз Гинзбурга и его коллеги Евгения Львовича Фейнберга о Сахарове, была опубликована в номере сорок первом «Штерна» за 1986 год).

Мы еще немного поговорили о том, о сем. Гинзбург меня порасспросил об откликах на его статью «Кое-что о крайностях бюрократизма», напечатанную в «Литературной газете» летом, рассказал, что у них в институте, да и вообще в Академии ничего не изменилось; пожалуй даже, бюрократы «еще пуще взъерились», назвал Александрова... не вполне приличными словами, добавив, что ему давно уже пора уйти с президентского поста.

На том и расстались. У меня осталось впечатление, что Гинзбург недоволен моим визитом и вообще затеей с Сахаровым.

Эта беседа состоялась 26 сентября, а через неделю, 3 октября, я был в ФИАНе на капустнике, посвященном семидесятилетию Гинзбурга, вручил ему в качестве презента гранки с откликами на его статью. И вновь мне показалось, что он отнесся ко мне холодно.

Накануне, второго числа, мне удалось поговорить с вернувшимся из отпуска Изюмовым. Я зашел к нему в кабинет и сказал:

— У меня есть одна безумная идея.

И объяснил, в чем дело. Юрий Петрович со свойственной ему невозмутимостью отвечал, что эта идея совсем не безумная и что он берется поговорить о ней на Старой площади.

В соответствии с замыслом, уже известным читателю, в качестве темы для беседы с Сахаровым я предложил ядерный мораторий. К этому времени мораторий, объявленный нами в одностороннем порядке 6 августа 1985 года, продлевался уже четыре раза. Я был уверен, что Сахаров поддерживает идею моратория.

Недели через две я напомнил Изюмову о нашем разговоре. Он сказал, что не предпринимал пока никаких шагов, поскольку секретарь ЦК А.Н.Яковлев, к которому надо было бы в первую очередь обратиться, еще не вернулся из Рейкьявика (а прежде было не до того, ибо шла подготовка к Рейкьявику).

17 октября он мне позвонил по внутреннему прямому телефону и попросил, чтобы я подготовил короткую справку по этому вопросу для А.Б.Чаковского: лучше, если этим займется он (он только что вышел из отпуска). Изюмов уже говорил с Чаковским по этому поводу, тот просил прописать пояснее насчет посредничества В.Л.Гинзбурга.

Я тут же сел за машинку и написал:

«Предлагается подготовить интервью на тему «Советский мораторий на ядерные испытания: его значение и перспективы, ближайшие и отдаленные». Публикация такого интервью могла бы принести многие политические выгоды.

Вопросы в Горький мог бы передать кто-либо из сотрудников теоретического отдела Физического института Академии наук СССР, которые регулярно ездят в этот город. Принципиальное согласие на этот счет заведующего отделом академика В.Л.Гинзбурга имеется. Соответствующие указания он должен получить от президента Академии наук СССР, скорее всего — от главного ученого секретаря академика Г.К.Скрябина».

22 октября Юрий Петрович сказал мне, что «добро» на интервью с Сахаровым получено и что я могу действовать. Он добавил, что действовать надо энергично, поскольку интервью с Сахаровым добывается также редактор «Нового времени» Игнатенко. Воистину идея витает в воздухе.

Через полчаса мне позвонил В.Л.Гинзбург и уж совсем другим голосом — как обычно, веселым и энергичным, — осознав, должно быть, что все это не пустые прожекты, сообщил, что ему

звонил заместитель Скрябина член-корреспондент Хохлов насчет интервью с Сахаровым и просил позвонить по «вертушке» В.Кобышу в ЦК.

— Вы знаете, — говорил Гинзбург, — я впервые в жизни говорил по «вертушке». Я сказал сначала, что у меня нет «вертушки», но Хохлов посоветовал, чтобы я позвонил из кабинета нашего директора Басова. Кобыш передал мне вашу просьбу и просил, чтобы я помог вам поговорить с интересующим вас лицом. Так что с этой стороны все в порядке. Теперь я поговорю с нашим начальником режима и, если и у него не будет возражений, напишу письмо в Горький, а уж там как получится. Я совсем не уверен, что наш сотрудник захочет давать интервью. Но со своей стороны я все сделаю.

Через несколько минут снова позвонил Изюмов. Он сказал, чтобы я готовил вопросы, но с самим интервью все-таки повременил бы, поскольку это дело согласовано «не до самого конца». Я отвечал, что мне уже звонил Гинзбург и что он начинает действовать.

— Ну, он-то пусть действует..., — сказал Юрий Петрович.

Очередной звонок Гинзбурга — 29-го. Он сказал, что все в порядке, письмо подготовлено, но эти... — он ввернул крепкое словечко, — почему-то могут его отправить только завтра. Я ответил, что ничего — днем раньше, днем позже...

Письмо В.Л.Гинзбурга А.Д.Сахарову:

«Дорогой Андрей Дмитриевич!

Большое спасибо за Вашу телеграмму, которую я позавчера получил.

У меня накопилось несколько дел, о которых и пишу.

1. Еще в начале сентября Е.Л.Фейнберг послал Вам письмо, в котором спрашивал, хотите ли Вы, чтобы кто-то из сотрудников приехал и когда. Но никакого ответа мы до сих пор не получили.

2. С месяц назад из Президиума АН СССР попросили, чтобы Е.Л. и я дали интервью корреспонденту немецкого журнала «Штерн». Этот корреспондент (фамилии не помню) и с ним еще один иностранный корреспондент, не знаю, откуда, пришли к нам в ФИАН, и мы с Е.Л. отвечали на его вопросы (второй корреспондент, в основном, молчал), касающиеся Вашей работы в отделе и вообще. Никакого текста у меня нет, мы говорили правду, насколько четко и удачно, не знаю. Мне как раз сегодня

сказали, что в «Штерне» появился какой-то материал, но я его не видел, надеюсь, они не переврали, но ручаться, конечно, не могу.

3. Ко мне обратился зав. отделом науки «Литературной газеты» Олег Павлович Мороз. Я его давно знаю, правда, не близко, но имею вполне определенное положительное мнение. Последнее вытекает, в частности, из его многочисленных статей в газете. Так вот, у О.П.Мороза возникла идея взять у Вас интервью, преимущественно о моратории на ядерные испытания, о его значении для замораживания гонки вооружений и т.п. Я ответил, что против его идеи, конечно, ничего не имею и был бы рад появлению Вашего интервью. Однако обращаться к Вам я не буду до тех пор, пока мне не сообщат, что при Вашем согласии интервью возможно. Сейчас мне как раз сообщили, что препятствий для реализации замысла О.П.Мороза нет. Таким образом, как нам кажется, если Вы согласны и готовы дать интервью, то лучше всего, если О.П.Мороз приедет к Вам с нашей очередной парой сотрудников. Мы предполагаем, что одним из них может быть В.Я.Файнберг или Е.С.Фрадкин.

Ждем Вашего ответа.

Привет Елене Георгиевне. Привет от Евгения Львовича.

29.10.86 г.

Ваш В.Л.Гинзбург.

P.S. Как Ваше здоровье? Само собой разумеется, желаю всего наилучшего».

Ответ пришел 10 ноября. Фототелеграмма:

«Огорчен, что Вы и Евгений Львович дали интервью «Штерну» без согласования со мной. Прошу прислать опубликованный текст (номер журнала), если необходимо, приложив усилия.

Не считаю возможным давать интервью «Литературной газете», вообще кому-либо...»

Далее следовало по-английски или по-немецки (а может быть, просто русский текст был транскрипирован латинскими буквами — у меня имеется лишь машинописная копия фототелеграммы):

«...находясь в незаконной депортации и изоляции — с петлей на шее.

Жду в первую очередь приезда Б.Л.Альтшулера и Ю.А.Гольфанда. Письмо с этой просьбой послано ранее.

В письме М.С.Горбачеву (от 23.8.86) (копия М.А.Маркову) мною выражено желание принять участие в обсуждениях мирной

термоядерной проблемы (МТР, лазерное обжатие). Прошу всех сотрудников, в частности А.Д.Линде, подчеркивать это при международных контактах.

Высылаю для сведения копию письма.

6.XI.86

С уважением А.Сахаров».

Та часть текста, где Сахаров говорит о своем огорчении по поводу того, что Гинзбург и Фейнберг дали интервью журналу «Штерн», не показав предварительно текст ему, Сахарову, вызвала у Виталия Лазаревича негодование:

— Почему я должен ему что-то показывать? Это ведь мое интервью. Я уже говорил ему, чтобы он оставил свои главлитовские замашки.

Я попросил, чтобы сотрудник, который поедет к Сахарову, все-таки еще раз поговорил с ним об интервью. Может быть, его решение было принято импульсивно, может быть, он не понимает, на каком уровне было дано «добро».

— Да все он понимает! — отвечал Гинзбург раздраженно. — Этот уровень оказывает на него обратное действие.

Он сказал, что вряд ли кто-нибудь из сотрудников вообще поедет к Сахарову.

Отступать не хотелось. Но и приставать к раздраженному Гинзбургу было неудобно. Я позвонил его сотруднику, давнему знакомому Борису Михайловичу Болотовскому: он раз или два ездил к Сахарову в Горький. Встретились с ним возле Библиотеки имени Ленина. Я посадил его к себе в машину, подвез до дома. По дороге объяснил, в чем дело, попросил сделать одолжение: если все же кто-то поедет в Горький, передать с okazji мои вопросы. Болотовский обещал. Постояли возле его дома. Мой путник рассказывал об эпизодах своей работы с Сахаровым, о встречах с ним.

Этот разговор состоялся 11 ноября.

Дня через два я все же решил послать вопросы, не дожидаясь okazji, прямо по почте. Несколько смущаясь, позвонил Гинзбургу, чтобы уведомить его об этом намерении. Виталий Лазаревич отнесся к этому спокойно.

— Пожалуйста, посылайте, — сказал он. — Только я тоже посылаю ему письмо, в котором объясняю, что вы не какой-нибудь там неизвестный журналист, а человек хорошо нам извест-

ный. Так что вам есть смысл подождать недельку, пока он получит мое письмо — я его посылаю в понедельник 17-го.

На том и остановились — что я неделю подожду. Отправлю вопросы числа 24-го. Гинзбург дал мне адрес Сахарова в Горьком.

Письмо В.Л.Гинзбурга А.Д.Сахарову от 17 ноября 1986 года (привожу его с сокращениями):

«Дорогой Андрей Дмитриевич!

Ваше фотописьмо я получил 10 ноября. Отвечаю не сразу, ибо хотел дождаться копии, о которой Вы упоминаете. Однако не получил ее (сегодня 17 ноября) и решил не откладывать настоящее письмо.

В ответ на Ваше фотописьмо хочу заметить следующее.

1. В вопросе о Вашем гипотетическом интервью «Литгазете» моя роль сводилась лишь к тому, чтобы сообщить Вам о предложении О.П.Мороза и, особенно, о нем самом. Это не какая-то темная личность, а известный мне квалифицированный и прогрессивно настроенный журналист. В тот же день, когда получил Ваше фотописьмо, я позвонил О.П.Морозу и сообщил о Вашем отказе дать ему интервью.

2. Журнала «Штерн» у меня нет, получить его я, вероятно, не могу, да и нет у меня такого желания. Я получил, однако (прислали в ФИАН), русский перевод (и рад этому, ибо совсем забыл немецкий язык) того куска из «Штерна», который касается Вас. Копию (полную и точную) полученного мной текста прилагаю. Там имеется по фразе соответственно от имени Е.Л. и моего. Передано неточно, но спасибо и за то, что не совсем наоборот. Вот и все «интервью». Оно было для корреспондента, по-видимому, лишь поводом посетить ФИАН. Странно, что наш первый этаж он счел третьим этажом. Табличка на двери Вашей комнаты, действительно, как висела, так и висит — это не «потемкинские деревни» в честь западного корреспондента.

К сожалению, не могу обойти молчанием первую фразу Вашего фотописьма («огорчен, что Вы и Е.Л. дали интервью «Штерну» без согласования со мной»). Как это понимать? Во-первых, что и как в разговоре можно «согласовывать», если устно отвечаешь на заранее неизвестные вопросы? Во-вторых, почему, отвечая на какие-то вопросы от своего и только от своего имени, я должен что-то согласо-

вать? Подобное требование (или пожелание) особенно странно, когда оно исходит от Вас.

3. Буду, естественно, очень рад Вашему возвращению в Москву, но мне совершенно неизвестно, когда это произойдет. Поэтому кажется целесообразным уточнить Ваши взаимоотношения с нашим Отделом.

Недавно в ФИАНе прошла переаттестация научных сотрудников. Вы остались в прежней должности старшего научного сотрудника и с прежним окладом (400 руб. в месяц). Замечу, что ни одному из наших старших сотрудников (включая, конечно, и меня) зарплата повышена не была.

В отношении посылки Ваших статей в печать и пересылки Вам литературы, насколько я знаю, все обстоит благополучно.

Теперь о поездках к Вам сотрудников Отдела. Они ездят только для научных контактов и вполне добровольно — каждый раз мы спрашиваем, может ли и хочет ли сотрудник поехать. Был случай, когда один из сотрудников (он у Вас никогда не был) ответил, что ехать не хотел бы, если ему не прикажут. Разумеется, «приказа» не последовало. Вполне допускаю, что и еще кто-то не захочет ездить. В таких случаях я не считаю возможным оказывать какое-либо давление. Уверен, что и Вы не хотели бы, чтобы к Вам ездили как-то не добровольно. Другая сторона медали — наши сотрудники ездят и могут ездить к Вам только в служебные командировки. Это необходимо, поскольку они ездят в служебное время, нужно оплачивать проезд, и, наконец, без командирования к Вам нельзя попасть. Поэтому для каждой поездки мы направляем в дирекцию стандартные бланки с просьбой о командировке. Никаких трудностей у нас с этим, если правильно помню, не было. Отсюда ясно, что направлять к Вам я могу только сотрудников нашего Отдела...

Если Вы хотите, чтобы к Вам в ближайшее время приехали сотрудники Отдела, пожалуйста, сообщите.

С уважением В.Л.Гинзбург.

P.S. Пользуюсь случаем приложить два своих ненаучных опуса и несколько оттисков научных статей».

После разговора с Гинзбургом я засел за вопросы, которые я не терял надежды задать-таки Сахарову. И тут выяснилось, что

придумать их не так-то легко. Слишком узкая тема — мораторий. Вопросы получались неинтересными:

«1. Более года СССР не проводит ядерных испытаний, добровольно придерживается моратория. Какое значение, по Вашему мнению, имеет этот мораторий для сегодняшней обстановки в мире и для будущего развития событий, для решения проблемы прекращения гонки вооружений?

2. Следует ли, на Ваш взгляд, продлевать мораторий, если США не присоединятся к нему?..»

И вдруг мне в голову приходит простая мысль, что я просто не успеваю со своими вопросами. Допустим, я пошлю их 24-го. Сахаров получит их в начале декабря. Предположим, он быстро ответит и ответит положительно. Все равно наша встреча не сможет состояться раньше 15 декабря. О чем мы с ним будем беседовать? О моратории, срок которого истекает через полмесяца и совсем не ясно, будет ли он продлен еще раз (скорее всего нет — сколько можно продлевать?).

Единственный выход теперь уже — повременить с посылкой вопросов, отправить их сразу после Нового года, когда все станет ясно. Тогда можно будет говорить о новой ситуации.

События, однако, развивались быстрее, чем можно было ожидать. 19 декабря было опубликовано Заявление Советского правительства, в котором, как и ожидалось, речь шла о том, что СССР не может продолжать мораторий до бесконечности, говорилось, что в новом, 1987 году испытания будут возобновлены после первого ядерного взрыва в США.

Ускоренно развивались и события другого рода. 19 декабря ко мне зашел Саша Егоров и сказал: только что по радио передано сообщение — Сахаров возвращается из Горького в Москву. На следующий день оно появилось в газетах:

«В.Ф.Петровский официально проинформировал собравшихся (дело происходило на пресс-конференции в МИД. — О.М.) о том, что академик А.Д.Сахаров обратился с просьбой к советскому руководству разрешить ему перебраться в Москву. Просьба эта была рассмотрена соответствующими организациями, в том числе Академией наук и административными органами. Был, в частности, принят во внимание факт, что академик Сахаров в течение длительного времени находится в Горьком, и в результате рассмотрения этой просьбы было принято решение разрешить вер-

нуться академику Сахарову в Москву. Одновременно Президиум Верховного Совета СССР принял решение о помиловании гражданки Боннэр. Таким образом, и академик Сахаров, и Боннэр имеют возможность вернуться в Москву, а академик Сахаров может активно включиться в академическую жизнь теперь на московском направлении деятельности Академии наук».

Мой товарищ Юра Рост решил встретить Сахаровых на вокзале (он не знал о моих намерениях сделать интервью, так же, как я не знал об этих его намерениях пофотографировать и записать слова Сахарова на перроне, — это уж он после мне все рассказывал). Узнал дату приезда — 23 декабря, но номер поезда никак не мог выяснить. Позвонил двум-трем знакомым, которые вроде бы должны были знать, но те ничего не сказали и к тому же струсили. Стал рассуждать логически: наверняка, это должен быть поезд, отправляющийся из Горького, а не проходной. Позвонил в справочную. Первый такой поезд прибывает в Москву в четыре с чем-то. Вряд ли, конечно, они приедут с этим поездом — неудобный, но вдруг все-таки... Сел в машину, отправился на Ярославский вокзал. Мимо. На перроне ни одного иностранного корреспондента. Следующий поезд — в семь с чем-то. Вернулся домой, подремал часа полтора, снова сел в машину. Уже подъезжая к трем вокзалам, заприметил впереди «Тойоту» с красным номером, начинающимся на «К», и сразу понял: точно, этот поезд. У вокзала стояло несколько десятков таких машин. Посмотрел на расписание: поезд должен придти на первую платформу, но, когда разыскивал первую, услышал по радио: поезд такой-то прибывает на платформу 1-а. У подвернувшегося носильщика спросил, где платформа 1-а. Носильщик махнул рукой в ту сторону, куда следовало двигаться, и подмигнул понимающе:

— Все ваши уже там.

Пройти на платформу 1-а оказалось не так-то просто. Блуждая, Юра выскочил на соседнюю с ней, увидел напротив толпу корреспондентов. Чтобы не обходить, спрыгнул прямо на пути.

— Ни один из наших зарубежных друзей руки не подал! — после рассказывал он.

Кое-как Юра вскарабкался на платформу. Корреспонденты толпились возле остановки первого вагона, видимо, не зная, в каком вагоне приедут Сахаровы. Опять-таки, рассуждая логически,

Юра «вычислил»: они должны быть в СВ. И когда горьковский поезд стал втягиваться между платформ, мой приятель ринулся вдоль вагонов, заглядывая в окна. Помимо обычного репортерского желания оказаться на месте события первым, им двигала жажда «утереть нос» невежливым «зарубежным друзьям». Естественно, он оказался первым возле СВ, успел сделать несколько снимков выходявшего из вагона академика и занять удобную позицию с магнитофоном, прежде чем нахлынула сообразившая, в чем дело, толпа «зарубежных друзей» — всего человек сто (был, правда, в этой толпе еще один наш фотокорреспондент). Елене Георгиевне удалось довольно легко добраться до машины, а Сахаров минут сорок пробивался через толпу. Впрочем, толпа двигалась и останавливалась вместе с ним.

Так в этом монолитном движении и периодических остановках и происходила первая пресс-конференция Сахарова на московской земле. Кто-то выкрикивает вопрос. Тут же раздается другой. Академик теряется, на какой отвечать. Старается отвечать на оба. Получается мешанина. После выясняется, что выкрикнувший какой-то вопрос не расслышал ответа — вопрос повторяется. Сахаров покорно повторяет свой ответ.

— Как вы расцениваете свое освобождение?

— Я удовлетворен. Меня защищали собратья-ученые. Защищали государственные деятели. Защищали просто друзья. Защищали мои дети. Наконец, защищала моя жена. Да, именно эта защита сделала возможным наше освобождение.

Толпа корреспондентов еще не отошла от вагона. Чей-то возмущенный вопль:

— Дайте пассажирам выйти, товарищи! Да что же вы делаете!

Дуплетом:

— Как вы себя чувствуете?

— Как вы оцениваете международное и внутреннее положение?

— Я — ничего. Жена в плохом состоянии приехала. Ноги ее болят. Это, наверное, еще последствия контузии. Военной. Что касается политики... В вопросах политики я еще не разобрался, но я очень заинтересован всем тем, что происходит в стране, и хочу составить свое мнение.

Над толпой стоит гул. Слышатся обрывки фраз. В великом возбуждении, оттирая друг друга, братья-журналисты норовят просунуть каждый свой вопрос.

— Как вы предполагаете — остаться в Москве или дальше поехать, за границу?

Спрашивающий, видно, совсем не представляет себе реальную ситуацию в нашем отечестве.

— Я не предполагаю, что мне будет это разрешено, и я не претендую на это поэтому.

Кто бы мог подумать тогда, что не пройдет и двух лет, как «сверхзасекреченный» Сахаров отправится в поездку в Америку, после — в Западную Европу, будет принят Папой Римским в Ватикане...

Настает и для Роста черед вставить слово:

— Андрей Дмитриевич, чем вы собираетесь заниматься?

— Я занимаюсь космологическими проблемами, теорией элементарных частиц. Я буду заниматься также — вновь вернусь — проблемой управляемой термоядерной реакции.

Из задних рядов кто-то кричит:

— Андрей Дмитриевич, сюда, пожалуйста!

Сахаров озирается растерянno.

Голос с акцентом:

— Андрей Дмитриевич, об Афганистане... Какие у вас чувства сейчас?

— Что вы говорите? — переспрашивает Сахаров.

— Об Афганистане — какие у вас чувства?

Видно, что Сахаров заранее обдумывал ответ на этот вопрос. Говорит несколько официально:

— Я считаю, что это самое болезненное место в нашей международной политике. И я надеюсь, что в этой области будут приняты еще более решительные меры, чем сейчас. Более решительные и более кардинальные. Я на это надеюсь.

Спрашивают, действительно ли ему в Горький звонил Горбачев?

— Да, пятнадцатого числа нам установили телефон. Неожиданно, ночью. Мы даже немножко испугались. А шестнадцатого в три часа позвонил Михаил Сергеевич Горбачев, сказал, что принято решение о моем освобождении, что я смогу вернуться в Москву и сможет вернуться в Москву Боннэр, как он сказал, —

неправильно назвал фамилию моей жены. И я ему сказал, что я благодарен за это решение, но что мои чувства очень смутные, потому что это совпало с огромной трагедией — со смертью Анатолия Марченко, замечательного человека, героя борьбы за права человека. И я ему напомнил о своем письме от 19 февраля об освобождении узников совести, людей, пострадавших за убеждения, не применявших насилия. И сейчас, после смерти Марченко, мои мысли об этом еще более напряженные, более трагические. Потому что — кто следующий? Кто погибнет следующий? Это недопустимо для нашей страны — то, что у нас есть узники совести, люди, страдающие за убеждения. Я постараюсь приложить максимум усилий, сделать, что от меня зависит, для того, чтобы это прекратилось.

В этом весь Сахаров: сразу же вслед за словами благодарности, не ограничиваясь ими, — сказать то, что его высокопоставленному собеседнику будет явно неприятно слышать, но что он, Сахаров, не сказать не может.

В течение всего этого монолога постоянно слышатся выкрики:
— Задние, не напирайте! Не напирайте, задние!

Сахаров терпеливо их переживает и продолжает свою речь.

— Анатолий Дмитриевич, какие у вас сейчас чувства, что вы в Москве?

Кто-то перепутал имя академика.

— Я очень рад, что я в Москве. Я, конечно, отвык от шума, отвык от людей. Для меня такая масса людей непривычна, и создается какое-то ощущение стресса. Но я понимаю, что мое освобождение — это очень важное для меня дело...

Снова вопрос того же журналиста с восточным акцентом, видимо, не расслышавшего ответ об Афганистане:

— Какие у вас чувства об Афганистане сейчас?

— Я сказал, что я надеюсь, что будут приняты более решительные меры для прекращения этой трагедии.

— Какой у вас был разговор с Марчуком?

— Разговор с Марчуком... Если уж так говорить, то это был развернутый вариант того же самого разговора, который был с Михаилом Сергеевичем.

Вопли:

— Сзади не давите! Не давите сзади! Держите немного сзади!

— А вы этого не ждали сейчас — освобождения?

— Сейчас я этого не ждал.

— Какой у вас план сегодня?

— Я еду домой, немного отдыхаю, потом я еду на семинар в Физический институт Академии наук, где я работаю.

Толпа несет Сахарова. Отчаянный вопль:

— Андрей Дмитриевич, постойте с нами! Десять минут!

Один из сопровождающих академика:

— Мы не можем больше.

Сахаров подтверждает:

— Я больше не могу.

— Вы понимаете, господа, или нет?! Дайте пройти! — сопровождающие пытаются пробиться сквозь толпу.

— Я уже сказал все, что я мог сказать с ходу.

Опять слышится мольба:

— Весь мир ждет ваши слова, а мы кадр не получили пока.

Будьте добры, постойте пять минут! Вот здесь на месте, со всеми.

— Ну что ж, если все смогут это сделать... (толпа несет).

Решительные возгласы разных людей:

— Стоп!!! Остановиться! Шире круг! Чуть-чуть пошире встаньте все! Раз! Два! Три!

Остановились. Щелкают затворы фотоаппаратов. Опять прорезается чей-то громкий голос:

— Андрей Дмитриевич, скажите пожалуйста, какие у вас чувства сейчас?

— Чувство радости, чувство волнения и чувство того, что все еще в мире очень трагично. Трагична судьба моих друзей, находящихся в лагерях и тюрьмах. Я не могу ни на минуту освободиться от ужаса от мученической смерти, смерти в бою с несправедливостью моего друга Анатолия Марченко. Я надеюсь, что после моего освобождения последует освобождение других...

По мере того, как задние протискиваются вперед, одни и те же вопросы задаются вновь и вновь. Сахаров терпеливо отвечает на них. Импровизированная пресс-конференция идет кругами, всякий раз начинаясь как бы заново.

— Вы можете нам сказать что-нибудь про Михаила Сергеевича — как он вам позвонил?

— Он позвонил совершенно неожиданно. Он сказал, что принято решение... Что вы сможете вернуться в Москву, и может вернуться в Москву Боннэр. Я сказал: это моя жена.

— А где ваша жена сегодня? Ее что-то не видно здесь.

— Она приехала вместе со мной и, я надеюсь, уже дошла до машины. Потому что стоять она не может, она больной человек.

— Отец, ты у меня хлеб отбиваешь, — пошутил я, встретив Юру в редакции. — Я ведь уже два с лишним месяца этим занимаюсь...

Мы договорились, что дальше будем действовать вместе. Юра заедет к Сахаровым домой, чтобы вручить им снимки, сделанные на вокзале, напомним о письме Гинзбурга, обо мне и договорится об интервью.

Он поехал к ним в субботу 27 декабря. Возле подъезда увидел три корреспондентские машины. Решил, что лучше заехать позже. Через час машин не было. Но нет, как выяснилось, и Сахарова. Дверь открыла Елена Георгиевна. Отвоевывая за разговорами миллиметр за миллиметром прихожей, Юра протиснулся до холодильника и в конце концов договорился, что Сахаров примет нас 3 января в полдень: оказалось, что все более ранние дни расписаны у него по минутам.

Однако мы решили не ждать третьего. Мы знали, что еще в день приезда, 23-го, Сахаров побывал на отдельском семинаре в ФИАНе (он собирается по вторникам в 3 часа). На следующий день я позвонил Гинзбургу. Оказалось, что он на этом семинаре не был. Я просил, не может ли он посодействовать, чтобы мы поговорили с Сахаровым в институте (по некоторым соображениям это казалось мне предпочтительнее, чем беседа дома). Виталий Лазаревич переадресовал меня к Владимиру Яковлевичу Файнбергу, обещав, что он попросит его помочь мне. Файнберг сказал, что в положении Сахарова пока не все понятно, «есть противоречия», но он поговорит с ним во вторник, так что я могу позвонить ему, Файнбергу, во вторник вечером.

Мы решили поехать прямо на семинар. Утром 30-го я позвонил в канцелярию института (телефон мне дал Гинзбург) и попросил заказать пропуска на сегодня. Выяснилось, что заказывать надо было накануне. Однако женщина на том конце трубки, узнав, что мы из «Литгазеты» к Гинзбургу (так я сказал для мас-

кировки), видимо, возжелала нам помочь. Спросила фамилии, с портфелями или без портфелей мы будем. Я сказал, что с портфелями. Она посоветовала сдать их в камеру хранения. Объяснил, что мой коллега непременно должен пройти в институт с сумкой — там будет фотоаппаратура. Позднее я узнал, что в институте вообще запрещено фотографировать, но женщина записала, что Рост пройдет «с портфелем».

Пропуска нам выписали на два часа дня (семинар — в три), но мы опоздали, подрулили к проходной с улицы Вавилова, когда было минут двадцать третьего. В институт прошли нормально. Немного поплутали в поисках теоротдела — я знал, что он на первом этаже, где-то в левом крыле, но никогда там не был. Выяснилось, что пройти надо через второй этаж. Идя по коридору мимо кабинетов, на которых от руки написаны фамилии, я увидел фамилию Болотовского. Зашли. Борис Михайлович тут же взялся проводить нас в кабинет Сахарова. Последняя комната направо по длинному коридору с высоченным потолком. Сначалаходишь в общую комнату, где стоят несколько столов, справа от входа — дверь с фамилией «Сахаров». Под недоуменными взглядами обитателей большой комнаты заглянули в сахаровский кабинет. Небольшие размеры вкупе с высоким потолком и задернутыми шторами придавали ей вид колодца. Пусто, холодно, неуютно. В отсутствии академика здесь обретается какой-то аспирант. После выяснилось, что это молоденький парнишка, которого мы встретили в коридоре при входе в общую комнату (он предупредительно оставил кабинет в ожидании его хозяина).

Пошли пить чай к Борису Михайловичу. Он сварил нам чифирь в каком-то приспособлении — оказывается, покупном (а я думал — самодельное изобретение физиков).

Через некоторое время еще раз наведались к академику. Его по-прежнему не было и по-прежнему у входа в общую комнату робко дежурил мальчик-аспирант.

Решили, что академик уже не придет, хотя Борис Михайлович уверял нас, что семинар проводят сегодня единственно из-за Сахарова: руководитель семинара Евгений Львович Фейнберг собирался отменить его — дело предновогоднее, 30 декабря, — но Сахаров попросил его не делать этого: он соскучился по семинарам.

Объявился Фейнберг. Сразу понравился. Твердый разумный человек. Между прочим, он сказал, что не хотел бы, чтобы

Сахаров сейчас на полную катушку излагал свои взгляды: это может повредить «руководителю». Мы про себя усмехнулись: кто же даст на полную катушку?

Примерно без десяти пошли в конференц-зал. Он располагается на третьем этаже. Только вошли в фойе перед залом, и сразу все вздрогнули: «Вот он!!!» Так, должно быть, вздрагивает Гамлет, когда сторожа показывают ему внезапно появившийся призрак его отца. Сахаров сидел в кресле посреди пустого фойе, перед ним стояли три-четыре человека, с которыми он беседовал. Мы хотели было направиться прямо к нему, но Фейнберг предупредил это наше движение: «Нет, не надо». Он затолкал нас в зал, а сам направился к Сахарову.

Минут через пять он подошел к нам:

— Он готов ответить на ваши вопросы, но сегодня у него цейтнот. И он просил дать вопросы заранее.

Мы сказали, что они у нас готовы.

— Пойдемте я вас познакомлю.

Мы снова вышли в фойе. Сахаров уже встал и шел по направлению к залу. Мы познакомились.

— Я готов ответить на ваши вопросы, — сказал Сахаров, — если вы дадите гарантии...

— Гарантии может дать только Госстрах, — пошутил я.

Юра дернул меня за рукав.

— Нет, это меня не устраивает, — твердо сказал Сахаров. — Вы должны мне обещать, что, если изменения в тексте окажутся неприемлемыми для меня, я буду иметь возможность отказаться от публикации.

Мы сказали, что обещаем.

Уточнили время встречи: Сахаров сказал, что он готов встретиться 3 января у него дома, но не в двенадцать (Елена Георгиевна не знала некоторых обстоятельств), а в два.

— Сколько вам потребуется времени?

— Наверное, хватит часа, — легкомысленно ответил я.

— Хорошо, — сказал Сахаров, а Юра снова меня дернул.

— Может быть, мы разговоримся и несколько превысим этот регламент, — попытался поправить мою оплошность Юра. Сахаров ничего не ответил.

Параллельно у Сахарова шел разговор с другими людьми — физиками, толпившимися возле него. Он посетовал, что ему беспрестанно звонят (уже подключили дома телефон).

— Вы напрасно делаете, Андрей Дмитриевич, что не выключаете его, — сказал кто-то.

— Не могу, — отвечал Сахаров серьезно. — Есть слишком веские основания, чтобы не отключать.

— Ну, извините, я должен идти на семинар, — стал он с нами прощаться несколько церемонно. Я подарил ему страницу из «Литературной газеты» с моим очерком о Тамме.

Пошли в зал. Он был почти пуст — человек сорок впереди возле сцены. Сахаров сел впереди, во втором ряду. Я примостился сзади с Болотовским и еще одним сотрудником ФИАН, мне не знакомым. Юра пошел фотографировать.

Первым выступал Давид Абрамович Киржниц, блестящий теоретик. Его доклад был довольно короткий — минут десять-пятнадцать. Следующий доклад занял часа полтора, причем почти все время проходил в темноте (слайды). К великому изумлению физиков, Юра снимал и при таком, совсем тусклом освещении. («Вы что, в инфракрасных лучах снимаете?» — после удивленно спрашивали они его).

Сидя на отшибе, мы с моими соседями говорили о том, о сем, главным образом, об общеинтересных новостях политики. После Болотовский ушел, сказав, что ему еще нужно вписать формулы в статью.

Проходя мимо меня с фотоаппаратом, Юра бросил разочарованно:

— Спит академик.

Вскоре мой второй сосед тоже ушел. Я пересел поближе и с удивлением увидел, что Сахаров в самом деле «кемарит». Какое-то время он сидел, держа голову прямо. Однако потом она медленно начинала склоняться набок и, склонившись до предела, какой-то срок оставалась в таком положении. Потом он вдруг встряхивался и с интересом уставлялся на докладчика. Через некоторое время все повторялось снова.

Потом физики нам объяснили, что это не свидетельствует о старости и дряхлости, как мы уже было подумали. Так бывало и прежде. Когда Андрей Дмитриевич слышит то, что ему знакомо, что он знает, он начинает дремать. Но стоит докладчику начать

излагать что-то новое, Сахаров улавливает это чутким слухом, и бодрость возвращается к нему.

На третьего докладчика времени не осталось. По просьбе Фейнберга, он лишь коротко рассказал о содержании своего доклада, так сказать представил его аннотацию.

По окончании семинара Юра договорился с Сахаровым сфотографировать его в кабинете, и мы снова отправились в теоротдел. Однако идти собственно в кабинет Сахаров отказался:

— Это не мой кабинет, я там не бываю.

Вот-те на! А теоротдельцы все семь лет берегли эту табличку, с гордостью показывали посетителям пустующий кабинет опального академика.

Андрей Дмитриевич сел за один из столов в общей комнате и стал звонить в диспетчерскую, чтобы за ним прислали машину. В это время Юра и фотографировал.

Я пошел в канцелярию отметить пропуска. Женщина с горящим взором (в этот вечер все в институте были как-то возбуждены), ставя печати, спрашивала меня:

— Вы действительно фотографировали?

Она не могла поверить, что такое возможно: фотографировать Сахарова. Где? — В ФИАНе.

Я сказал, что фотографировал не я, а мой товарищ.

... — Ну, что с машиной для академика, все в порядке? — бодро спросил В.Я.Файнберг, входя в комнату.

— Вы знаете, диспетчер говорит, что с автотранспортом трудно, — растерянно отвечал Сахаров.

Мгновенно отреагировав, Юра ринулся вперед и предложил свои услуги (мы приехали на его «Жигулях»).

— Но мне по дороге надо заехать в одно место, — неуверенно отвечал академик.

— Заедем.

Попросил подвезти его и Аркадий Бенедиктович Мигдал, участвовавший в семинаре. Он живет на Ленинском проспекте, неподалеку от академической гостиницы.

Юра сказал, что он записал на магнитофон беседу Сахарова с корреспондентами по возвращении из Горького, на вокзале. Присутствующие пожелали ее послушать. Юра включил.

«— Как вы расцениваете свое освобождение?

— Я удовлетворен. Меня защищали собраты-ученые. Защищали государственные деятели. Защищали просто друзья. Защищали мои дети. Наконец, защищала моя жена. Да, именно эта защита сделала возможным наше освобождение...

— Как вы себя чувствуете?..

— Я — ничего. Жена в плохом состоянии приехала. Ноги ее болят. Это, наверное, еще последствия контузии... Военной...»

Однако было видно, что Сахаров неловко себя чувствует во время этого прослушивания.

— Поедемте, — сказал он через некоторое время.

Мы отправились в гардероб.

Рост, Мигдал и я, как гости института, должны были выйти через проходную на улицу Вавилова, Сахаров — через другую, на Ленинский проспект. Мы обогнули институт по улице Губкина, подъехали к проходной, из темноты на свет нашей машины вышел неказистый человек в синей куртке и серой, наподобие солдатской, ушанке.

Выяснилось, что Сахарову надо заехать в магазин «Тысяча мелочей», купить напольные весы: после голодовок он вынужден следить, как набирается вес.

В машине разговор идет о том, о сем. Сахаров говорит, что недавно они с женой видели Мигдала по телевизору, была какая-то передача об экстрасенсах, о том, как физики к ним относятся.

— Вы знаете, сейчас появилась лаборатория очень серьезная, — говорит Мигдал, — которая изучает поля, окружающие человека. И они поняли многое такое, что было непонятно. Прежде мы думали, что это чистое жульничество — все эти карты Зенера и прочее...

— А я до сих пор так считаю, — рассеянно роняет Сахаров.

— Я до последнего времени тоже так считал, — продолжает Мигдал, — хотя мне представили протокол с убедительной статистикой, подписанный очень серьезными людьми. Но сейчас очень возможно, что все правы: обнаружилась очень высокая чувствительность к разнице температур у поверхности лба. Они с помощью тепловизора это доказывают.

Имеется в виду лаборатория Эдуарда Эммануиловича Годика в Институте радиотехники и электроники. Лаборатория в самом деле интересная, я о ней не раз писал.

— С помощью тепловизора — да, — говорю я, — но ни на одном человеке это строго не доказано. Эта Роза Кулешова все-таки жульничала.

— Жулик абсолютный была, — подтверждает Сахаров. — Она, наверное, и есть? Она еще жива?

— Нет, умерла, — говорю я.

Следует молчание.

— Вчера сообщили, что Тарковский умер, — с грустью произносит Сахаров.

В самом деле печальная весть. Сегодня отец, Арсений Тарковский, снял у нас из номера свои стихи в связи с кончиной сына.

Останавливаемся возле «Тысячи мелочей». Все четверо отправляемся по секциям искать напольные весы для академика. Забавно сознавать, что покупатели не подозревают, кого они толкают, продавщицы — кому они грубят. Ничто в облике Андрея Дмитриевича не выдает в нем какого-то особенного, выдающегося человека.

В двенадцатой секции сообщают, что вообще-то напольные весы бывают здесь, но сейчас их нет. Едем дальше. Сахаров говорит, что ему надо домой к шести: отдохнуть часок, а в семь за ним заедут с телестудии — сегодня проводится второй телемост с США (первый был несколько дней назад): любой американский гражданин может задать вопрос советскому академику.

Разговор заходит о машинах. У Сахаровых — третья модель «Жигулей».

— Машина очень хорошая, — хвалит ее Андрей Дмитриевич. — Говорят, что она очень легкая в управлении по сравнению с другими машинами.

— Вы сами водите? — спрашиваю.

— Да, и я, и жена — мы оба водим. Когда я голодовку держал и меня десять месяцев держали в больнице, она только машиной и спасалась. Потому что ходить ей очень трудно, у нее ноги болят. И все ее существование держалось на машине.

— Где она сейчас?

Со вздохом:

— В Горьком осталась. Мы еще поедем туда и, может быть, продадим там ее. А может быть, перегоним сюда.

— Наверное, уже есть смысл новую купить?

Это Юра, опытный автомобилист.

— Есть такое чувство привычки, — опять вздыхает Сахаров. — К старой машине.

Да, особенно если она была верным другом, единственным в тяжкое время.

— Но он все-таки много хлопот доставляет, когда ветшает, — не унимается Рост.

— Когда у нас была голодовка за нашу невестку, нашу машину украли — чтобы с ее помощью нас выманить. И в отместку за наши подвиги ее совершенно всю раскурочили. Горьковская ГБ.

— Тяжело там, наверное, было жить? — Юра делает отважный шаг в запретную область.

— Жить было трудно, — просто отвечает Сахаров. — Страшное для меня — полная изоляция. Вот за семь месяцев мы только с одним человеком общались...

— Телефона не было, конечно?

— Телефон поставили пятнадцатого числа. В половине одиннадцатого неожиданный звонок в дверь. Мы немножко даже испугались... Это пришли ставить телефон. А на другой день позвонил Михаил Сергеевич Горбачев по этому телефону.

— Долгий был разговор?

— Нет, не долгий.

— А тон — доброжелательный? Или информационный?

— Тон был информационный.

Далее следует уже известный читателю рассказ. Впрочем, отличающийся от приведенного ранее некоторыми деталями (потому, быть может, его и стоит здесь привести):

— Он сказал: «Мы получили ваше письмо, посоветовались, и будет Указ Верховного Совета о том, что вы можете вернуться в Москву. Будет также Указ о Боннэр». Я говорю: «Это моя жена». — «Квартира у вас в Москве есть, так что с этим проблем не будет. Я подошлю к вам Марчука. Можете возвращаться к патриотическим делам». Я сказал: «Большое спасибо, но у меня в тюрьме убит мой друг Марченко. Это первый в том списке, который я вам посылал». Он говорит: «Я получил это письмо в начале года. Мы рассмотрели эти дела, но там очень разные люди». Я говорю: «Это люди не разные. Это люди, пострадавшие за свои убеждения, и я считаю, что все они должны быть освобождены». Горбачев сказал: «Я не могу с вами согласиться». Я тогда говорю: «Я умоляю вас еще раз вернуться к этому вопросу, он имеет иск-

лючительное значение для авторитета нашей страны, для международного доверия, для дела мира, а для вас — для успеха всех ваших начинаний». Это, собственно, был уже конец разговора. Дальше последовало прощание.

Высадили Мигдала возле дома (на протяжении всего разговора он, точно студент, заискивающе смотрел Сахарову в рот). Юра сказал, что можно заехать в хозяйственный магазин на Дорогомиловской: год назад он купил там напольные весы.

— Ты думаешь, они с тех пор там так и лежат? — пошутил я.

— Нет, там просто такой закуток неприметный, мало кто о нем знает.

Под колесами скользко. Снаружи морозно. Окна машины замерзли.

— Чего ты не включишь отопление? — спрашиваю.

Юра сжимает мне колено. Знак: кончай об этом! После объяснил: незаметно включил магнитофон, чтобы записать разговор, шум отопителя будет мешать записи.

Да, но ехать по гололеду с замерзшими стеклами тоже не дело. Особенно с таким пассажиром. Страшно подумать, если что случится.

— А вы когда написали письмо, Андрей Дмитриевич? — интересуюсь я.

— 19 февраля было мое письмо о политзаключенных.

— Нет, я имею в виду — с просьбой о разрешении вернуться.

— 23 октября.

— Довольно быстро они отреагировали, — замечает Рост.
— Что-то там изменилось.

— Кстати, — говорю, — в октябре месяце мы обратились за разрешением сделать интервью с вами. И тоже быстро получили разрешение.

— Да, я думаю, это уже было симптомом каких-то изменений, — говорит Сахаров.

Я:

— Был такой замысел: если бы мы что-то напечатали, — это был бы прямой путь к вашей легализации.

— Нет, я не мог тогда согласиться... — поясняет Сахаров свой отказ.

— Это с одной стороны легализация, а с другой — узаконить свое положение, — поддакивает Юра.

— Да, тут обе стороны надо было иметь в виду, — соглашается Сахаров.

Он интересуется, кому принадлежала инициатива интервью. Мне неловко говорить о себе. На меня кивает Юра, я объясняю, кто и как реагировал на эту безумную идею. В общем-то в ту пору она уже переставала быть безумной.

По какой-то замысловатой траектории разговор перекидывается на журналиста Яковлева, автора книжки «ЦРУ против СССР», одна из глав которой «разоблачает» Сахарова и Елену Георгиевну. Этот Яковлев имел наглость приехать в Горький и явиться к Сахарову на квартиру. Говорили, что Андрей Дмитриевич его выставил, чуть ли не ударил или даже побил. Никто из знакомых Сахарова в это не верил. Не верится и нам.

— Неужто так-таки и побили? — смеюсь я.

— Это совершенно точно, — убеждает нас Сахаров. — Это абсолютно точно. Это не преувеличение.

— То есть как? Действительно? — опять переспрашивает Юра.

— Действительно. Других способов выразить свое отношение к этому человеку у меня не было.

Когда подъезжали к хозяйственному магазину на Дорогомиловке, какой-то водитель на «Волге» у светофора, приспустив стекло, спросил, как проехать к «Березке». Я объяснил.

— Вот видите, — сказал я Сахарову, — вы когда-то протестовали против этих деревьев, а они по-прежнему произрастают как ни в чем не бывало.

Юра снова схватил меня за колено. Он это делал всякий раз, когда я говорил что-нибудь, по его мнению, непотребное. («Я же вижу, как он весь сжимается от этих слов», — после объяснял он мне).

Зашли в хозяйственный. Наконец-то! В самом деле, есть то, что нужно. Напольные весы. В том самом закутке. Молодец Рост! Исполнение всех желаний.

И снова то же чувство: никто не подозревает, что за человек стоит рядом у прилавка, в очереди к кассе, подает чек продавщице. Но и сам Сахаров не чувствует себя каким-то особенным.

С чувством выполненного долга везем академика домой на улицу Чкалова.

— Так вам там не позволялось вступать в контакты с местными физиками — с Гапоновым-Греховым, например? — продолжаю я расспрашивать нашего пассажира.

— Гапонову-Грехову не позволялось. Впрочем, мне, конечно, в первую очередь ни с кем не позволялось вступать в контакты.

— То есть практически вы были совершенно изолированы?

— Абсолютно. Там была полная изоляция. На первых порах с нами как-то общались соседи — мы жили на первом этаже, — но у них были из-за этого большие неприятности. И они потом очень боялись. Так-то вообще они люди вполне приличные. Некоторые. А некоторые вели себя очень плохо... Или вот такая типичная сцена. На улице стоит мужчина с плачущим больным ребенком на руках. Моя жена останавливается, хочет его подвезти. Сопровождающие подбегают, силой вытаскивают мужчину с этим ребенком из машины.

— Какие сопровождающие?

— ГБ. Машина госбезопасности. Все время ездили за нами две машины. Одна впереди идет, другая — сзади. Где бы мы ни ехали. Но если машина ломалась, они нам никогда не помогали. Мы должны были сами выкручиваться. Даже иногда не позволяли остановить кого-нибудь, чтобы кто-нибудь ей помог.

— Значит, Елена Георгиевна должна была сама, допустим, демонтировать колесо?

— Ну, демонтировать она сама, конечно, не могла, но они сначала запрещали ей останавливать проезжающие машины. Тогда она говорила: «Ну, тогда я буду здесь ночевать». Им не хотелось вместе с ней ночевать на улице. «Хорошо, можете остановить машину».

— А с доставкой научной литературы как было?

— С этим у меня не было никаких проблем. У меня было очень много литературы. Приходила по почте. Присылали из ВИНТИ и из-за рубежа...

Разговор перекидывается на предстоящий телемост с Америкой.

— Я уже пережил это один раз.

— Тяжело, наверное? Там ведь жара от этих ламп...

— Не знаю, я не заметил. Я был в таком напряженном состоянии. В общем в первый раз, как прыгать с парашютом, — не страшно. А второй раз уже представляешь, что это такое. Второй раз страшно. В первый раз я не боялся. А сегодня мне надо себя как-то немножко на это настроить. Вопросы я знаю заранее — они мне сказали, и, может быть, это плохо. В тот раз я не знал. И может быть, лучше, когда не знаешь. Они записывают эту передачу там, в США. И корреспондент, который задает вопросы, находится там, и переводчик... А перед тобой только черная дыра — телекамера...

— Как вам Москва? Чувствуете хотя бы какие-то изменения?

— По-моему, стали меньше чистить Москву.

Это точно. Точное замечание.

— В Париже арабы, испанцы чистят улицы, — продолжает Сахаров, — а у нас лимитчики. Тоже как бы из другой страны.

После паузы, без перехода:

— Этот закон о нетрудовых доходах... очень, по-моему... какой-то непродуманный.

Чутко улавливает малейшие дуновения и колебания воздуха. Общественной атмосферы.

— Он ведь, — говорю, — должен был идти в паре с законом об индивидуальной трудовой деятельности...

— Он плохо сделан, — продолжает свою мысль Сахаров. — На местах уже стали все запрещать... Запрещать гораздо легче оказалось. Причем запретили такое... Все на свете запретили в результате. И там произошли ужасные беды. Причем ударило как раз по малообеспеченным слоям населения.

— Вообще-то какие-то изменения происходят в обществе, но непонятно, насколько все серьезно, — философски замечает Рост после некоторого молчания.

— В основном — на уровне разговоров, — говорю я. — Впрочем, для русского человека это немало.

Сахаров, встрепенувшись:

— Разговоры? Да, конечно, для русского это немало.

— Хотя бы душу отвести дают.

— Не известно, как долго это продлится, — раздумчиво говорит Юра.

— Вся беда, что все от одного человека зависит.

— Значит, система неточно продумана. Она должна работать при любом человеке.

Пока мы с Юрой перебрасываемся репликами, Сахаров молчит.

— Правда, сейчас зависит от двух — от Горбачева и от Рейгана, — говорю я.

— Этот все время возится со своей машиной, — наконец прерывает свое молчание Сахаров. — Я имею в виду — Рейган. Улучшает и перестраивает. Ускоряет ее на ходу.

По какому-то поводу заходит разговор об «Адмирале Нахимове». Юра полетел в Новороссийск сразу же после сообщения о катастрофе.

— В Новороссийск? — живо переспрашивает Сахаров. — А в Чернобыле вы не были?

Чернобыль его ужасно волнует.

— В Чернобыле я не был. На третий день я пришел в редакцию и попросил, чтобы меня послали туда. У меня в Киеве родители живут. Это город, где я родился. Мне было важно... Там, неподалеку, живет замечательная народная художница, о которой я писал в «Литгазете», — Мария Примаченко. Она живет буквально в десяти километрах от тридцатикилометровой чернобыльской зоны. Я очень хотел туда поехать. Но оказалось, что разрешили только трем газетам — «Правде», «Известиям» и почему-то «Комсомольской правде». Больше никому. В первый период. А потом уже было поздно...

Чернобыльскую тему Сахаров охотно поддерживает.

— К нам в Горький привезли детей, которые бегали к реактору посмотреть на пожар. Их как следует посыпало. И привезли их в той же одежде, в которой они были. То есть эта одежда продолжала их облучать. И ездили они по стране до 8 мая: нигде их не брали. Женщина, которая их взяла, позвонила куда-то в здравотдел и спрашивает, что ей делать. Ей отвечают: действуйте по инструкции. Она говорит: у меня нет никаких инструкций. И действовала по своему усмотрению...

— Вообще в острых случаях надо действовать не по инструкции, — подводит неожиданную мораль под рассказанное Андрей Дмитриевич. — У моей жены был случай. Она присутствовала при покушении на премьер-министра Ирака Касема. Она работала в Ираке по прививанию оспы. Она по специаль-

ности детский врач, и ее послали туда прививать оспу иракским мальчикам и девочкам. Она говорит, что те мальчишки, которых мы спасли, сейчас погибают на войне с Ираном. Так вот, при ней ранили Касема. Она сразу побежала за машиной. Машина въехала в советское посольство. Она стала оказывать ему первую помощь. Кто-то позвонил в Москву: что делать? И был дан приказ: оказывать ему помощь, только если есть уверенность, что он выживет. Но к этому времени моя жена уже оказала ему первую помощь. Пока этот вопрос согласовывался.

— Так что в острых случаях надо действовать не по инструкции, — повторил свой вывод академик Сахаров.

Въезжаем на улицу Обуха. Андрей Дмитриевич объясняет, как ехать дальше.

— К моему дому — направо от Обуха. Это квартира матери моей жены. Она получила ее при реабилитации. Своей и посмертной реабилитации мужа, отца моей жены. Отец секретарь Коминтерна был. Негласный секретарь, возглавлял работу с заграничными кадрами. Большую биографию имел.

Дальше разговор идет о разных знаменитых домах, расположенных на улице Обуха, какие тут произошли изменения за время, пока Сахаров отсутствовал. Юра прекрасно знает Москву, даром что киевлянин. Сахаров живо интересуется переменами. Живой человек. Сам рассказывает о прошлом примечательных строений.

...Юра как ас въехал на тротуар. Хотел было уже остановиться, чтобы высадить пассажира, но рядом заметил качающиеся силуэты — дело предновогоднее — и от греха подрулил прямо вплотную к подъезду.

— Ой-ой-ой, куда вы едете? Сюда не положено, — запримечтал академик.

Забавно было слышать это от человека, который долгие годы шел наперекор тому, что «положено».

Я вышел и помог выйти Сахарову. Он тепло попрощался с нами. Поблагодарил. Вообще, я заметил, это его манера — тепло прощаться. После напряжения встреч, разговоров, еще каких-то действий — в данном случае магазинных поисков — при прощании наступает расслабление, и выплескивается доброта.

Забавная деталь: высадив академика, Юра забыл выключить магнитофон и, едучи домой, еще полчаса записывал гул мотора, переключение передач, собственное чмоканье, а я, получив

от него потом кассету, в поисках продолжения беседы полчаса слушал все это.

3 января был выходной. Я поехал с дачи, из Переделкина. Мороз 22 градуса. Машина, однако, завелась довольно легко. За-вез сына в университет. Заехал домой. К дому Сахарова подъехал без пяти два. Машину оставил чуть поодаль. Юры не было. Стал немного волноваться. Вскоре, однако, приехал и он. Вошли в подъезд, поднялись на седьмой этаж. Лифт заблеванный. В прихожей я снял сапоги, надел тапки, Юра прошел так (Елена Георгиевна попросила: «Вытирайте ноги»).

У Сахаровых двухкомнатная квартира, принадлежавшая матери Елены Георгиевны. Бывший цековский дом (отец Елены Георгиевны — Георгий Алиханов был одним из руководителей Армении сразу же после установления Советской власти, потом, как уже говорилось, работал в Коминтерне, погиб в 1937 году). Хотя квартира, если считать комнаты, и небольшая, но просторная. Высокие потолки. Запущенная. Семь лет здесь никто не жил. На потолке потеки: соседи заливали. Повсюду, даже в коридоре, стеллажи с книгами, частично самодельные.

Елена Георгиевна не выходит на улицу: врачи не рекомендуют выходить при температуре ниже девяти градусов, возможны спазмы сосудов (не ясно, правда, почему именно ниже девяти).

Устроились за журнальным столиком в одной из комнат. Я стал искать розетку, куда бы включить магнитофон. Елена Георгиевна сказала, что она сама не знает, где работающие розетки, вообще у них в квартире пока ничего не работает, в том числе, извините, унитаз. Предложила выключить елку.

Юра тоже приготовил свой магнитофон, он у него автономный, на батарейках. Третий магнитофон, контрольный, включила Елена Георгиевна.

— Ну что, начнем, — сказал Андрей Дмитриевич. И мы начали.

— Собственно говоря, беседовать, может быть, и излишне: я приготовил ответы на ваши вопросы. Вот из ваших вопросов фактически статья получилась в форме интервью. Это примерно так, как Михаил Сергеевич Горбачев отвечает на вопросы корреспондента «Правды». В данном случае вопросы задавали вы. На данном коротеньком историческом этапе я тоже оказался в таком

же несколько выделенном положении. Поэтому мне очень важна и точность, и полнота всего того, что мной было сделано...

Андрей Дмитриевич передал нам пять страничек ответов, отпечатанных на машинке с мелким шрифтом. Мы испугались, что беседа в самом деле может не состояться, и попросили его для начала прочитать перед магнитофонами написанное, а потом мы ему зададим дополнительные вопросы. Он согласился.

Елена Георгиевна закурила. Увидев это, и Юра тут же обрадованно задымил. Так они и дымили весь разговор в две сигареты. Андрей Дмитриевич совсем не протестовал, хотя табачный дым, конечно, внес свой вклад в его усталость в конце разговора.

Написанный текст Сахаров прочитал очень внятно и даже «с выражением». Однако на дополнительные, устные, вопросы отвечал медленно, с трудом выдавливая из себя слова. По мере разговора — а мы беседовали примерно два часа десять минут — речь его становилась все тяжелее и тяжелее, пока наконец Елена Георгиевна не сказала решительно: «Ты устал... Давай я расскажу. Тем более, что я все это хорошо знаю». Это случилось, когда Юра попросил Андрея Дмитриевича рассказать о себе: «Мы же о вас ничего не знаем».

Впрочем, все по порядку. В сущности, это было первое интервью, которое академик А.Д.Сахаров дал журналистам — своим соотечественникам после возвращения из ссылки и, кажется, второе за все годы своего инакомыслия. Это документ. А с документами полагается обращаться бережно.

«Вопрос. В октябре прошлого года, когда вы еще находились в Горьком, один из нас предложил подготовить интервью с вами. Эта идея была поддержана всеми, от кого зависело поддержать или не поддержать ее. Просьба принять корреспондента для беседы была передана вам академиком В.Л.Гинзбургом. Однако вы отказались это сделать, сославшись на ваше положение. Сейчас это положение изменилось. Остаются ли у вас какие-либо сомнения относительно целесообразности вашего выступления в печати?»

Ответ. Я принимаю ваше предложение с учетом вашего обещания дать мне возможность отказаться от публикации, если в окончательном тексте будут недопустимые, с моей точки зрения, изменения. Моя общественно-публицистическая деятельность началась почти двадцать лет назад с попытки по

предложению Э.Генри напечатать в «Литературной газете» статью в форме интервью. Статья долго рассматривалась Сусловым, но не была разрешена к опубликованию. Из нее выросли «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

Когда читаешь сегодня сахаровские «Размышления» — это, почти один к одному, весь круг нынешних официальных идей, нынешняя программа перестройки. Не понять, что ж там такое злокозненное и крамольное. Но это, конечно, — с сегодняшней точки зрения. В 1968-м, с точки зрения Суслова, все было крамольным. Брежневско-сусловский паровоз раскошегаривали совсем в другом направлении.

В основе «Размышлений» — две ключевые идеи. Первая — разобщенность человечества ведет к гибели. И вторая — человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода. Само по себе это что-то не очень ясное — интеллектуальная свобода, что-то вроде бы для одних лишь интеллигентов, но Сахаров расшифровывает: это свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитетов и предрассудков. Короче, то, что нынче именуется демократией и гласностью.

Кстати, Сахаров особо разъяснял: защита свободы мысли — «это задача не только интеллигенции, но и всех слоев общества, и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки — рабочего класса... Осознание рабочим классом и интеллигенцией общности их интересов — примечательное явление современности. Можно сказать, что наиболее прогрессивная, интернациональная и самоотверженная часть интеллигенции по существу является частью рабочего класса, а передовая, образованная и интернациональная, наиболее далекая от мещанства часть рабочего класса является одновременно частью интеллигенции».

Это было написано в конце шестидесятых. Между тем, сегодня, как во все прошлые десятилетия, продолжают попытки натравливать рабочих на интеллигенцию. Очень кому-то хочется, чтобы две силы, на которые у людей главная надежда, обескровили друг друга.

«Вопрос. Были ли вам поставлены какие-либо условия поведения в Москве?»

Ответ. О своем освобождении я узнал из телефонного разговора с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Ни он, ни кто-либо еще не ставил мне каких-либо условий».

Это так, но истины ради надо сказать, что сам Сахаров в письме к М.С.Горбачеву обещал, если будет освобожден, отказаться от политической деятельности, за исключением случаев «Не могу молчать!» (об этом мне говорил В.Л.Гинзбург, видевший копию письма). Формально говоря, он не выполнил этого обещания. Повернется ли язык упрекнуть его за это? Станем рассуждать: заслуживают ли осуждения несчастные, которые после некоторого срока пребывания в руках умельцев из НКВД признавались, что они шпионы всех стран мира, и оговаривали десятки других? Есть предел перенесения боли — физической и моральной. Для Сахарова жизнь в Горьком была пыткой. Часто — в буквальном значении. «Врач», наследник хватов и шароков, заталкивавший ему в рот зонд для насильного кормления во время голодовок, приговаривал: «Убить я тебя не убью, но инвалидом сделаю».

«Вопрос. Как вы себя чувствуете сейчас?

Ответ. Я чувствую себя хорошо».

Все же такой «курорт», как Горький, не мог для Сахарова пройти без следа. Выглядит он старше своих шестидесяти пяти.

«Вопрос. В энциклопедиях, в энциклопедическом словаре в статье, посвященной вам, есть такая стереотипная фраза: «В последние годы отошел от научной деятельности». Вы согласны с этой фразой?

Ответ. Если говорить о научной работе в фундаментальных областях, то как раз в последнее время я этим занимаюсь больше, чем когда, на протяжении двадцати лет, я занимался военно-прикладными вещами. То есть я не отошел, а наоборот, вернулся к работам в области фундаментальной науки».

— Какой срок вы имеете в виду, говоря «в последнее время»?

— Тот же самый, какой имеют в виду они, — с 1968 года. Это было время, когда я был отстранен от работы в военной области и целиком сосредоточил свое внимание на фундаментальных проблемах.

— И на общественных проблемах, — добавляет Сахаров после некоторой паузы.

Писавшие про Сахарова в энциклопедии, видно, убеждены, что наукой можно заниматься, лишь регулярно ходя на службу,

протирая штаны под недремлющим оком начальства. Если же этого не наблюдается, значит — «отошел от научной деятельности».

Впрочем, трудно сказать, каких осуждающих слов о Сахарове требовали от редакторов энциклопедии. Может, то, что они ограничились этими, — как раз героизм.

«Вопрос. Насколько интенсивно вы занимались наукой, находясь в Горьком? Сколько статей опубликовали?»

Ответ. Во время пребывания в Горьком я опубликовал шесть статей. Я не мог заниматься наукой в те месяцы, когда проводил голодовки и был принудительно госпитализирован в больницу, превращенную для меня в тюрьму, и по несколько месяцев после каждой из голодовок по состоянию здоровья».

— Шесть статей... А какова была ваша продуктивность до переезда в Горький?

— Шесть статей — это не такая большая продуктивность. Я вообще работаю очень трудно и медленно. За двадцать лет — с 1948 по 1968 год — мной было опубликовано примерно столько же научных работ. Может быть, чуть больше — около десяти. То есть за последние годы моя продуктивность даже увеличилась.

«Вопрос. Полностью ли вы сейчас в курсе развития науки? Насколько этому способствовали ваши сотрудники из теоретического отдела ФИАНа, которые, насколько нам известно, регулярно навещали вас в Горьком?»

Ответ. Большой трудностью для меня являлось отсутствие постоянного личного общения с коллегами. Эпизодические визиты сотрудников Физического института были полезны, но не могли заменить такого общения.

Вопрос. Считаете ли вы, что ваш потенциал ученого сохранился на прежнем уровне? Нет ли у вас ощущения, что вы отстали?»

Ответ. Ощущение, что я отстал, у меня всю жизнь, с пребыванием в Горьком это никак не связано».

Те же самые сотрудники Сахарова рассказывали мне о чудесах, нередко приключаящихся на семинарах, где он участвует: бывает, обсуждается предмет, вроде бы далекий от его интересов, но вот Сахаров задает докладчику два-три вопроса, и всем как божий день становится ясно, что Сахаров — тот человек, который знает о предмете больше всех; с этой минуты все взоры устремлены именно к нему.

«Вопрос. Ваши коллеги считают вас великим ученым. Согласны ли вы с такой оценкой?»

Ответ. Великих ученых в каждом поколении немного, я к их числу не принадлежу.

Хоть Сахаров и отрицательно ответил на этот вопрос, мне показалось, что он ему не неприятен.

«Вопрос. Какие научные проблемы более всего занимают вас сейчас? Каковы вообще ваши планы?»

О научной работе Сахарова из широкой публики никто ничего не знает. Единственное, что известно, — что он работал над водородной бомбой. Некоторые считают его даже ее «отцом». Слышали также, что он занимался управляемым термоядерным синтезом.

«Ответ. Меня более всего интересуют проблемы физики элементарных частиц и ранней космологии, примыкающие к идее Калуцы и Клейна о расширении геометрии наблюдаемого мира за счет дополнительных измерений пространства и к идее протяженных элементарных частиц, так называемых струн. С этим и связаны мои научные планы. Я также собираюсь принять участие в обсуждении проблемы управляемой термоядерной реакции...»

Вопрос задан так, что не ясно, какие, собственно, планы имеются в виду. Поэтому Сахаров продолжает:

«...Я не считаю себя вправе оставаться в стороне от общественных проблем. Я вижу своим долгом содействовать освобождению узников совести в СССР и во всем мире — людей, подвергшихся репрессиям за убеждения и связанные с убеждениями ненасильственные действия. В своем телефонном разговоре с М.С.Горбачевым я напомнил об этой проблеме. Я сказал: «Я благодарю вас. Но несколько дней назад в тюрьме убит мой друг Анатолий Марченко. Он был первым в списке, который содержался в моем письме вам. Я умоляю вас вновь вернуться к поднятому в письме вопросу (речь шла об акте амнистии узникам совести. — А.С.). Это исключительно важно для авторитета нашей страны, для международного доверия, для мира, для вас, для успеха всех ваших начинаний...»

Читатель уже знает об этих словах Сахарова, но в те дни он не уставал вновь и вновь повторять их — потому и я не считаю неуместным приводить их в этом очерке снова, вслед за Андреем Дмитриевичем.

«...Сейчас, несмотря на тенденцию к позитивным изменениям в советском обществе, положение находящихся в тюрьмах, лагерях, психиатрических больницах узников совести трагично, особенно самых мужественных и честных из них. Они подвергаются жесточайшему давлению. Повторные приговоры, многомесячные карцеры, лишение свиданий с близкими, избиения — все это с целью сломить, заставить поступиться убеждениями. В опасности Ходорович, Корягин, Шиханович, Гершуни, Костава, Григоряни, Алтунян, Ривкин, Смирнов, Огородников и многие еще, жертвы желания эмигрировать — еврей Бигун, русская семья Евсюковых и другие, люди разных национальностей».

Наибольшие сложности я предвижу с публикацией именно этой части интервью, потому пытаюсь найти какие-то амортизирующие «прокладки», которые можно было бы вставить в уже написанный текст.

— Андрей Дмитриевич, — говорю я, — вас довольно часто упрекают, что вы чересчур резко критикуете нашу страну, закрывая глаза на то, что происходит в других странах... В самом деле, есть ведь много стран, где существуют узники совести. Есть там и уголовные статьи, которые навешиваются политическим противникам. В общем, такие вещи распространены в мире...

Сахаров охотно идет на компромисс, проявляет лояльность.

— Есть такая организация — «Международная амнистия», «Эмнисти интернэшнл». Она своей главной задачей ставит амнистию узников совести во всем мире. Стремясь при этом к полной политической беспристрастности. У нее есть списки узников совести не только в СССР, а главным образом в других странах. Большинство из них действительно находится в других странах...

— В СССР, по ее данным, насчитывается лишь около семисот человек, — вставляет Елена Георгиевна. — И, собственно, Андрей Дмитриевич говорит именно об этом контингенте.

— Я не исключаю, что ее список не полон, — продолжает Сахаров. — Может быть, это не семьсот человек, а в два раза больше. Но по порядку величин эта оценка правильная. В некоторых странах «Эмнисти интернэшнл» называет большие цифры, в некоторых — гораздо меньшие или полное отсутствие узников совести. Так что проблема действительно носит общемировой характер. Мы не можем освободить узников совести непосредственно в других стра-

нах, но если мы освободим своих узников совести, то это, несомненно, будет способствовать освобождению их и в других странах.

— Можно я тебе напомню? — снова вступает в разговор Елена Георгиевна. — Ты же послал обращение к «Эмнисти», на основе которого потом был послан призыв в ООН. И там ты говорил не об амнистии узников совести в СССР, а об амнистии узников совести во всем мире. Так что это разговор не об СССР. Там и Чили, и ЮАР, и Индонезия...

— Да, я много выступал по конкретным случаям узников совести, — соглашается Андрей Дмитриевич. — В частности, было очень важное письмо об амнистии узников совести в Индонезии, где, как известно, после неудачной попытки переворота очень многие оказались в концентрационных лагерях в тяжелейших условиях. Часто их помещали туда просто по национальному признаку — как китайцев. Иногда по каким-то другим соображениям. В общем, там было колоссальное количество людей. И я писал об этом. И то, что там была проведена амнистия, к сожалению, частичная, неполная, в какой-то мере связано с моим обращением, которое было в русле усилий других людей, других влиятельных международных организаций.

— В советской прессе это все переиначивалось, — говорит Елена Георгиевна. — Было абсолютно переиначено твое письмо Пиночету. Советская пресса представила его как приветствие Пиночету...

— Да, как будто я поддерживаю его. Это была фальсификация, конечно. Оно носило совсем другой характер.

— Это было письмо в защиту Пабло Неруды, — поясняет Елена Георгиевна. — Когда появились сведения, что он арестован, что он болен и погибает... В письме Андрея Дмитриевича была такая фраза: когда вы провозгласили эру... чего-то там...

— Эта фраза была так представлена, как будто в Чили при Пиночете не только провозглашена, но и осуществлена какая-то эра национальной консолидации... Что было совершенно не так. Появились статьи... Со всякого рода фальсификацией и искажениями я непрерывно сталкивался все эти годы. Так что я к этому уже привык. Но я надеюсь, что это в прошлом, что сегодня этого не будет.

— У Андрея Дмитриевича хороший характер, — смеется Елена Георгиевна, — он спокойно относится к этому. По-моему, только раз в жизни взорвался, когда дал Яковлеву пощечину.

— Да, это было, — опять подтверждает Андрей Дмитриевич. — Было за что, как говорится.

«Большинство узников совести находится не в СССР, а в других странах...» Такими же знаками лояльности, компромисса изначально были насыщены сахаровские «Размышления». Эти знаки призывали в доброжелательству, к диалогу:

«...По существу, взгляды автора являются глубоко социалистическими, и он надеется, что внимательный читатель это поймет.

Автор очень хорошо понимает, какие уродливые явления в области человеческих и международных отношений рождает эгоистический принцип капитала... Автор конкретизирует внимание на том, что у него перед глазами...»

«...Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принес народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда...»

«Суммируя содержание первых разделов, мы приходим к нашему основному выводу о нравственном, морально-этическом характере преимущества социалистического пути развития человеческого общества... Без социализма буржуазный практицизм и эгоистический принцип частной собственности рождал «людей бездны», описанных в известных очерках Д.Лондона, а ранее — Энгельсом... Только социализм поднял значение труда до вершин нравственного подвига. Без социализма национальный эгоизм рождал колониальное угнетение, национализм и расизм...»

Вскоре все узники совести, перечисленные Сахаровым в нашем интервью с ним, были освобождены, правда, с не удовлетворившей его формулировкой — «помилованы». Другим разрешили выехать.

Кстати, Сахаров всегда проявлял умеренность в подсчетах числа политзаключенных. В тот момент, когда мы работали над этим интервью и западные станции говорили о тысячах страдающих за убеждения в СССР, Сахаров, мы видели, называл несравненно меньшую цифру. Он не включал сюда угонщиков самолетов, других подобных людей. Узники совести, в его понятии, — лишь те, кто не прибегал к насилию.

Все же, опять-таки в предвидении трудностей с публикацией, мы ставим следующий вопрос еще более задиристо:

«Вопрос. Чем все-таки объяснить, что свою страну вы критикуете с несравненно большей резкостью, чем страны Запада?»

Это уже приводит академика в раздражение.

«Ответ. Я нахожу ваш вопрос неправомерным. Свою критику нарушений прав человека в нашей стране я считаю конструктивной и основанной на фактах, которые мне непосредственно известны. За то, что происходит в нашей стране или происходило, я чувствую особенно острую личную ответственность. При этом я убежден в необходимости общечеловеческого, глобального подхода к проблемам мира, прогресса, прав человека.

Вопрос. Что вы можете сказать о проводимой сейчас в стране перестройке народного хозяйства и жизни в целом?

Ответ. Эпоха научно-технической революции требует демократизации общества. Большая гласность внушает надежду, я надеюсь на дальнейшее расширение ее. Но в целом положение неопределенно и противоречиво. Некоторые законодательные акты представляются мне недостаточно продуманными, в их числе указ о борьбе с нетрудовыми доходами. Другие акты являются, на мой взгляд, половинчатыми. Безоговорочно поддерживаю борьбу с пьянством».

Ответ насчет перестройки — центрального понятия — кажется куцым. Но в ту пору, в самом начале восьмидесят седьмого, еще не было повода для больших размышлений, тем более у человека, только что вернувшегося из ссылочной изоляции.

Что касается борьбы с пьянством...

— Вы считаете, что принятые меры разрешат проблему?

— Проблема может быть разрешена только многолетними усилиями. Должна, по-моему, смениться пара поколений. Одно или два поколения.

— Сами вы никогда не пили?

— Вообще я фактически непьющий человек, — говорит Сахаров несколько смущенно.

— Я вам скажу, сколько пьет Андрей Дмитриевич, уже точно, — приходит ему на подмогу Елена Георгиевна. — Если в рюмку, маленькую, которая вся содержит тридцать граммов, налить вот сто-лечко, на донышке, то это он поднимает вместе со всеми при каком-нибудь тосте и это он выпивает за целый большой вечер.

— А чем объясняется ваша неприязнь к алкоголю?

— Какой-то принципиальной неприязни нет... У меня нет принципов в этом вопросе. Я просто не люблю. Вот моя жена тоже такая, — кивает Андрей Дмитриевич на супругу.

— Я никогда не пила, — поддакивает Елена Георгиевна.
— Даже в армии не пила. Мне не вкусно.

— Очень правильная, по-моему, мысль, — говорю я, — что от питья должны воздержаться одно-два поколения. Иначе ничего не получится. Это вопрос терпения.

— Да, чтобы это не была кампания, — подтверждает Андрей Дмитриевич, — а был действительно курс на это взят. Даже если Горбачева, не дай бог, кто-нибудь сменит, — чтобы этот следующий начальник тоже придерживался того же курса...

Увы, терпения не хватило не только на одно-два поколения — на три года едва хватило.

Да, собственно, те меры, которые одобрял Сахаров, и не были рассчитаны на долгосрочную терпеливую работу — лишь на короткую кавалерийскую атаку. Теперь это видно. Как многие интеллигенты, не испытывающие никакой тяги к выпивке, Сахаров ошибался в оценке тех чересчур жестких мер. У широких масс эта самая тяга оказалась сильнее запретов.

«Вопрос. Как вы относитесь к М.С.Горбачеву?»

Ответ. Я с большим вниманием и уважением отношусь к начинаниям М.С.Горбачева. Это не значит, что мне все нравится в его действиях и выступлениях, и тем более не значит, что я одобряю все происходящее в стране и в ее внешней политике. Однако выступления М.С.Горбачева содержат мысли, которые можно обсуждать, даже не будучи с ним согласным. Единственный мой личный контакт с М.С.Горбачевым — это звонок ко мне. Это было нетривиальное действие».

Несмотря на эти строгие слова, Сахаровы, по моим наблюдениям, относятся к Горбачеву с симпатией, даже с любовью.

— Что-то он на Новый год выступал грустный, — говорит Андрей Дмитриевич.

— Да, у него даже щека дергалась, — подхватывает Елена Георгиевна.

— Верно, есть у него такая манера, — соглашается ее супруг.

«Вопрос. Распространился слух о том, что вы передали в правительство некие идеи о перестройке. Так ли это?»

Ответ. Нет, таких предложений я не выдвигал. Возможно, слух вызван моим письмом президенту АН СССР Г.И.Марчуку о проблеме безопасности ядерной энергетики. Я глубоко потрясен катастрофой в Чернобыле, ее масштабами, трагическими последствиями для многих тысяч людей на огромной территории нашей страны и за ее пределами. Последствия эти были усугублены недостаточной и поздней информацией населения о необходимых мерах предосторожности, запоздалой эвакуацией, то есть в конечном счете недостатком гласности. Тем не менее я по-прежнему убежден в необходимости для человечества ядерной энергетики. Должны быть найдены решения, полностью исключаящие возможность катастроф, подобных чернобыльской. Мы не имеем права экономить за счет безопасности ядерной энергетики. Подробнее о мыслях, содержащихся в письме, я не буду сейчас говорить».

— Кстати, насчет Академии наук... Как, на ваш взгляд, в условиях перестройки справляется со своими задачами наша наука, в частности Академия наук?

Я ожидаю, что этот разговор его заинтересует и мы услышим какие-то слова насчет «штаба науки», чье застойное нутро особенно отчетливо становится видно во времена оттепели (в сами застойные времена она как раз проявляет неплохие качества — кое-какую независимость, например). Но Сахаров уходит от этого разговора:

— Я был лишен возможности посещать собрания академии семь лет и ничего не могу сказать об ее участии в процессе перестройки.

Сахаров отрицает, что он передал в правительство какие-то предложения. Но, в сущности, он мог бы сослаться на один документ, подготовленный им. Правда, подготовленный давно.

5 марта 1971 года Сахаров послал Брежневу «Памятную записку». Когда ее читаешь — опять-таки впечатление, что написано это в нынешнее, перестроечное время. Сахаров предлагает ряд мер, нацеленных на улучшение положения в стране. Часть этих мер к нынешнему дню уже осуществлена, о другой части повсюду идут разговоры.

Вот, например, что предлагал Сахаров девятнадцать лет назад в области экономики, управления:

«1. Углубление экономической реформы... увеличение хозяйственной самостоятельности всех производственных единиц,

пересмотр ряда ограничительных положений в отношении подбора кадров, зарплаты и поощрения, системы материального снабжения и фондов, планирования, кооперирования, выбора профиля продукции, финансирования.

2. В области кадров и управления. Принять решения по расширению гласности в работе государственных учреждений всех ступеней... В особенности существенен пересмотр традиции «кабинетности» в вопросах кадровой политики, расширение гласного общественного делового контроля над подбором кадров, выборности и фактической сменяемости при непригодности руководителей всех уровней. Я подразумеваю также обычное требование демократических программ о ликвидации системы выборов без избыточного числа кандидатов, то есть о ликвидации «выбора без выборов». Одновременно необходимы улучшение информированности, самостоятельность, право на эксперимент, перенос центра ответственности в сторону руководимого предприятия и его служащих... Ликвидация специальных привилегий, связанных со служебным и партийным положением как очень вредных в социальном и деловом смысле. Публикация величины должностных окладов... Ликвидация номенклатурных списков и тому подобных пережитков предыдущей эпохи...

3. Мероприятия, способствующие расширению сельскохозяйственного производства на приусадебных участках колхозников, рабочих совхозов и единоличников, — изменение налоговой политики, расширение земельных угодий, изменение системы снабжения этого сектора сельскохозяйственной современной и специально разработанной техникой, удобрениями и др... Расширение всех форм кооперативного хозяйствования на селе...

Сейчас, в качестве расшифровки, мы дописали бы сюда: бригадный подряд, семейный подряд, арендный подряд, собственно кооперативная аренда...

«4. Расширение... частной инициативы в сфере обслуживания, в медицинском обслуживании, мелкой торговле, образовании и т.п.».

Это то, что сейчас называется индивидуальной трудовой деятельностью и о чем тревожился Сахаров в связи с появлением закона о нетрудовых доходах.

«5. Рассмотреть вопрос о постепенной отмене паспортного режима как серьезного тормоза в развитии производитель-

ных сил страны и как нарушение прав граждан, в особенности сельских жителей».

«6. В области информационного обмена, культуры, науки и свободы убеждений:

а) Поощрять свободу убеждений, дух изучения, делового беспокойства.

б) Прекратить глушение иностранных радиопередач, расширить ввоз иностранной литературы, войти в международную систему охраны авторских прав...»

Одно из немногих сахаровских пожеланий, осуществленных еще при Брежневе. Но осуществленных, конечно, не из тех соображений, какие имел в виду Сахаров.

«...Облегчить международный туризм — для преодоления пагубной для нашего развития изоляции.

в) Принять решения, обеспечивающие фактическое отделение церкви от государства, фактическую (то есть обеспеченную юридически, материально и административно) свободу совести и вероисповедания.

г) Пересмотреть те стороны взаимоотношений государственно-партийного аппарата и искусства, литературы, театра, органов образования и т.п., которые наносят ущерб развитию культуры в нашей стране, снижают смелость и разносторонность творческого поиска, приводят к казенщине, серости и ритуальности...»

То есть речь шла о ликвидации ждановщины, удушающих объятий чиновничьего меценатства.

«...В общественных и гуманитарных науках, роль которых в современной жизни непрерывно возрастает (в философии, истории, социологии, юриспруденции и т.п.), — обеспечить ликвидацию застоя, расширение направлений творческого поиска, независимость от предвзятых точек зрения, использование всей гаммы зарубежного опыта».

Среди прочих сахаровских попаданий «в десятку» — предложения вынести на всенародное обсуждение проект закона о печати и средствах массовой информации, принять решение о более свободной публикации статистических данных, отказаться от социалистического мессианства, представления о единственности и исключительных достоинствах своего пути и отрицания пути других, установить гласность судопроизводства...

Наконец — что уж совсем подобно мистике и прорицательству, — Сахаров подробно очерчивает контуры неизбежных будущих споров о самостоятельности республик:

«Наша страна провозгласила право наций на самоопределение вплоть до отделения. Реализация права на отделение в случае Финляндии была санкционирована правительством. Право на отделение союзных республик провозглашено Конституцией СССР. Имеется, однако, неясность в отношении гарантий права и процедуры, обеспечивающей подготовку, необходимое обсуждение и фактическую реализацию права. Фактически даже обсуждение подобных вопросов нередко преследуется. По моему мнению, юридическая разработка проблемы и принятие закона о гарантиях права на отделение имели бы важное внутреннее и международное значение как подтверждение антиимпериалистического и антишовинистического характера нашей политики. По всей видимости, тенденции к выходу какой-либо республики из СССР не носят массового характера, и они, несомненно, еще более ослабнут со временем в результате дальнейшей демократизации СССР. С другой стороны, не подлежит сомнению, что республика, вышедшая по тем или иным причинам из СССР мирным конституционным путем, полностью сохранит свои связи с социалистическим содружеством наций. Экономические интересы и обороноспособность социалистического лагеря в этом случае не пострадают... По этим причинам обсуждение поставленного вопроса не представляется мне опасным».

Дошла ли до Брежнева эта записка? Можно, конечно, представить, как он, шевеля губами, читал непонятные слова. Но — вряд ли. Возможно, ему лишь коротко доложили о ней, представив как сочинение крайне вредное и не заслуживающее внимания. Никакого ответа Сахаров, разумеется, не получил.

Прождав более года и не дождавшись ответа, Сахаров напечатал записку на Западе вместе с послесловием. Послесловие написано более литературно. Это как бы эмоциональный комментарий к сухим тезисам записки.

«Я начал общественную деятельность, — пишет Сахаров, — около 10—12 лет назад, осознав преступный характер возможной термоядерной войны и воздушных испытаний термоядерного оружия. С тех пор я пересмотрел многое в своих взглядах, в особенности начиная с 1968 года (для меня лично начало

этого года ознаменовалось работой над «Размышлениями о прогрессе», а конец, как и для всех, грохотом танков на улицах непокорившейся Праги).

Но основа моих взглядов все же осталась прежней.

Я по-прежнему не могу не ценить большие благотворные изменения (социальные, культурные, экономические), которые произошли в нашей стране за последние 50 лет, отдавая, однако, себе отчет в том, что аналогичные изменения имели место во многих странах и что они являются проявлением общемирового прогресса.

Я по-прежнему считаю, что преодоление трагических противоречий и опасностей нашей эпохи возможно только на пути сближения и встречной деформации капитализма и социалистического строя...

Сейчас мне в еще большей мере, чем раньше, кажется, что единственной истинной гарантией человеческих ценностей в хаосе неуправляемых изменений и трагических потрясений является свобода убеждений человека, его нравственная устремленность к добру.

Наше общество заражено апатией, лицемерием, мещанским эгоизмом, скрытой жестокостью. Большинство представителей его высшего слоя — партийно-государственного аппарата управления, высших преуспевающих слоев интеллигенции — цепко держатся за свои явные и тайные привилегии и глубоко безразличны к нарушениям прав человека, к интересам прогресса, к безопасности и будущему человечества. Другие, будучи в глубине души озабочены, не могут позволить себе никакого «свободомыслия» и обречены на мучительный разлад самих с собой. Размеры национального бедствия приобрело пьянство. Оно является одним из симптомов нравственной деградации общества, которое все больше погружается в состояние хронического алкогольного отравления...»

«Вопрос. Что вы думаете о современном международном положении, о перспективах смягчения напряженности?»

Ответ. Я думаю, что, несмотря на взаимные упрёки, происходит постоянный, не всегда заметный, но очень важный поиск линий договоренности. Для смягчения напряженности и укрепления международного доверия и безопасности я считаю особенно важными большую открытость нашего общества и разреше-

ние религиозных конфликтов. Под открытостью общества, вслед за своими предшественниками — Бором, Эйнштейном, Расселом, Сцилардом и другими, — понимаю свободу убеждений и информации, свободу эмиграции и поездок (не только в узком смысле воссоединения семей, а так, как это предусмотрено декларацией и пактами о правах ООН), свободу совести, свободу ассоциаций и другие гражданские права, права граждан контролировать внутреннюю и внешнюю политику правительства...»

Эк, куда махнул! Тогда это казалось дерзкой утопией. А сейчас... Пока не воплотилось в дело? Это так. Но слух давно не режет. Перед прошлогодними выборами народных депутатов кандидаты, состязаясь друг с другом, витийствовали о вещах похлеще.

«...Из региональных проблем очень остра трагедия Афганистана (подчеркиваю, не «вокруг Афганистана», а именно Афганистана). Миллионы беженцев были вынуждены за пределами страны искать спасения от ужасов бомбардировок, напалма и расстрелов с вертолетов. В 1980 году я написал открытое письмо главам государств — постоянных членов Совета Безопасности. Основой решения проблемы, как я считаю, должен быть немедленный вывод из Афганистана советских войск».

Сейчас, когда последний наш солдат давно покинул Афганистан, глаз равнодушно скользит по этим строчкам: ну, что в них такого? А тогда слух вибрировал от этих непривычных слов. Думали так, конечно, многие, но вслух, во всеуслышание, не произносил никто.

И опять ради «проходимости» надо амортизировать этот ответ.

Впрочем, не только ради «проходимости». С выводом войск в самом деле не все казалось ясно. Войти легко, а вот выйти...

«Вопрос. Разве простой вывод войск приведет к прекращению войны? Неужели не ясно: он приведет лишь к раздуванию костра, к всеобщей резне?»

Ответ. Я буду рад перемирию и политическим переговорам, предложенным правительством Афганистана. Однако я убежден, что основой решения проблемы является вывод советских войск. СССР должен представить право убежища всем гражданам Афганистана, опасаящимся за свою безопасность. Для предотвращения кровопролития в переходный период, возможно, также целесообразно использование сил ООН».

Теперь такое предложение мы слышали вполне официально, с трибуны ООН. А неофициально — вон оно еще когда было высказано...

Не так уж много всякий государственный деятель совершает великих поступков. Что бы о Н.С.Хрущеве ни говорили, за ним всегда останется великое деяние — разоблачение сталинского гнусного культа. Точно так же, чтобы ни сделал в дальнейшем М.С.Горбачев, вывод войск из Афганистана всегда сохранится на его счету как величайшая заслуга перед нашим народом.

«Вопрос. Как вы оцениваете Рейкьявик и ту роль, которую сыграла там приверженность Рейгана «стратегической оборонной инициативе»?»

Вопрос в духе той пропагандистской кампании, которую в ту пору вела наша печать и смысл которой сводился к тому, что будто бы Рейган провалил переговоры, которые почти завершились успехом.

«Ответ. Мое отношение к космической противоракетной обороне не совпадает ни с мнением администрации Рейгана, ни с официальной советской линией. Можно сделать рентгеновский лазер, пучковое оружие, зеркала в космосе, электромагнитные пушки, глобальную компьютерную систему наблюдения и управления огнем и многое другое. Но сильный противник найдет всегда способы преодоления любой обороны, и это он сможет сделать гораздо дешевле. Поэтому я считаю, что космическая противоракетная оборона не эффективна с военно-стратегической точки зрения. В этом я согласен с критиками программы СОИ. В то же время я решительно не согласен с выдвигаемым советской стороной принципом «пакета», согласно которому без соглашения по СОИ невозможно решение других проблем разоружения, в том числе ликвидация стратегического наступательного ракетно-термоядерного оружия. Такая позиция представляется мне не конструктивной, не реалистической и не обоснованной. В обстановке взаимного недоверия ни одна из сторон не может полностью отказаться от направления исследований, которое, пусть и не наверняка, может оказаться когда-то важным. Требовать такого отказа — не реалистично. Упускать возможность соглашений о разоружении сегодня ради опасений, связанных с созданием СОИ в XXI веке, — не конструктивно. Если к тому времени будет ликвидировано наступательное

термоядерное оружие, то система СОИ вообще становится беспредметной. Опасения, что под прикрытием «щита» космической обороны может быть нанесен первый термоядерный удар, становятся необоснованными. Но эти опасения не обоснованы и при наличии межконтинентальных ракет — в силу недостаточной эффективности СОИ и в силу того, что система космической обороны может быть развернута очень нескоро.

При обосновании принципа «пакета» иногда выдвигается аргумент, что на основе исследований по космической обороне может быть создано оружие «космос — земля». Пока ничего не известно о конкретных разработках в этой области. Во всяком случае этот вопрос вполне отдельный от космической обороны.

Я убежден, что следует отказаться от принципа «пакета», договориться по всем тем вопросам, по которым СССР и США были близки к соглашению в Рейкьявике, а затем в спокойной обстановке, без спешки и давления, договориться о компромиссном решении проблемы СОИ.

К слову, пропагандистский ярлык «милитаризация космоса» базируется на игнорировании того очевидного факта, что космос давно милитаризован — его уже бороздят сотни спутников военного назначения, через него в страшном случае войны полетят стоящие на старте межконтинентальные баллистические ракеты».

Я не знаю, вняли ли наши руководители советам Сахарова, приняв решение об уходе из Афганистана и о разъятии рейкьявикского «пакета», или сами пришли к тем же выводам, что и Сахаров, однако эти два великих действия в нашей политике — прекрасное доказательство его провидческой правоты.

«Вопрос. Какое место среди других проблем занимает, на ваш взгляд, проблема запрещения подземных ядерных испытаний?»

Как помнит читатель, именно с этого все начиналось, именно это должно было стать центром нашего интервью, так как проблема подземных ядерных испытаний была в ту пору в центре внимания нашей пропаганды. Неожиданно, однако, выясняется, что у академика нет к этому интереса.

«Ответ. Эта проблема кажется мне второстепенной, вторичной по отношению к другим проблемам ядерного разоружения. Новые системы ядерного оружия можно создавать и старые про-

верить и без ядерных взрывов. Что было действительно важно, так это запрещение ядерных испытаний в атмосфере, в воде и космосе, наносивших огромный ущерб среде обитания. Я горжусь тем, что был одним из инициаторов договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах».

— Почему все-таки, как вы считаете, — спрашиваю я Сахарова, — американцы так упорно не желают прекратить испытания — только из-за работы над лазерами с ядерной накачкой? Или они вообще ставят цель совершенствования ядерного оружия?

— Я думаю, — говорит академик, — что они могли бы обойтись и без ядерных испытаний во всех вопросах, кроме вопроса о лазерах с ядерной накачкой. И даже в этом случае, потому что отдельные элементы этого рентгеновского лазера могут быть промоделированы без ядерного взрыва — уже имеются об этом сообщения. Так что обойтись они могут. Но в данной ситуации они просто не видят в этом необходимости.

— И тем не менее, — настаиваю я, — даже если это второстепенный вопрос с точки зрения разоружения, людям, наверное, спокойней спалось бы, если б не было ядерных испытаний.

— Подземных? — уточняет Андрей Дмитриевич.

— Любых.

— Может быть, это было бы ложное спокойствие. Если бы и без ядерных испытаний делалось что-то очень существенное. Наверное, надо рассматривать прекращение подземных ядерных испытаний как шаг на последнем этапе, после запрещения ядерного оружия. В общем, этот вопрос такой — как получится. И как будет вести себя дипломатия в этой области. Я думаю, что от прекращения подземных ядерных испытаний качественно ничего не изменится.

Позднее, в готовый текст интервью, он вписал дополнение к своему ответу:

«В условиях, когда нет соглашения о запрещении ядерного оружия, подземные ядерные испытания, не наносящие экологического ущерба другим странам, являются внутренним делом каждого государства».

В дальнейшем, однако, Андрей Дмитриевич изменил свой взгляд на подземные испытания: стало ясно, что ни о какой экологической их чистоте говорить не приходится. Возникло мощное народное движение «Невада — Семипалатинск», требующее закрытия казахстанского полигона. Со своей стороны, депутаты от

северных районов подняли голос против перенесения взрывов на Новую Землю.

Юлий Борисович Харитон рассказывал мне, что за две недели до своей кончины, во время их последней встречи, Андрей Дмитриевич уже настаивал на бессрочном нашем ядерном моратории, к которому со временем, как он считал, неизбежно примкнули бы американцы.

Он никогда не упорствовал в своей точке зрения, если убеждался, что она неверна.

Наконец, в нашем интервью очередь доходит до участия Сахарова в создании бомбы. Тут живет легенда. Согласно ей, Сахаров — «отец» нашей водородной бомбы, советский Теллер.

— Вы принимали участие в создании термоядерной бомбы — самого страшного оружия, какое существует на сегодняшний день, — играли в этом одну из ведущих ролей. Не жалеете ли вы об этом?

— Я бы так сказал: моя оценка того, раскаиваюсь ли я или не раскаиваюсь в своем участии в работах по созданию советского термоядерного оружия — она должна быть сформулирована, вынесена постфактум. Мне не хочется давать эту оценку сейчас. Посмотрим, что дальше будет. Сорок лет войны нет. Но если это величайшее несчастье произойдет, тогда уже надо будет смотреть...

— Тогда некогда будет смотреть, — непочтительно вставляет Юра.

— Тогда некогда будет смотреть, — покорно соглашается академик, — но теоретически предположим, что, сидя в каком-то бункере, и мы, и они будем обдумывать, совершили ли мы чудовищное преступление...

Видимо, Сахаров постоянно возвращается к этому вопросу — о раскаянии, и придает ему важное значение. В подготовленном тексте интервью он этот свой ответ сформулировал так:

«Ответ. В то время, когда я занимался этими вещами, все мы были убеждены, что наша работа необходима для создания мирового равновесия. И вот сорок лет войны нет. Но я каждую минуту своей жизни понимаю, что если все же произойдет это величайшее всеобщее несчастье — термоядерная война — и если я еще буду иметь время о чем-то подумать, то моя оценка моей личной роли может трагически измениться».

— Вам интересно было работать?

— Работали мы с увлечением. Работали с увлечением и с ощущением, что это необходимо. Грандиозность этой работы и трудность ее тоже усиливали впечатление, что мы делаем героическую работу. Это создавало определенный эмоциональный настрой.

— Было все-таки ощущение, — спрашиваю я, — что это решаемая проблема? По-видимому, сейчас в работе над проблемой управляемого термоядерного синтеза такой уверенности нет?

Сахаров со мной не соглашается:

— Нет, я считаю, что проблема управляемой термоядерной реакции тоже принадлежит к числу решаемых проблем. В этом никто не сомневается.

— Но ведь есть разные пути...

— Похоже, что имеется несколько путей. Какой из них подходит для того или иного применения, — это другой вопрос. Магнитная термоядерная изоляция, то есть «Токамак», по моему мнению, — это для энергетики. Лазерное обжатие, инерциальные способы... Когда мы их придумывали, мы считали, что это путь для будущих космических межзвездных кораблей. Но сейчас это рассматривается как альтернативный путь для земной ядерной энергетики, вместо «Токамака». Что получится, мы не знаем. Сейчас вообще очень странная ситуация. Тот путь, который казался вообще совершенно непригодным, — мю-мезонный катализ, — тоже вроде бы оказывается возможным. Мю-мезонный катализ — это была моя работа-предложение, уже после защиты диссертации. На основании научной идеи, принадлежащей Франку, английскому ученому, я выдвинул мю-мезонный катализ как способ осуществления термоядерной реакции. И вот сейчас это тоже вроде бы начинает выходить на практическую стезю. Но все-таки наиболее практичной мне представляется магнитная термоядерная изоляция — то, что было предложено Игорем Евгеньевичем Таммом и мной в 1950 году. На этом основании возникла программа «Токамак».

— Вы видели ядерные взрывы?

— Видел. Эмоционально это очень сильная вещь. Очень сильная.

— Не в этот ли момент вы почувствовали ответственность перед людьми?

— Мне трудно сказать, — отвечает Сахаров. — Вероятно, я почувствовал ее и раньше. И она усиливалась потом на основании многого другого, что я узнавал...

— Но тут есть некая байка... — подсказывает Елена Георгиевна.

— Да, тут есть некая байка. В ваше интервью она, наверное, не войдет, но я могу рассказать.

— Да, расскажите, пожалуйста, — в один голос просим мы.

— 22 ноября 1955 года было испытание термоядерного заряда, которое было неким поворотным пунктом во всей разработке термоядерного оружия в СССР, — Сахаров тщательно подбирает слова, чтобы неловким шагом не переступить незримую черту секретности, до сих пор ограждающую те стародавние дела. За этим он строго следит. — Это был очень сильный взрыв, и при нем произошли несчастные случаи. Солдат погиб в траншее на расстоянии нескольких десятков километров от точки взрыва. Завалило траншею. Там погиб молодой солдат. И за пределами полигона погибла двухлетняя девочка. В этом населенном пункте, в деревне было сделано бомбоубежище. Все население было собрано в этом бомбоубежище, но когда произошел взрыв, вспышка осветила через открытую дверь это бомбоубежище, все выбежали на улицу, а эта девочка осталась переключивать кубики. И ее завалило, она погибла. Еще были несчастные случаи, уже не со смертельным исходом, но с тяжелыми травмами. Так что ощущение торжества по поводу большой технической победы было одновременно сопряжено с ужасом по поводу того, что погибли люди...

— У вас? — уточняю я.

— Да, у меня. И я думаю, не только у меня.

— Но не у всех.

— У многих. Тем не менее, — продолжает Сахаров свой рассказ, — был небольшой банкет в коттедже, где жил руководитель испытаний маршал Неделин, главнокомандующий ракетными войсками СССР. И на этот банкет были приглашены руководители разработки этого термоядерного заряда. И вообще ведущие ученые, некоторые генералы, адмиралы, военные летчики и т.д. В общем, такой банкет для избранных по поводу победы. Неделин предложил первый тост произнести мне. Я сказал, что я предлагаю выпить за то, чтобы наши изделия так же удачно взрывались над полигонами и никогда не взрывались над городами. Видимо, я сказал что-то не совсем подходящее, с точки зрения Неделина. Он усмехнулся и произнес ответный тост в виде притчи. Притча была такая, не совсем приличная. Старуха лежит на печи. Старик молится. Она его ждет.

Старик молится: «Господи, укрепи и направь!» А старуха подает реплику с печи: «Молись только об укреплении — направить я как-нибудь и сама сумею». Вот такая притча, которая меня задела. Не своей формой, а своим содержанием. Содержание было несколько зловещим. Я ничего не ответил, но был внутренне потрясен. В какой-то мере можно сказать, если вдаваться в литературу, что это был один из толчков, который сделал из меня диссидента.

Некоторое время мы все молчим.

— Ну, такие реплики в адрес ученых были и с другой стороны — с американской, — говорю я после паузы.

— Да, когда мы читаем воспоминания американских ученых, мы это видим, — охотно соглашается Сахаров.

— У нас есть двухтомник «Дело Оппенгеймера», — говорит Елена Георгиевна.

Я говорю, что, на мой взгляд, нравственные терзания Оппенгеймера несколько преувеличены, раздуты братьями-литераторами. Из него сделали современного Фауста. На самом деле он был скорее Вагнером. Во всяком случае в период Хиросимы. Настоящее мужество проявили другие ученые — семеро авторов «Доклада Франка», которые умоляли американское правительство не бомбить японские города, а если уж необходимо, взорвать бомбу где-нибудь на необитаемом острове, в присутствии наблюдателей от разных стран. Оппенгеймер был как раз на другой стороне. Оппенгеймер, Комптон, Лоуренс и Ферми.

— Тем не менее и Оппенгеймер считал, что надо выбрать другой объект для бомбежки — не Хиросиму, — слабо возражает мне Сахаров.

— Было намечено семь городов, и Хиросима, насколько я знаю, была выбрана просто по погодным условиям.

— Не только по погодным. Хиросима была выбрана как город, никогда не подвергавшийся бомбежке, не имеющий противовоздушной обороны...

— В общем — ради чистоты эксперимента, — говорю я саркастически.

— Да, ради чистоты эксперимента, — подтверждает Сахаров. Так, после небольшой пикировки мы приходим к согласию.

— Тем не менее эти четверо — Оппенгеймер, Ферми, Комптон и Лоуренс — дали отрицательное заключение по поводу

«Доклада Франка»: испытания на необитаемом острове не дадут реального впечатления о возможностях нового оружия...

Снова молчим.

— Шла война, — раздумчиво говорит Сахаров. — Во время войны другая психология. Есть и такая точка зрения, что без этих ядерных взрывов война продолжалась бы еще полгода и погибло несколько миллионов человек, причем в Японии возник бы голод, от которого погибло бы еще очень много людей. Так что, как решать вопрос во время войны, в условиях военной психологии, — трудно судить со стороны.

— Ну, если так рассуждать, — говорю я, — можно, наверное, в конце концов найти оправдание и маршалу Неделину.

Неожиданно выясняется, однако, что взгляд Сахарова на тот эпизод с Неделиным не совсем таков, как мы предполагали.

— А я не то что его упрекаю... — говорит он. — Я это рассказываю как констатацию факта. Каждый в таких случаях действует со своей колокольни. Эта история очень глубока на самом деле. Потому что речь идет не лично о маршале Неделине. Не о том, что он людоед, а я голубь. Речь о том, что эти проблемы действительно очень трагичны. И ответственность — всеобщая (вы правильно задали мне вопрос об ответственности). И ответственность эта не может быть переложена на тех, кто «направляет».

Те, кто «направляет», делают это по закону своей профессии. Тут дело не в личных качествах, а дело в системе. И в том, что в таких вопросах, как большая термоядерная война, есть всеобщая личная ответственность. Неделин этого не понимал. А я обязан это понимать. И не только я, а очень многие. Все обязаны.

— А что вы можете сказать о Курчатове?

Разговор наш идет несколько сумбурно, перепрыгивая с темы на тему. Нас, однако, это не беспокоит: потом у нас будет время все выстроить, как надо.

Мнение Сахарова о Курчатове нам интересно по многим причинам. Курчатов, как он всюду представлен, — некая противоположность Сахарову. Этаким никогда не сомневающийся носитель официальных идей. За это всегда обласканный. Стопроцентно благополучный. Так и видишь кивки в его сторону: вот ведь можно же быть выдающимся и одновременно — послушным.

— Я много могу о нем сказать, — говорит Андрей Дмитриевич. — Потому что я с ним... Хотя общался немного, но общался

в таких ситуациях, где проявляются нетривиальные свойства личности. Это был действительно человек совершенно незаурядный. Я могу рассказать один эпизод, который не вошел в его официальные биографии. Я был глубоко озабочен проблемой биологических последствий ядерных испытаний. Каждое большое ядерное испытание — это нечто вроде Чернобыля. Не подземное, конечно. Тогда, в пятидесятые годы, подземные ядерные испытания не проводились. Главным образом, потому, что сложнее и дороже. Не потому, что они не могут дать тех же самых результатов. Весной 1958 года Хрущев объявил односторонний мораторий на проведение ядерных испытаний. Это было в его речи при вступлении на пост Председателя Совета Министров. По-моему, это был март 1958 года. После этого СССР не проводил ядерных испытаний. А США заявили, что они не могут оборвать свою серию ядерных испытаний, они будут еще некоторое время их проводить, а затем примкнут к нашему мораторию. Но Хрущев к осени передумал и решил возобновить испытания. Я считал это совершенно неправильным. Меня беспокоило то, что продолжение ядерных испытаний в атмосфере приводит к большим человеческим жертвам, и если не будут прекращены испытания, то число этих жертв будет действительно чрезвычайно большим. И, кроме того, я считал совершенно неправильным политически, объявив мораторий, не дождавшись того, что он приведет к прекращению ядерных испытаний во всем мире, — а это, несомненно, произошло бы через несколько месяцев, — вновь начинать испытания (сейчас Горбачев был гораздо более последователен и настойчив). Я с этим пошел к Курчатову. В это время Курчатов был очень болен. Некоторое время перед этим у него был инсульт. Он не ходил в свой институт, но ежедневно принимал сотрудников у себя дома и таким образом продолжал осуществлять руководство. Он жил на территории института. Был у него такой домик, который его сотрудники называли «домиком лесника». Он, между прочим, сам из семьи лесника. Потом он оправился и стал ходить в институт, стал более активно работать, несколько лет работал... Но вот это был период, когда все разговоры с ним велись дома. Я приехал к нему домой и изложил свои соображения. Он долго меня расспрашивал и решил, что я прав. И тогда он, пренебрегая запретами врачей, сел в самолет и полетел к Хрущеву в Крым, где тот в то время отдыхал. Потому что решить этот вопрос мог только Хру-

щев. Хрущев был очень разозлен, отказался последовать совету Курчатова, и испытания осенью 1958 года были продолжены. Курчатов после этого потерял милость Хрущева. Он на протяжении ближайших нескольких лет уже ее не имел...

— Он же умер в 1960 году, — напоминаю я.

— Да, он умер в 1960 году, — подтверждает Сахаров, — от повторного инсульта. Вот, мне кажется, что этот эпизод характеризует Курчатова как человека с нетривиальным мышлением, способного действовать не как чиновник, которые, как известно, всегда говорят то, что хочется начальству, а так, как он считает своим долгом. Это проявлялось и в ряде других эпизодов.

— А какие-то отрицательные его черты вы наблюдали?

— Я с ним общался в тех ситуациях, когда его отрицательные черты не проявлялись. Может быть, я что-нибудь и слышал в том роде, но это было не со мной, а потому я не хотел бы об этом говорить.

Летом 1961 года состоялась встреча ученых-атомников с Хрущевым. Выяснилось: предстоит новая серия атомных испытаний, которая должна подкрепить новую политику СССР в германском вопросе, то бишь Берлинскую стену. Сахаров послал Хрущеву записку:

«Возобновление испытаний после трехлетнего моратория подорвет переговоры о прекращении испытаний и о разоружении, приведет к новому туру гонки вооружений, в особенности в области межконтинентальных ракет и противоракетной обороны».

Хрущев положил записку в карман и пригласил всех обедать. За столом он произнес речь, которая, по воспоминаниям Сахарова, в общих чертах сводилась к следующему. Сахаров хороший ученый, но предоставьте нам — специалистам этого хитрого дела, — делать внешнюю политику. Только сила, только дезориентация врага! Мы не можем сказать вслух, что мы ведем политику с позиции силы, но на самом деле это так. Я был бы слюнтяй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров.

Повторилась история с Неделиным: ученые, знайте свое место!

Следующий раунд борьбы против испытаний состоялся в 1962 году. Тогда затеяли новый взрыв. При этом, как считал Сахаров, исходили из ведомственных, министерских интересов, с технической точки зрения испытания были бесполезны. Взрыв на-

мечался очень мощный, на большой высоте, так что число жертв неминуемо оказалось бы огромным. В течение нескольких недель Сахаров предпринимал отчаянные попытки не допустить этого. Накануне взрыва он позвонил министру и пригрозил уйти в отставку. Министр отмахнулся: мы вас не держим. Тогда Сахаров бросился искать Хрущева, сумел до него дозвониться, хотя он в ту пору был в Ашхабаде, умолял его вмешаться и не допустить нового атомного гриба. На следующий день Сахаров имел объяснение с одним из приближенных Хрущева, который сообщил ему, что испытания перенесены на более ранний срок и самолет-носитель уже находится в воздухе...

«Чувство бессилия и ужаса, охватившее меня в этот день, запомнилось на всю жизнь и многое во мне изменило на пути к моему сегодняшнему мировосприятию», — писал позднее Сахаров.

Оглядываясь на те дни, на эту отчаянную борьбу ученого-одиночки, ставишь ее рядом с океаном лжи, которую потом обрушили на его голову люди, не ударившие пальцем о палец, чтобы отвести беду от тысяч ни в чем не повинных своих соотечественников, жителей других стран, но тем не менее считавшие себя вправе бросать Сахарову вздорные обвинения, будто он призывает к ядерной войне.

Все же, наверное, эпопея эта оставила в душе Сахарова не только боль и ужас. В конце концов она принесла плоды — договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой, заключенный в 1963 году, о котором уже была речь. Сахаров поправу гордится, что тут есть и доля его заслуги.

Вопрос. В последнее время распространилось представление, что гонка вооружений в основном направлена на то, чтобы экономически измотать противника. Это действует успокаивающе, люди начинают думать: «Никакой реальной угрозы войны нет — просто идут экономические игры, экономическое соревнование». Разделяете ли вы такое представление?»

Ответ на этот вопрос не очевиден, и мы с интересом ждали, что напишет Сахаров.

«Ответ. Я считаю, что причиной гонки вооружений является взаимное недоверие. Изматывание противника может быть целью, но глубинной причиной является именно величайшее недоверие, ве-

личайший страх одной системы перед другой. Что касается экономического изматывания, то это, на мой взгляд, обоюдоострая вещь. Очень обоюдоострая вещь... Но до сих пор государства все-таки как-то справлялись с этим, создав уже такое оружие, что оно может их всех много раз уничтожить. Поэтому я думаю, что когда говорят об экономическом изматывании или о том, что гонка вооружений нужна для военно-промышленного комплекса, — это все существует, но это все второстепенно. Главное — это взаимное недоверие, взаимный страх.

Вопрос. То есть при создании новых видов оружия главным образом имеется в виду его прямое назначение — сдерживание и, в крайнем случае, применение?

Ответ. Думаю, что да. Хотя на втором плане экономические мотивы и аргументы существуют, и об экономическом изматывании говорили некоторые идеологи администрации Рейгана. Но все-таки, я считаю, все это сильно вторично. Ни им, ни нам не надо ставить это во главу угла в наших оценках и в нашей пропаганде».

— Андрей Дмитриевич, — говорю я, — как вы считаете, будет ли ядерная война, доживет ли человечество до третьего тысячелетия? Я не хочу, чтобы вы выступали в качестве пророка — просто хочу, чтобы вы привели какие-то аргументы и кратко проанализировали проблему... Ведь человечество впервые оказывается в такой ситуации, когда горы оружия создаются, но не пускаются в ход. В прошлом они всегда использовались по назначению.

— Да, сейчас ситуация качественно иная, чем в прошлом. Именно потому, что это оружие, если оно будет пущено в ход, будет означать коллективное самоубийство человечества. Наличие этого оружия, конечно, представляет потенциальную опасность, но вероятность того, что оно будет пущено в ход, гораздо меньше, чем когда-либо раньше. Правда, это вероятность чудовищного исхода. Прогнозы никакие невозможны. Я считаю, что просто нужно двигаться к миру. Нужно двигаться, нужно преодолевать взаимное недоверие. В долгосрочном плане, я считаю, это возможно на путях конвергенции. С отказом от идеологических догм. В общем, я остался на тех же позициях, на которых я стоял в 1968 году, когда писал «Размышления». Остался в смысле того, что надо делать. Что касается прогнозов, которые я тогда делал, — это был в ка-

кой-то мере литературный прием. Прогнозы делать вообще почти невозможно.

— Вы остались на тех же позициях... А изменилось ли общество, как вы полагаете? Какое-то движение произошло или нет?

— Я считаю, что изменения происходят, и изменения в целом — в правильном направлении. Вот журнал «Нью-Сайентист» изображает опасность всеобщей термоядерной войны при помощи часов на своей обложке...

— Не «Нью-Сайентист», а «Бюллетень ученых-атомников», — поправляю я.

— Да, да. «Бюллетень ученых-атомников». Я ошибся. И они в последнее время переводят стрелку все ближе и ближе к двенадцати. Я считаю, что это неправильно — целый ряд факторов, возникших в настоящее время, мог бы дать основания для того, чтобы этот журнал отодвинул стрелку от двенадцати. И среди этих факторов я могу назвать те изменения, тенденция к которым наметилась в нашем обществе. И некоторые, пока частичные, договоренности, достигнутые на пути взаимного компромисса. Излишнее нагнетание страха и отчаяния парализует разум и так же опасно, как самоуспокоенность.

Ядерная угроза была самым первым толчком, побудившим Сахарова стать на тропу «общественно-публицистической» деятельности, чтобы противостоять этой угрозе. И с тех пор он не сворачивает с этой тропы. Тем не менее в разгар брежневщины его обвиняли как раз в обратном — в призывах к войне. Нет пределов для лжи.

Наиболее мощная кампания против Сахарова была проведена в конце августа — начале сентября 1973 года. Поводом для нее стало интервью, данное Сахаровым корреспонденту шведского радио Улле Стенхольму и широко распечатанное на Западе. В этом интервью Сахаров изложил свои взгляды на международные отношения. Сигнал к началу кампании дала «Правда», напечатав 29 августа «Письмо членов Академии наук СССР». Письмо невелико, потому стоит привести его полностью:

«Считаем необходимым довести до широкой общественности свое отношение к поведению академика А.Д.Сахарова.

В последние годы академик А.Д.Сахаров отошел от активной научной деятельности и выступил с рядом заявлений, порочащих государственный строй, внешнюю и внутреннюю политику

Советского Союза. Недавно в интервью, данном им зарубежным корреспондентам в Москве и опубликованном в западной печати, он дошел до того, что выступил против политики Советского Союза на разрядку международной напряженности и закрепление тех позитивных сдвигов, которые произошли во всем мире за последнее время.

Эти заявления, глубоко чуждые интересам всех прогрессивных людей, А.Д.Сахаров пытается оправдать грубым искажением советской действительности и вымышленными упреками в отношении социалистического строя. В своих высказываниях он по существу солидаризируется с наиболее реакционными империалистическими кругами, активно выступающими против курса на мирное сосуществование стран с разными общественными системами, против линии нашей партии и государства на развитие научного и культурного сотрудничества, на укрепление мира между народами. Тем самым А.Д.Сахаров фактически стал орудием враждебной пропаганды против Советского Союза и других социалистических стран.

Деятельность А.Д.Сахарова в корне чужда советским ученым. Она выглядит особенно неприглядно на фоне концентрации усилий всего нашего народа на решении грандиозных задач экономического и культурного строительства СССР, на укреплении мира и международной обстановки.

Мы выражаем свое возмущение заявлениями академика А.Д.Сахарова и решительно осуждаем его деятельность, порочащую честь и достоинство советского ученого. Мы надеемся, что академик Сахаров задумается над своими действиями».

Под письмом стояло сорок академических подписей, в том числе — Н.Г.Басова, Н.Н.Боголюбова, А.Е.Браунштейна, А.П.Виноградова, С.В.Вонсовского, Н.П.Дубинина, Н.М.Жаворонкова, Б.М.Кедрова, М.В.Келдыша, М.А.Маркова, А.Н.Несмеянова, Ю.А.Овчинникова, А.И.Опарина, Б.Е.Патона, А.М.Прохорова, А.М.Румянцева, Н.Н.Семенова, Д.В.Скобельцына, С.Л.Соболева, В.Д.Тимакова, А.Н.Тихонова, П.Н.Федосеева, И.М.Франка, Ю.Б.Харитона, М.Б.Храпченко, П.А.Черенкова, В.А.Энгельгардта.

Начавшаяся кампания — ценнейший памятник эпохи. Из письма академиков, как видим, невозможно понять, что же такого сказал в своем интервью Сахаров, за что его следует решительно осуждать. Между тем все последующие письма, напечатанные в

газетах, ссылались именно на это первое письмо как содержащее некую информацию. То есть обсуждалось и осуждалось нечто неведомое, но обсуждавшие и осуждавшие делали вид, что предмет разговора им доподлинно известен.

Писатели:

«Прочитав опубликованное в вашей газете письмо членов Академии наук СССР относительно поведения академика Сахарова, порочащего честь и достоинство советского ученого, мы считаем своим долгом выразить полное согласие с позицией авторов письма...»

Медицинские академики:

«Мы, советские ученые-медики, оскорблены поведением академика А.Д.Сахарова, порочащим честь и достоинство советского ученого, и вместе с учеными Академии наук СССР решительно осуждаем...»

Слова-то какие — «поведение академика Сахарова». Точно это не взрослый человек, известный ученый, а ученик пятого класса Ваня Сидоров...

Академики-художники:

«Мы, члены Академии художеств СССР, целиком поддерживаем протест членов Академии наук СССР, опубликованный в газете «Правда», и решительно осуждаем клеветнические заявления академика Сахарова. Мы считаем его поведение...»

Композиторы:

«Ознакомившись с письмом членов Академии наук СССР, опубликованным в газете «Правда» от 29 августа, мы, советские композиторы и музыковеды, целиком присоединяемся к их оценке действий А.Д.Сахарова...»

Деятели кино:

«Мы, советские кинематографисты, ознакомившись с письмом группы академиков, опубликованным в газете «Правда», полностью присоединяемся к их оценке недостойного поведения А.Д.Сахарова...»

Интересно сегодня рассматривать подписи под письмами. Писательские, например. Вместе с не вызывающими удивления фамилиями Ю.Бондарева, Н.Грибачева, А.Кешокова, В.Кожевникова, Г.Маркова, С.Михалкова, В.Озерова, С.Сартакова, А.Софронова, Н.Тихонова, А.Чаковского стоят подписи Ч.Айтматова, В.Быкова, С.Залыгина, К.Симонова, С.С.Смирнова.

В числе подписантов-композиторов вместе с Т.Хренниковым — Д.Кабалевский, Г.Свиридов, Д.Шостакович, Р.Щедрин.

Из деятелей кино вместе с Г.Александровым, С.Бондарчуком, С.Герасимовым, Л.Кулиджановым, Е.Матвеевым, Ю.Озеровым — Р.Кармен, С.Юткевич.

Почему-то отставшие от поезда академики Н.Цицин и А.Имшенецкий напечатали индивидуальные письма. Надо полагать, чтобы их молчание не посчитали вольнодумством. Забавно при этом: в письме А.Имшенецкого просочилось, что Сахаров все-таки выступает за мирное сосуществование, а не против. Собрат по академии лишь поучал Андрея Дмитриевича, что он делает это как-то не так:

«Горько видеть, что знания у специалиста сочетаются с абсолютным непониманием того, как он должен бороться за мирное сосуществование стран, имеющих различные социальные системы...»

Отдельно прислали письмо из Сибирского отделения Академии наук. Там, среди других, стояли подписи М.А.Лаврентьева, Г.И.Марчука, А.Н.Скринского, А.А.Трофимука, В.А.Коптюга, С.С.Кутателадзе.

С осуждением Сахарова выступил знатный полевод, почетный член ВАСХНИЛ Т.С.Мальцев:

«Я до глубины души возмущен и вместе с тем удивлен, что среди академиков нашелся человек, которому не дорого благополучие нашего народа, не дороги принципы мирного сосуществования...»

Тут, видите, опять — мирное сосуществование не дорого.

«...Он заодно с заядлыми нашими врагами — империалистами стремится чинить препятствия налаживанию мирной жизни народов нашей планеты.

Члены Академии наук правильно осудили отступника. Академик Сахаров заслуживает всеобщего презрения за предательство интересов науки, интересов советского народа, всего прогрессивного человечества».

Еще крепче «прикладывал» Сахарова белорусский академик Н.Еругин:

«Забросив науку, он ринулся в атаку на мирную советскую политику, на советский образ жизни. Маска сброшена, перед нами

предстала по сути дела марионетка в руках темных империалистических сил».

Интересно, до чего бы договорились авторы этих писем, распаляя друг друга, если бы эта кампания длилась не неделю, а дольше.

Одновременно с письмами известных деятелей печатались письма рядовых читателей.

«Мы, представители многотысячного коллектива рабочих Автозавода имени И.А.Лихачева...»

«Мы, механизаторы тракторной бригады ордена Ленина колхоза имени XX съезда КПСС Новоукраинского района Кировоградской области...»

«Мы, доменщики Магнитогорска...»

«Коллектив нашей бригады с возмущением узнал о поведении академика Сахарова...»

«Наши колхозники до глубины души возмущены непорядочными действиями академика Сахарова...»

«Я и мои товарищи по труду прочитали письмо выдающихся советских ученых-академиков по поводу недостойных действий академика Сахарова...»

Какие действия? Какое поведение? Спросить бы у тех, чьи фамилии стоят под этими строчками.

Впрочем, известно, как в былые годы «организовывались» подобные «письма трудящихся».

Как пятнадцать лет назад Пастернака, Сахарова упрекали в том, что он неблагодарный едок народного хлеба.

«...Человек, который, используя все блага советского строя, стал ученым, живет в условиях, которым позавидовали бы многие ученые мира...» (я тут вспоминал двухкомнатную обшарпанную квартиру Сахаровых на улице Чкалова) «...теперь пытается охаивать и миролюбивую политику нашей партии, и советский образ жизни».

«Как можно пользоваться благами советского ученого и гражданина и в то же время поносить самое святое — Родину нашу, отвоеванный и укрепленный мир?»

«...Неблагодарность... к народу, тебя воспитавшему, к Родине, создавшей все условия для плодотворной успешной работы, преступна».

«...Не укладывается в сознании, как гражданин Советского Союза, используя все блага нашей жизни, все, что дано советским строем, мог дойти до такого падения!»

Бывший партизан Г.Забелло из Подольска рассказал в своем письме об украинской Зое — партизанке Кате Ганзиной, замученной и сожженной в известковой печи.

У читателя создавалось ощущение, что это чуть ли не Сахаров ее замучил и сжег.

Текстам соответствовали и заголовки писем: «Отповедь клеветнику», «Предел падения», «Недостойно звание ученого», «Грязная попытка», «Позорит звание гражданина», «Недостойная акция», «Такое поведение — предательство», «Позиция, чуждая народу», «Заодно с врагами»...

Что же это за интервью, которое вызвало такую волну осуждения и протестов? В нем Сахаров впервые связал международную разрядку, вокруг которой в ту пору было много шума, с необходимостью демократизации порядков в самом Советском Союзе. До той поры брежневская команда полагала, что она может спокойно лицедействовать на международном поприще, разыгрывая миролюбцев, и одновременно придушивать малейшие продыхи свободы по эту сторону госграницы. Причем, что самое любопытное, эта двойная игра нисколько не задевала западных деятелей, полагавших, видно, что внутренние злодеяния — одно, а внешнее «миролюбие» — другое. Сахаров раскрывал им глаза на фальшивость такой разрядки. Отсюда — неистовство дирижеров брежневско-сусловской пропаганды при всей нерасшифрованности истинных мотивов этой ярости.

В начале 1987-го наши газеты наперебой обвиняли США в нежелании откликаться на советские мирные предложения, как в них говорилось — на «инициативы» (хотя в русском языке слово «инициатива» имеет лишь единственное число). Следует вопрос в духе этой кампании.

«Вопрос. Почему, с вашей точки зрения, противоположная сторона не хочет делать ответных шагов, ожидая уступок только от нас?»

Сахаров вписал от руки на оставленном месте:

«Ответ. Все те договоренности, которые были достигнуты в последние годы, основывались на встречном движении, на

компромиссах. Это не отменяется тем, что каждая из сторон при этом упрекала другую в недостаточной уступчивости. Линии договоренности, наметившиеся в Рейкьявике, тоже носят компромиссный характер».

— Андрей Дмитриевич, — говорит Юра, — почему-то речь все время идет о двух странах — СССР и США. Мы это каждый день слышим по радио, по телевизору... Но ведь ядерное оружие может применить какая-то «третья» страна, а не наши две. И спровоцировать конфликт...

— Вообще террористы могут его применить, — добавляю я.

— С террористами, конечно, дело всегда плохо... — отвечает Сахаров. — Но... Слишком сложная штука. Слишком сложная штука. И вопрос не только в том, чтобы получить достаточное количество делящихся ядерных материалов...

Он, видимо, не желает договаривать, в чем еще сложность.

— Конечно, всякие ужасные случайности возможны, — продолжает он, — но это еще не будет большая термоядерная война.

— То есть вы считаете, что возможен локальный ядерный конфликт?

— Нет, я говорю только о террористах. Террористы... Не дай бог, чтобы к ним в руки попало что-нибудь такое... По-моему, это пока маловероятно. Но если мы даже допустим такую возможность, все-таки это будет что-то локальное. Что касается «третьих» стран — не СССР и не США, вообще не великих держав, — я надеюсь, что они все-таки не прибегнут к ядерному оружию. Потому что это очень обоюдоострая вещь.

Я напоминаю Сахарову слова Бертрана Рассела: опасность ядерной войны будет увеличиваться по мере того, как человечество будет привыкать жить на пороховой бочке.

— В самом деле, — говорю я, — сорок с лишним лет прошло с тех пор, как появилась бомба. Каждый думает: «Ничего ведь не произошло...»

— Произошло очень многое, — возражает Сахаров. — Сама пороховая бочка стала совсем другой. Когда Рассел говорил эти слова, с помощью имевшегося тогда оружия можно было многократно тиражировать Хиросиму, но это не было бы еще уничтожением человечества. То термоядерное оружие, которое возникло с тех пор, создало качественно иную ситуацию, к которой при-

выкнуть невозможно. И в СССР, и в США, и в Европе, вообще во всем мире все знают, что большая термоядерная война — это всеобщий полный конец.

В последние годы перед людьми открылась самая страшная сторона ядерной войны, до тех пор почему-то ускользавшая от общего внимания, — «ядерная зима». Задаю академику вопрос, доверяет ли он расчетам модели «ядерной зимы».

— Я не знаю полностью всех этих работ, — отвечает Сахаров. — Я видел статьи, в которых оспариваются эти работы. При моделировании глобальных климатических последствий ядерной войны имеет место большая неопределенность. Но мы не можем рисковать. Гибель человечества в результате большой термоядерной войны может произойти от очень большого числа причин. А вернее — от совокупности большого числа причин. Это очень хорошо освещено в литературе, я не буду повторяться. Я писал об этом, в частности, в своей статье «Опасность термоядерной войны». Об этих прогнозах. Эта моя статья в советской прессе была встречена в штыки. Ее полное название просто не было сообщено советскому читателю, тем не менее она была освещена в газете «Известия» в статье, подписанной, к сожалению, четырьмя академиками. Это было провокационное действие и дезинформирующее действие. Одновременно появились клеветническая книга и клеветнические статьи Яковлева, в которых ответственность за мои действия переносилась на мою жену. Кроме того, там был чудовищный набор клеветы в отношении нее. В целом это была некая провокация против меня и против моей жены. Печатная провокация, которая, если была бы нормальная система судебной защиты, должна была бы повлечь уголовную ответственность за клевету и провокацию против личности...

Статья четырех академиков в «Известиях», о которой говорил Сахаров, появилась 2 июля 1983 года и была подписана А.А.Дородницыным, А.М.Прохоровым, Г.К.Скрябиным и А.Н.Тихоновым.

Начиналась она так:

«Открыв номер американского журнала «Форин афферс» и обнаружив в нем пространную статью академика Андрея Сахарова, мы взялись за ее чтение, ожидая, по правде говоря, всякого. Что Сахаров пытается очернить все, что нам дорого, что он клеветает на собственный народ, выставляя его перед внешним миром

эдакой безликой массой, даже и не приблизившейся к высотам цивилизованной жизни, мы хорошо знали.

Сахаровское творение в «Форин афферс» нас тем не менее поразило...»

Ощущение такое, что академики, в том числе престарелый Тихонов, регулярно читают американский журнал «Форин афферс» и наткнулись на статью Сахарова случайно, за утренним кофе.

Авторы обвиняют Сахарова во многих грехах, под конец даже — в призыве к войне:

«...Человек по существу призывает к войне против собственной страны... Несколько столетий назад Эразм Роттердамский сказал, что лишь немногие, чье подлое благополучие зависит от народного горя, делают войны».

Да, видно Эразм Роттердамский как раз и имел в виду таких пацифистов, как Сахаров, когда произносил эти слова. Вероятно, авторы текста, разгорячась от процесса писания, совсем потеряли ориентировку в действительности.

Статья Сахарова посвящена как раз обратному — предостережению об опасности ядерного апокалипсиса. Называется она, как уже знает читатель, «Опасность термоядерной войны» (в педантичной жажде точности Сахаров обычно употребляет слово «термоядерная» вместо «ядерная»).

Точно рефрен по всей статье повторяются слова об ужасных угрозах, которые несет с собой война:

«То, что вы говорите и пишете об ужасных опасностях ядерной войны, очень близко моему сердцу и глубоко волнует меня в течение многих лет».*

«...Большая ядерная война явилась бы бедствием неописуемых масштабов и имела бы совершенно непредсказуемые последствия...»

Статья написана как открытое письмо американскому ученому Сиднею Дреллу в связи с его выступлениями по поводу

* Обратный перевод приводимых цитат с английского на русский — мой: я спрашивал у Андрея Дмитриевича, не сохранился ли у него оригинал статьи, но по какой-то причине — сейчас уже не помню какой — в тот момент, когда я работал над этим материалом, он не смог мне его предоставить. — О.М.

опасностей ядерной войны. К тем ужасам, которые описывает Дрелл, Сахаров добавляет много других, не упоминаемых Дреллом:

«Сотни миллионов людей будут метаться в панике, часто из одной пораженной зоны в другую. Сотни миллионов людей неизбежно станут жертвами радиоактивного поражения, массовые миграции людей вызовут хаос, ухудшение санитарных условий и голод во все больших масштабах. Генетические последствия радиоактивного поражения создадут угрозу существованию человека как биологического вида, так же, как угрозу всей животной, растительной жизни на Земле...»

«Продолжительные лесные пожары могли бы уничтожить большую часть лесов планеты...

Ядерные взрывы на большой высоте и в космосе... могли бы разрушить или серьезно повредить озоновый слой, защищающий Землю от солнечного ультрафиолетового излучения...

Разрушение транспорта и коммуникаций могло бы оказаться критическим для сложного современного мира.

Без сомнения, произойдет (полное или частичное) разрушение производства и распределения пищи, нарушение снабжения водой, канализации, снабжения горючим и энергоснабжения, здравоохранения, обеспечения одеждой — все это в континентальных масштабах...

Особенно трудно ожидать, что человечество сможет поддерживать какую-либо социальную стабильность в условиях всеобщего хаоса. Огромные банды будут убивать и терроризировать людей, а также сражаться друг с другом в соответствии с законом уголовного мира: «Ты умрешь сегодня, а я умру завтра»...

Суммируя все, можно было бы сказать, что всеобщая ядерная война означала бы разрушение современной цивилизации, отбросила бы человека на столетия назад, вызвала бы гибель миллионов и миллиардов людей, и, с определенной степенью вероятности, вызвала бы гибель человека как биологического вида, и могла бы даже вызвать уничтожение жизни на Земле.

Ясно, что бессмысленно говорить о победе в большой ядерной войне, которая есть коллективное самоубийство...»

Концовка статьи — о том же самом:

«В заключение я снова подчеркиваю важность того, чтобы мир понял абсолютную недопустимость ядерной войны, коллективного самоубийства человечества. Победить в ядерной войне невозможно. Чего необходимо добиваться, о чем постоянно думать, так это о полном ядерном разоружении, основанном на стратегическом паритете в обычных вооружениях. До тех пор, пока в мире есть ядерное оружие, должен сохраняться стратегический паритет ядерных сил, так, чтобы ни одна из сторон не рискнула бы начать ограниченную или региональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна только, когда она основана на стабильности в международных отношениях, отказе от экспансионистской политики, укреплении международного доверия, открытости и плюрализме в социалистических обществах, соблюдении прав человека повсюду в мире, сближении — конвергенции — социалистических и капиталистических систем, мировой координации усилий для решения глобальных проблем».

Вот такой «призыв» к ядерной войне...

Что заставило Дородницына, Прохорова, Скрыбина и Тихонова подписать свою фальшивку? Ведь не грозили им расстрелом. Или хотя бы понижением зарплаты. Самое большее, чем они рисковали, — узреть мимолетную тень во взгляде начальства. Неужто это так страшно? Неужто из-за такой угрозы можно забыть о совести?

Да, загадочна человеческая природа.

Конечно, Сахаров взял на себя и некий грех, смертельный грех, с точки зрения Дородницына, Прохорова, Скрыбина и Тихонова, — он встал «над схваткой», поднялся выше взаимных пропагандистских дразг и спокойно проанализировал, в каком направлении следует двигаться, имея целью безопасность и разоружение. Но, во-первых, если вы хотите ему возразить, — возражайте! Опровергайте то, что он говорит, а не приписывайте провокационно, чего в его статье нет — например, чудовищное обвинение в подстрекательстве к ядерной войне. Во-вторых, именно по этому пути, на который указывал Сахаров, в конце концов и двинулись обе стороны в своих переговорах и уже добились на нем колоссального успеха — договора о средних и ближних ракетах. И, станем надеяться, добьются успехов других. Только бы не сползли на старую колею базарной ругани и взаимного нагромождения обвинений.

В одной из главок статьи, например, Сахаров говорит о необходимости, чтобы Запад пересмотрел свое отношение к обычным вооружениям. До сих пор западные политики, пишет он, сквозь пальцы смотрели на превосходство социалистического лагеря в обычных вооружениях, уповая на ядерное сдерживание.

«Возможно, что в течение ограниченного периода времени, — говорится в статье, — страх перед ядерным оружием в самом деле имел определенное сдерживающее влияние на развитие событий в мире. Но в настоящее время равновесие ядерного страха представляет собой опасный пережиток прошлого! Чтобы предотвратить агрессию с использованием обычного оружия, никто не может прибегать к угрозе применить оружие ядерное, ибо такое применение недопустимо. Один из выводов, следующих отсюда, — ...что необходимо восстановить стратегический паритет в области обычных вооружений...»

...Это очень важное и нетривиальное утверждение...»

Идея ядерного сдерживания весьма любима многими не только «там», но и «здесь». Причем любят ее вовсе не плохие и не глупые люди. Требуется, однако, безжалостная логика такого человека, как Сахаров, чтобы показать бессмысленность этой идеи: сдерживать того, кого вы считаете потенциальным агрессором, можно лишь с помощью оружия, которое в самом деле можно при случае применить, но не такого, какое применить нельзя ни при каких обстоятельствах.

Мне возразят: не один Сахаров поднял голос против идеи ядерного сдерживания — это каждый день можно слышать по радио. Есть, однако, различие между невесомыми пропагандистскими словами, за которыми не стоит ничего, кроме желания приукрасить себя и очернить других, и той ясной логикой, о которой сказано выше.

Впрочем, после апреля 1985-го и в наших официальных сферах о бессмысленности ядерного сдерживания стали говорить вполне ответственно и серьезно. Тут Сахаров опять оказался пророком.

Тогда же, в 1983-м, ярость вызвало то, что Сахаров словно бы призывает Запад добрать в обычном вооружении. На разговор о бессмысленности ядерного сдерживания не обратили внимания.

Так же «над схваткой» стоит Сахаров и тогда, когда говорит о ядерном равновесии.

«...Сахаров призывает США, Запад ни при каких обстоятельствах не соглашаться с какими-либо ограничениями в гонке вооружений, ядерных в первую очередь, — уверяют Дородницын, Прохоров, Скрябин и Тихонов советского читателя, никогда не державшего в руках американский журнал «Форин афферс»... — Один из его аргументов — если у Вашингтона будут ракеты МХ, а это тоже известное оружие первого удара, — «Соединенным Штатам будет легче вести переговоры с СССР».

Между тем статья Сахарова только и посвящена тому, как добиться ограничения гонки вооружения и предотвращения самой ужасающей, какие только знало человечество, войны. В частности, то место насчет ракет МХ, о котором пишут академики, выглядит так:

«Не менее важна проблема, касающаяся мощных ракет шахтного базирования. В настоящее время СССР имеет большое преимущество в этой области. Возможно, переговоры об ограничении и сокращении числа этих наиболее разрушительных ракет могли бы стать легче, если бы США вынуждены были иметь ракеты МХ, хотя бы потенциально (в самом деле, это было бы самое лучшее)».

То есть для атмосферы на переговорах, считает Сахаров, благотворным было бы известие, что США работают над ракетой МХ, способной уравновесить аналогичные советские ракеты.

Это и другие подобные места в сахаровской статье вызвали самый яростный гнев академиков:

«Мы несколько раз возвращались к этим местам в статье Сахарова. И у нас появилось какое-то странное ощущение: да он ли это пишет?.. Да к какой стране и к какой «цивилизации» он себя относит и чего в конечном счете добивается?.. Что же он за человек, чтобы дойти до такой степени нравственного падения, ненависти к собственной стране и народу?..»

...В конце концов осознали нужду отрешиться от этого деланного кликушества, стали спокойно считать, у кого сколько ракет, боеголовок, самолетов, танков, сколько чего надо сократить, чтобы всем стало жить спокойней.

Сахаров же давно понимал такую необходимость. И говорил о ней вслух, не озираясь на фальшиво-разъяренные крики лицемеров и фарисеев.

«Вопрос. В ваших «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» был высказан ряд предположений о возможном развитии мира. Какие из них оправдались, какие нуждаются в коррекции?»

Ответ. Основные мысли, высказанные в «Размышлениях» и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», представляются мне правильными и сейчас. Это утверждение о неразрывной связи международной безопасности с открытостью общества, соблюдения прав человека (идеология защиты мира и прав человека) и об исторической необходимости конвергенции социалистической и капиталистической систем как условия выживания человечества».

Интервью близится к концу, и мы ощущаем потребность задать какой-то вопрос для отдохновения читателя.

— Андрей Дмитриевич, — говорит Юра, — скажите, пожалуйста, вы, наверное, следите за развитием литературы, искусства?..

— Да, да, я тоже хотел спросить, — вырывается и у меня.

— Не очень, — признается Сахаров. — Моя система ознакомления с литературой следующая. Моя жена — усиленный читатель, и уж она мне рекомендует... Нет, она не пересказывает... То есть она иногда и пересказывает... Детективы... Которые я потом не читаю. А все стоящее она мне просто дает читать. Таким образом, я читаю сравнительно мало.

— Нет, нет, он очень подкованный, — смеется Елена Георгиевна. — Он скромный.

Мы спрашиваем, что из последнего более всего ему понравилось.

— На мой взгляд, яркие вещи — «Плаха» Айтматова и «Печальный детектив» Астафьева. Но самое серьезное — «Карьер» Быкова.

Напомню, что разговор происходил в начале января 1987 года. Забавное совпадение: Айтматов, Быков...

«Вопрос. Насколько мы знаем, в последние дни вы много времени проводили с западными журналистами. О чем они вас более всего спрашивают и что вы им отвечаете?»

В ту пору возвращение Сахарова в Москву было темой номер один для западной печати. О том же без умолку трещали радиостанции.

«Ответ. Они задавали почти те же вопросы, что и вы, я отвечал им то же, что и вам».

Обидно, конечно, что мы так не оригинальны. Но мы себя утешали, что все же дело обстоит не совсем так. Что передают и печатают на Западе, нам ведомо. У них там несколько иные интересы.

— Ты обещал поговорить с испанцами завтра. Они тебе даже принесли вопросы, — говорит Елена Георгиевна, листая какие-то страницы. — Вопросы обычные. Но когда, в какое время ты их примешь? Завтра четвертое число...

— Завтра... — повторяет Андрей Дмитриевич в некоторой растерянности. — Да, я действительно обещал встретиться с ними завтра... У нас в час «Нью-Йорк таймс»... В час у нас «Нью-Йорк таймс»...

Елена Георгиевна смеется:

— Я ополоумела уже от этих интервью.

— Круг вопросов действительно один и тот же? — недоверчиво переспрашивает Юра.

— Немножко варьируется... — говорит Сахаров. — «Нью-Йорк таймс» как раз отличается от других, и я должен подготовиться...

Елена Георгиевна читает вопросы испанских журналистов:

— «Вы попросили амнистировать всех вольнопоселенцев...»

Что такое вольнопоселенцы?

— Видимо, имеются в виду народы, переселенные в конце войны, — высказываем мы догадку.

Последнее:

«Вопрос. Вы были лишены всех правительственных наград, в том числе трех золотых звезд Героя Социалистического Труда. Ожидаете ли вы, что вам их вернут?»

Ответ. Я ничего не знаю и не думаю об этом. «Не до ордена, была бы Родина с ежедневными Бородино», — написал в 1942 году погибший на фронте Михаил Кульчицкий. Я, вспоминая эти строки, думаю о сохранении мира на Земле и восстановлении справедливости к узникам совести».

Мы прошлись по всем вопросам, задали новые. Интервью окончено.

— Андрей Дмитриевич, — просит Юра, а вы не могли бы немного рассказать о себе, а то ведь мы практически очень мало о вас знаем. Где вы родились, как пришли в физику... Кратко.

— Краткая автобиография?

— Краткая, но достаточно развернутая.

— Краткая подробная. Я несколько раз писал кратко...

— Для отдела кадров?

— Нет, не для отдела кадров... В предисловии к книге «Сахаров сэйз»...

— Не дошла до нас.

Для Сахарова просьба рассказать о себе, видимо, неожиданна. Он уже видел перед собой близкую минуту отдыха. Но отказать он, конечно, не может...

Инициативу берет на себя Елена Георгиевна:

— Давай я буду говорить, а ты меня будешь поправлять. Ты отдохни пять минут. Ты устал. Родился в Москве. В 1921 году. Дед Сахарова был довольно известным либеральным адвокатом. Выступал в знаменитых процессах... Одна из его речей — в сборнике Кони.

— В советском сборнике «Знаменитые речи русских адвокатов», — поправляет супругу Андрей Дмитриевич.

— Был составителем и редактором сборника об отмене смертной казни в России. Вы, вероятно, знаете, что у Андрея Дмитриевича есть, среди прочих, и такое душевное хобби, видимо, наследственное, — борьба со смертной казнью. Он написал, между прочим, статью об отмене смертной казни. Отец Сахарова окончил Гнесинское училище по классу фортепиано. С золотой медалью. И висит там на доске, в Гнесинском. Может быть, до сих пор висит. Я не была там последние восемь или девять лет.

— Десять лет тому назад мы с тобой видели фамилию Сахарова на этой почетной доске, — уточняет Андрей Дмитриевич.

— Кроме того, он окончил физфак, — продолжает Елена Георгиевна, — работал много лет преподавателем в Московском педагогическом институте, который теперь имени Ленина. И написал довольно много популярных книг по физике. Автор знаменитого учебника по физике, который очень много переиздавался, — Блудов и Сахаров. Сначала был просто Сахаров, а потом — Блудов и Сахаров. Последние два издания, посмертные, Андрей редактировал. Последнее издание было подготовлено к печати как

раз тогда, когда начались все эти шумы с «Литгазетой», и вокруг Сахарова пошли круги. И договор был расторгнут. Хотя книга была уже сдана в издательство. И даже уже прошла гриф Учпедгиза и прочее.

— Да, я принимал участие в переработке учебника моего отца в шестьдесят третьем году, — добавляет Андрей Дмитриевич. — Там мною были написаны полностью две главы. Эта книга была издана большим тиражом и хорошо встречена. Потом она переделывалась гораздо более кардинально Михаилом Ивановичем Блудовым и мной. Но так как мое имя стало одиозным, ее издавать не стали. Я судился и получил шестьдесят процентов авторского гонорара. Михаил Иванович Блудов и я. Но книга осталась в рукописи...

— Так что физика была у Сахаровых дома, — продолжает свой рассказ Елена Георгиевна. — И у Андрея Дмитриевича никогда не было мысли идти учиться куда-то еще.

— «Атомы у нас дома»... — шучу я. — Так, если помните, называется книжка Лауры Ферми.

— Была у меня мысль стать микробиологом, — снова уточняет Андрей Дмитриевич, — но такая, поверхностная.

— Учился много лет дома. В школу пошел в первый раз в шестом классе.

— В пятом...

— В пятом. Потом бросил. Учили домашние учителя — в ту пору такое разрешалось. Я сама вначале тоже так образовывалась. Но меня во втором классе отправили в школу. В нашем поколении это было очень распространено. А сейчас, по-моему, это нельзя. Во всяком случае, когда у меня тяжело болел сын, мне не разрешили пользоваться частными преподавателями — присылали учителей из школы. И считалось, что он учится в школе. В общем, Андрей сэкономил год. Это оказалось кстати, иначе попал бы в армию. Но он школу кончил на год раньше и попал на физфак. Когда началась война, у них лучших студентов отбирали в Военно-воздушную академию. Андрея Дмитриевича не взяли по медицинской комиссии. Он уехал с университетом в Ашхабад и окончил четырехлетний курс. Ему предложили аспирантуру, но он отказался, считая, что в войну в аспирантуре сидеть неудобно. И был послан в распоряжение Министерства вооружения.

— Там вы не занимались теоретической физикой? — не-кстати задает вопрос Юра.

— Я там не занимался теоретической физикой. Я там занимался сначала... вообще непонятно чем... А потом я занимался изобретательством в области методов контроля производства.

— В общем, послали его окончательно на Ульяновский патронный завод. Там был глазной, ручной контроль патронов, а он сделал автомат. До сих пор в учебнике Малова «Патронное дело» этот автомат фигурирует.

— Ты путаешь разные изобретения, — строго поправляет жену Андрей Дмитриевич. — В маловском учебнике есть сахаровский прибор, но он не к визуальному контролю относится, а это прибор, имеющий отношение к проверке при помощи излома сердечника. Это другая вещь.

Трудно требовать от женщины знания таких тонкостей.

— Параллельно, уже к концу войны, он написал две статьи...

— Статей было больше, но послал две...

— Распространялись байки, — продолжает Елена Георгиевна, — что Сахаров не воевал и всю войну учился в аспирантуре. Это байки советской прессы. Сахаров не воевал потому, что его послали на этот оборонный завод. И сделал он там дело.

— Зато моя жена воевала... — вставляет Андрей Дмитриевич.

— А где вы воевали?

Про Елену Георгиевну тоже было много вранья.

— Я была на Волховском фронте. Была там тяжело ранена...

— Вы были медсестрой?

— Вначале, по комсомольской мобилизации, я была замполитрука. Были такие должности. До войны я училась на вечернем отделении филфака в Ленинграде, окончила там вечерние курсы медсестер запаса, как все студенты. Я ведь была сирота тридцать седьмого года, так что я днем работала. И когда я была ранена, я была санинструктором. Но одновременно была и замполитрука — комсоргская работа. Лежала в госпитале в Вологде и Свердловске. После госпиталя была направлена на военно-санитарный поезд, где пробыла до конца войны. Раньше я думала, что меня в мае перевели в Беломорский округ, а теперь нашла бумажку, где написано, что в июне. В Беломорском военном округе довольно долго было разминирование. Я была начальником медсанчасти

отдельного саперного батальона и оттуда демобилизовалась. На поезде я успела получить контузию, и у меня были поражены оба глаза... Один глаз я практически потеряла и была демобилизована как инвалид второй группы... И по сей день я всю жизнь инвалид второй группы. С большим боем я поступила в мединститут, потому что тогда с одним глазом не полагалось... Но давайте — об Андрее Дмитриевиче. После войны он вернулся в Москву, поступил в аспирантуру ФИАНа. Быстренько защитил диссертацию. Нет, правда, не быстренько, у него была задержка — он не сдал марксизм...

— Философию! Я философию не сдал. И не сдал исключительно по честности. Меня спросили, читал ли я какое-то произведение Чернышевского. Я сказал, что я не читал, но знаю, о чем там написано. Это было сочтено недостаточным, и мне поставили двойку. За честность. Потому что если бы я начал отвечать по пересказу, то я бы все рассказал. Это отсрочило мою защиту и получение продуктовых карточек ровно на полгода. А между тем жена и дочь из Ульяновска были привезены... Тогда у меня была еще только одна дочь, но это уже было кое-что. И очень нужны были карточки. А как раз к тому времени, как я защитил, карточки отменили. Так что я не успел их получить.

— А потом был сорок восьмой год, — обозначает Елена Георгиевна следующую веху в биографии своего мужа. — Игорь Евгеньевич как-то сказал после семинара: «Сахаров, Беленький — кто там еще? — останьтесь. Остальные свободны».

— Он с большим огорчением, тревогой и в то же время с каким-то возбуждением сказал, — поясняет Андрей Дмитриевич, — что по постановлению правительства в Физическом институте создается специальная группа, которая будет заниматься, скажем прямо, проблемой создания водородной бомбы.

— В помощь Зельдовичу, — почему-то с юмором говорит Елена Георгиевна, имея в виду какую-то, по-видимому, лишь ей одной и Андрею Дмитриевичу ведомую причину.

— Не в помощь, а в качестве параллельной группы, — опять поправляет Андрей Дмитриевич. — Это был июнь 1948 года. Как раз когда Михалков написал свои знаменитые стихи о космополитах...

Может, это и есть скрытая причина смеха. Яков Борисович Зельдович, несомненно, должен был бы проходить по этому разря-

ду — космополитов — не будь он к тому времени вовлечен в важнейшую работу, какую только знала в ту пору советская наука. Как всегда, к важнейшей работе привлекались все без разбору — и космополиты, и не космополиты. Главным критерием был талант. Национальность не имела значения.

— А дальше — никакой биографии! — Елена Георгиевна победно гасит сигарету о дно пепельницы.

— Дальше никакой биографии, — механически повторяет Андрей Дмитриевич.

— До шестьдесят восьмого года.

— Дальше началась работа... Кандидатскую я защитил осенью сорок седьмого. Мирным кандидатом проходил полгода. Затем я фактически перестал заниматься фундаментальной наукой. Именно тогда я отошел от занятий наукой, а не «в последние годы»... Вот тогда они могли написать: «В последнее время отошел от научной деятельности».

— А доктором как вы стали?

— Была защита на секретном ученом совете, созданном специально для защиты моей докторской и еще одной, кандидатской, диссертации. Это было по секретной линии.

— Членкором вы, кажется, не были?

— Я никогда не был членом-корреспондентом Академии наук. Я был избран академиком, минуя эту фазу. По представлению Курчатова.

Этакая блистательная научная карьера. Была ли еще одна такая в нашей стране? И все принести в жертву — идеалу, долгу, справедливости, совести. Уж здесь точно другого такого примера не сыскать.

В предисловии к книге «Сахаров говорит» Андрей Дмитриевич так вспоминает о годах своей работы по «военно-прикладной тематике»:

«...Через несколько месяцев после защиты диссертации, весной 1948 года, я был включен в исследовательскую группу, занимавшуюся проблемой термоядерного оружия... Увлеченный грандиозностью задачи, я работал с максимальным напряжением сил, стал автором или соавтором некоторых ключевых идей. В западной печати меня часто называют «отцом водородной бомбы». Эта характеристика очень неточно отражает сложную

реальную ситуацию коллективного авторства, о которой я не буду говорить подробно...»

(Андрей Дмитриевич, повторяю, до последних дней жизни свято соблюдал заветы секретности).

«В 1950 году наша исследовательская группа вошла в состав специального института. В течение последующих восемнадцати лет я находился в круговороте особого мира военных конструкторов и изобретателей, специальных институтов, комитетов и ученых советов, опытных заводов и полигонов. Ежедневно я видел, как огромные материальные, интеллектуальные и нервные силы тысяч людей вливаются в создание средств тотального разрушения, потенциально способного уничтожить всю человеческую цивилизацию. Я наблюдал, как рычаги управления находятся в руках циничных, хотя по-своему и талантливых людей. До лета 1953 года верховным шефом атомного проекта был Берия, во власти которого находились миллионы рабов-заключенных, почти все строительство осуществлялось их руками. С конца 50-х годов все более отчетливым образом вырисовывалось коллективное могущество военно-промышленного комплекса, его энергичных, беспринципных руководителей, слепых ко всему, кроме своего «дела». Я был в несколько особом положении. В качестве теоретика-изобретателя, сравнительно молодого и к тому же беспартийного, я находился в стороне от административной ответственности, я был освобожден от партийной идеологической дисциплины. Мое положение давало мне возможность знать и видеть многое, заставляло чувствовать свою ответственность, и в то же время я мог смотреть на всю эту извращенную систему несколько со стороны. Все это толкало меня, особенно в идейной атмосфере, возникшей после смерти Сталина и XX съезда КПСС, на общие размышления о проблемах мира и человечества, в особенности о проблемах термоядерной войны и ее последствий».

— И вот с подачи Генри, с подначки Генри, — продолжает Елена Георгиевна, — он написал «Размышления». В шестьдесят восьмом они были опубликованы за границей. Андрей Дмитриевич был отстранен от секретной работы и вернулся в ФИАН, к своим научным истокам...

— А «Размышления» были представлены нашему правительству перед их публикацией на Западе?

— Были, — свидетельствует Андрей Дмитриевич. — И «Размышления», и «Памятная записка», и послесловие к ней...

— Насчет «Памятной записки» даже был разговор — вроде как ее собирались посмотреть... Большие начальники, — вспоминает Елена Георгиевна.

Знакомая ситуация, знакомые чувства: некто значительный благосклонно обещает «посмотреть» написанное тобою. Полистать. Но время идет, а значительное лицо все не листает и не листает твой опус. Стало быть, и академикам это знакомо?

— Кстати, когда Сахаров работал над «Размышлениями», мы с ним еще не были знакомы. Имя Сахарова я впервые в жизни услышала в шестьдесят восьмом, когда по чистой случайности оказалась за границей. А там «Размышления» уже были напечатаны. Я там прочла их...

— На Западе еще вышла книга «О стране и мире», — продолжает перечислять Андрей Дмитриевич.

— В этой книге, между прочим, — подхватывает Елена Георгиевна, — есть очень много положений, которым сейчас следует Горбачев. Я даже как-то, слушая его, подумала: ну, вот точно он читал книгу!

— А может быть, он в самом деле прочитал? — смеемся мы.

— Может быть, и прочитал, — говорит Андрей Дмитриевич серьезно, — или «Размышления», или эту книгу — «О стране и мире».

— Я думаю, «О стране и мире», — настаивает Елена Георгиевна. — Когда он говорил о пьянстве, — ну, точно, Сахаров говорит. Такое совпадение.

Стоит ли удивляться совпадению, если два человека одинаково смотрят на один и тот же предмет?

— А в Горьком, — спрашиваю, — вы что-нибудь писали? Кроме научных статей?

— О, семь лет в Горьком не прошли даром, — отвечает за мужа Елена Георгиевна. — Сахаров проделал большую литературную работу — написал большой двухтомник воспоминаний. «Воспоминания» — так это и называется.

— Я долго мучился, как его назвать, но в конце концов назвал кошку кошкой...

— Полторы тысячи страниц. Ее неоднократно воровали... Дважды сумку украли. Один раз — когда я везла часть книги сю-

да, в Москву. И из дома воровали... Эта книга пережила столько... Но все-таки выжила. Вот уж точно по принципу «рукописи не горят». Скоро выйдет. Она уже анонсировалась. Правда, при восстановлении текста он хуже написал, по второму разу. Некоторые части — по третьему...

— Потому что эмоциональная свежесть уже потеряна, — словно бы оправдываясь, говорит Андрей Дмитриевич. — Последний раз, например, девятьсот страниц пропало...

— Девятьсот страниц? — переспрашиваю я ошарашенно. — Как же можно восстановить девятьсот страниц?

Я представляю себе толстенную рукопись, горой возвышающуюся над столом. Второй раз наполнить такую гору бумаги буквами и словами, стараясь — в том же порядке, что и в украденной рукописи (Сахаров пишет от руки, Елена Георгиевна после печатает)? Нет, это невозможно. Это немыслимо.

— Сахаров после этого так выглядел... Я не знаю... Я приехала из Москвы, а он меня на вокзале встретил. У меня было такое впечатление, что умер кто-то близкий...

— Девятьсот страниц... Легко ли? — говорю я. — Ньютон рехнулся, когда у него во время пожара сгорела рукопись.

— Нет, я не рехнулся. Я так считаю, по крайней мере, — улыбается Сахаров. — Хотя Александров как-то заявил в интервью журналу «Ньюсуик»... Как там было написано?

— Что Сахаров душевнонеуравновешенный, — подсказывает Елена Георгиевна. — Даже сильнее.

— Нет, там было как-то по-медицински...

— Да, когда украли первую часть рукописи, из дома, украли также диплом Нобелевского лауреата, — продолжает вспоминать Елена Георгиевна. — И шмотки тогда же заодно украли (Елена Георгиевна произносит «шматки»).

— Чтобы создать видимость, что это обычные жулики, — поясняет Андрей Дмитриевич. — Но это были такие вещи, которые даже жуликам не нужны.

— Да, очень интересно, украли рваные шмотки. У Сахарова была такая домашняя куртка, в которой он сидел за столом...

— Коричневая? — оживляется при этих словах Юра.

— Нет, синяя...

— А я думал коричневая — та, которую я снимал еще в семидесятом...

— Она существует, — заверяет моего приятеля Елена Георгиевна. — А украли синюю. И мамин халат, старый-престарый, ношенный-переношенный. Это была чистая глупость. У них глупостей много было.

— Они много документов украли, — добавляет Андрей Дмитриевич. — Писем.

— Вот и вся биография твоя, — подводит итог Елена Георгиевна. — Теперь ты вернулся на круги своя. И куда дальше поедешь?

— Да, сомкнулась цепь времен, — завершает и Сахаров свою краткую автобиографию.

Расставаясь, я подарил хозяину свою книжку об Эренфесте с надписью: «Андрею Дмитриевичу Сахарову эта повесть о несчастном физике — на добрую память».

— О каком физике? — переспросил он, разбирая надпись.

— О несчастном.

— Да, ведь он покончил с собой...

Андрей Дмитриевич сказал, что он много слышал об Эренфесте от Тамма, когда они жили на «объекте».

— Вечерами мы с ним беседовали обо всем на свете. Жаль, что я тогда не записывал.

В самом конце мы просим Сахаровых не распространяться об этом интервью. На всякий случай. Мало ли что.

На следующий день, однако, западные агентства и газеты сообщают, что «Литературная газета» взяла интервью у Сахарова. Для них это сенсация: впервые советский орган печати собирается предоставить слово опальному академику. Андрей Дмитриевич после говорил со смущенным видом, что ему позвонил корреспондент агентства «Рейтер», который спросил, правда ли, что «Литературная газета» взяла у него интервью. Будучи не в силах соврать, Сахаров пробормотал что-то невнятное (как сказала Елена Георгиевна), но этого для корреспондента оказалось достаточно: стреляный воробей. Он передал это как достоверное сообщение, и после все на него ссылались.

После «Голос Америки» несколько месяцев напоминал, что «Литературная газета» взяла интервью у Сахарова, но до сих пор не напечатала.

Подготовленный текст интервью мы отдали Ю.П.Изюмову вечером 5 января. Он вернул его на следующий день, кое-что поправив: убрал места, «возвеличивающие», по его мнению, Сахарова — вопрос о том, считает ли он себя великим ученым, ожидает ли, что ему вернут три золотые звезды и т.д.; вставил возражения на некоторые острые места, добавил два-три вопроса. Мы перепечатали текст (Юрий Петрович просил, чтобы Андрей Дмитриевич не видел правки — чтобы это не вызывало у него никаких отрицательных эмоций), оставили пустые места для ответов и поехали к Сахаровым к часу 6 января.

Андрей Дмитриевич был напряжен. Должно быть, волновался: что ему собираются подсунуть? Мы предложили сесть опять на то же место вокруг журнального столика, чтобы он быстро наговорил на магнитофон недостающие ответы, но он сказал, что пойдет в другую комнату и напишет там. При этом попросил второй экземпляр текста.

Мы пошли на кухню ждать. Примерно через полчаса он появился и сказал:

— Молодые люди, может быть, вы погуляете часок, а то мне неловко заставлять вас ждать?

— Гоните? — ответил я шутливо, и он смущенно, не зная, что ответить, снова исчез в своей комнате.

Час, однако, шел за часом, а он все не выносил выправленный текст. Впрочем, время от времени появлялся на кухне и опять-таки смущенно просил извинения за задержку.

Начали мы свой срок ожидания довольно бодро, не ведая еще, сколько он продлится. Елена Георгиевна приготовила в какой-то немислимой кофеварке хороший кофе. Однако с каждым часом настроение наше становилось все более кислым: ясно было, что Андрей Дмитриевич, видимо, неудовлетворенный текстом, заново переписывает его.

Когда собирались пить кофе, выяснилось, что у Сахаровых нет хлеба. Мы предложили свои услуги и стали даже одеваться, чтобы сходить в магазин, но Елена Георгиевна от наших услуг отказалась, сказав, что здесь плохая булочная и что в четыре часа приедет Галя Евтушенко и привезет продукты. Она их снабжает продуктами — живет в высотном доме на Котельнической, там хороший магазин.

Мы, однако, досидели почти до шести, снабженица так и не появилась. В шестом часу Елена Георгиевна поставила на плиту какую-то кастрюльку, принялась что-то варить, кажется, кашу, чтобы покормить академика.

Кухонные беседы. Елена Георгиевна сказала, что, когда она «привела» Андрея Дмитриевича в эту квартиру, он спал вот на этом диванчике на кухне: в квартире проживало человек десять. Принадлежала она матери Елены Георгиевны. Мать у нее тоже старая большевичка, сейчас живет в Бостоне в США. Партбилет сдала на хранение в райком.

У Андрея Дмитриевича есть дача в Жуковке. На даче живет его сын, доставляющий Сахаровым немало хлопот. Жуковская милиция неоднократно обращалась к ним по поводу различных его выходок.

— Сейчас, кажется, работает фотографом. Мы счастливы: может быть, образумится. Он без образования. С детства осознал, что он сын академика.

Еще у Сахарова две дочери (сын — младший из детей). Одна окончила физфак, другая биофак. Когда Андрей Дмитриевич голодал, требуя, чтобы Елену Георгиевну выпустили за границу на лечение, дети публично обвинили Елену Георгиевну в подстрекательстве Андрея Дмитриевича к самоубийству. После выяснилось, что средняя дочь ничего не подписывала...

Есть у Сахарова еще младший брат, он очень больной человек. Он живет отдельно. Сахаровы предлагали ему переехать к ним, но он отказался: он не может общаться с людьми.

— Так что Андрей Дмитриевич всю жизнь содержит несколько человек. Сейчас вот — сына и брата.

Дети самой Елены Георгиевны — в США. На книжных полках за стеклом — фотографии.

— Вот это наша Лиска. Симпатичная, не правда ли? Из-за нее все тогда заварилось...

Пока сидели на кухне, позвонила международная.

— Тель-Авив? Ну, давайте Тель-Авив! — сказала Елена Георгиевна. И минут десять разговаривала с какой-то женщиной, то ли матерью зятя, то ли еще чьей-то матерью. Обычный женский разговор.

Общее состояние Елены Георгиевны в те дни (на сторонний, конечно, взгляд) — эйфория.

Сахаровым предлагают академическую квартиру на Профсоюзной: две сдвоенные квартиры. Они колеблются: Елене Георгиевне не хочется уезжать из старого московского района; к тому же — простор из окна, в Горьком жили на первом этаже, никакого вида*. Похлопотать о чем-то другом? Для Андрея Дмитриевича нож острый куда-то идти и о чем-то для себя просить.

Выяснилось даже, что и здесь у него какие-то трудности с пропиской (Андрей Дмитриевич ходил в домоуправление): он не выписался в Горьком, поэтому его здесь не прописывают. Напрасно он говорил, что он не выписывался в 1980-м из Москвы: в Горьком ему поставили в паспорт фальшивую печать о выписке. Сказали, что выписка делается автоматически, если человек полгода не живет в квартире.

На это Юра вполне логично посоветовал подождать полгода, пока их выпишут в Горьком, я же сказал, чтобы они просто-напросто позвонили какому-нибудь начальству — в ГУВД или в Моссовет: имя «Сахаров» произведет должное действие...

В конце концов дело с пропиской решилось. А с улучшением жилищных условий дело завершилось тем, что Сахарову дали двухкомнатную квартиру этажом ниже — под кабинет. Именно там он и умер.

По словам супруги Андрей Дмитриевич не любит работать за столом (стола у него, по-моему, и нет). Обычно он ходит по квартире, смотрит в окно и т.д. Может выйти из туалета, забыв застегнуть штаны: осенила какая-то идея. Любит мыть посуду. Пробовали отучить его от этого дела, но он сердится: «Когда я мою посуду, то думаю». Стирает себе рубашки: привычка, сложившаяся во время жизни «на объекте».

Для меня тут нет ничего удивительного: я, правда, свои рубашки не стираю, но мыть посуду тоже люблю. Однако Юра, когда Елена Георгиевна вышла, шутливо-презрительно посмотрел на плиту, залитую кофе, и сказал:

— Та-ак. Все ясно. Академик сам себе стирает рубашки.

* В письме приятельнице Елена Георгиевна как-то привела стишок, написанный по этому поводу: «Из московского окна площадь Красная видна, а из этого окошка только улица немножко, только мусор и г...о, лучше не смотреть в окно. И гуляют топтуны — представители страны». — О.М.

— Он у меня дремучий, — говорит Елена Георгиевна, — нигде не был, кроме «объекта». Как-то были знакомые. Когда они узнали, что Андрей Дмитриевич не был даже в Ленинграде, они потребовали, чтобы кто-нибудь немедленно поехал за билетами, чтобы сегодня же отправить Сахарова в Ленинград. Тогда ничего не получилось, а после Андрей Дмитриевич съездил в Ленинград на один день на какую-то конференцию.

За три года, прошедших со времени нашего разговора, Сахаров восполнил этот пробел — объездил полстраны и полмира.

— Вы не знаете, в продаже есть бумага для пишущих машинок? — спрашивает Елена Георгиевна.

Разговор, как и подобает кухонным разговорам, вольно перескакивает с одной темы на другую.

Не знаем, никогда не покупали.

Еще вопрос:

— Дети собираются подарить нам видеосистему. В Москве можно достать приличные видеокассеты?

— Это смотря что подразумевать под словом «приличные».

— Ну, киноклассику.

Тоже не знаем, у нас нет видеомэгнитофонов. Впрочем, Юра объясняет, какую систему надо покупать, чтобы удобнее было здесь пользоваться, — «Секам».

Елена Георгиевна показывает нам фотографии в какой-то изданной на Западе книге: она с Маргарет Тэтчер, она с Жаком Шираком...

— Какого вы мнения о Тэтчер?

— О, это необыкновенно обаятельная женщина! У неё была такая великолепная прическа!

— Ну, ей прическу сделать не трудно: у неё свой парикмахер.

— И все же. А я пришла к ней лохматая. У меня было два дня на пребывание в Лондоне, и я долго терзалась — сходить ли в парикмахерскую или посмотреть город. Потом плюнула и решила побродить по городу.

В Париже Елена Георгиевна встречалась также с Тарковским (это было, кажется, в июне 1986-го). Он тогда вышел из больницы после операции, чувствовал себя хорошо, думал, что поправится. Но врачи знали истинное положение дел: больше они

не смогут вызвать у него ремиссию, жить ему осталось самое большее полгода... Так и случилось, он умер в декабре.

Как Андрей Дмитриевич относится к Теллеру?

— С уважением, — говорит Елена Георгиевна. — Он ценит его за независимость суждений. Хотя они по-разному оценивают СОИ, я думаю, им интересно было бы поговорить друг с другом.

Поговорил Сахаров и с Теллером.

Просидели мы на сахаровской кухне почти пять часов: приехали в начале второго, а уехали без десяти шесть, в самом конце своего рабочего дня. Переговорили обо всем на свете, обсудили все, что только возможно. Под конец пошли в свободную комнату фотографироваться. Юра посадил меня на то место возле окна, где он собирался фотографировать академика — настроить аппаратуру. Из окна страшно дуло, и я предупредил Юру, что он простудит модель. Он щелкнул меня несколько раз. Потом вдвоем фотографировались перед зеркалом. Дурью маялись.

Когда, наконец, Андрей Дмитриевич вынес текст, над которым работал почти пять часов, с нами чуть дурно не сделалось: за это время он вписал всего-навсего пять небольших абзацев. Мы-то были уверены, что он весь текст перелопатил.

Потому, клянусь, для меня совершенно непостижимо, как он при такой придирчивости к слову и соответственной скорости письма трижды восстанавливал по девятьсот украденных страниц «Воспоминаний».

Впрочем, может быть, здесь, в интервью, другой текст — по мнению Андрея Дмитриевича, более ответственный.

Как бы то ни было, работа закончена. Ясно, что пофотографировать Сахарова опять не удастся: устал академик. Все же Юра попросил позволения щелкнуть два раза, посадил академика на продувное место возле окна и мучил его минут двадцать.

Я уже оделся, надеясь этим ускорить окончание фотографического сеанса, и мы с Еленой Георгиевной беседовали в прихожей. Елена Георгиевна сказала, между прочим, что она собрала все консервы в доме и послала в четыре адреса.

— Я с четырнадцати лет имею дело с местами заключения.

Время от времени она с напускной сердитостью бросала в комнату Юре:

— Юра, вы же обещали щелкнуть два раза. Андрей Дмитриевич устал.

— Щас, кончаю, — отвечал Юра.

— Два раза — это метафора, — пояснял я.

— Не понимаю я этих ваших метафор, — шутливо сердилась Елена Георгиевна.

Наконец сеанс кончился. Нынче эти околооконные сахаровские портреты широко распечатаны. Самый удачный: академик сидит в кацавейке, вытянув руки вперед, умиротворенно смотрит в объектив снизу вверх; рядом на подоконнике лежат только что снятые очки; в левой руке Сахарова между пальцами зажата какая-то тряпочка. Андрей Дмитриевич что-то делал на кухне и порезал палец. Замотал его тряпкой. Так она и оказалась на фотографии.

— И тряпочка моя здесь... — после бормотал академик, разглядывая «контрольку», в робкой надежде, что Рост сжалится и как-нибудь заретуширует ее. Но у Роста, как известно, свои понятия о художественном. В этой тряпочке, намотанной на палец великого человека, и заключался для него весь фокус.

Впрочем, когда этот портрет появился в печати — крупно, на первой странице спецвыпуска «Московских новостей», посвященного кончине Андрея Дмитриевича, — я в самом деле увидел вместо тряпочки вполне культурный бинт: нет пределов чудесам фотографии.

Мы прощаемся с Сахаровыми. Последний разговор — о кино. Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна просят помочь им посмотреть два фильма — «Покаяние» и, как ни странно, «Тему»... Фильмы уже прошли, но, может быть, где-то будет какой-нибудь просмотр...

Когда мы делали это интервью, было ощущение вдруг наступившей вседозволенности. Потом пришло отрезвление.

Готовый текст мы отдали Изюмову 7 января примерно в половине первого, 8-го в час дня мы должны были быть у Сахарова, показать окончательный вариант.

Юрий Петрович пошел к Чаковскому. У них, видимо, произошел крупный разговор, после которого, к концу дня, Юрий Петрович находился в полной растерянности и сказал мне, что

положение почти безнадежное (Росту он говорил позднее, что самое трудное — преодолеть сопротивление главного редактора).

Утром 8-го я сидел в приемной Изюмова. Из кабинета вышел Аркадий Петрович Удадьцов, один из замов главного, наш куратор, и сказал, что к Юрию Петровичу сейчас не надо приставать:

— Занимаемся вашим материалом.

— Каким? Сахаровским?

— Да.

— А что, есть надежда?

— Есть.

Такие вот начались скачки — от полного отчаяния к робкой надежде.

В одиннадцать я позвонил Сахарову, сказал, что встреча в час не состоится, мы не готовы. Он ответил, что, пожалуйста, мы можем приехать в любой другой день.

Однако в 11-05 мне позвонил Юрий Петрович и сказал, чтобы я не отменял встречу с Сахаровым, что, может быть, к этому времени мы получим разрешение на публикацию. Это было неожиданно. Я ответил, что уже отменил ее.

Никакого разрешения, естественно, в ближайшие часы не последовало.

К вечеру зашел к Изюмову подписать какую-то бумажку.

— Дела наши вроде бы улучшаются. Может быть, завтра мы получим разрешение.

В пятницу, 9-го, утром пошли разговоры, что вчера текст смотрел Е.К.Лигачев (примерно в 16 часов).

В конце дня в пятницу ясности еще не было. Единственно, что Юрий Петрович мог поведать мне в утешение:

— Сказать «нет» они могли бы быстро — по крайней мере, вчера. Если не сказали — это уже хороший признак. А то, что дело тянется так долго, — это потому, что материал слишком высоко заслали.

11 января днем возле редакции появилась черная «Волга» с номером «МОС» и двумя мигалками на крыше. Через некоторое время, будучи по делам на Суворовском бульваре, в Московской журналистской организации, я позвонил оттуда секретарше Изюмова. Та сказала, что у него Чаковский, Удадьцов и, кажется, другие замы.

Примерно в пять, когда я вернулся в редакцию, Юрий Петрович вызвал меня. У него уже сидел Рост (куртка и сумка — в приемной).

— Значит так, — сказал Изюмов. — Надо, во-первых, объяснить с академиком и, во-вторых, изъять из обращения все материалы, связанные с интервью.

— Так что, его зарубили? — вырывается у меня.

Удивленно:

— А вы не знаете? Отложили...

Все ясно.

— Ну что ж, давай поедem завтра, — говорю я Росту.

— Лучше послезавтра.

— У него есть экземпляр? — спрашивает Юрий Петрович.

— Да.

— Вот это ошибка. Не надо было ему оставлять.

— Но таково было его условие.

— Да он отдаст, если попросить, — говорит Рост. — В последний раз он был очень дружелюбен.

— Меня это очень беспокоит, — говорит Изюмов. — Как бы он кому не передал. Для нас важно выйти из этой истории без потерь.

Я любопытствую:

— Ну, и как это все было оценено? Не было сделано замечания?

Изюмов отчужденно, официально:

— Решение не печатать интервью принял главный редактор.

Я, по-дурацки:

— Но ведь его посылали наверх...

Молчание. Реплика игнорируется.

Рост рассказывает, что разговаривал с помощником Шеварднадзе, своим знакомым, и тот ему сказал, что Шеварднадзе заинтересован в такой публикации: на Западе печатают, а у нас — молчание...

Юрий Петрович:

— Поскольку против публикации очень высокий человек, вряд ли нам стоит вступать сейчас в такие игры.

Словно и не говорились только что слова о том, что решение воздержаться от публикации принял главный редактор.

— В редакции есть еще экземпляры интервью? — спрашивает Изюмов.

— Есть, у меня в сейфе, — отвечаю я.

— Пусть там лежат. И пленки с записью туда положите. На том все кончилось.

Рост остался показывать «контрольки». Я просил его после зайти. Хотелось все обсудить, отвести душу: столько треволнений в последние дни. Он обещал, но, конечно, не зашел, каналья.

15 января поехали объясняться с Сахаровым — к половине второго. Ехать не хотелось. Ужасно муторно было на душе. Открыла Елена Георгиевна. Сказала, что Андрей Дмитриевич не готов, бреется в ванной. Очень не любит бриться — только если надо, к приходу гостей...

Снова сели на кухне. Опять разговор о том, о сем. Через некоторое время появился Андрей Дмитриевич, чисто выбритый. Заметно волнуясь, воззрился на меня:

— Ну, что, как наши дела?

Я заранее решил, что скажу все сразу.

— Андрей Дмитриевич, новости у нас неприятные: руководство газеты решило отложить публикацию интервью. Неподходящий политический момент.

— Отложить? Как отложить? — заговорил он растерянно. — Но какие-то замечания сделаны? Я готов рассмотреть замечания.

Что мы могли ему сказать?

— Да нет, замечаний нет. Мы заранее предупредили начальство, что ваша позиция в отношении поправок очень жесткая.

— Жесткая... Я этого не говорил. Я сказал, что сохраняю за собой право отказаться от публикации, если сочту, что предлагаемые изменения неприемлемы. Так и надо понимать сказанное — в буквальном смысле.

— Да-да, именно так и было сказано, — подтвердила Елена Георгиевна.

Пауза. Разговор идет с паузами.

— Так что же, наша печать по-прежнему не дает возможности высказать оппозиционное мнение?

Видно было, как тяжело ему расставаться с одной из надежд, какие всколыхнуло в нем разрешение вернуться в Москву, предложение выступить в советской печати.

— Это Сахарову не дают возможности высказаться... — заметила Елена Георгиевна.

— Это относится не к Сахарову, — возразил я. — Это относится к Иванову, Петрову, Сидорову...

Снова воцарилась пауза.

— Почему я не могу высказать свое мнение? — спрашивает Андрей Дмитриевич. — Это же мое мнение. А вы можете дать комментарий. Вы же так делаете — делите газетный лист пополам: с одной стороны — одно мнение, с другой — другое.

— Раушенбаха, например, — подсказывает Елена Георгиевна.

— Почему Раушенбаха?

— Он же много пишет о СОИ.

— Вы не согласны с его мнением? — спрашиваю я Андрея Дмитриевича.

— Он рассматривает взаимодействие двух противостоящих космических систем с общих позиций теории управления. И приходит к выводу, что они могут выйти из-под контроля человека. Я с этим не согласен. На самом деле последнее слово всегда останется за человеком.

Дело не в СОИ. СОИ — это так, частность.

— Нет, «Литературная газета» не могла сама это решить, — говорит Сахаров. — Это решили где-то наверху. Но решили не сторонники Горбачева. До сторонников Горбачева интервью не дошло.

Опять пауза.

— Я готов рассмотреть какие-то замечания, которые будут сделаны. Что тут может вызывать особенные возражения?

Это была настоящая пытка.

— Я не уполномочен делать какие-то замечания, — сказал я, — но, по моему мнению, возражения могут вызывать фамилии узников совести, Афганистан, «пакет»...

— Покажите, какие места. У вас есть текст?

Я достал из портфеля ксерокопию интервью.

— Отметь те места, которые особенностораживают, — посоветовал Юра.

Однако Андрей Дмитриевич все поворачивает вспять:

— Нет, я хотел бы, чтобы замечания исходили от тех, кто решает вопрос о публикации.

Я понимаю его: какой смысл выслушивать какие-то замечания от «не уполномоченных»?

— Ну, пусть Олег Павлович отметит, что, на его взгляд, может помешать публикации, — примирительно сказала Елена Георгиевна.

— Да, условно, в предварительном порядке, — поддержал ее Юра.

Я стал намечать карандашом, что я выкинул бы, не переставая недоумевать про себя, зачем я это делаю.

— Это что за хвостики? — поинтересовалась Елена Георгиевна, наблюдая, как я ставлю корректурные знаки выкидки.

— Это понятно, — возразил Андрей Дмитриевич. — Это означает, что текст выкидывается.

Я передал ему рукопись. Он стал ее смотреть.

— Нет, — снова сказал он решительно. — Я бы хотел, чтобы замечания сделали те, кто будет принимать решение.

О, господи! Где же мы вам возьмем «тех»?

— Но здесь же ничего не остается... — неуверенным голосом сказал Сахаров, закончив просмотр.

Мы высказали надежду, что интервью все-таки будет опубликовано через какое-то время: вот пройдет пленум, укрепятся позиции Горбачева...

Поговорили еще о разном. Среди прочего, Андрей Дмитриевич сказал, что он хотел бы изложить в печати свое мнение по различным вопросам, связанным с наукой, но он не может начать с этого. Сначала он должен сказать, что он думает по острейшим общественным проблемам...

Мы попросили Сахарова не передавать на Запад текст интервью (попросить вернуть нам оставшийся у него экземпляр у нас не хватило духа). Иначе у нас с Ростом будут неприятности.

— Но я все уже сказал им из того, что есть в этом интервью, — возразил он.

— Это не важно. Важно, чтобы они не говорили: вот текст, который не опубликовала «Литературная газета».

— В свое время я упоминал, что дал интервью Эрнсту Генри для «Литературной газеты»...

— Тут есть два отличия, — возразил я. — В отличие от нас с Юрой, Эрнст Генри не работал в штате газеты, и вы ведь не печатали на Западе текст самого интервью — не так ли?

— Не печатал, — подтвердил Андрей Дмитриевич. — Значит, два отличия... Но ведь не вы принимали решение не публиковать этот материал. В чем же вы виноваты?

Я еще раз объяснил, что если в каком-нибудь западном издании появится этот текст и будет сказано, что он предназначался для «Литгазеты» и не был там опубликован, — у нас будут неприятности. Но Андрей Дмитриевич так и не понял этого объяснения.

Вернувшись в редакцию, мы рассказали о нашей беседе Изюмову. Упомянули при этом, что, по нашему мнению, Сахаров очень заинтересован в публикации и готов идти на компромиссы. Кажется, ему вообще начинает надоедать его положение изгоя и со временем он может стать вполне лояльным человеком, критичным, но лояльным. У Изюмова опять загорелись глаза. Он сказал, что сообщенное нами очень важно.

— Внесите те изменения, о которых вы договорились, и начнем третий раунд.

Однако на следующее утро, когда я принес ему очередной, сокращенный вариант, всем своим видом он напоминал спущенный детский шарик. Не глядя, положил рукопись в ящик стола и сказал:

— Подождем, когда нас снова призовут на ковер.

Должно быть, успел поговорить с Чаковским и тот снова охладил его пыл.

Вообще мало-помалу все более крепло ощущение, что пресек затею с публикацией не только запрет — или назовите это, как хотите: «мнение» — высокого начальства. За день до нашего последнего посещения Сахарова я разговаривал с Изюмовым и передал ему разговор Роста с редактором «Нового времени» Игнатенко. Тот — то ли в шутку, то ли всерьез — предложил передать ему это интервью, заметив при этом: «Я, по крайней мере, скажу, что я «за» эту публикацию».

Когда я пересказал это Изюмову, добавив, что, по-видимому, Чаковский говорил там, «наверху», прямо противоположное, у него вырвалось:

— Это правильно.

Но он тут же спохватился:

— Вы не обсуждайте эти вопросы.

Через некоторое время у Юры был также разговор с его знакомым, сотрудником Отдела пропаганды Грачевым. По словам

Грачева, Чаковский принес текст интервью в ЦК и сказал: «Вы хотите, чтобы я это печатал???» Он представил дело так, что какие-то редакционные идиоты пристают к нему с этим интервью, а он никакого отношения к нему не имеет. Естественно, никто в ЦК не стал заставлять его печатать это.

Но все это, разумеется, слухи и разговоры. Ничего достоверного о том, кто сказал решительное «нет», мы так и не узнали. Допускаю, слово произнес Е.К.Лигачев, но и А.Б.Чаковский, конечно, внес в это «нет» свою лепту.

Юра взял текст и отвез его сам на Старую площадь Грачеву. Тот свел его с Власовым, первым заместителем А.Н.Яковлева. Власов долго беседовал с Юрой. Выяснилось, что они ничего не знают о готовности Сахарова пойти на компромиссы.

— Он не ожесточен? — спрашивали Юру. — Все-таки семь лет...

А.Н.Яковлев в тот момент отсутствовал.

Вроде бы было обещано еще раз вернуться к вопросу об интервью.

Через некоторое время Юра опять позвонил Грачеву. Тот сказал, что пока положение неясное. Все зависит от предстоящего в конце января пленума. Если все пойдет как надо, шансы на публикацию увеличатся. Если же колесо повернется в обратную сторону, надо, напротив, быть готовым вовремя выдернуть ногу.

Пленум все откладывался. В один из дней в конце января канадское радио передавало изложение статьи о положении в Советском Союзе в газете «Глоб энд мейл». Автор писал, что положение это остается сложным. Среди признаков этого — волнения в Казахстане, откладывание Пленума ЦК и отсрочка «обещанной» публикации интервью с Сахаровым в «Литературной газете»...

Когда в конце концов пленум состоялся в феврале, стало вполне ясно, что шансы на публикацию не выросли.

Так постепенно, медленно все соскользнуло в конце концов к нулю...

...Сейчас уже трудно поверить, что это действительно было — все эти немыслимые титанические хлопоты вокруг подготовленных к публикации десяти машинописных страничек, напечатанных через два интервала. Но это — было, было, было... Это был короткий, длиной около года, срез нашей истории, когда одному из величайших наших соотечественников, величайших лю-

дей XX века было позволено вернуться из изгнания, но все еще не было ясно — будет ли сделан следующий логический шаг: будет ли ему позволено открыто говорить то, что он думает, или горькое его молчание продолжится в Москве. Вокруг этого шла незримая ожесточенная борьба, часть общей борьбы сил, движущих и тормозящих колесо перестройки. К счастью, колесо не остановилось, не покатилося назад — оно двинулось дальше. Все, что хотел сказать Сахаров в том ненапечатанном интервью, он за три минувших года сказал — и в западной печати, и в нашей. Значительно больше того. И не потому, что кто-то давал какие-то особые разрешения — когда крепчает демократия, запреты перестают действовать, а разрешения не требуются, они имеют силу только при отсутствии демократии. Демократия сама себе намечает пределы дозволенного.

Январь 1989 года

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ. <i>Татьяна Иванова.</i>	5
К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ КАТАСТРОФЫ. <i>(Вместо предисловия). Юрий Кашук.</i>	7
САХАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.	11
«В этом доме, находясь в ссылке...»	12
Сахаровские чтения. Отчет. 27 января 1990 года.	34
Сахаровские чтения. Отчет. 28 января 1990 года.	103
ЧЕЛОВЕКОФОБЫ. <i>Евгений Евтушенко.</i>	179
У ДВЕРИ. <i>Сюжет из молодежной программы «Квадрат» Горьковской студии телевидения.</i>	180
«МЫ НЕ В ПРАВЕ ДЕРЖАТЬ НАРОД В СТРАХЕ». <i>Интервью А.Сахарова газете «Ленинская смена».</i>	187
ПРОРОКОВ ВСЕГДА ПОБИВАЛИ КАМНЯМИ. <i>М.Волькенштейн.</i>	195
КАКИМ ОН БЫЛ. <i>Р.Пименов.</i>	200
ОН НЕ БЫЛ НАИВЕН. <i>Б.Альтшулер.</i>	225
ОДНАЖДЫ ОН МНЕ УЛЫБНУЛСЯ. <i>А.Иванов.</i>	236
ЗНАКОМСТВО С СЕМЬЕЙ. <i>Воспоминания Н.Н.Райковской.</i>	241
ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ САХАРОВ.	262
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ. <i>(История одного интервью). Олег Мороз.</i>	271

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Воспоминания о Сахарове

Сборник

Ответственный за выпуск **Е.С.Аверин**
Редактор-составитель **Т.И.Иванова**
Художник **В.Ю.Марковский**
Художественный редактор **А.А.Карпуля**
Технический редактор **В.А.Тренина**
Корректор **Р.Е.Митропольская**

В сборнике использованы фотографии из архивов семьи Сахаровых, Е.Р. и А.Р.Гагинских; фотокорреспондентов Ю.Инякина, А.Вулкани, А.Астафьева, А.Карасева.

А65 АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ: Воспоминания о Сахарове. —
М.: ТЕРРА, «Книжное обозрение», 1991.—368 с.: фото.ил.

В книгу вошли тексты первых Сахаровских чтений в г. Горьком, воспоминания людей, близко знавших Андрея Дмитриевича Сахарова, и другие, прежде не издававшиеся материалы.

А **4702010000** без объявл.
91

ББК 84Р7

Фотоформы подготовлены
в редакции газеты «Книжное обозрение»
на редакционно-издательской системе,
поставляемой
фирмой «PROSYSTEM» и СП «ИНТЕРМИКРО»

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура интертаймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,3. Уч.-изд. л. 24,5.
Тираж 150 000 экз. Заказ № 4. Цена 6 р. 40 к.

Ассоциация совместных предприятий,
международных объединений и организаций.
Издательский центр «ТЕРРА».
109280, Москва, ул.Автозаводская, д.10, корп. Б. П/о 280, а/я 73

Редакция газеты «Книжное обозрение»
129272, Москва, Сущевский вал, 64

Ярославский полиграфкомбинат
Госкомпечати СССР
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ
ВОСПОМИНІЯ О Сахарове